

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В РОССИИ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

БОРЬБА ЗА ПОВОЛЖЬЕ

БОРЬБА ЗА ПОВОЛЖЬЕ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В РОССИИ
БОРЬБА ЗА ПОВОЛЖЬЕ

ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В РОССИИ

БОРЬБА ЗА ПОВОЛЖЬЕ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РОССИИ
БОРЬБА ЗА ПОВОЛЖЬЕ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА**

МОСКВА

**TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2005**

УДК 94(47+57)"1918/19"
ББК 63.3(2)612
Г75

Серия «Военно-историческая библиотека»
основана в 1998 году

Составление А. Смирнова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Подписано в печать 22.11.04. Формат 84х108¹/₃₂.
Уел. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Заказ № 2861.

Гражданская война в России : Борьба за Поволжье. — М.:
Г75 АСТ: Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2005. — 444, [4] с. —
(Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-024964-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9578-1420-2 (ООО «Транзиткнига»)
ISBN 5-7921-0669-X (Terra Fantastica)

Борьба за Поволжье в 1918—1919 гг. была одним из ключевых моментов Гражданской войны. Именно здесь Белое движение достигло максимальных успехов и было как никогда близко к победе. Но вместе с тем лето и осень 1918 г. стали для него временем упущенных возможностей, а совершенные ошибки во многом предопределили будущее поражение.

В предлагаемый сборник вошли ранее труднодоступные для читателя материалы, отражающие взгляды противоборствующих сторон на события в Поволжье, на Урале и на восстание в Ижевске.

Книга снабжена подробными приложениями и будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

УДК 94(47+57)"1918/19"
ББК 63.3(2)612

© Составление. А. Смирнов, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005
® TERRA FANTASTICA

От издателя

В 1918–1919 годах Поволжье и Урал стали ареной драматических событий огромного масштаба, а обстоятельства, сопутствовавшие им, заставляют задуматься, не могла ли история страны сложиться иначе...

Ряд историков считает, что в 1918 году Белое движение достигло максимальных успехов и было как никогда близко к победе. Действительно, летом белые с помощью чехословаков овладели Средним Поволжьем с его огромными продовольственными и людскими ресурсами. Августовское восстание рабочих в Ижевске лишило советскую власть крупнейшего в стране оружейного завода, а на территории, контролируемой Москвой, вспыхивали все новые восстания...

Вместе с тем лето и осень 1918 года стали для Белого движения временем упущенных возможностей, а совершенные ошибки во многом предопределили его будущее поражение. Главной проблемой белых было отсутствие системы государственного управления. В Сибири, на Урале и в Поволжье возникали все новые и новые «временные правительства», которые претендовали на самостоятельное управление территориями и формирование своих армий. Реальная же власть на местах фактически

принадлежала командирам повстанческих отрядов, и делится ею они не желали ни с кем. Только в ноябре, с приходом к власти адмирала Колчака, белым частично удалось создать единую систему управления государством и вооруженными силами, но наверстать упущенное время уже не удалось.

Тем временем большевики, пережившие подобный период формирования власти весной, укрепили свою властную вертикаль, форсировали создание боеспособной армии, и осенью 1918 года Красной армии ценой огромных усилий удалось вернуть Поволжье. Предстоял новый этап Гражданской войны — сражение за Сибирь...

Все это позволяет считать борьбу за Поволжье одним из ключевых моментов Гражданской войны и делает ее особенно интересной для читателя. Однако этот период по ряду причин до последнего времени фактически не имел полноценного описания. Быстрое падение советской власти в Поволжье весной и летом 1918 года сделало его «непопулярным» у советских историков конца 20-х—начала 30-х годов, а созданный позднее культ непобедимости Красной армии и вовсе окружил эти события молчанием. Особенно закрытой для изучения была тема Ижевского восстания. Зарубежные историки Белого движения уделили этому периоду значительное внимание, но во многом были субъективны, а их работы до последнего времени не были доступны отечественному читателю.

В предлагаемый сборник вошел в сокращенном виде труд «Гражданская война. 1918–1921 гг.», содержащий последовательное, хотя и тенденциозное, описание борьбы за Поволжье и Урал с советской точки зрения. Этот трехтомник под редакцией видных советских военачальников вышел в свет в 1928 году, но позже был изъят из доступа как «неправильный». «Белый» взгляд на события представляет ряд малоизвестных эмигрантских мемуаров и исследований о восстаниях в Ижевске и Оренбургском казачьем войске. Ввиду того что структура и состав белых войск неоднократно менялись, в состав тома включен справочник, который поможет читателю разобраться в хитросплетении событий.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Внешней силой и костяком для организации контрреволюционных сил востока явился чехо-словацкий корпус, который содержался на средства французской буржуазии. Чехо-словацкий корпус в большинстве состоял из бывших военнопленных австрийской армии, взятых в плен во время мировой войны 1914–1917 гг. Ячейкой этого корпуса являлись небольшие формирования из чехо-словаков, начатые царским правительством еще в 1914 г. Эти формирования начали усиленно развиваться со времени Февральской революции 1917 г. В Октябрьские дни корпус заявил о своем нейтралитете и расположился на зимние квартиры в районе Киева и Полтавы; лишь одна дивизия этого корпуса занимала участок боевого фронта мировой войны на Волыни. Германское наступление согнало его с насиженных мест, причем арьергарды корпуса приняли незначительное участие в борьбе с немцами бок о бок с украинскими советскими войсками в районе ст. Бахмач.

По переходе на территорию Советской России представители корпуса обратились к центральному советскому правительству с просьбой

пропустить чехо-словаков во Францию¹. Советское правительство в конце марта 1918 г. дало разрешение на продвижение чехо-словацких эшелонов на Владивосток, где они должны были погрузиться на суда для отправки во Францию. Однако им было поставлено условие, что оружие, как взятое из бывших царских arsenалов, должно быть возвращено советской власти. Начало передвижения корпуса совпало с японским десантом во Владивостоке (4 апреля 1918 г.) и вследствие этого создало новое исключительное политическое и стратегическое положение на Дальнем Востоке. Это побудило советское правительство задержать эшелоны до выяснения положения вещей. Было предположено перебросить чехо-словаков через Архангельск и Мурманск за границу. Правительства Англии и Франции не дали по этому поводу своего ответа, по-видимому, потому, что в это время уже окончательно созрела мысль об использовании корпуса в качестве костяка будущего контрреволюционного восточного фронта². Массу солдат чехо-словацкого корпуса удалось спровоцировать злонамеренной агитацией о предполагаемой выдаче их Германии и Австро-Венгрии, как бывших военно-

¹ Эта просьба являлась результатом соглашения между чехо-словаками и французским правительством, заключенного еще в конце 1917 г. Согласно этому соглашению, чехо-словацкий корпус должен был явиться основанием чехо-словацкой армии, предназначавшейся для действий на Западном фронте мировой войны (французском). Во главе этой армии должно было стоять французское командование (подробности см. général Rouquerol, *L'aventure de l'amiral Koltchak*, Payot, Paris. 19–21).

² В своей книге Рукероль (*L'aventure de l'amiral Koltchak*, Payot, Paris) прямо говорит, что первоначально французская дипломатия усиленно советовала чехо-словакам следовать во Францию через Архангельск. Действительно, отбрасывая в сторону интересы интервенции, которые требовали присутствия чехо-словаков на востоке, в их прямых выгодах было стремиться именно к Архангельску: в то время он являлся ближайшим к Франции русским морским портом. На мурманском побережье были уже войска Антанты; там же находились огромные склады снабжения всякого рода.

пленных. Предложения советского правительства остаться добровольно в России и выбрать себе соответственное занятие, не исключая и службу в Красной армии, если бы переброска их за границу оказалась невозможной, массе чехо-словаков были совершенно неизвестны.

Но главари корпуса в лице Чечека, Гайды и Войцеховского вполне сознательно вели свою игру, действуя по указке французской миссии, которой они заблаговременно телеграфировали о своей готовности к выступлению. Выработав свой план действий и согласовав его во времени, чехо-словаки активно выступили в конце мая 1918 г. 25 мая Гайда со своими эшелонами поднял мятеж в Сибири, захватив г. Новониколаевск. 26 мая Войцеховский захватил Челябинск, а 28 мая, после боя с местными советскими гарнизонами, эшелоны Чечека заняли Пензу и Сызрань¹. По своей близости к жизненным центрам революции наиболее опасными являлись Пензенская (8000 бойцов) и Челябинская (8750 бойцов) группы чехов. Однако обе эти группы первоначально обнаруживали стремление продолжать движение на восток. Группа Войцеховского 7 июня, после ряда столкновений с красными, заняла Омск. 10 июня она соединилась с эшелонами Гайды. Пензенская группа направилась на Самару, которой овладела 8 июня после незначительного боя. К началу июня 1918 г. все силы чехо-словаков, в том числе и местные белогвардейцы, сосредоточились в четырех группах:

1-я под командой Чечека (бывшая Пензенская группа) в составе 5000 чел.— в районе Сызрань—Самара.

2 я под командой Войцеховского в составе 8000 чел.— в районе Челябинска.

3-я под командой Гайды (Сибирская) в составе 4000 чел.— в районе Омск—Новониколаевск.

4-я под командой Дитерихса (Владивостокская) в составе 14 000 чел. была разбросана в пространстве к востоку от оз. Байкала, направляясь на Владивосток.

¹ 28 мая белогвардейцы попробовали активно выступить в Томске. Эта попытка была легко ликвидирована местной Красной гвардией и рабочими. Но 31 мая к Томску подошли части чехо-словаков, и город перешел в их руки.

Штаб корпуса и чешский национальный совет находились в г. Омске. В общей сложности силы чехо-словаков достигали 30 000–40 000 чел.

Выступление чехо-словаков и их действия на огромном протяжении от р. Волги до Владивостока, вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, имели следующие последствия.

Восточная группа чехо-словаков в 14 000 чел. под начальством ген. Дитерихса первое время держалась пассивно. Все ее усилия были направлены к тому, чтобы успешно сосредоточиться в районе Владивостока, для чего она вела переговоры с местными властями с просьбой о содействии в продвижении эшелонов. 6 июля она сосредоточилась во Владивостоке и захватила город. 7 июля она заняла Никольск-Уссурийский.

Немедленно же после восстания чехо-словаков, согласно решению верховного совещания союзников, во Владивостоке высадились 12-я японская дивизия, а за ней последовали американцы, англичане и французы¹. Союзники взяли на себя

¹ Книга ген. Рукероля проливает новый свет на подробности иностранной интервенции в Сибири. Версию о каком-либо подробно разработанном и заранее согласованном плане о фактическом осуществлении интервенции теперь приходится отбросить. По-видимому, более определенные перспективы имело французское правительство, стремившееся занять руководящую роль в сибирской контрреволюции. Поэтому оно поспешило направить в Сибирь ген. Жанена в качестве командующего чехословацкой армией, вокруг которой должны были оформиться силы сибирской контрреволюции. Но английское правительство с тою же целью, но только без войск и без ведома французского правительства послало в Сибирь английского ген. Нокса. Когда оба правительства взаимно осведомились об этих миссиях, им пришлось путем переговоров разграничить будущие сферы влияния ген. Жанена и Нокса. Первый должен был вступить в начальствование всеми союзными и русскими белыми войсками к западу от Байкальского озера и в восточной России. Нокс получал назначение начальника тыла, действующего по указаниям ген. Жанена, и должен был позаботиться подготовкой обмундирования и снаряжения для армии на 100 000–200 000 чел. В ведении Нокса должно было быть формирование и обучение белой русской армии.

охрану района Владивостока, а своими действиями на север и в сторону Харбина они обеспечивали тыл чехо-словаков, которые двинулись обратно на запад на соединение с Сибирской группой Гайды. По дороге, в Манчжурии, группа Дитерихса соединилась с отрядами Хорвата и Калмыкова, а в районе ст. Оловянной (Забайкальской ж. д.) в августе восстановила связь с отрядом Гайды и Семеновым.

Красные отряды на Дальнем Востоке частично были взяты в плен, частью же уходили в тайгу и горы, взрывая мосты на железных дорогах и оказывая возможное сопротивление врагу.

В Омске после захвата его чехо-словаками образовалось временное сибирское правительство, которому чехо-словаки обещали свою поддержку. Они же поощряли усиленное формирование белогвардейских и казачьих отрядов.

10 июня в г. Омске после соединения Челябинской и Сибирской групп чехо-словаков состоялось совещание чешского командования с представителями вновь возникшего сибирского белого правительства. На совещании решено было организовать борьбу с советскими войсками согласно следующему плану. Общее руководство чехо-словацкими войсками возлагалось на командира корпуса Шокорова, причем все силы были разделены на три группы: 1-я — Западная, под командой полковника Войцеховского, должна была наступать через Урал на Златоуст—Уфу—Самару и соединиться с Пензенской группой Чечека, оставшейся в районе Волги. Затем они должны были развить свои операции против Екатеринбурга с юго-запада; 2-я группа чехо-словаков под командой Сырового должна была наступать по Тюменской железной дороге в направлении Екатеринбурга, с целью привлечь на себя возможно больше советских войск и облегчить продвижение Западной группы, слившейся с Пензенской группой Чечека, а затем совместно с ней занять Екатеринбург.

15 июля 1918 г. в городе Челябинске произошло второе совещание чехо-словацкого командования с белогвардейскими правительствами, образовавшимися на оккупированной чехо-словаками территории. На этом совещании было достигнуто соглашение о совместных военных действиях сил этих правительств с чехо-словаками. Пензенская группа Чечека, заняв

Самару, в течение июня частью своих сил наступала на Уфу, собирая по дороге вокруг себя белогвардейские силы, и теснила отряд тов. Блохина, выдвинутый из Уфы. 5 июля отряды Чечека занимают Уфу, а 3 июля у ст. Миняр соединяются с челябинскими частями чехо-словаков. Выполнив первоначальную задачу по захвату Сибирской железнодорожной магистрали, чехо-словаки продолжали операции по захвату всего Уральского района, наступая главными силами на Екатеринбург, менее значительными — на юг, в сторону Троицка и Оренбурга. Этими действиями занимался исходный плацдарм для осуществления того плана интервенции, о котором мы говорили выше.

Выступление чехо-словацкого корпуса застигло Советскую Россию в момент только что начавшего развиваться творчества ее вооруженных сил. Наличные же силы были связаны на Донском фронте и на демаркационной линии с австро-германцами. Поэтому выделение новых сил для борьбы с чехо-словаками являлось весьма затруднительным.

Кроме того, быстро территориальному распространению чехо-словацкого продвижения на Урале способствовал целый ряд условий. Социальной особенностью уральского пролетариата по сравнению с пролетариатом Ленинградской и Центрально-промышленной областей являлось, как мы уже отмечали, крепкая его связь с землей. Поэтому колебания крестьянства находили свое отражение и в настроениях пролетариата. Передовой отряд пролетариата, классово наиболее оформившийся и находившийся под идейным и организационным руководством партии коммунистов, был ослаблен выделением значительных кадров для борьбы на фронтах. Среди оставшегося рабочего населения даже крупных заводских районов, «разбавленного» недавними выходцами из крестьянской среды, не успевшими еще проникнуться классовым самосознанием эпохи диктатуры пролетариата, продолжало сказываться влияние меньшевиков и эсеров.

Приближение чехо-словаков послужило поводом для ряда волнений и восстаний, подготовленных меньшевиками и эсерами.

Так, 13 июня 1918 г. вспыхнуло восстание рабочих Верхне-Невьянского и Рудянского заводов. Произошло восстание

в Тюмени. Во время наступления чехо-словаков на Кыштым рабочие Полевского и Северского заводов арестовали свои советы. Восстания произошли также на Кусинском, Боткинском, Ижевском и других заводах. В силу перечисленных обстоятельств Урал, при многочисленности своего рабочего населения и природных условий, чрезвычайно способствующих как организации регулярной обороны, так и партизанской войне, не смог, однако, явиться пролетарской крепостью, способной задержать волну белогвардейского нашествия. Внутреннее состояние Урала и отсутствие централизованной организации управления имели свое отражение и в военной плоскости.

Армия составлялась из совокупности отрядов и «отрядиков», иногда числом 13 и более, при численности некоторых «дружин» не свыше 1–2 десятков человек. Так, 1 июня 1918 г. на позициях под Миасом находилось 13 таких отрядов, общая численность которых не превосходила 1105 штыков, 22 сабель при 9 пулеметах. Несмотря на то что кадры многих из этих отрядов состояли из вполне сознательных и самоотверженных рабочих, но к бою с регулярными частями по своему полнейшему незнанию военного дела они оказывались совершенно неподготовленными. Примерно такой же характер имели и красные вооруженные силы Сибири. Бывший командующий Уральско-Сибирским фронтом тов. Берзин в своих воспоминаниях («Этапы в строительстве Красной армии», изд. 1920 г.) дает нам общую цифру этих сил, главный ступок которых в июне 1918 г. находился в районе Екатеринбург–Челябинск, примерно в 2500 человек при 36 пулеметах и 3 взводах артиллерии. Вот в каких тяжелых условиях советской власти пришлось закладывать первые основы будущей стройной организации красного Восточного фронта.

Первым шагом в этом отношении явилось образование Северного урало-сибирского фронта 13 июня 1918 г. (тов. Берзин). Эта мера была принята своевременно: противник был уже в 35–40 км от Екатеринбурга. Единство командования и его энергичная организационная работа в тылу и на фронте дали свои результаты: противника на лишние полтора месяца удалось задержать под Екатеринбургом. Попутно была

проведена широкая политическая кампания среди местного населения. Многочисленные агитаторы направились в крупнейшие заводские центры. Печатный станок явился мощным союзником командования¹. Удалось внести начало правильного военного управления и организации в части сибирских формирований, отступивших из-под Омска к Тюмени.

Однако Северный Урало-Сибирский фронт просуществовал только одни сутки. Возникновение его в порядке инициативы мест во времени совпало с распоряжением центра об организации единого управления красным Восточным фронтом, во главе которого со званием главкома был поставлен Муравьев, уже стоявший однажды во главе советских войск на Украине. К моменту своего преобразования в 3-ю армию Северный Урало-Сибирский фронт обеспечивал: Екатеринбург-Челябинское направление силами в 1800 штыков, 11 пулеметов, 3 орудия, 30 сабель и 3 броневика. На Шадринском направлении он располагал силами в 1382 штыка, 28 пулеметов, 10 сабель и 1 броневик. В районе Тюмени (Омское направление) числилось 1400 штыков, 21 пулемет, 107 сабель. Резервом этих сил могли явиться 2000 невооруженных рабочих в Тюмени. Общий резерв командования не превышал 380 штыков, 150 сабель и 2 батареи².

К этому времени наметилось образование четырех красных армий; 1-й — на Симбирском, Сызранском и Самарском направлениях (в районе Симбирск—Сызрань—Самара—Пен-

¹ О размахе политико-агитационной работы, достигнутом в кратчайший срок, свидетельствуют следующие цифры: обычный тираж «Уральского рабочего», органа Уральского областного комитета большевиков, выражался цифрой 5000 экземпляров; месяц спустя, т. е. в начале июля 1918 г., его тираж утроился (15 000). С 10 по 28 июня распространено 28 248 брошюр и 2 688 000 воззваний. С 25 июня по 3 июля распространено литературы и брошюр 23 025 и разных воззваний 217 650. С 3 июля по 9 июля распространено 21 779 книг и брошюр и 168 000 воззваний.

² Эти цифры весьма показательны для суждения о действительном военном масштабе событий в начале гражданской войны и о колоссальных достижениях советской власти в отношении строительства вооруженной силы.

за), 2-й — на Оренбургско-Уфимском фронте, 3-й — на Челябинско-Екатеринбургском направлении (в районе Пермь—Екатеринбург—Челябинск) и Особой армии на Саратовско-Уральском направлении (в районе Саратов—Урбах). Штаб фронта расположился в Казани.

Первый период кампании на Восточном фронте явился для красных организационным периодом собирания сил. Выступление чехо-словацкого корпуса в интересах держав Антанты и местной контрреволюции позволило врагам советской власти отторгнуть от Советской России огромную территорию Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока; оно способствовало созданию на этой территории белогвардейских армий и прекратило доставку продовольствия для голодавших центральных губерний. Захватив инициативу действий в свои руки, чехо-словаки поставили в тяжелое положение советское правительство. Это положение делалось особенно трудным в связи с внутренними событиями в виде восстания левых эсеров в Москве и начавшейся интервенции на севере России.

Восстание правых эсеров в Ярославле и других городах было организовано представителями Антанты и руководителями русской контрреволюции. Кроме политического значения, о котором мы говорили в своем месте, оно имело целью объединить действия интервентов на севере и чехо-словаков на востоке с внутренним антисоветским фронтом. Мятеж был поднят правыми эсерами в ночь со 2 на 3 июля 1918 г., опираясь на тайные офицерские организации, созданные Б. Савинковым на деньги, отпущенные французской военной миссией. Начальник этой миссии ген. Лаверн настоял на ускорении начала мятежа. Менее значительные выступления произошли в Рыбинске и Муроме, но были быстро подавлены местными советскими силами. Ликвидация Ярославского мятежа, протекавшего в крайне упорной борьбе, затянулась на две недели и потребовала присылки подкреплений из Москвы.

Восстание левых эсеров в Москве имело целью сорвать Брест-Литовский мир с Германией. Началом его можно считать убийство 5 июля 1918 г. германского посла графа Мирбаха, за которым последовало 6 июля вооруженное выступление

левых эсеров в Москве, окончательно подавленное 8 июля. Эти восстания, несмотря на свою кратковременность, также отразились на только что возникнувшем красном Восточном фронте.

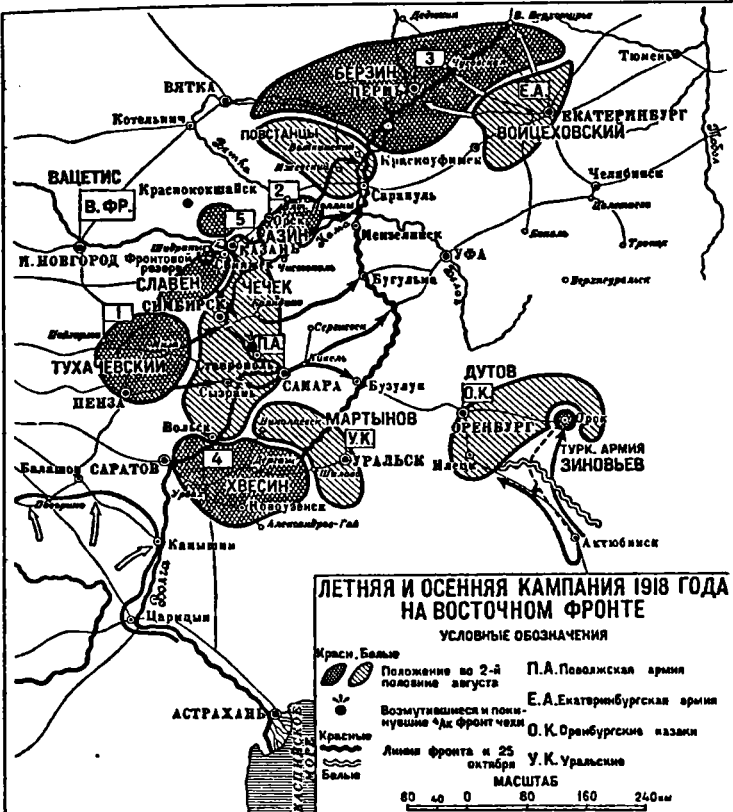
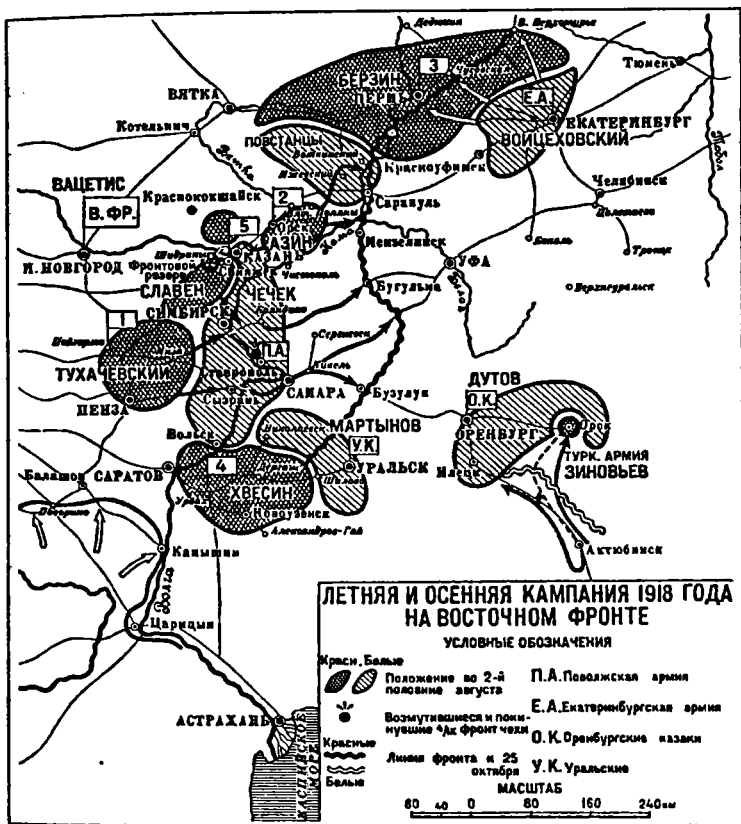
Главнокомандующий этим фронтом Муравьев, левый эсер, отдал приказание своим войскам двинуться на Москву — на помощь левым эсерам¹.

Выступление чехо-словаков отразилось и на положении в оренбургских и уральских степях. Среди оренбургских казаков начало вновь развиваться притихшее за зиму повстанческое движение. Этим обстоятельством воспользовался Дутов и с отрядом в 600 бойцов с 5 пулеметами вышел из тургайских степей и двинулся на Оренбург, который и занял 3 июля. Произведя реорганизацию своих сил, Дутов начал действовать от Оренбурга по направлениям на Актюбинск, к Верхнеуральску и на Орск.

Красные отряды, оказавшиеся в гуще этого движения, вынуждены были очистить Оренбургский край, причем отряды Блюхера и Каширина отошли на Верхнеуральск, орские отряды ушли на Орск, а туркестанские отряды возвращались в Туркестан через Актюбинск.

Город Екатеринбург в сложившейся стратегической обстановке к середине июня в районе Урала и Волги, при

¹ Муравьев вступил в фактическое командование Восточным фронтом 18 июня 1918 г. Его деятельность на фронте была очень кратковременна. Ему удалось 19 июня, лично командуя небольшим отрядом, отбить обратно у чехо-словаков Сызрань и провести ряд организационных мероприятий, как-то: наметить образование четырех армий, отдать приказ о сведении разнотипных организаций в армиях в штатные однотипные единицы (полки, батареи, эскадроны). После ликвидации мятежа левых эсеров в Москве Муравьев еще 9 июля в своем приказе призывал войска к исполнению своего революционного долга, но в то же время сам бежал в Симбирск, где объявил о своем объявлении войны Германии, потребовал поддержки местного совета и приказал войскам своего фронта перестроить фронт на запад и двигаться на Москву. Поддержки Муравьев ни в ком не нашел и вынужден был застрелиться.

группировке чехо-словаков в районе Пензы, Челябинска и Омска, имел огромное значение. Для чехов он важен был как находящийся на их фланге и угрожавший их сообщениям при наступлении к Волге; для Советской России он представлял значение как крупный промышленный и рабочий центр, соединенный к тому же кратчайшей железнодорожной линией через Вятку, Вологду и Пермь с Петроградом.

Северо-западная группа чехо-словаков вела наступление вдоль железной дороги Омск–Тюмень–Екатеринбург. Здесь ее успешно сдерживала входившая в состав 3-й армии так называемая 1-я Сибирская армия тов. Эйдемана. Армия Эйдемана состояла из малочисленных отрядов, еще не сведенных в полки, и не превосходила 3000–4000 бойцов, но ее основное ядро состояло из пермских, тюменских и омских рабочих.

Эта армия оказывала чехам упорное сопротивление, отступая от одного рубежа к другому. На линии р. Нишма (восточнее г. Тюмени) она имела несколько удачных для себя боев.

Эта группа красных далеко вдавалась в общий фронт белых, занимая также Камышловский район и грозя таким образом флангу чехов, развивавших одновременно наступление и от Челябинска на Екатеринбург. Челябинская группа чехо-словаков, по соединении с Пензенской группой и русскими белогвардейцами, достигала численности до 13 000 бойцов. Ею командовал Войцеховский. Наступление последнего развивалось более успешно. 25 июля 1918 г. чехо-словаки взяли Екатеринбург со стороны Челябинска. Только тогда группа Эйдемана, переименованная в 1-ю Сибирскую дивизию в связи с общим отходом 3-й красной армии, отошла на Алапавск.

В дальнейшем до конца первой половины октября на Урале продолжалась борьба в районе Екатеринбурга и перевалов Среднего Урала; красные стремились обратным занятием Екатеринбурга отвлечь силы чехо-словаков с Поволжья, а последние, наоборот, пытались расширить пределы захваченного района. Эти взаимные цели притянули в район Екатеринбурга значительные силы обеих сторон.

На фоне этих событий на Восточном фронте обе стороны продолжали развертывать свои силы: внутренние контррево-

люционеры и чехо-словаки — путем местных мобилизаций, советское командование — путем местных формирований и стягивания значительных подкреплений, в том числе первых регулярных формирований Красной армии из различных мест страны.

К половине июля 1918 г. общая численность красного Восточного фронта достигала уже 40 000—45 000 чел., растянутых на фронте в 2000 км. Эти силы постепенно переходили от случайной организации к началам правильной войсковой организации, причем впереди в этом отношении шла 1-я красная армия, действовавшая на Симбирском направлении и находившаяся под командованием тов. М. Н. Тухачевского. Наибольшей боеспособностью отличалась 3-я красная армия на Пермско-Екатеринбургском направлении, состоявшая под командованием тов. Берзина. Она состояла главным образом из рабочих местных заводов — высокосоциального элемента, нуждавшегося только в военной выучке.

Наступательный почин по-прежнему оставался в руках противника. К 25 июля он занимал уже целиком Самарскую, Уфимскую и Екатеринбургскую губернии, овладел г. Симбирском и в некоторых местах выходил уже на р. Каму¹.

¹ Главнокомандующим вооруженными силами белых на Восточном фронте в первоначальный период кампании на нем был генерал Болдырев. Чехо-словаки временно подчинялись ему в оперативном отношении до прибытия генерала Жанена. Генерал Болдырев в своих воспоминаниях («Директория, Колчак, интервенты», Сибкрайиздат, 1925 г.) указывает причины, побудившие его остановиться на северном операционном направлении. Их можно свести к следующим основным положениям:

1. Сепаратизм белых южан был слишком заметен; при этих условиях задача выхода на фронт Саратов—Царицын, что повлекло бы за собой установление оперативного взаимодействия между восточными и южными белыми армиями, являлась непосильной для одной «народной армии» Комуча.
2. Северное белое правительство приветствовало Уфимскую директорию как всероссийскую власть и приглашало установить оперативную связь с его силами. В военно-экономическом отношении выбор северного направления открывал путь

Новое командование красным Восточным фронтом в лице тов. Вацетиса первой задачей своей поставило приостановить продвижение противника, что и было достигнуто на некоторых направлениях. Своей второй целью тов. Вацетис ставил упорядочение организации войск и наконец стремился создать себе стратегический резерв. Кроме того, озабочиваясь прикрытием важного Казанского направления, совершенно доступного для противника, командвост приступил к сосредоточению на этом направлении частей, из которых должна была образоваться 5-я армия. Численность ее предполагалось довести до 3500–4000 штыков, 350–400 сабель, 3–4 легких и 2 тяжелых батарей. Основным ядром этой армии должны были явиться латышские части.

28 июля 1918 г. тов. Вацетис разработал свой план встречного наступления, сущность которого сводилась к захвату в клещи сил противника, действовавших на фронте Симбирск–Сызрань, двойным ударом по левому берегу р. Волги: с севера — со стороны Чистополя на Симбирск и с юга — со стороны Урбаха на Самару. Выполнение этой задачи возлагалось на три армии (1-ю, 5-ю и 4-ю), тогда как остальные две (2-я и 3-я) должны были наносить вспомогательные удары на Уфу и Екатеринбург.

Смелый по замыслу план Вацетиса требовал широкой маневренности от подчиненных ему войск, к чему они еще не были способны, кроме того, одна из армий (а именно 5-я),

на Котлас, где имелись некоторые запасы. Далее по Двине устанавливалась связь с Архангельском, являвшимся богатым источником боевого снабжения.

3. Пермское направление по времени скорее можно было усилить сибирскими формированиями и чехо-словацкими эшелонами, подходившими из Сибири. Болдырев не указывает, что Северное направление представлялось более желательным и для чехов, и для военных представителей держав Антанты. Нетрудно видеть из объяснений Болдырева, что вопрос о всероссийском первенстве не менее интересовал Уфимскую директорию, чем правительство южной контрреволюции. Политическому местничеству были принесены в жертву жизненные интересы южных и восточных белых армий.

предназначенных для нанесения главного удара, только еще начинала сосредоточиваться. Тем не менее наступление было начато в первых числах августа. Но развития своего в достаточной мере оно не получило из-за неготовности армий к широким и согласованным маневренным действиям и малого количества сил, которое удалось выделить для этой операции.

Наступление начали только 2-я и 3-я армии. 2-я армия отрядом в 1000 пехотинцев пыталась наступать на Бугульму, но это наступление было ликвидировано противником уже 5 августа. 3-я армия действовала более решительно и успешно; она, нанося удар с севера из района Нижнего Тагила, почти достигла Екатеринбурга, но неустойчивость одной из ее дивизий вынудила и ее начать отход. Во всяком случае наступление 3-й армии имело известные стратегические результаты. Оно принудило противника стянуть на это направление значительные резервы.

В свою очередь противник организовал нападение на Казань отрядом в 2000 чел., при 4 орудиях и 6 вооруженных пароходах.

Силы противника двинулись на Казань от Симбирска частью сухим путем, частью по Волге. В течение пяти дней (с 1 по 5 августа) они вели бои на подступах к Казани, причем энергичное сопротивление им оказали лишь несколько латышских рот во главе с командвостом Вацетисом, остававшимся в Казани до последней минуты. Однако 6 августа 1918 г. противник ворвался в город, где в течение целого дня шел упорный бой нескольких рот 5-го латышского полка под руководством командвоста И. И. Вацетиса. Интернациональный сербский батальон, занимавший казанский кремль, перешел на сторону противника. Поздно вечером тов. Вацетис с кучкой своих стрелков пешком покинул город.

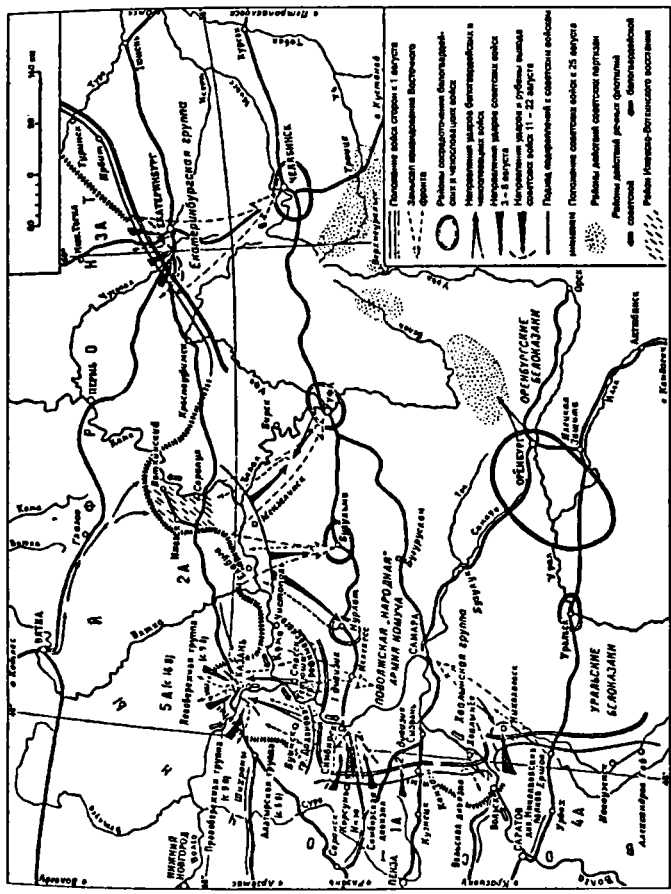
Захват противником Казани имел не столько стратегические, сколько экономические последствия. В Казани был захвачен золотой запас РСФСР в количестве 651,5 млн рублей золотом и кроме того 110 млн кредитными билетами. Этот запас переходил затем преемственно к Уфимской директории, колчаковскому правительству и лишь при завершении гражданской войны частично вернулся обратно в руки советского правительства.

После захвата противником г. Казани на Восточном фронте создалось следующее соотношение сил. На Волге, от Казани и до Самары включительно, развернулась Поволжская армия противника под командой полковника Чечека, численностью в 14 000–16 000 штыков, при 90–120 орудиях и 1–1,5 кавалерийских полках. Армия располагала флотилией в 16–20 вооруженных пароходов. Южнее ее, в Оренбургской и Уральской областях, действовали силы оренбургских и уральских казаков, которые можно примерно исчислить в 10 000–15 000 сабель, при 30–40 орудиях. Севернее Поволжской армии на Екатеринбургско-пермском направлении развернулась Екатеринбургская армия противника под командованием полковника Войцеховского; ее силы достигали 22 000–26 500 штыков и сабель, при 45–60 орудиях, считая в том числе и около 4000 повстанцев Ижевско-воткинского района. Таким образом всего на Восточном фронте противник располагал от 40 000 до 57 500 штыков и сабель при 165–220 орудиях¹ (см. схему на стр. 25). Этим силам командование красным Восточным фронтом могло противопоставить следующие свои армии.

На Самарском и Саратовском направлениях — 4-ю красную армию (Хвесин), численностью в 22 632 штыка, 4 эскадрона, 58 полевых и 6 тяжелых орудий. В задачу этой армии входило овладение Самарой, причем ей приходилось иметь дело с активными группами противника, наступавшими от Вольска на Балашов и от Уральска на Саратов.

На Симбирском направлении — 1-ю красную армию (Тухачевский), в количестве 6818 штыков, 682 сабель и 50 орудий. В задачу этой армии входило воспрепятствование противнику пользоваться р. Волгой как рокадным путем, для

¹ В глубоком тылу за этими силами на пространстве между озером Байкалом и Великим океаном находилось до 100 000 японских, американских, английских, сербских и прочих войск, с которыми местное население вело упорную партизанскую войну. Эти войска находились под командой японского ген. Отани. Однако японская дивизия генерала Оба, занимавшая Забайкалье, не подчинялась Отани, а получала директивы непосредственно из Токио (см. книгу ген. Рукероля).

Восточный фронт 3-25 августа

чего она должна была в кратчайший срок овладеть Симбирском.

В районе Казани находились 5-я армия (Славен) в двух группах на правом и левом берегах Волги общей численностью в 8425 штыков, 540 сабель, при 37 легких и 6 тяжелых орудиях, и 2-я армия (Азин), подтянутая к Казани командвостом тов. Вацетисом и действовавшая со стороны г. Орска; ее численность определялась в 2500 штыков, 600 сабель, 12 легких и 2 тяжелых орудия. Фронтовой резерв численностью в 1230 штыков, 100 сабель, при 6 орудиях сосредоточивался на ст. Шидраны. Ближайшей задачей красного командования в Казанском районе являлось овладение г. Казанью силами 2-й армии, левобережной группой 5-й армии и малочисленной и слабой красной Волжской военной флотилии.

На Пермском направлении действовала 3-я красная армия (Берзин) численностью в 18 119 штыков, 1416 сабель и 43 орудия. Эти силы были разбросаны на пространстве 900 км, тогда как численно слабейшая армия Войцеховского развернулась на вчетверо меньшем фронте и действовала по внутренним операционным линиям, чем и объясняются ее предшествующие успехи.

Кроме того, вне связи с этими силами фронта, но против белых действовала от Ташкента на Оренбург и Орск еще красная Туркестанская армия (Зиновьев), численностью в 6000–7000 штыков и 1000–1500 сабель. В конце сентября 1919 г. она подходила к району г. Орска.

Общая численность войск красного Восточного фронта, не считая Туркестанской армии, достигала 58 486 штыков, 3238 сабель, при 200 легких и 14 тяжелых орудиях, а вместе с Туркестанской армией численность их доходила до 64 000–65 000 штыков и 4000–5000 сабель. Таким образом, численное превосходство над противником было очень незначительно. Кроме того, на внутреннем состоянии фронта весьма отрицательно сказывалось отсутствие правильной организации, к проведению которой было только еще приступлено. Так, пехота 5-й армии состояла из 47 единиц, непосредственно управлявшихся штабом армии, несмотря на наличие в той же армии до 40 мелких штабов. В методах управления армией господствовал коллективизм, доведенный до крайности.

Для выполнения той или иной перегруппировки собирался военный совет, который постановлял свое решение большинством голосов. Понятно, почему военные действия развивались с чрезвычайной медленностью, а между тем под Казанью противник оказался в очень трудном положении. Здесь его силы, не превышающие 2000–2500 чел., занимали дугообразный фронт протяжением в 100–120 км и охватывались почти впятеро превосходными силами 2-й и 5-й армий. Командарм 2-й Азин неоднократно пытался взять Казань штурмом, но его попытки удерживались командармом 5-й Славеном, объединявшим действия обеих армий, из-за неготовности его армии и из-за малой боеспособности пехоты 5-й армии, возлагавшей все надежды на артиллерийский огонь. Поэтому боевые действия по обратному овладению Казанью затянулись на целый месяц.

В течение этого времени Казанская группа белых неудачно пыталась овладеть железнодорожным мостом у Свяжска через Волгу. Чечек пытался поддержать Казанскую группу белых, направив от Симбирска на пароходах отряд Каппеля в составе 2340 штыков и сабель при 14 орудиях. Этот отряд 27 августа 1918 г. атаковал правобережную группу 5-й армии под Свяжском, но был наголову разбит контратакой латышских стрелков, и уже 28 августа остатки отряда Каппеля отхлынули к югу от Тетюш, где и рассеялись. Разгром отряда Каппеля был предпосылкой обратного взятия Казани, которая пала 9 сентября под ударами 2-й армии. Таким образом единственным и притом невыгодным для противника результатом похода Каппеля было ослабление Сибирской группы противника, что облегчило для 1-й красной армии выполнение ее задач; г. Симбирск был занят ею с боем 12 сентября. Падение Казани и Симбирска было богато стратегическими результатами. Оно означало оттеснение противника с рубежа средней Волги. Действительно, уже 13 сентября противник очистил г. Вольск. В дальнейшем 1-я красная армия перенесла центр тяжести приложения своих усилий на Самарское направление.

В войсках противника, особенно в мобилизованной «народной» армии, начиналось сильное разложение; ее части быстро очищали фронт перед 5-й и 1-й красными армиями.

Сибирская группа противника, продержавшись на левом берегу Волги до 29 сентября, также быстро начала отход на восток. Успехи красных под Казанью и Симбирском разрастались до размеров стратегического прорыва фронта противника. 4 октября возмущившиеся в г. Ставрополе (Самарском) чехо-словаки покинули г. Ставрополь и по железной дороге направились на Уфу. 4 октября части «народной» армии оставили г. Сызрань, причем разложение в них распространилось и на офицерские части¹.

Тяжелое положение на фронтах, а также нарастающая активность контрреволюционных сил заставили партию уже к середине лета 1918 г. начать переходить на военное положение. Первые мобилизации рабочих, родившихся в 1896 и 1897 гг., прошли в Москве и Петрограде блестяще. Путиловцы, призванные в Красную армию в количестве свыше 300 чел., собрались на заводе, выстроились в ряды и с пением Интернационала в сопровождении 200-тысячной массы рабочих отправались к сборному пункту.

Петроград послал на чехо-словацкий фронт через Москву не менее 300 виднейших работников-коммунистов. Очередная мобилизация 1893, 1894 и 1895 годов проходила удачно не только в столицах: в Костроме 14 августа состоялось соединенное заседание совета и всех рабочих и красноармейских организаций. Была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости проведения всеобщей мобилизации рабочих Костромы и бедняков деревни. В Твери местная организация коммунистов отправляла на фронт (сообщение от 16 августа) пятую часть своих членов. На Урале некоторые заводы, например Надеждинский, послали на фронт всех коммунистов.

Профессиональные союзы в это время еще только формировали продовольственные отряды, которые имели и немалое военное значение. В Петрограде на 20 августа 1918 г. Центральная продовольственная управа зарегистрировала 3300 чел., записавшихся в продотряды: особенно успешно действовали союзы металлистов, писчебумажников и деревообделочников.

¹ Сибирская армия белых в это время заканчивала еще свое формирование и находилась в глубоком тылу.

Развивалось всеобщее военное обучение трудящихся: в Москве им было охвачено 45 000 чел., а в Петрограде в конце августа собирались довести число обучающихся до 90 000, таким образом создавался резерв для будущих мобилизаций. Кроме этого, особо происходило военное обучение коммунистов.

Документы того времени так отражали влияние партийных мобилизаций на фронте: красноармеец с Казанского фронта писал, что «с приездом больших партий коммунистов-организаторов мы решили взять инициативу в свои руки — от обороны перейти к наступлению». Тов. Лашевич сообщал с Уральского фронта, что там много было упущено, но «теперь Урала не узнаешь. Питерцы совершили колоссальную работу...»

Когда пришли первые известия о крупной победе под Казанью, то общий тон партийных и советских газет был таков, что «взамен ушедших на фронт надо немедленно создавать новые кадры». 14 сентября тов. Ем. Ярославский писал: «Почти отовсюду мы слышим, что в этом возрождении нашей Красной армии сыграла большую, исключительную роль партия коммунистов, пославшая лучшие свои силы в армию на фронтов. Они оживили, оздоровили весь организм Красной армии, дали бессмертные образцы стойкости и революционной дисциплины».

Однако успехи красного оружия на средней Волге в силу пространственности театра не оказывали особого влияния на ход дел в бассейне верхней Камы. Там, наоборот, противник, опираясь на охваченный упорным восстанием Ижевско-Воткинский район, насчитывавший 5500 вооруженных бойцов и связывавший оперативную свободу 2-й красной армии, продолжал накапливать свои силы на Пермском направлении, сосредоточив в треугольнике Верхотурье—Сарапул—Екатеринбург до 31 510 штыков и сабель, при 68 орудиях. Эти силы стремились обойти левый фланг 3-й красной армии, действовавшей на Пермском направлении, со стороны Верхотурья. Однако трудные местные условия театра в связи и с активной обороной 3-й армии обуславливали крайне медленное развитие операций противника в этом направлении. Положение этого участка красного фронта более упрочилось, когда в начале ноября 2-й армии удалось сломить сопротивление

противника в Ижевско-Воткинском районе и значительно продвинуться вперед. Значение успеха 2-й армии заключалось в том, что ею был срезан наиболее упорно державшийся выступ фронта противника.

Тем временем 1-я и 4-я красные армии Восточного фронта, развивая одержанный успех, овладели 7 октября Самарой. В дальнейшем, перенеся свои операции на левый берег Волги, 5-я и 1-я красные армии широким фронтом развивали дальнейшее наступление, выйдя к 25 октября на линию Бугульма–Мензелинск, и оказались на уступе вперед по отношению к 3-й армии. Это наступление проходило под знаком продолжающегося разложения в рядах противника, причем развал особенно был заметен в его тылу, где мобилизации проходили неудачно и большинство мобилизованных разбежалось. Обстановка на Восточном фронте начинала рисоваться определенно благоприятной в глазах тогдашнего главного советского командования, и оно не считало пока нужным, учитывая обстановку на других фронтах, усиливать Восточный фронтов.

(...)

Теперь нам предстоит рассмотреть историю не менее значительного белогвардейского правительства Сибири, претендовавшего на значение всероссийской власти и признанного за таковую Антантой, которое также пришло к военной диктатуре, но более сложным путем.

Мы уже упоминали, что наша дальневосточная окраина, вернее — территория Китая, еще с конца 1917 г. явилась родиной маленьких самочинных белых правительств, созданных Японией и Антантой в качестве ширмы для своих империалистических вождедений. Эти правительства не сыграли никакой роли в истории гражданской войны и по миновании в них надобности были ликвидированы самою же Антантой. Более заметная роль и более длительное существование были суждены тем из них, которые возникли в результате образования контрреволюционного Восточного фронта. Центрами вновь образовавшихся правительств первоначально явились Самара и Омск. В Самаре чехо-словаки, по захвате ее 8 июня 1918 г., выдвинули к власти «Комитет Учредительного собрания» (Комуч). Опираясь на поддержку чехо-сло-

ваков, Комуч приступил к формированию собственной «армии Учредительного собрания» и просуществовал в течение пяти месяцев, до своей ликвидации сибирским диктатором Колчаком, пришедшим к власти при помощи штыков Антанты и военных заговорщиков. Этот комитет имел ярко выраженную правозэсеровскую окраску. Он стремился к созыву Учредительного собрания и к восстановлению противогерманского фронта, что целиком определило его антантовскую ориентацию. Признавая формально национализацию земли, практически комитет не доводил до конца этого признания, оставляя еще ненационализированные имения в руках их владельцев. Наконец в области социальной и финансовой политики комитет проявил большую заботливость об интересах буржуазии, что выразилось в расплате полностью по выгодным для владельцев ценам за продукты, необходимые для армии, в ограничении деятельности профсоюзов и пр.

Такие руководящие линии внешней и внутренней политики обеспечили отрицательное отношение к самарскому правительству большинства рабочих и крестьян. Показателем этого отношения явились неудачные мобилизации для армии Учредительного собрания, а затем скорый развал и самой армии. Внутренняя политика «Комитета» не удовлетворяла и буржуазию, которая уже с конца июня месяца 1918 г. выдвигала вопрос о военной диктатуре. Таким образом, единственной социальной базой для комитета являлись городская и сельская интеллигенция и небольшие группы эсеров и меньшевиков. Комитету не удалось сохранить своего влияния в армии, где взяли верх реакционные и черносотенные элементы; эти элементы в дальнейшем и содействовали падению комитета. На разделение власти с комитетом претендовали возникавшие по мере расширения территории местные правительства соглашательского или буржуазного типа в виде «Областного правительства Урала» и такие же национальные правительства, в виде «Правительства Башкирского государства», киргизской «Алаш-орды» и «Национального управления тюрко-татарского племени», возникшего еще летом 1917 г. в Казани.

Но главным соперником «Комитета» явилось «Сибирское областное правительство», возникшее в Омске тем же

путем, как и «Комитет» в Самаре. Это правительство, опиравшееся на сибирское казачество и офицерские контрреволюционные организации, было откровенно контрреволюционным по природе и с самого своего возникновения вступило в борьбу с Сибирской областной думой, собравшейся в Томске и стоявшей на платформе буржуазной демократии. Под сильным давлением чехо-словаков все эти правительственные образования в конце концов в октябре 1918 г. слились в одну «Уфимскую директорию» в составе пяти членов. Однако коалиционная Директория с ее эсеровской окраской внушала мало доверия Антанте, и последняя, главным образом в лице Англии, выдвинула кандидатуру в диктаторы адмирала Колчака — военного министра той же Директории. Как только Директория под влиянием неудач на фронте перебралась в Омск, там в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. произошел военный переворот, выдвинувший к власти адмирала Колчака. Члены Директории были изгнаны за границу. Чехо-словаки ограничились формальным протестом, но партия эсеров ушла в подполье, откуда начала борьбу с властью нового диктатора.

Самый приход к власти адмирала Колчака определил последующую реакционную сущность его правительства, несмотря на его заявления, что он не хочет идти «ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Однако Колчак с первых же дней своего прихода к власти проявил полную нетерпимость к рабочему движению, кроваво подавляя все выступления рабочих. Он ввел исключительные законы, смертную казнь и военное положение для тыловых территорий. Произвол военных властей оттолкнул от Колчака даже ту весьма умеренную демократию, которая его вначале поддерживала. Крестьянство наиболее сильно испытывало на себе гнет режима Колчака.

Появление белых войск означало для крестьянства, по свидетельству одного из бывших министров колчаковского правительства Гинса, наступление эпохи безграничных реквизиций, всевозможных повинностей и полного произвола военных властей. «Крестьян секли, — говорит тот же свидетель, — обирали, оскорбляли их гражданское достоинство, разоряли». В свою очередь крестьянство вело борьбу с ним пу-

тем непрекращающихся восстаний; это вызывало ряд кровавых карательных экспедиций Колчака, которые не только не прекращали восстаний, но еще более расширяли охваченные революционной борьбой районы.

В то же время в Восточной Сибири в оппозиции Колчаку находились и почти явно ему противодействовали местные контрреволюционные силы, возглавляемые атаманами Семеновым и Калмыковым.

В своих декларациях Колчак придерживался той же тактики, что и Деникин. Он давал примерно такие же обещания общего характера, что и последний, почему мы и не повторяем их здесь. Методы же проведения этого успокоения еще более подливали масла в огонь.

Как только начались длительные неудачи на фронте, началось саморазложение власти в правительстве Колчака. Колчаковский совет министров, оторвавшись от своего главы и перебравшись в декабре месяце 1919 г. в г. Иркутск, пытался еще в чем-то проявить свою деятельность, перестроившись на более демократических началах, в то время как сам Колчак стремился сохранить единоличную военную диктатуру. Повстанческое движение приняло поголовный характер почти по всей Сибири.

В Иркутской губернии образовался так называемый «Политический центр», объединивший центральный комитет партии эсеров, комитет бюро земств, профессиональные союзы и меньшевиков. Представители Антанты начали заигрывать с этим центром, думая в нем найти опору для дальнейшей борьбы с большевиками. 24 декабря 1919 г. «Политический центр», опираясь на часть присоединившихся к нему войск, произвел переворот в Иркутске. Французский генерал Жанен, командовавший всеми силами союзников в Сибири, поддержал это выступление, озабочиваясь свободным прохождением чехо-словацких эшелонов по направлению к Владивостоку. Союзники, решившие окончательно сделать ставку на эсеров, в которых они видели «деятели государственного направления, ничего общего не имеющих с большевиками», произвели нажим на остатки сибирского правительства, чтобы прекратить его дальнейшее сопротивление, и выдали самого Колчака «Политическому центру».

«Политический центр», созданный промежуточно-соглашательскими партиями, явился переходной ступенью к подлинной власти трудящихся масс, которая образовалась в Иркутске 21 января 1920 г. в лице местного совета рабочих и крестьянских депутатов.

Обособленность сибирского правительства в пространстве от прочих белогвардейских правительств делала его все-российским только по имени. Официально признавая его суверенитет, все белые правительства в своей внутренней и отчасти внешней политике мало руководствовались его указаниями. Особенно самостоятельно держал себя Деникин, пользовавшийся и без того широкой автономией в области внешних сношений, но требовавший также полной самостоятельности в вопросах земельной и финансовой политики.

Нам остается теперь сказать несколько слов о тех второстепенных белогвардейских правительствах, которые возникли исключительно как результат интервенции Антанты. Таковым являлось первоначально социал-соглашательское, а затем реорганизованное наподобие военной диктатуры правительство Северной области на Беломорском побережье, образованное в августе 1918 г., затем, по установлении официальной связи с Колчаком, преобразованное им в военное генерал-губернаторство, причем бывшие министры образовали особый совет при нем.

Правительство севера России образовалось в Архангельске в августе 1918 г. тотчас после высадки в нем десанта союзников. Оно являлось коалицией социалистов-соглашателей и деятелей буржуазных партий. Во главе его стоял бывший народоволец Чайковский. Однако месяц спустя, т.е. в сентябре 1918 г., даже такое соглашательское правительство не удовлетворило военного командования Антанты. Был инсценирован военный переворот, и министры-социалисты во главе с Чайковским были отправлены в Соловки. Вскоре Чайковский был выпущен и поставлен во главе нового фиктивного правительства чисто буржуазной окраски с ничтожной примесью «народных социалистов». Заместителем Чайковского был назначен военный генерал-губернатор генерал Миллер. В начале 1919 г. союзники нашли возможным под благовидным предлогом избавиться и от Чайковского,

отправив его в Париж на конференцию союзников в качестве представителя русских белогвардейских правительств. Генерал Миллер, его заместитель, явился фактическим главой правительства. Таким образом правительство Колчака только оформило уже установившийся фактически в Северной области порядок.

Северо-западное правительство Лианозова, созданное англичанами 10 августа 1919 года в Ревеле, опасалось даже появиться на клочке собственной территории.

Оба эти правительства были не более как фикцией, всецело зависевшей от держав Антанты.

(...)

Настроения сибирских армий отражали настроения населения, среди которого мобилизации не пользовались никаким успехом, и боеспособность их, за исключением отдельных частей, была ниже средней. Так, в период осеннего отступления Сибирской армии в 1918 г. целые части ее либо переходили на сторону советских войск, либо разбежались по домам. Еще хуже обстояло в этом отношении дело в войсках Украинской директории, проявлявших наиболее низкую боеспособность по причинам, изложенным в начале этой главы.

Прочное основание снабжению контрреволюционных армий было положено с началом активного вмешательства держав Антанты в нашу гражданскую войну: ранее им приходилось пользоваться лишь случайными источниками этого рода. В лучшем положении оказались контрреволюционные армии юга России после открытия Дарданелл, когда основной базой их сделался Новороссийский порт.

В течение лета и по осень 1919 г. контрреволюционные правительства, пользуясь англо-французской денежной поддержкой и льготными условиями кредита в Америке, произвели там обширные закупки военного материала, обмундирования и оружия. Продовольственное снабжение контрреволюционных армий основывалось главным образом на беззастенчивой и беспорядочной эксплуатации местных средств, что крайне озлобляло местное население. Добровольческая армия в этом отношении

шла дальше всех, предоставив своим частям довольствоваться собственным попечением — грабежами и спекуляцией.

Обучение и тактика контрреволюционных армий ничем не отличались от таковых же старой русской армии.

Обращаясь к сравнению сил обеих сторон, мы должны отметить, что характерная положительная особенность Красной армии заключалась в ее внутренней силе, являвшейся следствием той идеи революционной классовой борьбы, которая была заложена в идеологию армии. Хранителями и носителями этой идеи в рядах армии являлись те сознательные рабочие массы, которые влились в ее состав и вокруг которых группировались слои беднейшего крестьянства. В частности, в отношении численности и людских средств Красная армия превосходила армии внутренней контрреволюции, так как свободно могла использовать резервы населения в виде масс беднейшего и среднего крестьянства и рабочих, мобилизацией которых по политическим соображениям не мог рисковать противник. Последнее обстоятельство определило и превосходство развития военных сил на стороне советской стратегии.

Стратегические планы командования сторон на 1919 г.

Кампания на Южном и Северокавказском фронтах в конце 1918 г.

Завязка борьбы на Украинском фронте

Начало второго года гражданской войны отмечается состоянием неустойчивого равновесия на всех фронтах для обеих сторон. Это являлось, однако, одним из положительных достижений советской стратегии, так как первый год гражданской войны проходил для нее под знаком организации и сбирания сил, в чем и заключалась одна из главных трудностей ее положения. Советская стратегия сумела выйти из трудного положения, добившись даже известных частных успехов на некоторых фронтах, но не могла сразу выполнить все задачи, поставленные ей политикой. Завершение их, таким образом, переносилось на второй год гражданской войны. В свою очередь противник в этом году стремился к достижению тех конечных целей, которые перед ним поставили мировой империализм и внутренняя контрреволюция. Поэтому естественно, что планы высшего командования обеих сторон на 1919 г. должны были носить наступательный характер

и самая кампания должна была протекать под знаком упорной борьбы за инициативу.

Как мы уже указывали, единое управление всеми вооруженными силами контрреволюции с начала 1919 г. только формально объединялось адмиралом Колчаком, фактически же обе наиболее мощные военные группировки белых — сибирские армии Колчака и «вооруженные силы юга России» — проводили каждая свой собственный план действий, и вопрос об объединении этих действий дальше разговоров не пошел. Это налагает и на нас обязанность рассмотреть планы действий обеих этих группировок каждый в отдельности.

Неудачи на Самаро-уфимском направлении, последовавшие вслед за обратным взятием красными Казани, и развал Народной армии, а также и оставление фронта чехо-словаками не повлияли на отказ «сибирского правителя» от наступательных действий. Его план заключался в нанесении главного удара на Пермско-вятском направлении (в надежде на соединение с Северным фронтом Антанты) и в активных действиях на направлениях Красноуфимск–Сарапуль–Казань–Арзамас–Муром–Москва и Златоуст–Уфа — Средняя Волга–Пенза–Москва. Было рассчитано даже время занятия Москвы, которое намечалось в июле 1919 г. при условии, если наступление будет начато в первых числах марта.

События осенней кампании 1918 г. в Поволжье должны были показать адмиралу Колчаку, что план этот не имел под собой ни политической, ни материальной базы. Развал «Народной армии» должен был убедить его в истинном отношении широких масс населения к его армиям и их целям. Уход чехо-словаков с фронта лишил его наиболее крепких частей. Наконец, сосредоточение значительных сил на Пермско-вятском направлении, после того как выяснилось второстепенное значение Северного фронта для обеих сторон и его пассивность, не оправдывалось и условиями стратегической обстановки. В таком положении единственное, на что могло рассчитывать сибирское белое командование, — это на временный успех на одном из выбранных им операционных направлений, но этот успех был бы куплен ценой полного стратегического истощения, так как для осуществления своего плана Колчаку пришлось бы ввести в дело свои последние, не закон-

чившие еще своей организации стратегические резервы. Последующие события в полной мере выявили все эти недостатки плана кампании сибирского белого командования.

Генерал Деникин, вступив 10 января 1919 г. в командование всеми «вооруженными силами юга России», строил план своей кампании на 1919 г. на преувеличенном значении интервенции союзников на юге России, исходя из расчета тех сил, которые первоначально для нее предназначались (свыше 12 пехотных дивизий). Поэтому его план был еще более активен по замыслу, нежели Колчака, и конечной своей целью он также ставил овладение Москвой с одновременным ударом на Петроград и вдоль правого берега Волги.

Ближайшими задачами генерала Деникина являлись следующие:

- 1) не допустить противника занять Украину и западные губернии;
- 2) окончательно очистить Северный Кавказ от большевиков¹.

Выполнение этого плана должно было повлечь за собою разброску белых сил юга России на огромном пространстве, от Волги до Днестра, где они неминуемо должны были раствориться в пространстве. Так в действительности и случилось. Силы интервенции ничем не помогли Деникину из-за своей малочисленности и того внутреннего разложения, которое их постигло. Подобно плану Колчака, и этот план являлся политически совершенно необеспеченным. С каждым шагом в глубь советской территории, удаляясь от казачьих областей, «вооруженные силы юга России» становились все более и более неприемлемыми для широких масс населения страны, почему и не могли рассчитывать на свое увеличение за его счетов.

7 октября 1918 г. красное командование в лице тов. Вацетиса разработало свой план операций на всех фронтах на 1919 г. В этом плане оно исходило из следующих предпосылок. Наиболее значительными и серьезными являются вооруженные силы

¹ См. ген. А. И. Деникин, «Очерки русской смуты», т. IV, стр. 38–39.

сибирской контрреволюции и юга России. Эти силы на востоке отрезают советскую страну от источников продовольствия, на юге — от источников продовольствия, твердого и жидкого топлива и сырья для промышленности. Учитывая экономические условия, внешнюю политическую обстановку и силы противника, главное значение в предстоящей кампании должно было принадлежать Южному фронту. Политическая обстановка определяла задачи Южного фронта необходимостью просочиться между уходящим германским милитаризмом и надвигающимся англо-французским империализмом и утвердиться внутри советского государства, в составе которого мыслились и Дон, и Кавказ, и Украина. Исходя из этих общих предпосылок, советское главное командование ставило себе следующие задачи на различных театрах гражданской войны:

1) На Северном фронте — упорную оборону.

2) На Восточном фронте — окончательное утверждение на рубеже Средней Волги и ликвидацию Ижевско-воткинского восстания, а также установление связи с Туркестанской армией. В дальнейшем — продвижение в Сибирь.

3) На Южном фронте, усиливаемом по возможности всеми имеющимися в распоряжении свободными вооруженными силами, намечалась решительная ликвидация Донской казачьей армии, с тем чтобы окончательно закрепить в Донской области власть советского казачества, после чего мыслилось освободившиеся силы перебросить либо на Северный Кавказ, либо на Восточный фронт для довершения поражения действующих там белых армий.

4) Для будущего Западного фронта предусматривались первоначально пассивные задачи. Не исключалась для него и оборонительно-отступательная кампания в целях выигрыша времени, хотя внешняя политическая обстановка, по крайней мере на первое полугодие 1919 г., не давала к этому никаких предпосылок.

5) Наконец, на случай необходимости и возможности занятия левобережной Украины после ухода немцев в районе Калуга—Смоленск—Брянск предусматривалось образование «резервной армии», силою в три дивизии.

Таким образом, советской стратегии предстояло быть активной и на востоке, и на юге, что определяло использование ее сил в расходящихся операционных направлениях. Совершенно правильно было оценено второстепенное значение Северного фронта, но не были дооценены роль и значение Западного и Украинского фронтов, выяснившиеся уже через месяц. Активизация этих фронтов под влиянием требований политической обстановки вызвала непредвиденный расход сил для них, что уже оказалось обременительным для наших возможностей того времени и определило длительный и упорный характер борьбы на всех фронтах в кампанию 1919 г.

В. И. Ленин придавал громадное значение возможно скорой и решительной ликвидации Краснова (Донской фронт). Еще 3 января 1919 года он телеграфирует Троцкому: «Я очень обеспокоен, не увлеклись ли Вы Украиной в ущерб общестратегической задаче, на которой настаивает Вацетис и которая состоит в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова, боюсь чрезвычайно, что мы запаздываем с этим...» Ленин предлагает налечь «на ускорение и доведение до конца общего наступления на Краснова». Однако, как мы увидим дальше, наступление против Краснова затягивается; действия наших войск на этом фронте характеризуются несогласованностью и распыленностью усилий. Ленин еще не раз (например, в апреле) обращает внимание главного командования на эту фактическую недооценку значения своевременной и быстрой ликвидации Краснова. Прозорливый стратегический гений Ленина как никто сознавал все значение Донского фронта и предвидел те трудности, какие должны были встать перед Красной армией и советской стратегией и действительно встали (Деникин) в случае несвоевременной ликвидации Краснова.

Мы прервали рассмотрение событий на Южном фронте в момент напряженной борьбы обеих сторон за линию рокадной железной дороги Поворино—Новохоперск—Бобров—Лиски, проходившей севернее административных границ области, причем в руках Донской армии оказался участок железной дороги Лиски—Новохоперск. Равным образом ей удалось достигнуть местных успехов на направлении Елань—Саратов и сковать силы 10-й красной армии в районе Царицына. Эти успехи, достигнутые путем крайнего напряжения сил, оспаривались у Донской армии армиями Южного советского фронта, которые, вводя в дело по частям прибывавшие

в их распоряжение резервы, добивались временами местных успехов, однако развить их не могли за недостатком свободных сил.

Наращение успехов Донской армии должно было прекратиться не столько в силу прибытия новых советских резервов, сколько в силу причин внешнего и внутреннего порядка, возникших в это время на самом театре военных действий и в рядах Донской армии. Внешней причиной, ухудшавшей общее стратегическое положение Донской армии, являлся уход немцев с территории Украины, чем обнажался левый фланг всего Донского фронта. Это явление носило пока незаметный характер, но уже со второй половины ноября 1918 г. части правифланговой 8-й красной армии начали просачиваться на освобождаемую территорию, постепенно окрыляя левый фланг Воронежской группы Донской армии. Выйдя на фронт Острогожск–Коротояк, они уже 29 ноября захватили ст. Лиски, откуда, впрочем, были выбиты резервами Воронежской группы противника. Однако к 3 декабря они распространились до г. Валуйки. В это же время 10-я армия начала продвижение своим правым флангом на ст. Иловля. В свою очередь противник, недооценив еще значения обнажения своего левого фланга и ослабив свои силы на Воронежском направлении, сосредоточил кулак на Царицынском направлении против центра 10-й армии, тесня его по направлению к Царицыну.

Благодаря этим действиям противника на его фронте образовались две группы: слабейшая — Воронежская и сильнейшая — Царицынская, повернутые тылами друг к другу; численность первой определялась от 18 000 до 22 000 бойцов при 16 орудиях, вторая доходила до 50 000 бойцов при 63 орудиях. Обе группы связывались между собой тонкою нитью кавалерийской завесы.

Главное командование Красной армии решило довершить наметившийся успех нанесением решительного удара Донской армии. Оно ставило ближайшей главной целью командованию Южного фронта разгром Воронежской группы противника.

(...)

В течение операции действия флотов обеих сторон в Финском заливе не получили обширного развития. Главные силы английского флота были отвлечены к Риге, которой угрожали белогвардейские войска Вермонта-Авалова (бывшие фон дер Гольца), действовавшие в составе латвийской армии, но сохранившие германофильскую ориентацию. Выступление этого корпуса против латвийского правительства являлось прямым выпадом со стороны Германии и ориентирующегося на нее прибалтийского баронства против гегемонии Англии в Прибалтике. Оставшиеся суда английского флота сделали слабую попытку бомбардировать Кронштадт. Наш Балтийский флот был слишком слаб для самостоятельных операций в Финском заливе. Непосредственное участие в обороне Петрограда из его состава приняли линейные корабли «Севастополь», стоявший на р. Неве в самой столице, и миноносцы «Всадник» и «Гайдамак», вошедшие в морской канал для обстрела расположения противника в районе Сергиева и Стрельны.

Пользуясь отвлечением части сил и внимания Западного фронта к событиям под Петроградом, польские войска предприняли ряд частных операций на Полоцком и Витебском направлениях, сосредоточив значительные силы в районе Лепеля. Их наступательные попытки вызвали ответный контрманевр правого фланга 16-й армии, но бои здесь не развились до крупного масштаба, сохранив чисто местное значение; вскоре и на этом участке наступило продолжительное затишье.

**Зимняя и весенняя кампания
1918–1919 гг.
на Восточном фронте.
Северный фронт**

Мы оставили красный Восточный фронт в тот момент, когда ясно обнаружился сдвиг противника к востоку на Уфимском направлении и борьба на Пермско-Екатеринбургском направлении начала принимать упорный, затяжной характер. К концу ноября 1918 г. наши 1-я, 5-я, 2-я и 3-я армии располагали силами в 58 360 штыков, 5980 сабель, при 265 орудиях. Ближайшей задачей наших четырех армий являлся выход на фронт Челябинск–Екатеринбург. Но противник, оставив на Уфимском направлении остатки разваливающейся армии Учредительного собрания и части оренбургских казаков, упорно продолжал накапливать свои силы на Пермском направлении. Здесь он к 27 ноября 1918 г. на фронте Туринский завод — тракт Екатеринбург — Кунгур (включительно) развернул армию ген. Гайды общей численностью в 40 000–42 000 штыков, 4000–5000 сабель, при 100–120 орудиях, ставя себе задачей захват г. Перми и выход на линию р. Камы. Этим силам против-

ника 3-я красная армия могла противопоставить только 30 000 штыков и сабель, при 78 орудиях¹.

Положение нашего командования Восточного фронта было невыгодно в том отношении, что для усиления Пермского направления оно не могло свободно располагать тем излишком сил, который у него мог образоваться на Уфимском направлении, так как с половины ноября 1918 г. было приступлено к переброске частей 1-й армии (за исключением одной дивизии) на Южный фронт. Тем не менее командование Восточного фронта, исходя из указаний главного командования, отдало в конце ноября 1918 г. приказ о переходе в наступление группы в составе 2-й и 3-й армий. 3-я армия должна была прорвать фронт противника в направлении Кунгур–Екатеринбург, а 2-я армия выдвиганием на фронт Бирск–Красноуфимск (оба пункта исключительно) должна была содействовать операции 3-й красной армии (см. карту).

Таким образом, борьба за обладание линией р. Камы завязывалась под знаком встречной операции для обеих сторон. Вполне понятно, что наступление 3-й армии, встреченное превосходными силами противника, не могло развиваться, и армии пришлось в начале декабря 1918 г. перейти к упорной обороне. 2-я армия, находившаяся в районе г. Сарапула в 150 км за первым флангом 3-й армии, не могла своевременно помочь ей. Наконец, моральная и боевая упругость 3-й армии были исчерпаны, и начиная с половины декабря она левым флангом и центром начала быстро отходить по направлению к г. Перми.

Командование Восточным фронтом, в предвидении неустойчивости на Пермском направлении, обращалось к главному Вацетису с просьбой о подкреплении этого направления

¹ Для характеристики насыщенности фронтов гражданской войны даже на ударных направлениях приводим следующий расчет: протяжение фронта белых от Турийского завода до тракта Екатеринбург–Кунгур (включительно) равно 240 км; плотность живой силы на 1 км фронта равна от 183 $\frac{1}{3}$ штыков и сабель до 195 $\frac{5}{6}$ штыков и сабель; у красных при таком же примерно протяжении фронта на 1 км его приходилось 125 штыков и сабель.

«надежной бригадой». Вацетис отвечал, что бригада дана быть не может, и предлагал парировать удар на Пермь маневром 2-й и 5-й красных армий. Такой ответ Вацетиса становится понятным, если мы припомним, что как раз около этого времени им была начата подготовка решительных кампаний на Южном и Западном фронтах, куда он старательно стягивал все свободные резервы. Для усиления Пермского направления потребовалось вмешательство правительства. 13 декабря В. И. Ленин потребовал от предреввоенсовета Троцкого помощи Перми и Уралу. В тот же день, т.е. 13 декабря, главком передал в распоряжение Восточного фронта 1-ю бригаду 7-й стрелковой дивизии (директива № 479/III) из Ярославского военного округа. Но эта бригада прибыла уже с опозданием.

Однако падение боеспособности 3-й армии зависело не только от одних причин военного порядка. В условиях гражданской войны армия в особенности чрезвычайно чувствительно отражает на себе все колебания тех социальных слоев, производной которых она является. Так случилось и с 3-й армией. Ее рабочие кадры, сильно поредевшие в непрерывных боях, были разбавлены мобилизованным крестьянством из ближайшего тыла — Пермской и Вятской губерний. В рядах 3-й армии за время ее отхода к Перми появились характерные признаки разложения: дезертирство, неповиновение и многочисленные переходы к белым.

Последующие попытки упрочить положение 3-й армии маневрированием 2-й армии в направлении Сарапуль—Красноуфимск не увенчались крупным успехом. Предоставленная собственным своим силам, 3-я армия 24 декабря 1918 г. уступила Пермь противнику, после чего продолжала беспорядочный отход на г. Глазов, теряя материальную часть и неся значительные потери в живой силе. За 20 дней 3-я армия отошла на 300 километров. Ее отход создавал реальную угрозу Вятке и всему Восточному фронту.

Для приведения в порядок частей 3-й армии и мобилизации внимания партийных и советских организаций к нуждам и задачам фронта ЦК ВКП (б) направляет в район 3-й армии комиссию в составе тт. Сталина и Дзержинского.

Уже в конце января тов. Сталин доносит в Совет Обороны¹:

«К 15 января послано на фронт 1200 надежных штыков и сабель; через день — два эскадрона кавалерии. 20-го отправлен 62-й полк 3-й бригады (предварительно профильтрован тщательно). Эти части дали возможность приостановить наступление противника, переломили настроение 3-й армии и открыли наше наступление на Пермь, пока что успешное. В тылу армии происходит серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и в уездных городах организованы революционные комитеты. Начато и продолжается насаждение крепких революционных организаций в деревне». Перестраивается на новый лад вся партийная и советская работа».

Частная неудача на Пермском направлении была возмещена успехами красного оружия на главном — Уфимском и на Туркестанском направлениях. Действительно, несколько дней спустя после падения Перми советские войска в свою очередь 31 декабря 1918 г. заняли Уфу, а 22 января 1919 г. части 1-й красной армии, наступавшие с запада, соединились в г. Оренбурге с Туркестанской армией (насчитывавшей, впрочем, в своем составе не более 10 000 бойцов) тов. Зиновьева, наступавшей из Туркестана. Наконец 24 января 1919 г. войска 4-й красной армии овладели г. Уральском.

Таким образом в результате кампании 1918 г. главной массе сил Восточного фронта удалось приблизиться к Уральскому хребту — последнему местному рубежу, который надлежало преодолеть этим силам, чтобы затем широкою волной разлиться по равнинам Сибири и докатиться до жизненных и политических центров противника. Однако пространственность центра и сопротивление противника помешали достижению этих целей в 1918 г. В общем же успех противника на Пермском направлении и его неудачи на

¹ См. К. Е. Ворошилов, «Сталин и Красная армия», стр. 18. ГИЗ, 1929 г.

Уфимском направлении создали на Восточном фронте положение неустойчивого равновесия для обеих сторон.

Общая политико-экономическая обстановка, сложившаяся в начале 1919 г. в лагере революции и в стане белых, создавала для противника ряд предпосылок для попытки обратить это неустойчивое равновесие в свою пользу. В одной из предшествующих глав мы уже останавливались на колчаковском перевороте.

С внутренней победой Колчака на первый план исторической сцены вновь выступала на этот раз ничем не прикрытая буржуазно-помещичья реакция, опиравшаяся на успешнее вновь оформиться кастовое офицерство. Мелкобуржуазная и демократическая контрреволюция «учредилловцев», разгромленная и обессиленная, отходила на задний план. Перейдя на положение правительственной оппозиции, она, однако, не смогла сорвать мобилизацию молодых возрастов Сибири, которую Колчаку удалось провести, опираясь на офицерские формирования в тылу. Сильные офицерские кадры на фронте дали прочный организационный костяк для этих возрастов на фронте. Таким образом в начале 1919 г. в распоряжении Колчака была Сибирская армия, внутренние классовые противоречия которой не успели еще вырваться наружу. Для укрепления своей репутации у союзников Колчаку необходимо было ковать железо, пока оно горячо.

Внутренняя обстановка в лагере революции сулила некоторые надежды на успех наступательной попытки. В своем месте мы уже указывали на ту волну мелкобуржуазных колебаний внутри Советской страны, внешним выражением которой явились весной 1919 г. броски вправо социал-соглашательских партий и временный скачок кверху кривой крестьянского повстанчества. И то и другое являлось результатом роста наших продовольственных затруднений к весне 1919 г. Противник проглядел только одно невыгодное для себя обстоятельство. Крестьянство в своем повстанчестве не выбрасывало лозунгов борьбы против советской власти, что свидетельствовало о прочном внедрении в нем самой идеи советской власти взамен идеи учредительного собрания. Продовольственная разверстка особенно остро была почувствована крестьянством Поволжья. Здесь в ближайшем тылу красного Восточно-

го фронта прокатилась волна крестьянского повстанчества по Симбирской и Казанской губерниям. Это обстоятельство в связи с неудачей 3-й красной армии и отправкой части сил с Восточного фронта на Южный создавало для армий Восточного фронта положение временной слабости.

Пользуясь этим положением, главное командование противника решило продолжать стремиться к нанесению решительного удара на северном операционном направлении через Пермь—Вологду. Удар в этом направлении при удаче приводил его к соединению с войсками интервентов на Северном фронте. Соединившись же с интервентами, Колчак от Вологды мог развивать удар на Петроград — в обход оборонительной линии Волги и Камы. Одновременно с этим ударом белое командование нацеливало сильный удар на линию средней Волги, примерно на фронт Казань—Симбирск, что кратчайшими путями выводило его на важнейшее для обеих сторон Московское операционное направление и давало ему две постоянных переправы через Волгу (мосты у Свияжска и Симбирска). Последнее направление являлось более важным потому, что проходило по более населенным и богатым местными средствами губерниям и сближало войска Колчака с армиями южной контрреволюции.

Выполнение операции возлагалось на три отдельных армии, руководимых непосредственно штабом адмирала Колчака: Сибирская армия ген. Гайды в количестве 52 000 штыков и сабель при 83 орудиях была уже сосредоточена на Вологодско-Вятском направлении, примерно на полупути между Глазовом и Пермью; западная армия ген. Ханжина в количестве 48 000 штыков и сабель, при 120 орудиях, развертывалась на фронте Бирск (исключительно)—Уфа (исключительно); оренбургские и уральские казаки — 11 000—13 000. Всего противник располагал 113 000 бойцов при более чем 200 орудиях. Из этого количества 93 000 бойцов занимали фронт в 450 км, сосредоточиваясь на нем тремя отдельными сильными группами на Вологодском, Сарапульском и Уфимско-Московском операционных направлениях. Стратегическими резервами противника являлись: 3-дивизионный корпус ген. Каппеля в районе Челябинск—Курган—Кустанай и три пехотных дивизии, сформировавшихся в районе Омска.

Обращаясь к оценке плана противника, мы опять-таки должны прежде всего исходить из политического момента. Гигантский размер операции в пространстве и решительность конечных целей исключали возможность доведения ее в один прием до конца наличными силами белых армий. Значит, успех ее ставился в прямую зависимость от успеха последующих крестьянских мобилизаций. Но политическая линия колчаковского правительства в отношении крестьянства заранее исключала возможность всякого сотрудничества с ним крестьянства для своего собственного закабаления. Более того — всякая очередная мобилизация крестьянства нарушала неустойчивое социальное равновесие белых восточных армий не в пользу Колчака, растворяя офицерские кадры во враждебной им крестьянской массе и открывая выход к обостренной социальной борьбе в рамках самой армии. В таком положении сибирское командование могло рассчитывать на успех короткого удара, на ограниченный размах операции, и интересы политики и стратегии должны были толкнуть его на выбор таких операционных направлений, которые дали бы ему возможность поскорее подать руку Южному белому фронту. Все эти направления лежали южнее Уфы. Но образование сильного военного белого блока и возможное слияние белых правительств юга России и Сибири, очевидно, не улыбались английской политике. Она по-прежнему продолжала толкать оперативное мышление и волю Колчака в сторону Вятки и Вологды. Поэтому план весенней кампании белых 1919 г. носит на себе черты двойственности, вредной вообще в военном деле, а при сравнительной слабости сил — вредной особенно. Эта двойственность выражается в стремлении одновременно нанести два сильных удара и на Вятку, и на фронт Средней Волги.

Однако в замышляемом широком переходе в общее наступление противнику не удалось обеспечить взаимодействие с Уральским казачеством. 4-я красная армия под командованием тов. М. В. Фрунзе в течение февраля 1919 г. глубоко вклинилась между вооруженными силами оренбургских и уральских казаков, выдвигаясь на линию Лбищенск–Илецк–Орск.

В такой обстановке командование красным Восточным фронтом в развитие директив своего главного командования,

несмотря на неустойку на участке 3-й армии, готовилось к преодолению Уральского хребта.

В конце февраля — начале марта 1919 г. группировка красных сил представлялась в следующем виде. Широкий фронт от Каспийского моря через Сломихинскую, Илецкий городок с глубоким выступом в сторону противника на Актюбинск и далее на Орск, завод Кананикольский, завод Богоявленский (исключительно) занимали 4-я и Туркестанская 1-я армии¹, общей численностью 52 000 бойцов, при 200 орудиях и 613 пулеметах. Далее на фронте завод Богоявленский — Явгелдин (исключительно), протяжением 200 с лишним км растянулись 10 000 бойцов 5-й армии, при 42 орудиях и 142 пулеметах. На Сарапульском направлении, оторвавшись на 60 км от левого фланга 5-й армии, располагалась 2-я красная армия, общей численностью до 22 000² бойцов, при 70 орудиях и 475 пулеметах, и, наконец, на Пермско-Вятском направлении по обе стороны железнодорожной магистрали на широком фронте разбросалась 3-я красная армия в количестве 27 000 бойцов (за округлением), при 69 орудиях и 491 пулемете. Всего армии Восточного фронта располагали 111 000 бойцов, при 379 орудиях, 1721 пулемете, 5 бронепоездах и 30 самолетах³.

Общая группировка красных была более расплывчата, чем у белых, почему можно в ней отметить лишь один характерный штрих, а именно — слабый и растянутый центр (5-я армия) на важнейшем для обеих сторон Уфимском операционном направлении.

¹ Туркестанская армия, как известно читателю, присоединилась в войскам красного Восточного фронта по занятии ими Оренбурга. Слабая ее численность (12 000 тыс. бойцов) заставляла неоднократно поднимать вопрос о ее расформировании или сведении в дивизию. Однако разрешение вопроса затянулось до окончания решительных операций на Восточном фронте.

- ² Взято с округлением. Точная цифра бойцов 2-й армии — 22 700 чел.

³ Составлено на основании данных в деле № 336 «Арх. Красной армии».

В частности, группировка обеих сторон перед началом решительных операций на Восточном фронте приводила к тому, что сильная, но чрезвычайно разбросанная в пространстве группа южных армий, наиболее плотно занимавшая северный участок своего фронта: Орск–Стерлитамак (1-я армия тов. Гая — 18 000–20 000 бойцов), имела против своих 52 000 бойцов 19 000 белых. Слабая 5-я армия со своими 10 000 бойцов оказалась против весьма сильной 49 000 белой группы Ханжина, и, наконец, на северных операционных направлениях соотношение сил было почти равное: на Сарапульско-Осинском направлении 22 000 красных (2-я армия) имели против себя 21 000 белых, а на Вятско-Пермском направлении против 27 000 красных (3-я армия) стояли 32 000 белых.

Самую операцию по преодолению Уральского хребта с попутным разгромом противостоящего противника командование Восточным фронтом мыслило выполнить следующим образом.

Правофланговые армии Восточного фронта (4-я, Туркестанская и 1-я) должны были закончить разгром Оренбургского и Уральского казачеств. Затем 1-я армия должна была двумя колоннами направиться на г. Челябинск. Правая колонна (24-я стрелковая дивизия) следовала туда, обходя Уральский хребет с юга, через Оренбург–Орск–Троицк. Левая колонна (20-я стрелковая дивизия) от Стерлитамака нацеливалась на Верхнеуральск, пересекая Уральский хребет, и оттуда брала направление на Челябинск. В задачу 5-й армии входило преодоление Уральского хребта на своем участке, выход на тыловые сообщения Пермской группы противника при движении на Златоуст–Челябинск, и помощь правому флангу 2-й армии. 2-я армия должна была стремиться к охвату левого фланга Пермской группы противника, что неминуемо приводило ее к предварительному столкновению с равносильной ей средней группой белых. Наконец, сильная 3-я армия получала пассивную задачу по сковыванию с фронта противостоящей ей группы противника.

План командования красным Восточным фронтом также отличался широтой замысла и размаха и также заставлял учесть возможность дальнейшего питания армий фронта пу-

тем местных мобилизаций. Обстановка минуты, казалось, в этом отношении требовала осторожной оценки. Но в этом-то и заключалась сила политического предвидения нашего политико-стратегического руководства, которое, несмотря на ряд временных колебаний крестьянской стихии, сумело усмотреть волну тяжелых крестьянских резервов, подымавшуюся навстречу ему из-за линии белого фронта и дававшую уже о себе знать вспышками красного партизанского движения в разных местах Сибири.

Обращаясь к сравнению и оценке планов действий обеих сторон, отметим прежде всего, что оба они были проникнуты духом активности, что и придало весьма оживленный характер последующим боевым действиям. В частности, обращаясь к плану белых, мы должны признать, что выполнение плана обрисовывалось в очень простых линиях: оно сводилось к нанесению двух сильных ударов на северном и центральном операционных направлениях. Последним ударом перерезывались коммуникации опасной для противника сильной красной Южной группы и сама группа отжималась к югу. Таким образом, белые получали возможность развязать контрреволюционные силы Оренбургского и Уральского казачеств и обеспечить свое влияние на Туркестан. Единственное, на что белые не могли рассчитывать, — это на политическое обеспечение своей операции из-за резко враждебного к ним отношения местного населения и тех микробов разложения, которые непрерывно подтачивали изнутри спайку белых армий.

Обращаясь к анализу плана красных, следует отметить его сложность и замысловатость, что явилось следствием отсутствия расчета времени и пространства. Действительно, одного взгляда на карту достаточно для того, чтобы убедиться в том, что обходный маневр 1-й армии не мог по расчету времени оказать влияния на ход событий на фронте 5-й армии, которой приходилось иметь дело с вчетверо сильнеешим противником. Даже если бы 5-й армии и удалось разбить этого противника, то выход ее на тылы Пермской группы белых оказал бы свое влияние на ее действия через очень продолжительное время (от места расположения 5-й армии до Челябинска — 300 км, а оттуда до Екатеринбурга —

ныне Свердловск — еще около 200 км). Наконец, задачи, поставленные 2-й и 3-й армиям, приводили их к фронтальным столкновениям с равносильными группами противника, так как 2-я армия при выполнении своей задачи не могла избежать столкновения с Осинской группой белых (сводный корпус).

Предпосылкой общего перехода противника в наступление явилась его частная операция против правого фланга 2-й красной армии с предварительным ударом по ее левому флангу, в результате которой правофланговая дивизия этой армии (28-я) в 20-х числах февраля 1919 г. была отброшена к г. Сарапулу и потянула за собой 2-ю армию к р. Каме; из-за этого левый фланг нашей 5-й армии в районе Уфы оказался обнаженным, а правый фланг 3-й армии осадил к г. Оханску. Таким образом рядом частных ударов в течение февраля 1919 г. противнику удалось подготовить себе выгодное исходное положение для общего перехода в наступление.

Оно началось 4 марта 1919 г. Сибирская армия генерала Гайды, нанося главный удар в промежуток между гг. Оханск и Оса, добилась ряда частных успехов на участках наших 3-й и 2-й армий. В течение 7 и 8 марта она овладела гг. Оса и Оханск и продолжала развивать свое наступление к линии р. Камы. В дальнейшем это наступление проходило также под знаком территориальных успехов, замедленных, однако, пространственностью театра, весенним бездорожьем и сопротивлением наших войск. Кроме территориальных успехов противник сумел причинить нам и ряд потерь в материальной части, захватил многие заводы и нанес значительные потери 2-й красной армии. Так, только 7 апреля противнику удалось вновь утвердиться в Ижевско-Воткинском районе и 9 апреля занять г. Сарапуль. 15 апреля крайние правофланговые части Сибирской армии вошли в совершенно бездорожном и диком Печорском районе в соприкосновение с мелкими партиями Северного белого фронта; но это событие, как и следовало ожидать, не имело никаких стратегических последствий.

В течение второй половины апреля наступательный порыв армии Гайды под влиянием усилившегося сопротивления 3-й красной армии ослабел. Некоторые территориальные достижения она имела еще на своем левом фланге,

отбросив правый фланг 2-й красной армии за нижнее течение р. Вятки.

Несравненно более бурным темпом и с более значительными результатами с самого же начала развернулось наступление армии Ханжина, начавшееся 6 марта. Ударная группа этой армии пришлось как раз в свободном промежутке между внутренними флангами 5-й и 2-й армий. Обрушившись на левый фланг 5-й армии (левофланговая бригада 27-й стрелковой дивизии), ударная группа белых отбросила левофланговую бригаду 5-й армии и, круто загибая к югу, движением по тракту Бирск—Уфа почти безнаказанно начала резать тылы растянутых в нитку обеих дивизий 5-й армии (27-й и 26-й стрелковых). После 4-дневных боев оперативное взаимодействие частей 5-й армии было нарушено, и ее остатки, разбившись на две группы, стремились только прикрыть два важнейших направления на ее участке: Мензелинское и Бугульминское. Введение в дело частных резервов на участке 5-й армии и попытки помочь 5-й армии активными действиями группы, сосредоточенной на левом фланге 1-й армии в районе Стерлитамака, предпринятые командованием Восточного фронта в промежуток времени с 13 по 31 марта, не могли восстановить ее положение, и, развивая свой успех на ее участке, 6 апреля 1919 г. противник занял уже г. Белебей, что окончательно определило отход 5-й армии в двух расходящихся направлениях: на Симбирск и Самару. Наступление противника на Симбирском направлении особенно угрожало как г. Чистополю, в котором были сосредоточены значительные хлебные запасы, столь необходимые голодному центру, так и самой Казани.

Таким образом наступление армии Ханжина вылилось уже в стратегический прорыв центра Восточного фронта. И если это событие не оказало своего губительного влияния на положение дел на всем фронте, то причиной этому является своеобразие условий гражданской войны. Пространственность боевых участков и малая насыщенность их войсками создают легкие условия маневренности для небольших отрядов. Как ни был глубок прорыв белых, он не распространил своего влияния на соседние группы войск, что и дало возможность подготовить ответный контрманевр, но этот

маневр требовал времени для своего осуществления, а пока командованию Восточным фронтом приходилось лишь думать о сохранении своего положения на главнейших операционных направлениях.

Но как бы то ни было, Восточный фронт, как и летом 1918 г., в эти тяжелые дни вновь привлек к себе внимание широких народных масс и их передовой партии во всей стране. Революционная самостоятельность масс, подогретая призывом тов. Ленина, который говорил по поводу подготовки мобилизации профсоюзов для Восточного фронта: «Чтобы укрепить свою победу, нужны методы новые, решительные, революционные», — эта самостоятельность, охваченная организационными рамками партии, в короткий срок дала свои результаты. Вскоре мощная струя активных и политически сознательных пополнений, в лице членов профсоюзов и рабочих-добровольцев из 22 губерний республики, направилась на Восточный фронт. Ряд телеграмм из различных городов республики свидетельствовал об огромном энтузиазме, с которым проходили партийные и профессиональные мобилизации для Восточного фронта. Туда же направились и стратегические резервы главного командования в виде 2-й стрелковой дивизии и двух стрелковых бригад (бригада 10-й стрелковой дивизии из Вятки и бригада 4-й стрелковой дивизии из Брянска), а также 22 000 укомплектований. Кроме того, в распоряжение командования Восточного фронта поступала 35-я стрелковая дивизия, заканчивавшая свое формирование в Казани, и подтягивалась им же с Вятского направления 5-я стрелковая дивизия.

В создавшейся сложной обстановке на Восточном фронте решительную роль предстояло сыграть Южной группе красных армий во главе с ее командующим тов. Фрунзе¹. С именем последнего связан решительный перелом кампании на Восточном фронте, положивший собою начало разгрома всех вообще вооруженных сил контрреволюции. Таким образом, весьма поучительным представляется остановиться более подробно на ряде операций, подготовленных и проведенных

¹ Эта группа образована 19 марта 1919 г. под командованием тов. Фрунзе в составе 1-й, 4-й и Туркестанской армий.

тов. Фрунзе, которые в совокупности и составляют контрманевр Южной группы.

Для лучшего выяснения себе дальнейшего хода событий мы вернемся несколько назад — к более подробному описанию исходного положения Южной группы и ее перегруппировкам в связи с прорывом фронта 5-й армии. На фоне этого положения легче будет выявить ту ценную подготовительную работу, которая по собственной инициативе была проведена тов. Фрунзе и явилась одной из главных предпосылок благоприятного развития будущей операции.

В начале марта 1919 г. общая группировка войск группы тов. Фрунзе была такова. От Каспийского моря до Илецкого городка фронт против уральских казаков занимала 4-я армия (22-я и 25-я стрелковые дивизии — до 16 000 бойцов. От Илецкого городка, через Актюбинск, до Орска включительно располагалась Туркестанская армия — 12 800 бойцов. Наиболее сильным являлся фронт 1-й армии — от Орска (исключительно) до Стерлитамака. Здесь было сосредоточено до 20 000 бойцов (20-я и 24-я стрелковые дивизии, Оренбургская и Илецкая группы). 1-я армия, согласно первоначальным предположениям командования Восточным фронтом, которые не были отменены при начавшемся откате назад 5-й армии, должна была наступать на фронт Кустанай—Троицк, почему сосредоточила на своем правом фланге всю 24-ю стрелковую дивизию. Никаких собственных резервов группа не имела.

Таково было положение, которое застал тов. Фрунзе, вступая в командование группой. Как только неустойчивость на фронте 5-й армии начала принимать вполне определенные формы, что выяснилось уже в половине марта, тов. Фрунзе позаботился об упрочении своего положения на Оренбургском направлении и о создании себе определенного стратегического резерва. Это было достигнуто частичным ослаблением 4-й армии, из которой бралась одна стрелковая дивизия (25-я), но армия зато получала лишь оборонительную задачу. Туркестанская армия получала задачу прочного обеспечения Оренбургского района и поддержания связи с Туркестаном, почему и усиливалась одной бригадой 25-й стрелковой дивизии. Две остальных бригады этой дивизии перевозились в Самару — узел путей на Уфу и Оренбург. В дальнейшем 4-й и

Туркестанской армиям пришлось сдерживать энергичной активной обороной оживившуюся наступательную деятельность оренбургских и уральских казаков.

Сложнее обстояло дело в 1-й армии. Ее правый фланг (24-я стрелковая дивизия) в начале апреля успешно развивал свое наступление на Троицк, в то время как левому флангу пришлось для помощи 5-й армии направить сначала три полка к Стерлитамаку, а затем двинуть бригаду на Белебей. Эти силы не оказали существенного влияния на положение дел в 5-й армии. В частности, противник успел предупредить в Белебее направленную туда бригаду из 1-й армии. В силу предварительного ослабления своего левого фланга, хотя и с совершенно правильной целью помощи своему соседу, 1-я армия ничем уже не могла реагировать на занятие противником Стерлитамака, что случилось 4 апреля 1919 г. Занятие же Белебея создавало непосредственную угрозу тылам 1-й армии, что заставило прекратить победоносно развивавшееся наступление правого фланга 1-й армии, т.е. 24-й стрелковой дивизии. Под прикрытием упорных боев остатков 20-й стрелковой дивизии, сдерживавшей натиск противника от Белебея в южном направлении и постепенно осаживавшей за р. Салмыш, после 12-дневных непрерывных маршей удалось убрать назад правый фланг армии, сильно вырвавшийся вперед, и оттянуть 24-ю стрелковую дивизию в затылок 20-й — в район с. Ивановка на р. Ток. Этот искусный и вполне соответствующий обстановке отступательный маневр 1-й армии заставил Туркестанскую армию также выполнить частичную перегруппировку на марше назад, и к 18–20 апреля 1919 г. ее новый фронт проходил по линии Актюбинск–Ильинская–Воздвиженская, что в свою очередь вынудило тов. Фрунзе подкрепить общее положение своих двух армий выдвижением стратегического резерва в район Оренбург–Бузулук.

Таким образом искусные перегруппировки тов. Фрунзе в период, предшествовавший началу решительной операции, способствовали как упрочению положения левого фланга его группы, так и накоплению стратегических резервов вблизи решающего направления будущего контрманевра.

Общая идея контрманевра Южной группы и план операции тов. Фрунзе представляются в следующем виде. Послед-

ние перегруппировки 1-й армии и левого фланга Туркестанской армии проходили уже тогда, когда идея решительного контрманевра Южной группы вылилась в окончательную форму. Идея этого маневра назревала постепенно и по мере своего уточнения принимала более широкий размах. 7 апреля командование Восточного фронта намечало лишь сосредоточение всей 1-й армии в районе Бузулук—Шарлык для удара по противнику, наступающему в направлении Бугуруслан—Самара¹. 9 апреля РВС Восточного фронта уже расширял оперативные рамки Южной группы, включая в ее состав 5-ю армию и предоставляя при этом ее командованию почти полную свободу действий. Тов. Фрунзе в зависимости от времени окончания перегруппировки его сил предоставлялось нанесение решительного удара до окончания весенней распутицы или после нее, причем ближайшей целью этого удара являлся вывод левого фланга 1-й армии на Самаро-Златоустовскую железную дорогу для обеспечения вывода в резерв совершенно расстроенной боями 26-й стрелковой дивизии (5-й армии)².

Однако на следующий, день, то есть 10 апреля, в результате совещания, происходившего в Казани между предреввоенсовета, главкомом и РВС Востфронта, последовала директива последнего от 10 апреля (Нр 123/с), согласно которой

¹ Подробности окончательного оформления контрманевра Южной группы рисуются в следующем виде. 7 апреля командовст С. С. Каменев по прямому проводу спросил согласия тов. Фрунзе на объединение под его командованием 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской армий. Согласие было дано, и тотчас же тов. Фрунзе на небольшом совещании установил в общих чертах основную идею своего плана. Тов. Фрунзе настаивал на немедленном начале операции, не дожидаясь сосредоточения всех сил, предназначенных главкомом на Восточный фронт (25-я, 31-я, 33-я, 35-я, 2-я стрелковые дивизии), на что потребовалось бы еще около месяца.

² Эта директива встретила возражения Фрунзе в том смысле, что точные указания фронтом задач для каждой из его армий делают излишним объединение в его лице управления ими, поскольку лишают его определенной оперативной самостоятельности.

Южной группе надлежало «разбить ударом с юга на север силы противника, продолжающие теснить 5-ю армию, собрав для этого кулак в районе Бузулук–Сорочинская–Михайловская (Шарлык)». Далее указывалось на необходимость приостановить продолжающийся отход частей 5-й армии на Бугурусланском и Бузулукском направлениях, но не за счет сил, предназначенных для решительного удара, а при помощи частей, формируемых в Самаре местным губвоенкомом. Таким образом, и эта директива в ее окончательной форме открывала весьма широкий простор для самостоятельного оперативного творчества тов. Фрунзе.

Одновременно с этой директивой последовало образование «Северной группы» из 3-й и 2-й армий, под общей командой командарма 2-й (В. И. Шорин), с задачей разбить армию генерала Гайды. Разграничительная линия между обеими группами проводилась через Бирск и Чистополь и устье Камы (все пункты для Северной группы).

Создавшееся к середине апреля 1919 г. на Восточном фронте соотношение сил позволяло рассчитывать на успешное выполнение этих задач. Действительно, общая группировка сил обеих сторон в середине апреля рисовалась уже следующим образом. На Пермском и Сарапульском направлениях против 37 000 бойцов красных войск действовало 33 000 бойцов противника; в районе прорыва противник располагал по-прежнему 40 000 бойцами против 24 000 бойцов красных войск, и таким образом здесь численное неравенство в силах, вместо четверного, бывшего в начале операции, уменьшилось почти до двойного, что явилось следствием предшествующих искусных перегруппировок, проведенных тов. Фрунзе в своей группе. Кроме того, на помощь красным на этот раз пришла и пространственность театра.

Армия Ханжина по мере своего продвижения вперед все более и более растягивала свой фронт. Заняв 16 апреля г. Бугуруслан, она растянулась уже на фронте в 250–300 км, имея свой правый фланг у устья р. Вятки, а левый — юго-восточнее Бугуруслана. На этом фронте веерообразно двигались пять пехотных дивизий противника. Сильно на уступе назад за этой армией оказывалась армейская группа ген. Белова из состава Южной армии Дутова, задержанная на Оренбург-

ском направлении энергичными действиями 1-й красной армии тов. Гая.

Тов. Фрунзе решил осуществить свою задачу следующим образом: сосредоточить ударную группу в районе г. Бузулука и ударить ею в левый фланг противника, отбрасывая его к северу, 5-я армия тем временем должна была остановить продвижение противника в направлении на Бугуруслан и вдоль Бугульминской железной дороги, прикрыв тракт Бузулук—Бугуруслан—Бугульма. Таким образом, главным объектом действий являлась живая сила противника, разгром ее означал благополучное разрешение всех прочих задач. Поскольку план контрманевра Южной группы, разработанный в подробностях М. В. Фрунзе, является поучительнейшим примером тонкой и четкой оперативной работы полководца, мы считаем необходимым подробнее остановиться на нем.

Общий замысел тов. Фрунзе в своем практическом выполнении распался на ряд отдельных задач, поставленных им своим армиям. Туркестанская и 4-я армии получали подтверждение своих прежних задач (удержание Оренбургской и Уральской областей). Производство главного удара возлагалось на 1-ю армию, и ее группировка для этой цели выполнялась по непосредственным указаниям самого М. В. Фрунзе. Обеспечивать перегруппировку должна была 20-я стрелковая дивизия, для чего ей надлежало удерживать фронт: Мелеус—Алешкино—Ратчино. 24-я стрелковая дивизия, за исключением одной бригады, перебрасываемой в ударную группу армии из района с. Ивановки (севернее р. Ток), своими активными действиями в направлении на Бугульчак должна была задерживать противника, выигрывая время до окончательного сосредоточения ударной группы в районе Бузулука. Для ее образования в состав 1-й армии из Туркестанской переходили: 31-я стрелковая дивизия и бригада 3-й кавалерийской дивизии. Их головные части должны были прибыть в район Бузулука не позднее 18 апреля. Кроме того, в состав ударной группы поступали: бригада 24-й стрелковой дивизии, перебрасываемая в район ст. Тоцкая, и из стратегического резерва М. В. Фрунзе — 75-я стрелковая бригада (2 полка), перевозимая в Бузулук. Прочие части стратегического резерва получили следующие назначения: 73-я стрелковая бригада

к 18 апреля перебрасывалась в район с. Безводновки для прикрытия сосредоточения ударной группы, поступая вместе с тем в ее состав; 74-я стрелковая бригада оставалась в Самаре в качестве общего резерва группы¹.

В распределении сил Южной группы прежде всего обращает на себя внимание соотношение между теми, которые предназначались для выполнения активной задачи, и теми, которые должны были выполнять пассивные задания. В состав первых в общем входили: вся 5-я армия (ослабленные 26-я, 27-я стрелковые дивизии, Оренбургская дивизия и часть 35-й стрелковой дивизии) — 10 700 штыков, 820 сабель, 72 орудия, занимавшая примерно фронт Н. Калмыковка — Архангельское²; ударная группа М. В. Фрунзе (в составе которой опять-таки образовывалась собственная ударная группа) — вся 1-я армия, за исключением 20-й стрелковой дивизии (24-я, 25-я, 31-я стрелковые дивизии³ и бригада 3-й кавалерийской дивизии) — 22 000 штыков, 2000 сабель, 80 орудий — в районе Ивановка — Зимниха — Бузулук⁴. Таким образом, на фронте в 200–220 км тов. Фрунзе для активных целей благодаря искусной перегруппировке развертывал 36 620 штыков и сабель, при 152 орудиях, оставляя для пассивных задач на всем остальном своем фронте, общим протяжением до 700 км — от с. Ивановки до Каспийского моря, — лишь около 22 500 штыков и сабель, при 80 орудиях⁵ (20-я и 22-я стрелковые дивизии, части Туркестанской армии и местные формирования в Оренбурге, Уральске и Илецке).

Далее обращает на себя внимание в составе самой группы активного назначения распределение сил между направления-

¹ 2-я стрелковая дивизия в это время лишь подходила по железной дороге к г. Самаре. К 19 апреля там сосредоточились всего 5 полков этой дивизии. Она нуждалась в пополнении.

² Протяжение фронта — 80 км; на 1 км фронта — 145 $\frac{1}{4}$ штыков и сабель.

³ Общий резерв группы — 74-я стр. бригада — посчитан в составе своей дивизии.

⁴ Протяжение фронта — 120 км; на 1 км фронта — 200 штыков и сабель.

⁵ На 1 км фронта приходится 32 $\frac{1}{7}$ штыков и сабель.

ми фронтального и флангового ударов. Первый выпадает на долю 5-й армии — 11 000 штыков и сабель (за округлением). Для второго тов. Фрунзе назначает около 26 000 штыков и сабель. Замечателен также прием тов. Фрунзе для обеспечения сосредоточения своего активного кулака: три бригады, обеспечивающих это сосредоточение (две бригады 24-й стрелковой дивизии и 73 стрелковая бригада 25-й стрелковой дивизии), получают задачи не пассивные, а наступательные.

Переходим теперь к рассмотрению видоизменений, внесенных в план тов. Фрунзе под влиянием новых данных обстановки, и прежде всего к анализу Бугурусланской и Сергиевской операций.

План тов. Фрунзе в его первоначальном виде имел целью начисто срезать клин вторжения противника, голова которого уже приближалась к средней Волге: противник грозил г. Чистополю на реке Волге (на участке 2-й красной армии)¹, а на участке 5-й армии сильно нажимал на Сергиевском направлении, оттеснив части 27-й стрелковой дивизии к ст. Челны. Угроза на Сергиевском направлении, по-видимому, особенно обеспокоила командование Восточного фронта, так как при развитии здесь успеха противника под угрозу попадали железнодорожные коммуникации Южной группы в районе ст. Кинель и могло быть сорвано все развертывание группы. Падение же Чистополя в связи с продолжающейся неустойкой на участке 2-й армии, которая 10 апреля уже отходила на правый берег р. Камы, создавало прямую угрозу и Казани. Вот почему в самые последние дни перед решительным контрманевром Южной группы он потерпел существенные изменения как в отношении распределения сил и задач между ними, так и в размахе самого маневра. Командование фронта направило находившиеся еще на колесах подкрепления не в район Бузулука (часть 2-й стрелковой, части 35-й стрелковой дивизии), а использовало их для фронтального прикрытия Волги в силу постановления РВС фронта от 16 апреля, указывавшего, что противник ни в коем случае не

¹ 25 апреля один из отрядов противника даже захватил этот пункт.

может быть допущен к линии р. Волги (усиление 5-й армии)¹. Кроме того, на усиление 5-й армии поступали две бригады из состава ударного кулака 1-й армии (25-я стрелковая дивизия, за исключением 73-й стрелковой бригады).

Таким образом численность войск, предназначавшихся для нанесения флангового удара противнику, уменьшалась до трех стрелковых и одной кавалерийской бригад (31-я стрелковая дивизия¹, 73-я стрелковая бригада, бригада 3-й кавалерийской дивизии), что свидетельствовало о перенесении центра тяжести нашего удара с фланга и тыла противника на его фронт, а это подчеркивалось и соответствующим перемещением наших сил: 5-я армия к 23 апреля числила в своем составе уже 24 000 бойцов, главным образом за счет ударной группы.

Оставшиеся части ударного кулака тов. Фрунзе получили наименование Туркестанской армии.

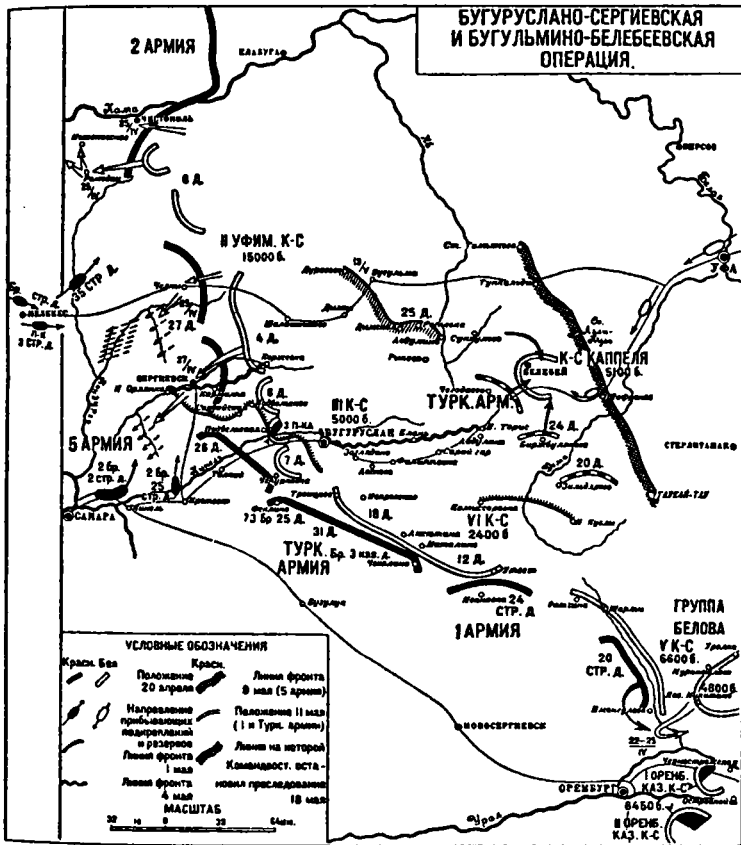
Вышеуказанные перегруппировки заставили тов. Фрунзе внести изменения и в свой первоначальный оперативный замысел. Эти изменения вытекали из тех сведений о противнике, которые в течение 16–20 апреля тов. Фрунзе удалось собрать из перехваченных у противника приказов. Согласно этим приказам и разведывательным сведениям, имевшимся в штабе группы, положение в отношении противника к 20 апреля складывалось следующим образом.

На Самарско-Сергиевском направлении нажимала сильная группа противника, в виде II Уфимского корпуса, численностью до 15 000 штыков и сабель (правый фланг этой группы дотягивался до г. Чистополя); III корпус противника (6-я и 7-я пехотные дивизии, егерский батальон, три полка конницы), общей численностью в 5000 бойцов, наступал от Бугуруслана на Самару, имея одну дивизию (6-ю) севернее,

¹ Один полк 2-й стрелковой дивизии был брошен на Мелекес, один – направлен на Симбирск, где находился штаб Восточного фронта, а один из полков главком Вацетис еще на пути свернул в Глазов на усиление 3-й армии. В дальнейшем командование Восточным фронтом направило на Мелекес и подходившую бригаду 4-й стрелковой дивизии.

² 31-я стрелковая дивизия была 2-бригадного состава.

БУГУРУСЛАНО-СЕРГИЕВСКАЯ И БУГУЛЬМИНО-БЕЛЕБЕЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

а другую (7-ю) южнее р. Кинель и конную группу, направленную на ст. Толкай. К 16 апреля корпус должен был выйти на фронт ст. Подбельская–Чепурновка. На уступе сзади и вне связи с III корпусом на фронт Покровское–Натальино–Утеева выходил к 19 апреля VI Уральский корпус белых, в составе всего лишь 2400 бойцов (18-я и 12-я пехотные дивизии).

В районе Белебея сосредоточился наспех закончивший свое формирование корпус ген. Каппеля, численностью 5100 штыков и сабель, имевший задачу по своему сосредоточении развить удар в промежутке между III и VI корпусами. Наконец, далее к югу и также на уступе назад по отношению к левофланговому корпусу армии Ханжина выдвигался на р. Салмыш на фронт Имангулово–Ратчино правофланговый (V) корпус Южной армейской группы ген. Белова. Численность этого корпуса достигала 6600 штыков и сабель. За левым флангом этого корпуса и на уступе назад в районе Уралка–Новоникитино находился в резерве IV корпус белых, общей численностью 4600 штыков и сабель. I и II Оренбургские корпуса, общей численностью 8450 бойцов, действовали на Оренбургском направлении, стараясь ударами с востока и юга захватить г. Оренбург и распространяясь далее на юг — до установления соприкосновения с Уральским казачеством. В Уральских степях действовала Илецкая казачья дивизия (1900 бойцов) и многочисленные отряды партизан.

Таким образом, к 20 апреля весь фронт белых был изломан из уступов справа, причем эти уступы не находились в боевой связи между собою. Особенно это относилось до III и VI белых корпусов. Такая группировка сил белых в пространстве и подсказала тов. Фрунзе вполне отвечающую обстановке цель — разгром по отдельности ближайших к нему уступов противника, а именно VI и III белых корпусов, причем главный его удар первоначально направлялся вразрез между ними обоими. Вместе с тем значительное усиление 5-й армии позволило дать ей более обширные в пространстве задачи, а ослабление сил ударного кулака заставило теснее увязать его действия с действиями фронтальной группы (5-я армия).

Поэтому окончательное решение тов. Фрунзе оформилось 19 апреля 1919 г. следующим образом. 1-я армия (тов. Гая), пе-

рейдя в решительное наступление, должна сковать VI корпус противника, обеспечивая тем самым Туркестанскую армию справа. Туркестанская армия получает задачу — совместно с 5-й армией разбить противника и отбросить его Бугурусланскую группу, т.е. III корпус, к северу, отрезая ее от сообщений с Белебеем, для чего армия должна выйти на фронт ж.-д. станции Заглядино—Бугуруслан. Конница Туркестанской армии ведет разведку между III и VI корпусами противника, держит связь с 1-й армией и наносит удар по тылам III корпуса белых на участке железной дороги Сарай Гир—Филиппово. 5-я армия решительно атакует противостоящего противника в общем направлении на Бугуруслан с целью овладения этим последним. Выполнение всех этих задач начинается по окончательном сосредоточении Туркестанской армии.

В то же время командование фронтом, обеспокоенное, как мы уже говорили, успехами противника на кратчайшем направлении к Средней Волге и ослабившее ради этого силы Южной группы за счет ее ударного кулака, решает при помощи задержанных подкреплений, направлявшихся в группу Фрунзе, организовать еще два самостоятельных маневра. Прежде всего командование стремится взять в клещи части II корпуса белых под Сергиевском — от Мелекеса и Кротовки, для чего предполагается использовать предназначавшиеся ранее в состав ударной группы Фрунзе 2-ю стрелковую и части 35-й стрелковой дивизии¹.

¹ По-видимому, командование фронтом рассчитывало на скорое прибытие 33-й стрелковой дивизии из Астрахани и 4-й стрелковой дивизии из центра страны, которые главное командование перебрасывало на Восточный фронт и предполагало ими усилить группу Фрунзе взамен взятых из нее частей, тем более что по новому замыслу командования Восточным фронтом наступление группы Фрунзе должно было начаться по окончании маневра против Сергиевской группы противника. Последующие события не оправдали этих предположений. Однако непосредственным их результатом было, как мы упоминали, направление бригады 4-й стрелковой дивизии главнокомандующим не на Алатырь, как первоначально ходатайствовало командование фронтом, а на Мелекес.

Таким образом, в окончательном варианте плана действий кроме главного удара на Бугурусланском направлении намечался еще новый вспомогательный удар на Бугульминском направлении (не считая уже ранее намеченного из района Шарлык). В связи с этим 2-я стрелковая дивизия 24 апреля передана в распоряжение командования Южной группы, но оставлялась еще на несколько дней до своего доукомплектования в районе Самары.

Угроза Чистополю заставила командование Восточного фронта искать обеспечения Казани в активизации Северной группы своих армий, почему 3-я армия получала задачу перейти не позднее 29 апреля в наступление с целью разбить противника, находившегося западнее р. Камы¹. Это был третий по счету маневр, намеченный командованием Восточного фронта, и наконец на Оренбургском направлении разыгрался и победоносно для красных завершился четвертый маневр, возникший вне воли красного командования и явившийся по существу удачным прологом к главному маневру Южной группы.

Прежде чем перейти к изложению дальнейших боевых событий, остановимся в двух словах на морально-политическом состоянии обеих сторон. Изношенная боевая ткань красных армий к началу активных действий группы М. В. Фрунзе

¹ Более широкие действия Северной группы армий, по мысли командвоста, должны были начаться по окончании весенней распутицы. По-видимому, Северная группа должна была выполнить самостоятельно такую же операцию по ликвидации противостоящего ей противника, которая теперь начиналась Южной группой. В своих донесениях главному командвост указывал, что для этого потребуется усиление 3-й армии одной, а 2-й — двумя бригадами. Отсюда можно сделать вывод, что командование Восточным фронтом в оценке возможного размаха операции Фрунзе предвидело доведение его до параллели Уфы и таким образом мыслило выполнить свою задачу в целом ряде последовательных операций. Учитывая пространственность театра и разброску на нем сил, это, конечно, являлось единственно возможным способом действий.

была значительно восстановлена. Струя партийных и профессиональных мобилизаций пролетариата влилась в них.

Для первых месяцев 1919 г. характерен доклад, который делал в Петрограде в Выборгском районе вернувшийся с Восточного фронта один товарищ. Докладчик полагал, что «сейчас особенно лихорадочный процесс строительства Красной армии прошел».

Жизнь армии начинает входить в свою обычную колею». Кроме того, докладчик был уверен, что коммунисты на фронте утесняются командным составом, что у них появляется мнение, будто «они на фронте оказываются лишними», и что это, по-видимому, происходит от неправильной политики «центральных военных сфер». В заключение указывалось, что необходимо посылать на фронт новые группы коммунистов, дабы «сменить уставших».

Следующее обстоятельство нашло отражение в тогдашней обстановке. В результате успехов советского оружия к концу 1918 г. многие полагали, что «лихорадочное строительство» армии уже закончено, в то время когда все дело в этом смысле было впереди. Далее, усталость, которая замечалась среди мобилизованных коммунистов на фронте, и возникновение и развитие так называемой «левой» военной оппозиции — все это, естественно, не могло не отразиться на боеспособности частей и явилось одной из причин первоначальных успехов наступления Колчака. Это наступление поставило вопрос совсем не так, что будто бы «жизнь в армии вошла в свою обычную колею». 10 апреля тов. Ленин обратился с особым воззванием к петроградским рабочим. Воззвание говорило, что для Восточного фронта питерские рабочие должны поставить на ноги все, мобилизовать все, и кончалось уверенностью, что «питерские рабочие покажут пример всей России».

11 апреля 1919 г. появились знаменитые «тезисы Центрального комитета РКП в связи с положением Восточного фронта». Призвав партию к напряжению всех сил и к мобилизациям, тезисы требовали проведения мобилизации через профессиональные союзы. Далее шло: усиление агитации среди мобилизуемых, замена всех мужчин-служащих женщинами, создание бюро помощи или комитетов содействия

Красной армии, широкое вовлечение через профсоюзы крестьян и особенно крестьянской молодежи неземледельческих губерний в ряды Красной армии и для продовольственной армии на Дону и Украине.

Между прочим, в Петрограде еще в конце 1918 г. было приступлено к созданию так называемых полков деревенской бедноты, куда каждый комитет бедноты посылал двух надежных крестьян для службы в Красной армии. В результате в Петрограде насчитывалось до трех полков, укомплектованных деревенской беднотой.

После опубликования обращения тов. Ленина и тезисов ЦК в Петрограде началась лихорадочная работа. Вопрос о мобилизации ставился на заседаниях ЦК и в собрании организаторов 22 и 23 апреля 1919 г. Было постановлено мобилизовать 20% членов партии, а союзам — 10% членов каждого союза для фронта и на Дон — в последнем случае с целью укрепления советской власти и строительства советских организаций. Затем решили провести мобилизацию в Союзе молодежи и в комиссариатах, которые по возможности переводили на обслуживание женским трудом. В связи с тем что Юденич в Гельсингфорсе собирал уже «всякую добровольческую сволочь», считали, что если отправить десятки тысяч питерских рабочих на Восточный фронт, на Дон и на Украину, то в Петрограде останется еще свыше 100 000 рабочих, а с ними, «усилив бдительность», можно защитить Петроград.

В Москве ввиду мобилизации 1890–1886 гг. президиум ВЦСПС постановил даже в такой важной категории трудящихся, как железнодорожники, мобилизовать 30% квалифицированных рабочих, а в союзах мобилизовать всех ответственных работников профдвижения, оставив лишь самых необходимых. 17 апреля на Московской конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов выступал тов. Ленин, а после его речи была оглашена записка 50-летнего рабочего, который заявлял, что он ныне берет винтовку в руки и становится защищать своей кровью советскую власть.

ВЦСПС обратился к рабочим Советской России с двумя воззваниями. О том, как на местах организации отнеслись к призыву партии, можно судить по тому, что в Сызрани само-

стоятельно в 5 дней создали 1-й коммунистический полк в 1200 чел., в Симбирске были мобилизованы все коммунисты; в Самаре профессиональные союзы были объявлены на военном положении; Нижний Новгород проводил поголовную мобилизацию, сформировал рабочий ударный батальон.

25 апреля в Москве состоялось заседание ВЦИКа, принявшее два чрезвычайно важных декрета. Первый объявлял мобилизацию крестьянства — каждая волость должна была дать от 6 до 20 человек, по возможности бывших солдат. Второй декрет объявлял амнистию всем арестованным за борьбу против советской власти, но не участвовавшим непосредственно в выступлениях против нее.

29 апреля 1919 г. Центральный комитет партии ввиду чрезвычайно напряженного положения на фронтах обратился к организациям с призывом: три четверти наличных своих сил предназначить к организации и отправке пополнений, спешному формированию частей, их снаряжению и т.д. Основной лозунг был: дать максимум сил и средств фронту.

Нечего и говорить, что Первомайский праздник 1919 г. прошел под этим лозунгом, а соединение всех указанных мер с великим подъемом рабочего класса и трудящихся с неизбежностью создали перелом на Восточном фронте. В результате получилось не только восстановление боеспособности, но и высокий подъем политической сознательности. Массы были готовы к восприятию новых тягостей во имя победоносного окончания гражданской войны.

Иначе обстояло дело в стане противника. Ко времени назревания переломных событий на Восточном фронте крестьянская стихия в рядах белых армий начала переживать тот же процесс массового перехода крестьянства на сторону революции, который уже достаточно конкретно выразился в сибирском тылу. Об этом процессе свидетельствовали факты массового подъема партизанского движения и отхода от Колчака мелкой буржуазии и зажиточных слоев интеллигенции. Этот революционный сдвиг в крестьянской психологии получил свое непосредственное выражение и в начавшемся развале белых армий, дававшем себя знать весьма ощутительными фактами. Мы уже упомянули о подготовительных мероприятиях по организации контрманевра тов. Фрунзе, имевшем место на правом фланге 1-й армии.

В своем стремлении поскорее овладеть Оренбургом ген. Белов, после ряда неудачных атак на него с фронта, решил ввести в дело свой резерв — IV корпус ген. Бакича. Этот последний, переправившись через р. Салмыш у Имангулова на крайнем правом фланге 20-й стрелковой дивизии, должен был содействовать с севера захвату Оренбурга и в случае уда-чи, продвинувшись на Ново-Сергиевское, завершить окру-жение 1-й красной армии совместно с V и VI корпусами бе-лых. Однако, быстро и искусно перегруппировав свою армию, тов. Гай в трехдневном бою, с 22 по 25 апреля, на голо-ву разбил группу Белова, почти полностью уничтожив две ее дивизии, причем остатки IV корпуса перешли на сторону красных. Поражение группы Белова имело стратегическое значение, так как благодаря ему обнажились тыловые сооб-щения армии Ханжина на Белебей, а 1-я армия получила зна-чительную оперативную свободу.

Останавливаясь на эпизоде разгрома IV корпуса ген. Ба-кича, мы прежде всего должны отметить его социальную зна-чимость, свидетельствующую о полном нарушении того не-устойчивого равновесия, которое еще кое-как держалось внутри колчаковских армий между командным составом и солдатской массой. Вся предшествующая политика Колчака в отношении крестьянства неминуемо приводила к разрыву с последним. Разгромленный IV корпус был укомплектован крестьянами Кустанайского уезда тотчас по подавлении в нем кровавыми и бессмысленными мерами крестьянского восстания. Крестьяне, укомплектовавшие этот корпус, виде-ли в своем командном составе главных виновников своих массовых расстрелов и порок. Корпус Бакича, как покажут дальнейшие события, не являлся исключением из общего правила, а лишь более непосредственно и ярко выразил об-щую картину процесса разложения белых сил.

Но пока назревали грозные для Ханжина события на ле-вом фланге его армии, голова клина этой армии, уменьшив-шейся уже до 18 000–22 000 штыков, продолжала свой бег к Волге, несмотря на обнаружившиеся в ней признаки разло-жения. 25 апреля части армии Ханжина заняли ст. Челны вблизи г. Сергиевска, что ставило под угрозу Кинель — узло-вую станцию на тыловой железнодорожной коммуникации

всей Южной группы с ее основной базой. В тот же день пал г. Чистополь. Эти события побудили командование Восточного фронта приказать Южной группе перейти в наступление, не дожидаясь даже окончательного сосредоточения Туркестанской армии. Равным образом было приказано на Чистопольском направлении перейти в наступление и правому флангу 2-й армии с целью обратного взятия Чистополя.

Успех на фронте 1-й армии позволил поставить ей более широкие активные цели, а именно: 24-я стрелковая дивизия этой армии получила задачу наступать прямо на Белебей; Туркестанская армия (4 бригады) с 65-км фронта Чекалино—Феклино наступала прямо в северном направлении; 5-я армия переходила в наступление на Бугурусланском, Сергиевском и Бугульминском направлениях, имея за своим правым флангом 2 бригады 2-й стрелковой дивизии.

Результаты наступления сказались уже 28 апреля, когда в бою юго-восточнее Бугуруслана были наголову разбиты 11-я¹ и 6-я пехотные дивизии противника.

К 1 мая фронт 5-й армии шел южнее Заглядино (к юго-востоку от Бугуруслана), далее проходил по линии р. Кинель до с. Подбельское, затем уклонялся на юго-запад через с. Сарбайская (40 км к северу от Кротовки — узловой станции Сергиевской ветки), затем вновь поворачивал на северо-запад к с. Н. Орлянка, причем ударная группа на целый переход отстала от 5-й армии. Ее фронт проходил по линии Троицкое (Тоузаново) на р. М. Кинель (25 км к юго-востоку от Заглядино) — Асекеева; части 1-й армии достигли линии Комиссаровка—Н. Кузли (40 км к юго-востоку от сел. Михайловское—ст. Сарай-Гир).

¹ Для подкрепления выше приведенного нами утверждения о начавшемся внутреннем развале в армии белых весьма интересны подробности разгрома 11-й пехотной дивизии белых. Он начался с перехода на сторону красных 41-го пехотного полка, перебившего предварительно всех своих офицеров, за исключением четырех, которых солдаты считали своими за их крестьянское происхождение и за продолжительное проживание в тех же местностях, откуда происходили солдаты, пошедшие на укомплектование этого полка.

Однако пространственность театра замедлила на некоторое время стратегические результаты флангового удара тов. Фрунзе. Вот почему в эти дни II корпус белых одержал еще некоторые тактические успехи, отбросив части 5-й армии на р. Чернавку и за р. Шламку, причем 27 апреля в его руки перешел г. Сергиевск, а на Чистопольском направлении потеснил наши войска от Ромодана к Ново-Спасскому.

В последующие дни наступление Южной группы продолжало развиваться успешно, причем командование Восточного фронта для скорейшего воздействия маневра ударной группы на силы противника на Симбирском и Самарском направлениях распорядилось уклонить ось наступления Туркестанской армии несколько более к западу, нацелив ее на г. Бугульму, а правый фланг 5-й армии — на ст. Шалашниково, что еще более сокращало первоначальный размах охвата нашей фланговой группы.

Этими распоряжениями ударная часть Южной группы должна была перестроить свой фронт с северо-восточного на северо-западное направление. В развитие их тов. Фрунзе 1 мая имел целью двойным охватом уничтожить группу противника, оперировавшую юго-восточнее г. Сергиевска, для чего 1-я армия должна была активными действиями своего левого фланга сковать противника в районе с. Абдулино; Туркестанская армия заходила своим правым флангом прямо на Бугульму, а 5-я армия, в состав которой вливались подкрепления, о которых мы говорили выше (части 2-й и 35-й стрелковой дивизии), должна была организовать двойной охват II корпуса белых от Бугуруслана и Мелекеса. По ликвидации Сергиевской группы противника предполагалось совокупными усилиями отбросить к северу его Бугульминскую группу, отрезав ее от сообщений с Уфой.

Сергиевская операция развертывалась для нас также успешно. 4 мая части 5-й армии овладели Бугурусланом, и фронт Туркестанской и 5-й армий шел по линии ее: Новый Торис—Елань—Бугуруслан; впереди на уступе под самым уже Сергиевском, на фронте Коржевка—Кармалка—Н. Орлянка, находились также части 5-й армии, наступавшие на г. Сергиевск с юга. Стратегическое положение II корпуса белых, угрожаемого с фланга и тыла, становилось опасным и не могло

быть спасено тактическим успехом на Бугульминском направлении, результатом которого был отход левофланговых частей 5-й армии за р. Кондурчу. Действительно, уже 5 мая белым пришлось очистить г. Сергиевск и начать общий спешный отход на Бугульму. В этот день сказались и стратегические результаты контрманевра Южной группы. Они выразились в том, что белым пришлось отказаться от своих успехов и на правом фланге 2-й красной армии, т.е. воздействие маневра Фрунзе начало уже сказываться и на положении нашей Северной группы: 4 мая белые оставили г. Чистополь и начали свой отход на восток. Однако на участке 2-й армии Сибирская армия Гайды продолжала одерживать местные территориальные успехи, сильно тесня 28-ю стрелковую дивизию этой армии, принудив ее 4 мая уйти за р. Вятку.

Предвидя успешный исход Сергиевской операции, М. В. Фрунзе, еще до ее окончания, директивой 4 мая намечал уже параллельное преследование противника на Бугульминском направлении, уклоняя правый фланг 5-й армии на ст. Дымка, чтобы отрезать путь отхода противника из-под Сергиевска на Бугульму. Туркестанская армия должна была прикрыть этот маневр со стороны Белебея. Но уже 6 мая план тов. Фрунзе перерос эти рамки и вылился в обширную новую бугульминско-белебеевскую операцию.

Операции, развившиеся из решения тов. Фрунзе, принятого им 6 мая 1919 г., находятся в неразрывной связи между собою, вытекая одна из другой, почему мы и почитали возможным объединить их в одно название бугульминско-белебеевской операции. Ее основной замысел сводился к отрезанию противника от его тыловых сообщений на Уфу и отличался таким же широким размахом оперативного творчества, каким отличались и все предыдущие оперативные установки М. В. Фрунзе. Самая операция в ее характерных чертах рисовалась следующим образом.

1-я армия, активно обороняя Оренбург, должна была продвинуть войска Оренбургского района на фронт Островной—Черностожская—Муранталово. Остальные две дивизии этой армии (20-я и 24-я) должны были выйти на фронт Стерлитамак—Шафраново, обеспечивая этим маневром соседнюю слева Туркестанскую армию от возможного удара по

ней из района Стерлитамака. Последняя получала задачу, сосредоточившись в районе ст. Сарай-Гир, прямо наступать на г. Белебей.

5-й армии сохранялась прежняя задача по скорейшему выдвижению ее правого фланга в район ст. Дымка. Эта широко и блестяще задуманная операция повела бы к полному окружению противника, если бы группировка сил в пространстве отвечала этому замыслу. Но в результате предшествующих операций и уменьшения глубины обхода ударной группой Фрунзе еще при начале ее маневра, фронт трех армий Фрунзе к началу этой операции, в силу быстроты действий 5-й армии, оказался расположенным из уступов с левого фланга назад. На левофланговый, сильнейший и ближайший к противнику, уступ в виде 5-й армии выпадала задача фронтального наступления на противника в Бугульминском районе. Однако 5-я армия сама охватывала его своим правым флангом. На содействие же правого фланга 2-й армии с чистопольского направления рассчитывать не приходилось из-за значительного его удаления от левого фланга 5-й армии и медленности продвижения 2-й армии.

Повторяем, такое положение сложилось вне воли командования Южной группы. Командование группы могло лишь постепенно выправить его, что и выразилось в нацеливании Туркестанской армии не на Бугульму, а на Белебей с выполнением задачи по разгрому заканчивавшего там свое сосредоточение корпуса Каппеля.

Самая операция развернулась следующим образом. Как и следовало ожидать, 5-я красная армия первой вошла в соприкосновение с противником под Бугульмой, нанося главный удар своим правым флангом. 9 мая она развернулась на линии Авдулино–Репьевка–Дымская–Дурасова, причем особенно угрожающим для тыловых сообщений противника было положение ее правофланговой 25-й стрелковой дивизии (фронт Авдулино–Репьевка), почему ей и было приказано энергично продолжать продвижение на железнодорожный мост через р. Ик, чтобы завершить окружение Бугульминской группы противника. Под угрозой этого маневра

противник очистил Бугульму, и красные войска вступили в нее 13 мая 1919 г.

Туркестанская армия своими передовыми частями 11 мая вошла в соприкосновение с войсками белых в районе Белебея, а 13 мая развернулась в районе с. Чегодаево, имея на уступе справа и сзади, в районе Биржбулякова 24-ю стрелковую дивизию 1-й армии и еще далее на уступе назад в районе Зильдярово — 20-ю стрелковую дивизию той же армии. Собственно Белебеевская операция была проведена уже без оперативного подчинения 5-й армии тов. Фрунзе. Новый командовост тов. А. А. Самойло решил использовать 5-ю армию для содействия Северной группе красных армий. 10 мая 5-я армия перешла в непосредственное подчинение командованию Восточного фронта, и ей было приказано по занятии Бугульмы перестроить свой фронт в северо-восточном направлении по линии Рыково—Бугульма—р. Кичуй, в предвидении дальнейшего движения на помощь 2-й красной армии; 14 мая Самойло опять уклонил главные силы 5-й армии на Белебей, приказав направить на него 25-ю стрелковую дивизию и вывести в свой резерв 2-ю стрелковую дивизию в район Суккулово.

17 мая Самойло дал новую директиву, определившую крутой поворот главных сил 5-й армии на север. Ей указывалось, прочно обеспечивая направления Бугульма—Уфа и Бугульма—Бирск, переправиться через р. Каму на участке г. Елабуга — устье р. Вятки и нанести удар левому флангу противника, действующего севернее р. Камы. Одновременно должны были перейти в наступление на противостоящего перед ними противника 2-я и 3-я красные армии. Но так как узел сопротивления противника в районе Белебея не был еще ликвидирован, то в распоряжение тов. Фрунзе из состава 5-й армии передавались две дивизии (25-я стрелковая из района Авдулино и 2-я стрелковая из района с. Суккулова). Кроме того, 1 дивизия 5-й армии выдвигалась вдоль железной дороги Бугульма—Уфа для помощи Южной группе. 19 мая Самойло приказывал 5-й армии переправляться для удара в тыл противнику не через Каму, а через р. Белую.

Таким образом, Белебеевская операция была проведена тов. Фрунзе лишь при косвенном содействии 5-й армии¹, причем единство управления на Белебеевском направлении было нарушено. Тов. Фрунзе не внес изменений в предшествующие задачи 1-й и Туркестанской армии и лишь требовал весьма энергичного их выполнения ввиду ясных признаков разложения в войсках противника. 25-я стрелковая дивизия получила задачу охвата Белебея с севера. Сопротивление частей корпуса Каппеля, одна за другой подходивших к Белебею, угрожаемого захватом в клещи с севера и юга, не было особенно продолжительным, и уже 17 мая корпус очистил Белебей и беспорядочно отходил за р. Белую по направлению к Уфе. Однако, недооценивая размеров поражения противника на Уфимском направлении, Самойло 18 мая остановил преследование Южной группы на линии гор Таукай-гау–Шафранова–оз. Лели-Куль–Тюпкильды–ст. Тамьянова, запретив переходить ее без своего приказа. Это его решение объясняется опасением отдельного поражения далеко вырывающихся при преследовании частей. Он желал вести его планомерно и сосредоточенно².

¹ Таким образом, 5-я армия за время с 11 по 19 мая получила целый ряд одно другое исключаящих указаний. 11 мая Самойло предусматривал нацеливание ее прямо на север для действий по тылам группы противника, ведущей борьбу за рубеж р. Вятки, затем 14 мая сворачивает ее на Белебей, 17 мая вновь ворочает прямо на север, а 19 мая уклоняет на северо-восток. Такие методы управления вызвали горячий протест ее командующего М. Н. Тухачевского. Вместе с тем в том назначении, которое Самойло давал 5-й армии, можно усмотреть отказ его от самостоятельной операции Северной группой армии, которую Каменев мыслил осуществить ударом 2-й армии в направлении Сарапуль–Воткинск и ударом 3-й армии в охват правого фланга противника. Некоторые исследователи (Огородников) указывают, что Самойло в этом случае явился лишь простым исполнителем распоряжений главкома Вацетиса.

² Тов. Фрунзе был несогласен с этой обстановкой. В телеграмме № 01645 от 19 мая он настаивал на немедленном проведении операции с целью овладения районом Уфы. После этого последовала директива Самойло от 19 мая о продолжении преследования. Она и директива от 18 мая и определили задачи армий фронта на время уфимской операции. Эти задачи изложены нами в начале главы.

Белебеевская операция явилась заключительным звеном в той цепи операций, на которую распался маневр Южной группы, начало коего можно отнести к 22 апреля (встречные бои 1-й армии на реке Салмыш).

В течение почти месяца тов. Фрунзе блестяще выполнил возложенную на него трудную задачу и окончательно вырвал наступательную инициативу из рук противника. Моральные последствия контрманевра были не менее велики: они окончательно расшатали внутренние связи колчаковских армий.

Пока в центре красного Восточного фронта назревал благоприятный перелом в операциях, на соседних участках противник продолжал еще одерживать временные успехи. В Оренбургской и Уральской областях, пользуясь ослаблением действовавших там войск, противник также проявил усиленную деятельность: он неудачно пытался овладеть г. Оренбургом и временно утвердился в г. Александрове-Гае. На фронте 2-й армии противнику удалось произвести 13 мая частичный прорыв фронта в районе с. Вятские Поляны (на р. Вятке), но силами частных резервов 2-й армии этот прорыв был ликвидирован.

Тем временем в районе Мензелинска в 20-х числах мая обозначилось уже давление 5-й армии, что заставило противника оттянуть часть своих сил с линии р. Вятки на восток. Этим воспользовалась 2-я красная армия и 25 мая перебросила свой правый фланг (28-ю стрелковую дивизию) на восточный берег р. Вятки, а затем переправила остальные свои силы, быстро выдвинувшись в Ижевско-Воткинский район, что положило предел дальнейшим наступательным попыткам Сибирской армии генерала Гайды.

Гайде вскоре пришлось отказаться и от того активного маневра, который он предпринял было своим правым флангом на вятском направлении с целью парализовать маневр 2-й красной армии. Несмотря на то что в начале июня Гайда потеснил 3-ю красную армию и временно занял г. Глазов, ему вскоре под влиянием общей обстановки на фронте пришлось начать свое отступление.

Теперь явилась возможность обратиться к использованию и расширению успеха, достигнутого на центральном участке фронта тов. Фрунзе. Командование Восточного фронта в первую очередь имело в виду группу противника,

действовавшую севернее р. Камы, атаковать которую должны были 3-я и 2-я армии, а 5-я армия должна была подготовить в низовьях р. Белой переброску двух своих дивизий на правый берег р. Камы для содействия этим армиям. Остальные же ее дивизии, переправившись через р. Белую, должны были содействовать Южной группе в овладении Уфимским районом. Последняя, кроме этой задачи, должна была энергично подавить наступательные попытки оренбургских и уральских казаков. Уральцы, пользуясь материальной поддержкой англичан из Персии через Гурьев, обложили уже Уральск, а оренбургские казаки подступали к самому Оренбургу. Оба эти пункта находились в очень тяжелом положении.

Благополучное завершение Белебеевской операции развязало руки командованию Южной группы в этом отношении. Командование группы получило возможность усилить войска, действовавшие в Оренбургской и Уральской областях, тремя бригадами пехоты и начать энергичные операции против повстанцев в районе Оренбург–Илецкий городок и против уральских казаков в районе Новоузенск–Александров-Гай.

В некоторой связи с событиями на Восточном фронте стоят и события на Северном фронте, который, как мы уже указывали, был создан Антантой для взаимодействия с главным фронтом — Восточным. Этого взаимодействия, однако, до конца существования Северного фронта достигнуто не было. В тот период, когда на Пермско-Вятском направлении армии Колчака напрягали все силы для развития наступательной активности, белые силы Северного фронта оказались не в состоянии проявить сколько-нибудь заметную активность.

Суровые климатические условия северного театра в Мурманском и Архангельском районах определили приостановку на нем крупных боевых операций на зимний период. Наиболее значительным событием там в течение зимы 1918/19 г. явилась борьба за обладание Шенкурском, который 25 февраля 1919 г. перешел в руки красных войск¹.

¹ На шенкурском направлении действовали американские части. Они, как и прочие войска интервентов, за исключением английских, постепенно покинули Северный фронт в течение весны и лета 1919 г.

Следствием его ликвидации явилось возвращение под советскую власть берегов Северного Ледовитого океана с двумя незамерзающими портами и с территорией в 640 000 кв. км, при населении в 640 000 чел.

В оперативном отношении действия сторон на Северном фронте, как второстепенном, не представляют особого интереса. Малодорожье этого театра, наличие громадных труднопроходимых пространств, редкость населения, суровый климат — все эти условия стесняли оперативную свободу армий. Но зато события на этом театре представляют значительный тактический интерес. Исследователь, изучающий действия в лесах и зимних условиях, найдет много интересного и поучительного в боевых эпизодах этого фронта, сжатого тундрой и дремучими суровыми лесами севера.

**Уфимская операция.
Форсирование красными армиями
Уральского хребта.
Преследование белых армий в Сибири**

Командование Восточного фронта (командовал тов. Самойло), решившись на продолжение преследования противника, по-прежнему возлагало наиболее активные и ответственные задачи на Южную группу (тов. Фрунзе). После окончания Бугульминско-Белебеевской операции оно поставило Южной группе следующие задачи: продолжая преследование противника, овладеть Уфимско-Стерлитамакским районом (самый город Стерлитамак еще 28 мая был занят конницей 1-й армии), подавить восстание в Оренбургской и Уральской областях и прочно обеспечить за собою эти области. Содействие Южной группе должна была оказать 5-я армия, нацелившая в это время ось своего движения на Красноуфимск¹, выделением полутора дивизий на р. Белую для переправы через нее в район сел. Ах-

¹ По поводу этого направления движения 5-й красной армии на Красноуфимск см. в предшествующей главе директивы этой армии, данные тов. Самойло.

лыстино. Таков был общий смысл директив командования Восточного фронта от 18 и 19 мая.

Командование Южной группы задачу по овладению Уфой возлагало на Туркестанскую армию, усиливая ее одной дивизией из состава 1-й армии (24-й стрелковой), и намеревалось правым флангом этой армии охватить противника под Уфой с юго-востока, выйдя в то же время конницей на его тыловые сообщения. В целях содействия Туркестанской армии левый фланг 1-й армии также должен был проявить активность на стерлитамакском направлении. Таким образом, по замыслу операции намечались широкие клещи для охвата противника с севера (1½ дивизии 5-й армии) и юга (правый фланг Туркестанской и левый фланг 1-й армии).

В свою очередь и противник не терял надежды на обратный переход инициативы в его руки. Опираясь на естественный рубеж р. Белой, он сосредоточивал сильный ударный кулак в шесть пехотных полков у устья р. Белой ниже Уфы. Эти полки были выдвинуты из Екатеринбурга для обеспечения правого фланга Ханжина. Такое же сосредоточение намечалось ими за р. Белой и выше Уфы. Этими обеими ударными группами, по-видимому, предполагалось взять в свою очередь в клещи фланги Туркестанской армии.

Таковы были оперативные предпосылки Уфимской операции, в которой со стороны советских войск приняли участие 5-я и Туркестанская армия в количестве 49 000 штыков и сабель (за округлением), при 92 орудиях, а со стороны противника — по-прежнему Западная армия ген. Ханжина в количестве 46 000—47 000 штыков и сабель (за округлением), при 119 орудиях.

28 мая войска Южной группы вышли на указанную им командованием Восточного фронта линию (директива от 18 мая) и здесь, согласно этой директиве, задержались на месте в течение трех дней. Лишь 25 мая последовал приказ об общем переходе в наступление, начало которого указывалось на 28 мая¹. Эта временная задержка дала возможность противнику упредить нас в начале наступления своей правофланговой группой и вообще дала ему возможность оправиться и перегруппироваться.

¹ Таким образом, Южной группе предстояло еще три дня простоять на месте.

Первые успехи Красной армии в борьбе с Колчаком могли привести по опыту предыдущих операций в дальнейшем к некоторому ослаблению энергии войск. Обстановка требовала доведения победы над Колчаком до окончательного разгрома. Именно так поставил вопрос тов. Ленин, что видно из печатаемой ниже телеграммы:

«25/V 1919 г., Москва, Кремль.

Симбирск Революционный фронт Гусеву, Лашевичу, Юреневу.

Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы; следите внимательно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой; еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги; прочтите эту телеграмму Муралову, Смирнову, Розенгольцу и всем видным коммунистам и питерским рабочим; известите получение; обратите сугубое внимание на мобилизацию оренбургских казаков; вы отвечаете за то, чтобы части не начали разлагаться и настроение не падало.

Ленин».

Поэтому прологом к Уфимской операции послужило встречное сражение 5-й красной армии с правофланговой ударной группой противника, успевшей выполнить свою перегруппировку и переправиться через р. Белую. Это сражение началось 28 мая в районе с. Байсарово и уже 29 мая закончилось победой 5-й красной армии. Наступательные попытки противника на фронте Туркестанской армии, принятые им 28 и 29 мая, успеха не имели, а победа 5-й армии развязала левый фланг Туркестанской армии и позволила ему начать успешное продвижение к рубежу р. Белой.

Таким образом, первый период Уфимской операции, характеризующийся переходом противника в наступление на широком фронте с целью восстановить свою оперативную свободу, причем ему удалось обеспечить за собой выигрыш времени,— закончился новой победой красных армий, которая явилась результатом оперативного сотрудничества внутренних флангов Туркестанской и 5-й красной армий. В дальнейшем ходе операции оно нарушилось. В результате встречного сраже-

ния 28–29 мая 5-я армия оказалась на уступе впереди Туркестанской армии, а разбитый правый фланг армии Ханжина под ее натиском откатывается на юго-восток к переправам через р. Белую в районе г. Уфы.

5-я армия, являвшаяся охватывающим маневренным уступом, могла бы завершить окружение противника в районе Уфы, продолжая его неотступное преследование в юго-восточном направлении. Но, следуя полученным директивам, она 30 мая переправилась через р. Белую и начала круто уклоняться на север — на г. Бирск, который и заняла 7 июня. Таким образом в последующей операции под Уфой Южной группе пришлось действовать самостоятельно, вне непосредственной связи с 5-й армией.

Движение 5-й армии на Бирск ускорило благоприятное для нас течение событий на фронте 2-й красной армии. Противник начал спешно отходить перед нею, и она быстро продвигалась на Сарапул и Ижевский завод.

4 июня Туркестанская армия Южной группы вошла в тесное боевое соприкосновение на р. Белой с вновь разбитой армией Ханжина. Последний уже не задавался никакими активными целями, а готовился лишь к упорной обороне р. Белой, уничтожив на ней все переправы. Как мы уже сказали, после неудачного встречного боя с 5-й армией правофланговая группа противника, потеряв свои сообщения, должна была круто уклониться на юго-восток, почему у него получилась более массивная группировка на его левом фланге, на участке р. Белой, выше Уфы. В окончательном своем виде она приняла следующую форму: две дивизии VI корпуса расположились по обеим сторонам Самаро-Златоустовской железной дороги для непосредственной обороны г. Уфы; две слабые дивизии растянулись на широком фронте севернее Уфы — от этого последнего пункта до устья р. Кармасана. Наиболее сохранившиеся части (корпус Каппеля) в количестве четырех дивизий располагались на сравнительно узком фронте в 40–50 км — примерно до ст. Сеит-Башево. Далее против фронта 1-й армии протягивалась завеса из остатков бригады 6-й пехотной дивизии и нескольких конных полков.

Командование Южной группы нацеливало по-прежнему свой главный удар правым флангом Туркестанской армии в охват левого фланга противника — на завод Архангельский.

Отсюда оно предполагало выйти на тыловую железнодорожную линию противника в районе ст. Тувтюменова. В состав ударной группы назначались четыре стрелковые и три кавалерийские бригады. Но переправа этой группы в ночь с 7 на 8 июня через р. Белую в районе ст. Тюкуново не удалась, так как наведенный плавучий мост был сорван быстрым течением. Однако эта неудача была вознаграждена в ту же ночь удачной переправой 25-й стрелковой дивизии по инициативе частных начальников на участке р. Белой, ниже Уфы, у ст. Красный Яр. Попытки противника в течение 8 июня отбросить обратно наши переправившиеся части успеха не имели. Командование армии быстро ввело в дело свой армейский резерв (31-ю стрелковую дивизию от ст. Дмитриевка), чем и закрепило свое положение на правом берегу р. Белой и, развивая достигнутый успех, 9 июня заняло Уфу. Опирая свой правый фланг на р. Уфу, противник еще пытался удержаться на рубеже р. Белой, выше Уфы, где ему удалось задержать наше продвижение до 16 июня, после чего начался общий отход армии Ханжина на восток.

Начало Уфимской операции отмечается неудачной попыткой командования противника вновь захватить в свои руки почин в действиях и постигшей эту попытку неудачей, происшедшей не только в силу причин материального порядка, но и морального надлома войск противника. В дальнейшем эта данная начинает все более выступать на первый план, и последующие операции проходят под знаком господства почина (инициативы) командования Красной армии в тех операциях, которые имели своей целью окончательный разгром материальной и моральной мощи противника на Восточном фронте.

О размерах морального надлома армий противника свидетельствует общая цифра пленных со времени начала контрманевра Южной группы тов. Фрунзе и кончая уфимской операцией, исчисляемая в 25 500 человек. Наши потери исчислялись цифрой в 16 000 раненых и убитых.

Стратегическая неудача контрреволюционных армий не оправдывала принесения в жертву ради нее последних боеспособных резервов сибирских армий. Теперь в распоряжении адмирала Колчака оставались в качестве стратегических резервов только три дивизии, едва начатые формированием в

Омске и Томске. В экономическом отношении утрата уральских заводов знаменовала для противника утрату тех заказов по снабжению армий, которые были размещены там. Наконец с потерей Уфимского района противник лишился и собранных в нем значительных продовольственных запасов.

Однако положение в Оренбургской и Уральской областях продолжало оставаться напряженным. Здесь, несмотря на частичное усиление 4-й армии, перевес в силах продолжал оставаться за противником: он располагал 21 000 штыков и сабель против 13 000 штыков и сабель 4-й армии, почему и продолжал одерживать частные успехи над отдельными группами и нанес чувствительный удар одной из них у ст. Шипово. Командованию Южной группы пришлось еще раз усилить свой правый фланг, выделив из состава Туркестанской армии еще одну дивизию (25-ю) и направив ее в район Бузулука, после чего Туркестанская армия 19 июня 1919 г. была расформирована и части ее распределены между 5-й и 1-й армиями.

Пока назревала и разрешалась Уфимская операция, на центральных операционных направлениях Восточного фронта, 2-я красная армия готовилась к переброске своих главных сил через р. Каму, причем одна из дивизий этой армии (5-я стрелковая) уже переправилась через р. Каму в районе Буя, а 3-я армия уже выходила на рубеж этой реки, тесня главную массу сил Сибирской армии противника.

В такой обстановке командованию красным Восточным фронтом предстояло разрешить вопрос о преодолении Уральского хребта.

Между тем по вопросу о характере дальнейших действий Восточного фронта возникли крупные разногласия между Реввоенсоветом Восточного фронта, с одной стороны, и главкомом и представителем РВСР — с другой. Главком настаивал на приостановке действий главных сил Восточного фронта, в общем, на рубеже р. Белой для переброски части сил на Южный фронт. Председатель РВСР это настойчиво поддерживал. Однако Центральный комитет партии стал на сторону Реввоенсовета Восточного фронта и тем преопределил победу. Председатель РВСР подал в отставку, которой ЦК не принял. Главком тов. Вацетис ушел в отставку, и вместо него был назначен тов. Каменев, что имело место уже после преодоления нами Урала.

Перед началом операции по овладению Уральским хребтом¹ советские армии центра и левого фланга Восточного фронта располагали в совокупности 81 000 штыков и сабель против 70 500 штыков и сабель противника, характеризуемых нашим командованием Восточного фронта уже как мало боеспособные. Командование Восточного фронта в порядок дня ставило вопрос о захвате наиболее удободоступного участка Уральского хребта с г. Златоустом, являвшимся ключом к равнинам Сибири.

Владея Златоустом, противник опирался на сравнительно густую железнодорожную сеть этого участка (две магистрали: Омск–Курган–Златоуст и Омск–Тюмень–Екатеринбург и, кроме того, две рокадные железнодорожные линии: Бердяш–Уткинский завод–Чусовая и Троицк–Челябинск–Екатеринбург–Кушва). Таким образом, эта железнодорожная сеть давала противнику полную возможность широкого маневрирования, что следовало предвидеть.

Перед началом общей обширной операции армий Восточного фронта соотношение и распределение сил обеих сторон рисовалось в следующем виде: 4-я красная армия в Уральской области по-прежнему имела дело с превосходным по численности противником: против ее 13 000 штыков и сабель он располагал 21 000 штыков и сабель (из них сабель 15 000); 1-я армия (включая и Оренбургскую группу) примерно около 11 000 штыков и сабель имела против себя почти равные силы противника; 5-я армия (с влившейся в нее Туркестанской) в составе 29 000 штыков и сабель на направлении главного удара (фронт Златоуст–Красноуфимск) имела перед собой неоднократно разбитые и сильно деморализованные части армии Ханжина в количестве 18 000 штыков и сабель. Далее, 2-я армия в количестве 21 600 штыков и сабель теснила перед собой группу противника в 14 000 штыков и сабель. На Пермском направлении против 29 200 штыков и сабель 3-й красной армии противник располагал 23 500 штыков и сабель. Сильный состав 3-й красной армии объясняется ее фланговым положением, обширностью и трудностью района ее действий.

¹ Эта операция фронта проводилась вновь под руководством его бывшего командующего С. С. Каменева, так как А. А. Самойло был отозван 29 мая 1919 г.

Командование фронтом торопило 2-ю армию с ее продвижением вперед. Хотя последняя 20 июня и переправила на левый берег р. Камы свои главные силы (на правом берегу Камы, в районе Ижевска, оставалась только одна 7-я стрелковая дивизия), но все-таки ко времени начала златоустовской операции она оказалась на два перехода на уступе назад по отношению к 5-й армии.

Таким образом, в назревавшей новой решительной операции главная роль выпадала на долю 5-й армии.

Противник упорно готовился к защите златоустовского узла, вполне правильно оценивая его стратегическое и экономическое значение. Златоустовское плоскогорье, с лежавшим на нем важным стратегическим узлом — Златоуостом, прикрывалось с запада недоступным лесистым хребтом Кара-Тау, прорезываемом узкими теснинами, по которым пролегла железная дорога Уфа—Златоуст, ближе к правому флангу 5-й армии и тракт Бирск—Златоуст, отходивший от левого фланга 5-й армии. Последний являлся более коротким путем для достижения Златоуста. Кроме того, узкие долины рр. Юрюзань и Ай, выходившие под углом к железнодорожной магистрали, также могли быть использованы, хотя и с трудом, для движения войск.

Оценивая эти местные условия, противник располагал свои силы в двух равных группах: на Бирском тракте и железнодорожной магистрали, имея на первом наименее боеспособный Уральский корпус (полторы пехотных и три кавалерийских дивизий), а на второй — две пехотных дивизий и одну кавалерийскую бригаду (корпус Каппеля). В пяти переходах за обеими этими группами, в районе западнее Златоуста, в качестве резерва на отдыхе располагались еще две с половиной пехотных дивизий.

Быстрая развязка златоустовской операции явилась результатом плана командования 5-й армии, построившего свой маневр на точном учете элемента местности. Учитывая охватывающее направление Бирского тракта и долины р. Юрюзань по отношению к единственному пути отхода группы противника, расположенной на железной дороге (Самара—Златоуст), армейское командование решило вывести свой ударный кулак по указанным двум направлениям в тыл этой группы противника и совершенно ее уничтожить. Группировка войск на

местности весьма резко подчеркивала оперативный замысел и вполне отвечала ее характерным особенностям.

Пространство к югу от Самаро-Златоустовской железной дороги обеспечивалось шестью полками 24-й стрелковой дивизии, растянутыми на фронте в 90 км. Вдоль линии Самаро-Златоустовской железной дороги нацеливалась Южная ударная группа в составе одной кавалерийской дивизии и одной стрелковой бригады (3-я бригада 26-й стрелковой дивизии); участок фронта, приходившийся против хребта Кара-Тау, совершенно обнажался от войск, но зато на левом фланге армии, на фронте всего в 30 км, между сс. Айдос и Ураз-Бахты, развертывалась Северная ударная группа в составе 15 стрелковых полков с многочисленной легкой и тяжелой артиллерией (27-я стрелковая дивизия и две бригады 26-й стрелковой дивизии). 35-я стрелковая дивизия (двухбригадного состава) была осажена на два перехода назад, уступом за левым флангом, согласно указаниям командования фронтом, для поддержания связи со 2-й армией.

Наступление Северной ударной группы должно было быть произведено двумя колоннами: 26-я стрелковая дивизия направлялась по долине р. Юрюзань, а 27-я стрелковая дивизия — по Бирскому тракту.

В ночь с 23 на 24 июня 26-я стрелковая дивизия удачно переправилась через р. Уфу, у с. Айдос, а сутки спустя, т.е. в ночь с 24 на 25 июня, не менее успешно то же самое проделала 27-я дивизия у с. Ураз-Бахты¹. Таким образом, с самого начала операции 26-я стрелковая дивизия оказывалась на один переход впереди общего фронта армии и своей соседки слева. В дальнейшем эта невязка в пространстве еще более увеличилась, так как 27-я стрелковая дивизия встретила упорное сопротивление противника на Бирском тракте и потеряла сутки времени на его преодоление. 26-я стрелковая дивизия, несмотря на чрезвычайно трудные условия местности, двигаясь одной колонной по узкому ущелью р. Юрюзань на протяжении 50 км и вынужденная часто идти по руслу

¹ План по форсированию Уральского хребта был принят командованием Восточного фронта 22 июня, а 5-я армия начала свою операцию в ночь с 23 на 24 июня. Можно предположить по расчету времени, что свою перегруппировку она выполнила раньше, в порядке почина своего командования, и эта группировка уже готовой данной вошла в план командвоста.

реки, 1 июля вышла уже на Златоустовское плоскогорье, в то время как 27-я стрелковая дивизия находилась от него еще в двух переходах сзади.

На этом плоскогорье 26-я стрелковая дивизия оказалась в сильно ослабленном составе, так как с пути она двинула два своих полка для действий в тыл той группе противника, которая начала быстро отходить вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги на Златоуст — перед ее третьей бригадой. Таким образом, на Златоустовском плоскогорье появилось только четыре полка 26-й стрелковой дивизии. Однако их появление было совершенно неожиданно для противника, и ее первые удары успешно обрушились на широко разбросавшиеся на отдыхе части 12-й пехотной дивизии белых. Последняя, впрочем, скоро оправилась, стянулась к с. Нисибаш и там чуть не окружила 3 июля 26-ю стрелковую дивизию. 5 июля 27-я стрелковая дивизия, выходя на Златоустовское плоскогорье, разбила во встречном бою двинутую ей навстречу 4-ю пехотную дивизию белых и готовилась помочь 26-й стрелковой дивизии, но последняя сумела не только восстановить свое положение в районе с. Нисибаш, но и сама нанесла поражение 12-й пехотной дивизии белых.

Хотя противник не был полностью уничтожен, но все-таки был отброшен на ближние подступы к г. Златоусту. После ряда частных боев обе стороны 7 июля установили тесное боевое соприкосновение по линии р. Арша—р. Ай—ст. Мурсалимкино, после чего в боевых действиях установилось на некоторое время затишье, пока командованию 5-й армии не удалось подтянуть к себе 35-й стрелковую дивизию, которую оно оставило в виде обеспечивающего уступа слева. Теперь надобности в нем не было, так как 4 июля 2-я армия заняла Красноуфимск. 10 июля 5-я армия вновь перешла в наступление, нанося на этот раз удар в центр расположения противника по кратчайшему направлению к Златоусту, и 13 июля этот важный стратегический узел был занят ею. Почти одновременно, а именно 14 июля, части 2-й армии заняли другой важный стратегический железнодорожный узел — г. Екатеринбург (ныне Свердловск).

Группировка сил противника в период златоустовской операции исключала возможность полного окружения всей его Западной армии (глубокое эшелонирование резервов), но окружения его Южной группы (корпус Каппеля) можно было

достигнуть, если бы не произошло заминки при выходе на Златоустовское плоскогорье. Эта заминка явилась следствием разрозненности в действиях колонн Северной группы 5-й армии, что чуть не повлекло за собой частичного поражения ее правой колонны. Командование армии, само собой разумеется, не могло распространить своего влияния на все частности выполнения операции, которая тем не менее является поучительным образцом искусного маневрирования.

В результате златоустовской операции Западная армия Ханжина быстро откатывалась к Челябинску, угрожая открыть последнее железнодорожное сообщение армии Белова, действовавшей на Оренбургском направлении. Моральные результаты были еще более значительны; военный министр Колчака определял состояние своего фронта, как фронта, совершенно разложившегося.

Решительный успех в районе Златоуста являлся вполне своевременным, учитывая угрозу стыку Южного и Восточного советских фронтов со стороны группы противника от Царицына и со стороны Уральской области. Главное командование уже 4 июля приказывало командованию Восточного фронта обеспечить свой тыл на правом берегу р. Волги и железную дорогу Саратов—Кирсанов. В развитие этих указаний командование Восточного фронта намечало сосредоточение в районе Саратов—Аткарск в середине августа двух стрелковых дивизий и двух отдельных бригад.

Развал фронта противника достигал таких размеров, что командование Восточного советского фронта могло прибегать к перегруппировкам такого рода, а главное командование — к использованию излишка его сил на других фронтах. Сибирская Северная армия противника числила в своих рядах только 6000 бойцов, хотя в июне требовала довольствия для 350 000 едоков; состав прочих армий (Западной — Ханжина и Южной — Белова) был немногим более. Попытка вновь двинуть на фронт чехо-словацкий корпус, пребывавший в тылу, окончилась ничем. Его разложение стало настолько очевидным, что внушало опасения представителям держав Антанты. Колчаковское командование вводило в дело свои последние резервы, в виде трех еще не вполне сформированных дивизий. 26 июля оно переформировало остатки своих армий в три армии; Сибирская армия Гайды распалась на 1-ю и 2-ю

армии, и во главе их был поставлен генерал Дитерихс, армия Ханжина была переименована в 3-ю армию.

Реорганизовав управление своими армиями и подтянув последние стратегические резервы в виде трех не успевших закончить своего формирования дивизий из района Омска (11-я, 12-я, 13-я пехотные дивизии), белое командование на Восточном фронте сделало последнюю попытку вырвать почву в действиях из рук красного командования. Выполнение этой попытки намечалось в районе Челябинска. Стратегическое и экономическое значение этого крупного железнодорожного узла было весьма велико для обеих сторон. Для белых в их положении он имел значение как последний пункт находившейся в их руках рокадной железной дороги Екатеринбург—Челябинск, причем Екатеринбургский участок этой дороги был уже занят красными. Для последних Челябинск был важен как начальный пункт великого Сибирского железнодорожного пути, а кроме того — со своими крупными железнодорожными мастерскими и угольными копиями — являлся районом, важным для красных и в экономическом отношении.

После победоносного завершения златоустовской операции 5-я красная армия быстро развивала преследование противника на Челябинском направлении и успела перевалить через Уральский хребет, тогда как правофланговые армии Восточного фронта (1-я, 4-я) находились на уступе назад, причем их действия развивались в расходящихся от операционного направления 5-й армии направлениях (на юго-восток и на юг). Таким образом, на оперативное взаимодействие с ними 5-я армия рассчитывать не могла. Такой же обособленной в пространстве оказывалась 5-я армия и со стороны своего левого фланга, так как 3-я красная армия, с которой слилась бывшая 2-я красная армия, из Екатеринбургского района (и без того удаленного от Челябинска на 140–150 км) развивала свои действия на Тобольском операционном направлении (на фронт Шадринск—Туринск).

Учитывая такую группировку красных сил после преодоления ими Уральского хребта, белое командование задалось частной целью нанесения отдельного поражения 5-й красной армии. В этих целях оно двигало свой стратегический резерв (3 дивизии) на усиление правого фланга своей 3-й армии (бывшая армия Ханжина), стягивая на левом фланге ударный

кулак, также в количестве не менее три дивизий из состава самой армии. Этими двумя ударными кулаками оно намеревалось с севера и юга охватить открытые фланги нашей 5-й армии, а для лучшего успеха этого маневра оно заранее шло даже на такую жертву, как добровольное очищение столь важного для него Челябинского узла, рассчитывая тем самым заставить нашу 5-ю армию, увлеченную преследованием, самое себя подставить под удар его фланговых групп¹.

Первоначальный ход событий как будто оправдывал все предположения белого командования. Сбивая арьергарды противника, 5-я армия 27 июля заняла г. Челябинск (один из участников этой операции тов. Эйхе относит время взятия Челябинска к 24 июля; мы руководствуемся официальной сводкой Полевого штаба РВСР, которая приводит дату 27 июля) и, преследуя противника, двигалась широким фронтом, имея головы колонн своих дивизий на одной линии. Вскоре события начали еще более благоприятствовать противнику. Согласно директиве командования фронтом от 30 июля южная группа (4-я и 1-я армии) своим левым флангом при содействии частей 5-й армии должна была отбросить находившегося перед ней противника в район южного Урала, а 5-я армия, выделив для содействия южной группе 24-ю стрелковую дивизию, должна была своими главными силами

¹ По свидетельству бывшего военного министра сибирского правительства барона Будберга, замысел и разработка этого плана принадлежат начальнику штаба Колчака генералу Лебедеву. Последний крупными военными специалистами старой армии, пребывавшими как-то в тени и не у дел при ставке Колчака, расценивался очень низко с точки зрения своего оперативного творчества из-за неумения наладить управление крупными войсковыми соединениями. Ссора Лебедева с Гайдой была одной из причин ухода в отставку Гайды — этого наиболее талантливого самородка в белом стане. В частности, главный недостаток замысла Челябинской операции Будберг видит в том, что сложный по замыслу план требовал первоклассных по боеспособности и выучке войск и начальников с хорошо развитым военным интеллектом. Ни тех ни других у Колчака не было. Подробности см. «Архив русской революции» 1924 г., тов. 14–15 (Записки Будберга) и сборник «Белое дело», Берлин 1926 г.

стремиться отбросить противника к югу от Сибирской магистрали, овладев в кратчайший срок районом г. Троицка и имея в виду в дальнейшем выход на линию р. Тобол — от Кустаная до Иковской.

3-я армия сохраняла прежнюю задачу по овладению районами Шадринска и Туринска, имея дальнейшей задачей выход на р. Тобол от Иковской до Тобольска. Эта директива имела свое положительное и отрицательное значение для предстоящей Челябинской операции. Положительное значение ее заключалось в том, что командование 5-й армии для ее выполнения должно было уплотнить группировку своих сил в сторону своего левого фланга, что и было им выполнено путем более узкой нарезки полос наступления для своих левофланговых дивизий. Таким образом, оно встречало занесенный уже над ним удар северной группы 3-й белой армии в более выгодной для себя группировке.

Но весьма невыгодным для 5-й армии являлось выделение 24-й стрелковой дивизии на помощь Южной группе, что исключало участие последней в самой операции и, по-видимому, вызвало нарезку маневренной полосы шириной в 100 км для оказавшейся теперь на правом фланге 5-й армии 26-й стрелковой дивизии. Это, конечно, весьма ослабляло правый фланг в момент, когда на него в свою очередь готовился удар южной группы 3-й белой армии. Последняя начала свое наступление 30 июля. Ее северная группа, нанося удар в охват Челябинска с севера, теснила левофланговую дивизию 5-й армии (35-ю стрелковую), и бои шли в районе ст. Долгодеревенская в 25 км северо-западнее Челябинска.

Значение наступления было сразу оценено командованием 5-й армии, которое в свою очередь своими центральными дивизиями (5-я и 27-я стрелковые) стремилось нанести удар по левому флангу северной группы противника. Успех маневра зависел от устойчивости 26-й стрелковой дивизии, которая в свою очередь была атакована превосходными силами противника и должна была выполнять трудную задачу по обеспечению с юга маневра центральных дивизий, иначе вся Челябинская операция была бы сорвана. Эту задачу она самоотверженно выполняла в течение нескольких дней, хотя бои временами шли в самых предместьях Челябинска. Особенно критически сложилась обстановка 31 июля, когда левый

фланг 5-й армии вынужден был осадить на высоту ст. Эсaulьская и Каргаяц. Но уже 1 августа начали сказываться результаты контрманевра 5-й армии, и бои приняли переменный характер. 2 августа мы имели уже первый крупный успех севернее Челябинска, полностью уничтожив несколько полков противника и взяв до 5000 пленных. Это означало перелом всей операции, так как к этому же времени выдохлись усилия южной группы противника против 26-й стрелковой дивизии; в последующие два дня противник только оборонялся, а 5 августа он уже находился в полном отступлении¹.

Челябинская операция закончилась полной катастрофой для противника. Об этом свидетельствуют его потери. Не считая раненых и убитых, он потерял 15 000 одними пленными; его 12-я дивизия совершенно перестала существовать. В районе Челябинска части 5-й армии захватили, кроме того, до 4000 груженных вагонов и 100 паровозов. Моральные последствия победы красных были еще более значительны, чем материальные. Почти одновременно с челябинской победой красные части заняли Троицк (4 августа), что создавало уже действительную угрозу тыловым сообщениям Южной белой армии генерала Белова. Это был уже стратегический результат победоносного завершения челябинской операции. Действительно, Южная армия Белова вынуждена была начать свой отход с Оренбургского направления в юго-восточном направлении.

Последнее обстоятельство в связи с наличием местных сил противника в Оренбургской и Уральской областях вызвало образование 13 августа 1919 года из войск «Южной группы» Восточного фронта особого Туркестанского фронта, с оставлением в составе Восточного фронта только 3-й и 5-й армий. В задачу Туркестанского фронта входило утверждение советской власти в Оренбургской и Уральской облас-

¹ Неудача под Челябинском свидетельствовала о начале агонии белого Восточного фронта. Рукероль следующим образом характеризует этот фронт во время его летнего отступления 1919 г.: «Фронты огромного протяжения занимались войсками, находившимися в состоянии полного разложения. Население в тылу этих войск было готово к немедленному восстанию. Бои имели место чрезвычайно редко. Чаще всего дело сводилось к партизанским стычкам. Часто вместо применения оружия обе стороны прибегали к братанию».

тях и продвижение в Туркестан. На армии Восточного фронта возлагалась задача уничтожения сибирских армий противника и овладения Западной Сибирью.

Тем временем разложение белых сибирских армий продолжало идти своим чередом, отражая на себе общую картину разложения колчаковского тыла.

Развал фронта и тыла Колчака являлся естественным результатом тех глубоких внутренних социальных противоречий и потрясений, которые начал переживать колчаковский режим с первых же дней своего прихода к власти. Поэтому вполне уместно будет временно оторваться от изложения хода военных событий и остановиться на явлениях, изнутри подточивших государственную организацию белого Сибирского правительства.

Уже первые шаги «верховного правителя» были ознаменованы кровавой борьбой с рабочим классом. В ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. в Омске и его пригородах вспыхнуло восстание рабочих против колчаковской власти. Коммунистическое руководство восстанием было арестовано, а вследствие этого восстание протекало стихийно. Подавление восстания производилось посредством кровавых репрессий. В одном Омске было убито и расстреляно около 1000 рабочих.

Наряду с этим сибирское крестьянство очень скоро на практике убедилось в явно помещичьем характере колчаковского режима. Искры недовольства белой сибирской властью — предшественницей колчаковского режима — уже давно тлели среди крестьян, главным образом «новоселов». Политика Колчака в отношении крестьянства раздула эти искры в большой пожар. Наиболее жизненным районом для сибирского повстанчества явился Енисейский край, где в составе крестьянского населения преобладали «новоселы». Поэтому в их среде нашли особенно радушный приют те остатки красноармейских отрядов, которые были летом 1918 г. отброшены в тайгу и сопки чехо-словаками и белогвардейцами. Осколки этих отрядов явились теми первоначальными ячейками, вокруг которых начали нарастать силы местных партизан. Выступления енисейских партизан против власти Колчака начались с конца декабря 1918 г. Первоначально движение охватывало отдельные села и волости, и отряды были невелики. Но они состояли из отборного по политической

сознательности и боевым качествам элемента. Большинство из них были солдаты-фронтовики мировой войны, опытные таежные охотники и отличные бегуны на лыжах. Борьба с ними была необычайно затруднительна для правительственных отрядов, состоявших главным образом из молодых, плохо обученных солдат. Поэтому первоначальные действия этих отрядов были мало удачны. Движение разрасталось и принимало правильные организационные формы. Повстанческие отряды начинали насчитывать в своем составе уже сотни партизан. Так, одна лишь Степно-Баджейская волость располагала отрядом в 600 хорошо вооруженных и обученных партизан. Главный организационный центр енисейского повстанчества образовался в северной части Канского уезда.

В январе 1919 г. вся Енисейская губерния была покрыта целой сетью партизанских отрядов. Сибирская железнодорожная магистраль — единственная артерия питания белых сибирских армий — находилась в непосредственной опасности. Для защиты Сибирской магистрали антантовское военное командование густо разбросало по ней отряды чехо-словаков, снимаемые с фронта. Колчаковское правительство также усиленно принялось за борьбу с повстанчеством, причем вся тяжесть его массовой карательной политики обрушилась главным образом на население. Сам Колчак требовал от своих исполнителей «самых жестоких мер» не только в отношении повстанцев, но и «сочувствующего» им населения. Эти указания окончательно развязали руки сибирским карателям разного рода. Массовые репрессии в отношении местного населения в виде сжигания целых деревень, взятия заложников, поборов и грабежей вконец ожесточили крестьянство. Движение не только не пошло на убыль, но разрасталось все более. Крестьянские партизанские отряды организованно объединились в «крестьянскую» армию. Эта армия имела свой военно-революционный штаб. Штаб осуществлял общее военное руководство, издавал осведомительные и разведывательные сводки. Вскоре движение из Енисейской губернии перекинулось и на соседние уезды Иркутской губернии (Шиткинский фронт). К лету 1919 г. в Алтайском районе возник самостоятельный очаг партизанского движения.

Местные коммунистические организации сразу взяли это движение в свои руки. Несмотря на свою значительную

пространственную разобщенность, сибирские партизаны выступали под общим политическим лозунгом — борьбы за власть советов. Движение носило массовый характер, им руководила и на него опиралась РКП. Местные эсеровские и меньшевистские организации в результате своей предшествующей соглашательской политики окончательно утратили свой авторитет и значение в широких народных массах. Они старались удержать свое влияние в небольших кругах местной городской интеллигенции и связаться с той частью молодого колчаковского офицерства, которая сама была не прочь устроить военный переворот. Сибирский комитет РКП вел самостоятельную политическую линию, отвергая всякое сотрудничество с этими политическими банкротами. Он занят был внедрением планомерности в революционное творчество масс; попутно в его задачу входило полное отделение обанкротившихся политических партий в виде эсеров и меньшевиков от широких народных масс. Можно считать, что уже летом 1919 г. крестьянское партизанское движение выросло в такую силу, справиться с которой правительство Колчака было не в состоянии.

Оно обратилось за содействием к представителям Антанты, последние заставили чехо-словаков еще раз активно выступить на поддержку Колчака. Чехо-словацкие отряды совместно с белогвардейцами снова оттеснили в тайгу отряды сибирских повстанцев, угрожавших сибирской магистрали. Выступление чехо-словаков сопровождалось такими же жестокостями, как и подвиги сибирских карательных отрядов. Этот последний успех был куплен ценой окончательного разложения чехо-словацкого корпуса. Уже 27 июля 1919 г. колчаковское правительство вынуждено было заявить представителям Антанты о необходимости заменить чехо-словаков на линии железной дороги другими иностранными войсками. Самое оставление их Сибири еще на одну зиму признавалось опасным и нежелательным. Просьба колчаковского правительства о замене чехо-словаков совпала с колебаниями Антанты в ее отношениях к колчаковскому правительству и самому Колчаку. Военные неурядицы на фронте и неурядицы в тылу заставили Антанту вновь обратить свои взоры на эсеров, как на силу, способную, по их мнению, вывести сибирскую реакцию из тупика, куда ее завел Колчак. Эсеры в свою

очередь нащупывали почву у Антанты насчет ее отношения к «военному перевороту», который бы вновь выдвинул на сцену «демократическую» власть, довольно бесцеремонно низвергнутую в конце 1918 г. под давлением Антанты.

Вот причины внутреннего порядка, которые в военной плоскости нашли свое отражение в прогрессирующем упадке боеспособности и численности белых сибирских армий. После челябинской операции число штыков и сабель в них уменьшилось до 50 000, хотя на довольствии по-прежнему числилось огромное количество — до 300 000 — едоков. Все призывы Колчака о добровольчестве, обращенные к «имущему» населению Сибири, не нашли отклика даже в нем. Колчаковское правительство смогло набрать только 200 добровольцев. Таким образом, белые армии Сибири завершали круг своего развития. Развившись из классовых отрядов буржуазии за счет крестьянских мобилизаций, они снова возвращались к своим классовым и кулацким кадрам, так как основная масса крестьянства вылилась из них и шла единым фронтом с Красной армией.

В такой обстановке генералу Дитерихсу, вступившему в управление всеми армиями белого фронта, не оставалось желать ничего иного, как быстро уходить за р. Тобол и Ишим, чтобы, опираясь на рубежи их, постараться прикрыть политический центр Сибири — г. Омск, являвшийся, кроме того, и жизненным центром для сибирской контрреволюции, поскольку он был областным центром сибирского казачества, еще поддерживавшего Колчака. За Омским районом начиналась уже сплошная полоса крестьянских восстаний. Но колчаковское правительство требовало немедленного перехода в наступление для сохранения своего пошатнувшегося внешнего и внутреннего политического положения¹.

Таким образом, предпосылками последней крупной операции этого периода на р. Тобол являлись требования поли-

¹ Фронт и ближайшие тылы колчаковских армий в это время представляли следующую картину. Набранные наспех пополнения с Урала расходились кто куда, унося с собою оружие. Спротивляемость фронта, превратившегося в редкую паутину, окончательно пала, и войска быстро катились на восток, отбирая у населения для этой цели подводы.

тики противника, шедшие в данном случае вразрез с интересами его стратегии. Наоборот, интересы политики и стратегии советского правительства совпадали в стремлении к скорейшей ликвидации Восточного контрреволюционного фронта, а численность советских армий и их внутреннее состояние после одержанных успехов допускали постановку им широких наступательных задач и принятие смелых решений.

15 августа 1919 г. армии противников вошли вновь в тесное боевое соприкосновение на линии р. Тобола. При этом советские армии Восточного фронта оказались сильно на уступе вперед по отношению к войскам Туркестанского фронта, которые в это время вели борьбу с оренбургскими и уральскими казаками, примерно на фронте Орск–Лбищенск. Поэтому фланговой 5-й армии Восточного фронта пришлось обеспечить свой правый фланг выделением особого заслона на кустанайское направление. Сюда с левого фланга армии переводилась 35-я стрелковая дивизия. Для противника особое значение приобретал тот участок р. Тобола, который пересекала Сибирская железнодорожная магистраль (Челябинск–Омск); поэтому он являлся наиболее насыщенным войсками обоих противников. С советской стороны здесь действовала 5-я армия, в количестве 24 000 штыков и сабель, при 84 орудиях, развернувшаяся 17 августа на фронте Чиская–Березовская–Курган протяжением до 100 км, имея на своем правом фланге тракт из Троицка на Петропавловск, а на левом — Сибирскую железнодорожную магистраль; противник стянул против нее 29 000 штыков и сабель, при 60 орудиях своей 3-й армии.

Силы противника по своему внутреннему состоянию и по их количеству не позволяли рассчитывать на длительный успех наступления. Роль ударного кулака в плане командования противника возлагалась на конный корпус сибирских казаков, в количестве до 7000 сабель, поднятый по всеобщей мобилизации. Этот корпус должен был действовать во фланг 5-й армии, в то время как Петропавловская группа противника (3-я армия) должна была атаковать ее с фронта.

Однако сборы конного корпуса происходили очень медленно, а тем временем 5-я красная армия с боем переправилась через Тобол и 20 августа развивала уже наступление на

Петропавловск¹. Тотчас после форсирования Тобола 5-я стрелковая дивизия должна была быть, согласно директивам командвоста, вытянута в резерв для отправки на Южный фронт. Ее место заполнялось растяжкой влево двух остающихся дивизий (26-й и 27-й). В то же время 3-я красная армия, переправившаяся также через Тобол, шла на Ишим. Указанная для 5-й армии перегруппировка, ослабляя ее на целую треть наличных сил, являлась благоприятной предпосылкой для наступательного контрманевра противника².

Лишь его неготовность и моральное разложение оттягивало во времени начало этого контрманевра. Выполнение его началось 1 сентября под самым уже Петропавловском.

Захват оперативных приказов противника 2 сентября раскрыл красным все предположения белых. Они заключались в нанесении удара по правому флангу 5-й армии с юга — группой в составе двух пехотных дивизий (4-я, 7-я) и кавалерийской группой ген. Доможирова, в количестве 2000 сабель, с выходом последней на тылы красных. Таким образом первый удар белых обрушился на сильно растянутую 26-ю стрелковую дивизию. В ряде упорных боев она утратила часть захваченного ею пространства. Красное командование быстро реагировало на создавшуюся обстановку.

План командарма 5-й заключался в том, чтобы в районе Богдановский—Островский создать ударную группу из 5-й стрелковой дивизии, вновь двинутой командармом в дело, что было утверждено командвостом, и двух бригад 35-й дивизии, из которых одна перебрасывалась по железной дороге, а

¹ Дивизии 5-й армии форсировали р. Тобол на широком фронте: 26-я стрелковая дивизия — в районе Усть-Уйская—Озерная и Звериноголовская; 27-я стрелковая дивизия — в районе Утяцкая и 5-я стрелковая дивизия — в районе г. Курган.

² По вопросу о группировке главных сил 5-й армии между командармом 5-й (Тухачевский) и командвостом (тов. Ольдерроге) произошли крупные разногласия. Опасаясь охвата своего правого фланга и, наоборот, желая выиграть фланг противника, командарм 5-й решил вести свои главные силы вдоль Звериноголовского тракта, т.е. вдоль крайнего правого фланга армии. Но командвост, повторно настаивая, приказал группироваться вдоль железной дороги Курган—Петропавловск.

другая — по тракту из района Троицк—Кустанай. Сосредоточение должно было закончиться 6 сентября.

26-я стрелковая дивизия должна главной массой своих сил сосредоточиться к Петропавловскому тракту и упорно обороняться; 27-я стрелковая дивизия, перенеся центр тяжести своей группировки также к правому флангу, должна была энергично контратаковать противника. Таким образом в намерения командарма входила общая перегруппировка армии в сторону ее правого фланга с попутным образованием ударной группы из подходивших подкреплений.

Осуществление операции требовало времени и известной оперативной свободы, особенно при наличии подвижного конного противника. Между тем противник стремился к развитию достигнутого успеха, и 5 сентября бои развернулись на широком фронте, захватив и участок 27-й дивизии. Разбросанная на широком участке 26-я стрелковая дивизия была в особенно трудном положении. Некоторые ее части были окружены и вынуждены были пробиваться с боем. 27-я стрелковая дивизия была также потеснена на всем участке. Отход обеих дивизий с боем продолжался и в течение 6 сентября. К концу этого дня в районе Екатерининский—Ботарева—Исаевский сосредоточились части ударной группы (5-я стрелковая дивизия, 2-я бригада 35 и стрелковой дивизии). Этой группе (2-я бригада 35-й стрелковой дивизии подчинялась командованию 5-й стрелковой дивизии) было приказано атаковать белых во фланг и тыл в направлении с Курейнское и Теплодубровское, заняв сильным боковым отрядом Новорыбинский—Кладбищенский. 26-я стрелковая дивизия должна была атаковать в направлении на Новорыбинский, а 27-я стрелковая дивизия — в направлении на Теплодубровское.

Этим смелым охватывающим маневром командование 5-й армии стремилось вырвать наступательную инициативу из рук противника. Наступление ударной группы, начавшееся 7 сентября, успешно развивалось в течение 7 и 8 сентября; к вечеру 8 сентября группа вышла на фронт Пресновская—Степная. 26-я стрелковая дивизия в деле не участвовала, производя перегруппировки, но 27-я дивизия не только не могла осуществить своего удара, но сама была отброшена на фронт Лебяжье—Дубровское—Могилевское. Таким образом план

командования 5-й армии был наполовину сорван, но весьма характерно то упорство, с которым командование стремилось развить напор своей ударной группы для выручки 27-й стрелковой дивизии, продолжая его в том же направлении. Но уже 9 сентября — очевидно, со вступлением в дело остальной части конного казачьего корпуса — положение на фронте ударной группы изменилось к худшему. Белая конница глубоко ухватила ее правый фланг и, окружая и уничтожая отдельные полки, заставила этот фланг откинуться к с. Кабаний; 26-я и 27-я стрелковые дивизии имели в этот день частичный успех, что не помешало, однако, белым в течение последующих дней развивать свой успех, отбросив ударную группу и 26-ю стрелковую дивизию. К вечеру 13 сентября эти части оказались: ударная группа в районе Ботарева–Преснегорьковская, а 26-я стрелковая дивизия — в районе к западу от Лопатинского. Лишь одной 27-й стрелковой дивизии удалось сохранить свое прежнее положение.

Сорвав удачно начавшее развиваться наступление правого фланга 5-й армии, противник, в полной мере используя то преимущество в подвижности, которое ему давало наличие сильной конницы, оставил в покое правый фланг красных и, перегруппировавшись в сторону своего правого фланга, обрушился вновь на левый фланг 5-й армии и потеснил его к западу. Последующие дни характеризуются упорным стремлением командования 5-й армии взять инициативу в свои руки, используя для этого вновь подброшенные ему подкрепления (бригада 21-й стрелковой дивизии из 3-й армии). Бои идут все время с переменным успехом и с частичными колебаниями линии фронта. Но в общем 5-я армия, силы которой уже надорваны предшествующими боями, постепенно сдает перед противником и осаживает к линии р. Тобола. Не желая иметь непосредственно в своем тылу эту водную преграду, 1 октября 1919 г. командарм 5-й отводит свою армию обратно за р. Тобол и располагает ее на фронте Озерная–Курган. Временный успех достался 3-й белой армии не даром. Она сама оказалась настолько истощенной боями, которые без перерыва длились в течение месяца, что уже не могла форсировать р. Тобол и остановилась перед ней. В боевых действиях обеих сторон опять наступило временное затишье.

За рекой Тоболом 5-я армия вновь пополнилась посредством местных мобилизаций¹. Силы ее к половине октября вновь возросли до 37 000 штыков и сабель, при 135 орудиях, тогда как противник мог им противопоставить только 31 000 чел. при 145 орудиях. Поэтому 14 октября 5-й армии вновь удалось успешно переправиться через р. Тобол, нанося удар своим правым флангом в охват сообщений белых с юга. Противник тщетно пытается приостановить охватывающее продвижение правого фланга 5-й армии (35-я и 5-я стрелковые дивизии), стараясь перегруппироваться в сторону своего левого фланга и выстроить фронт на юг. Эта перегруппировка запаздывает, и противник вынужден спешно уходить за р. Ишим. 29 октября г. Петропавловск наконец переходит в руки красных. В то же время 3-я красная армия из района Ишима наступала на Омск вдоль Сибирской железнодорожной магистрали. 14 ноября г. Омск с его огромными запасами разного рода имущества был занят 5-й красной армией, проделавшей 600 км операций в 30 дней.

Еще до начала развития успешного преследования вдоль главной железнодорожной магистрали противник лишился своей базы в Южной Сибири. Большая часть Южной армии Дутова в сентябре месяце была удачными действиями войск красного Туркестанского фронта под искусным командованием тов. Фрунзе приперта к степям и вынуждена капитулировать. Небольшие ее остатки либо рассеялись, либо отошли с атаманом Дутовым в район Кокчетав-Акмолинск. Там собралось до 30 000 конного и пешего народа, но эти силы были настолько мало боеспособны, что командование Восточного фронта, выделив для преследования их особую Кокчетавскую группу, отвело 3-ю армию в тыл на работы и дальнейшее преследование главных сил Колчака возложило на одну 5-ю армию.

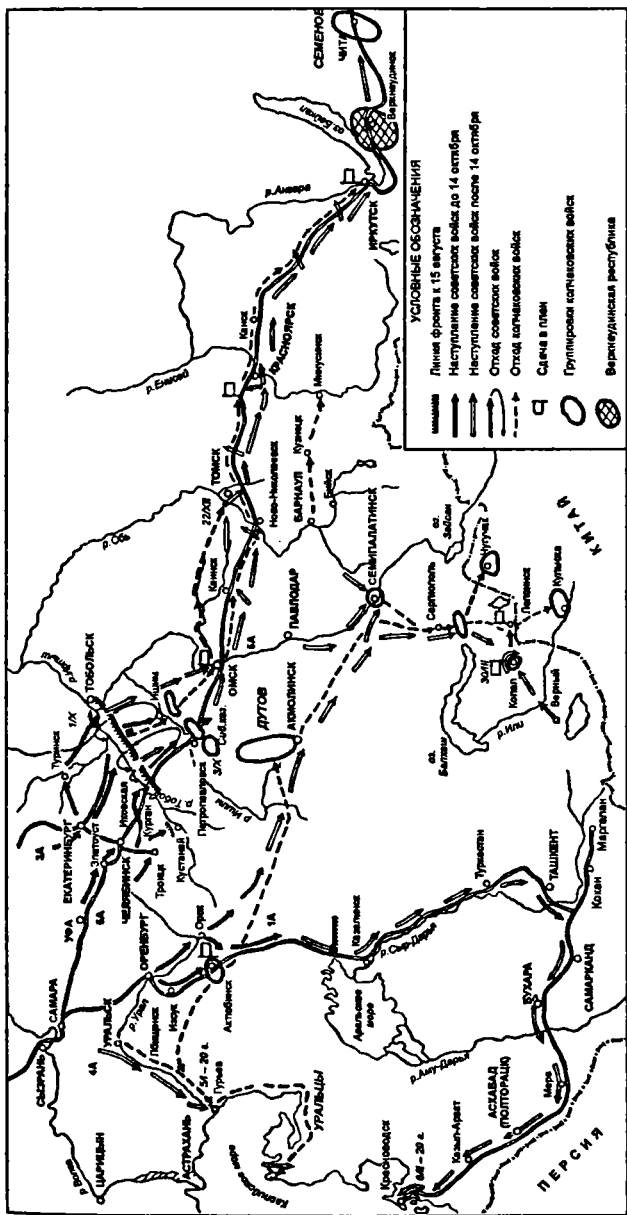
¹ Здесь весьма характерно отметить то отношение сибирского крестьянства к Красной армии, которое проявилось в этом случае. В Челябинской губернии без всякого нажима местного административного аппарата, который еще только организовался сам, на призыв добровольно явилось 24 000 бойцов. Они почти целиком влились в ряды Красной армии.

Отходившие армии Колчака разбились на несколько групп, охватываемых кольцом местных партизанских отрядов. Южная из них устремилась по тракту Барнаул–Кузнецк–Минусинск; Средняя, несколько более устойчивая, двигалась вдоль Сибирской магистрали и, наконец, Северная отходила вдоль речных систем севернее Сибирской магистрали. Перейдя на параллельное преследование, части 5-й армии, выходя на пути отступления противника, захватывали крупные трофеи, внося полное расстройство в отступающие колонны противника. 22 декабря 1919 г. был занят г. Томск; еще раньше этого остатки войск Дутова, энергично преследуемые Кокчетавской группой 5-й армии, уклонились в сторону от Семипалатинска вследствие происшедшего там взрыва изнутри и двинулись на Сергиополь. Южнее озера Балкаш наиболее сохранивший из этих остатков боеспособность IV корпус Бакича продержался до конца февраля 1920 г., после чего был разгромлен и отброшен в Китай.

После падения Омска и Томска разложение белых сибирских армий шло гигантскими шагами. От Колчака отворачивались все его союзники. Военные и дипломатические миссии Антанты спешно покидали гибнущую сибирскую реакцию и стремились поскорее добраться до Владивостока. Туда же спешно направлялись и чехо-словаки со всем награбленным ими имуществом.

В декабре 1919 г. еще около 30 000 чехо-словацких войск находилось в эшелонах западнее Иркутска. Среди них в своем поезде затерялся и «верховный правитель» — Колчак, причем часть его правительства уже успела пробраться в Иркутск. Чехо-словаки не позволяли колчаковским войскам пользоваться железной дорогой и даже приближаться к ней. Поэтому им приходилось двигаться походным порядком по сибирским трактам. Морозы и повальные эпидемии доканчивали уничтожение белых сибирских армий, в то время как Красная армия не переставала наносить им свои сокрушающие удары.

Так, средняя колонна 5-й армии упредила под г. Красноярском южную группу остатков колчаковских армий и 6 января 1920 г. заняла г. Красноярск, что повлекло за собою сдачу в плен большей части этих армий, в количестве до 20 000 чел. Только небольшие остатки их продолжали свой путь в Забайкалье под командой ген. Каппеля. Всего же пленными в

Ликвидация Восточного фронта

боях и сдавшимися за время преследования сибирские контрреволюционные армии потеряли до 100 000 чел. Военный разгром армий Колчака совпал с его политическим крахом.

Этому краху предшествовал официальный, так сказать, отход чехо-словаков от сибирской реакции и возглавлявшего ее правительства. В ноябре чехо-словаки опубликовали свое обращение к Антанте, в котором всю вину за убийства, грабежи и насилия, учиненные ими, сваливали на голову Колчака и его министров. Этим заявлением, которое должно было дойти и до сибирского населения, они пытались открыть себе спокойный отход через Сибирь. Заявление чехо-словаков лишило колчаковщину последней опоры. Во многих местах Сибири начала уже возникать местная «демократическая» власть, являвшаяся ступенькой к подлинной советской власти. Так случилось, например, в Енисейской губернии. Особенно роковым для колчаковского режима и его самого явилось революционное выступление в Иркутске. Там под формальным руководством эсеро-меньшевистских организаций, опиравшихся на часть местного гарнизона и на городское самоуправление, а также на стихийное стремление масс к выступлению, началась вооруженная борьба между частями гарнизона, остававшимися еще на стороне Колчака, и повстанцами. Местные коммунисты, не вступая в контакт с соглашателями, поддержали восстание, поскольку оно было направлено на сокрушение сибирской реакции.

Руководство чехо-словацким корпусом и сам «главком» всех союзных войск в Сибири, также скрывавшийся в чехо-словацких эшелонах, французский генерал Жанен, поневоле должны были благосклонно смотреть на начавшееся выступление. Дело в том, что хвосты союзных войск, спешно выбиравшихся из Сибири, начали уже непосредственно на себе испытывать мощные удары красных, как только рухнула последняя отделявшая их от красных преграда в виде совершенно разложившихся сибирских белых частей. Первый сокрушительный удар под ст. Тайга получили белополяки. 27-я стрелковая дивизия почти полностью уничтожила 4-тысячный белопольский отряд, пытавшийся вступить в бой с нею, так как он принял ее за отряд местных партизан. Впечатление, произведенное этим поражением на противника, было настолько велико, что 8000 польских легионеров беспрекословно положили оружие.

В силу этого обстоятельства чехо-словаки и антантовское командование пошли на соглашение, более для них приемлемое, с местной соглашательской властью в Иркутске, оформившейся в так называемый «Политический центр». Следующим их шагом явилось стремление укрепить положение «Политического центра» в массах. Косвенно они содействовали победе сторонников «Политического центра» в Иркутске, не пуская белых в полосу отчуждения железной дороги и держа благожелательный нейтралитет по отношению к повстанцам. 5 января 1920 г. последние окончательно утвердились в Иркутске.

Колчаковское правительство частью разбежалось, частью было арестовано. Оставался лишь глава сибирской реакции Колчак со своим первым министром Пепеляевым. Они в своем поезде приближались к Иркутску среди запрудивших железную дорогу чехо-словацких эшелонов. «Политический центр» с самого начала своей деятельности постарался оправдать вексель доверия, выданный ему чехо-словаками и Антантой. Он через своих представителей добивался от 5-й красной армии приостановки ее наступления и проектировал образование собственной «демократической» власти в Восточной Сибири. Для закрепления взаимоотношений чехо-словаки с согласия Жанена выдали «Политическому центру» в Иркутске 15 января 1920 г. Колчака и Пепеляева. Оба были заключены в местную тюрьму, и «Политический центр» начал над ними следствие. Соглашательская позиция «Политического центра» совершенно не удовлетворяла революционные массы. Само собою разумеется, что все его предложения, сделанные им 5-й красной армии, были также отвергнуты.

А между тем положение в окрестностях самого Иркутска становилось угрожающим для революции. К городу по старому Московскому тракту подходила наиболее сохранившаяся из остатков колчаковских армий — группа генерала Каппеля. Она состояла в своем ядре из наиболее жестоких и упорных врагов советской власти. Несмотря на лишения и эпидемии, опустошившие ее ряды, в ней еще насчитывалось до 4000–5000 бойцов. Под влиянием этой угрозы и под напором революционных масс «Политический центр» вынужден был самоупраздниться и 21 января 1920 г. передал всю власть «военно-революционному комитету» в составе на этот раз четырех коммунистов и одного левого

эсера. Военно-революционный комитет проявил кипучую деятельность по организации обороны против войск Каппеля и по установлению прямой связи с 5-й красной армией. Военно-революционный комитет добился оставления чехо-словацкими войсками г. Иркутска и оставления ими в Иркутске, но пока еще под своей охраной, того русского золотого запаса, который в свое время был захвачен ими в Казани.

Тем временем следственная комиссия закончила свою работу. Она признала подлежащими расстрелу 18 чел. из числа колчаковских сподвижников, в том числе Колчака и Пепеляева. Военно-революционный комитет счел возможным в случае непосредственной угрозы Иркутску расстрелять только Колчака и Пепеляева. Эта угроза настала скоро. 6 февраля 1920 г. группа Каппеля, которой теперь за его смертью командовал генерал Войцеховский, пыталась повести наступление на Иркутск. Оно было отбито, но неизвестность дальнейших событий заставила Военно-революционный комитет в ночь с 6 февраля 1920 г. по предварительном телеграфном согласовании этого вопроса с РВС 5-й армии привести в исполнение приговор в отношении Колчака и Пепеляева. Отбитая от Иркутска бывшая группа Каппеля, обходя его с севера, направилась в Забайкалье. Дни тяжелых испытаний для Иркутска миновали. 7 марта 1920 г. войска 5-й красной армии вступили в Иркутск.

(...)

Капитуляция значительной части Южной армии Дутова и развал вооруженного сопротивления Оренбургского казачества губительно отразились на положении дел противника в Уральской области и облегчили задачи Туркестанского фронта. Его силы преследовали противника двумя группами: 4-я армия двигалась вдоль тракта Лбищенск–Гурьев; 1-я армия шла через Туркестан и далее вдоль железной дороги Асхабад–Полторацк–Красноводск; 4-я армия заняла Гурьев 5 января 1920 г. — в нем сдалась большая часть Уральской казачьей армии. Ее жалкие остатки после изнурительного похода вокруг Каспийского моря сдались советскому флоту в форте Александровском. Три месяца спустя, 6 февраля 1920 г., занятием Красноводска закончились успешные операции 1-й армии по ликвидации противосоветских отрядов в Закаспийской области.

Иван Акулинин

**ОРЕНБУРГСКОЕ
КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО**

И. Г. Акулинин¹

**ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ.
1917–1918 ГОДЫ²**

Основоположниками Оренбургского казачьего Войска были: исетские, уфимские и сармарские казаки. В течение XVIII и XIX веков Войско пополнялось и заселялось донскими и малороссийскими казаками, а также крестьянами и солдатами ландмилицких полков, которые были поверстаны в казаки. Из

¹ Акулинин Иван Григорьевич — оренбургский казак, участник русско-японской и Первой Мировой войны, участвовал в повстанческой борьбе оренбургского казачества, помощник войскового атамана, командир II и I казачьих корпусов в 1918–1919 гг. С I корпусом присоединился в конце 1919 г. к повстанческим войскам Уральского казачества, когда остальные оренбуржцы ушли с отступившими белыми армиями. С остатками уральцев ушел в эмиграцию, где написал свои полувоспоминания-полуисследования.

² Печатается по тексту: И. Г. Акулинин. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. Печатается с сокращениями.

инородцев в состав Оренбургского Войска вошли в довольно значительном количестве татары, ногайбаки, башкиры, тептяри, мешчеряки, мордва, калмыки. Осели в пределах Войска — и слились с казаками — несколько групп поляков, выселенных из пределов Польши, а также некоторое число немцев и французов из бывших военнопленных, оставшихся после отступления армии Наполеона в 1812 году. Старшинство Войска считается с 1574 года — со времени основания Уфимского острожка, который был построен на реке Белой Воложке в царствование Иоанна Грозного воеводой Нагим и пришедшими с ним стрельцами и казаками...

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

(с ноября 1917 года по апрель 1918 года)

Борьба Оренбургского казачьего Войска с большевиками началась немедленно по захвате ими власти в Петрограде, Москве и других городах России, в первых числах ноября 1917 года.

Оренбургское Войско, признав в свое время всероссийское Временное правительство, советскую власть отвергло.

Получив известие о разгоне Временного правительства и захвате власти народными комиссарами, войсковой атаман А. И. Дутов издал по Войску следующий приказ:¹

«В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть; таковые же выступления имеют место и в других городах, войсковое правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым. В тесном братском союзе с правительствами других казачьих войск Оренбургское Войсковое правительство окажет полную поддержку коалиционному Временному правительству.

В силу прекращения сообщения и связи с центральной государственной властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, Войсковое пра-

¹ Приказ по Оренбургскому казачьему Войску № 816, 26 октября 1917 года, г. Оренбург.

вительство ради блага Родины и поддержания порядка временно впредь до восстановления власти Временного правительства и телеграфной связи с 20 часов 26 сего октября приняло власть в Войске».

Этим приказом было положено начало борьбе Оренбургского Войска с большевиками и этот приказ явился руководящим во всех дальнейших действиях Войскового правительства.

Ввиду того что большинство городского населения города Оренбурга составляли не казаки, а территория Оренбургского Войска окружена крестьянским населением Оренбургской губернии и Тургайской области, а также поселениями башкир и киргиз — решено было для активной борьбы с большевиками образовать в Оренбурге особый орган, а именно — Комитет Спасения Родины и Революции из представителей казачества, городского и земского самоуправления, разных местных организаций и политических партий — от кадетов до меньшевиков и правых социалистов-революционеров включительно.

Во главе Комитета был поставлен полковник Дутов, в ведение которого были переданы все воинские части, находящиеся в Оренбурге.

Таким образом, вокруг Комитета и Войскового правительства объединились не только казаки, но и все местные патриоты. И атаман Дутов возглавил собою все антибольшевистское движение в Оренбургском крае.

В целях сосредоточения военной власти в одних руках и урегулирования всех военно-административно-хозяйственных вопросов полковник Дутов учредил Оренбургский военный округ, вступив в должность командующего войсками округа.

Началась подготовка к вооруженной борьбе. Все полки Оренбургского Войска в это время находились на фронте. На территории Войска стояло лишь три запасных казачьих полка: 1-й запасный полк в г. Оренбурге, 2-й — в г. Верхнеуральске и 3-й — в г. Троицке. В них обучались молодые казаки. Но единственно надежную строевую часть, на которую было можно вполне положиться, составляло Оренбургское Казачье военное училище.

Гарнизон г. Оренбурга состоял главным образом из запасных пехотных частей, которые настолько уже были

распропагандированы, что рассчитывать на них в предстоящей борьбе с большевиками ни в коем случае не приходилось. Наоборот, их присутствие в городе представляло явную опасность. Солдаты, утратившие всякое понятие о долге и дисциплине, совместно с хулиганами из окраинных слободок устраивали погромы и занимались грабежом мирного населения, наводя повсюду панику. Так был разгромлен и сожжен военный склад с громадными запасами казенного вина.

Борьба с большевизмом в Оренбурге началась как раз с разоружения пехотного гарнизона, что было выполнено по приказанию атамана Дутова сотнями 1-го запасного казачьего полка. После разоружения солдаты из всех пехотных частей были распущены по домам.

Затем были арестованы и посажены в тюрьму главари местных большевиков: Цвиллинг, Коростелев и др.; однако им вскоре удалось бежать.

Атаман Дутов приступил к формированию добровольческих отрядов из офицеров и учащейся молодежи: гимназистов, реалистов и семинаристов, которые шли в эти отряды очень охотно. Из Москвы с сестрой милосердия М. А. Нестерович прибыла в распоряжение атамана Дутова партия переодетых офицеров в 120 человек.

В станицах — главным образом ближайших к Оренбургу — началось формирование дружин из стариков, малолетков и неспособных¹.

Призыв Войскового правительства о формировании станичных дружин встретил неодинаковое отношение.

В одних станицах наблюдался большой подъем и дружины собрались быстро; в других — царило равнодушие и дружины формировались вяло; третьи — прежде чем приступить к формированию, посылали делегатов в Оренбург и в соседние станицы для выяснения обстановки; некоторые станицы если прямо и не отказывались от формирования, то ровно ничего не делали в этом направлении и выжидали событий.

¹ В мирное время в неспособные или категорные зачислялись казаки, которые не отбывали действительной службы в полках в силу физических недостатков; все они были обложены денежным налогом.

Большое значение имела личность станичного атамана: где атаман был энергичный и с порывом, там дело шло хорошо; где атаман медлил и действовал нерешительно, там ничего не выходило.

В одних станицах формировались конные дружины, в других пешие, в некоторых и те и другие.

К сожалению, такая психология преобладала в среде так называемых буржуазных классов, которые считали, что драться с большевиками должны военные — офицеры, солдаты, казаки, но не гражданские лица.

Городская интеллигенция — в лице чиновников, учителей, отставных офицеров — прихода большевиков боялась, но никаких мер в целях организации и самообороны не предпринимала.

Рабочие г. Оренбурга (главным образом железнодорожных мастерских Ташкентской железной дороги), независимо от того, были ли они меньшевиками или большевиками, социалистами-революционерами или беспартийными, — все они были настроены революционно-бунтарски. Комитета Спасения Родины и Революции не признавали (хотя в его составе были и их представители), казаков и офицеров ненавидели, а атамана Дутова называли контрреволюционером. Все их симпатии были на стороне большевиков, и каждый рабочий с нетерпением ждал вступления в город большевистских отрядов. Наиболее горячие головы из рабочих кругов и городских подонков организовали в разных частях города боевые ячейки с целью произвести восстание.

Вот в общих чертах какова была обстановка, в которой Войсковому правительству Оренбургского казачьего Войска приходилось начинать вооруженную борьбу с большевиками.

В конце ноября во всех городах Поволжья, Урала и Сибири власти Временного правительства уже не существовало; она перешла — почти без всякого сопротивления — в руки большевиков, всюду образовались Советы.

Пришел черед и Оренбургскому Войску.

В декабре 1917 г. отряды большевиков стали подходить к границам Войска и проникать на войсковую территорию с

разных сторон: на севере — со стороны Екатеринбурга, Уфы и Омска, на западе — со стороны Самары, на юге — от Ташкента. Сначала красные отряды двигались по железным дорогам, а затем по грунтовым путям, сперва захватывали города, а потом распространялись по станицам.

Прежде всего в руки большевиков попал Челябинск — важнейший железнодорожный узел, а за ним торговый город Троицк — после чего 3-й и 4-й округа¹ очутились в сфере влияния советской власти.

Оренбург был осажден большевистскими отрядами с двух сторон: со стороны Самары и со стороны Актюбинска. Наибольшей активностью отличалась самарская группа благодаря наличию в ней отряда матросов.

В половине декабря был созван Войсковой Круг, на который съехались в полном составе депутаты от станиц и строевых частей. Круг приветствовали представители города и делегации от всех партий. Атаман Дутов, открывая заседания Круга, произнес горячую речь, в которой призывал депутатов стать на защиту матери-России и родного войска. Председателем Круга был избран М. А. Арзамасцев — по профессии медицинский фельдшер, по убеждениям — антибольшевик. С первых же заседаний Круг поделился на две неравные части: большую — стариков и меньшую — фронтовиков.

Депутаты с фронта, распропагандированные на большевистский лад, сразу заняли по отношению к атаману Дутову враждебную позицию. Среди них повели агитацию приехавшие на Круг — в качестве депутатов — бывший член 1-й Государственной Думы Т. Н. Седельников, подъесаул Каширин (Иван), фельдшер Шеметов и урядник Федеринов. К ним примкнул один из членов Войскового правительства — М. Копытин, только что вернувшийся из поездки на Дон.

¹ И. Г. Акулинин по ходу изложения употребляет цифровые названия округов Оренбургской области — это казачья традиция. В географическом административно-территориальном делении соответствующие названия округов следующие: 1-й — Оренбургский, 2-й — Верхнеуральский, 3-й — Троицкий, 4-й — Челябинский, 5-й — Орский.

В своих выступлениях перед Кругом лидеры фронтовиков старались доказать, что большевики ведут борьбу не с казаками, а с атаманом Дутовым и офицерством, которые стремятся к контрреволюции. Поэтому стоит только убрать атамана Дутова, как борьба сама собою прекратится и с большевиками можно будет сговориться на приемлемых для обеих сторон началах.

Но депутаты-старики из станиц на такую удочку не поддались. Они прекрасно понимали, что большевики повели борьбу с казачеством, которое всегда защищало русскую государственность и теперь вновь стояло поперек дороги.

Войсковой Круг подавляющим большинством голосов постановил: советской власти не признавать; борьбу с большевиками продолжать до полной над ними победы.

Полковник Дутов был переизбран Войсковым атаманом, и Войсковое правительство было сконструировано в следующем составе: Председатель правительства — Войсковой атаман полковник А. И. Дутов. Заместитель председателя — помощник Войскового атамана, генерального штаба полковник И. Г. Акулинин (только что прибывший из Петрограда и избранный депутатом Круга). Заведующий военным отделом — начальник штаба Войска, полковник В. Н. Половников. Члены правительства: войсковой старшина В. Г. Рудаков (окончивший интендантскую академию и занимавший должность дивизионного интенданта), войсковой старшина Г. Ф. Шангин (работавший в кооперации), чиновник горного ведомства А. С. Выдрин; землемер Г. Г. Богданов (мусульманин, представитель казаков мусульманского вероисповедания); войсковой старшина Н. С. Анисимов; войсковой секретарь — военный чиновник А. Е. Иванов.

Ввиду происходивших вокруг Оренбурга боев и рабочих волнений в самом городе заседания Круга протекали в чрезвычайно нервной обстановке и порою принимали весьма бурный характер, особенно когда в прения пыталась вмешаться публика, среди которой нередко сидели большевистские агитаторы из казаков. Тем не менее Круг работал в течение целого месяца и за это время успел рассмотреть все важнейшие вопросы войсковой жизни.

Однако, разъезжаясь перед праздниками Рождества Христова по домам, Войсковой Круг никакой реальной силы для

борьбы с большевиками в распоряжение атамана Дутова не дал, да и не мог дать. Он выделил лишь из своего состава в помощь Войсковому правительству Малый Круг (в числе девяти членов), который вскоре из-за событий на фронте самоупразднился.

Силы, которые атаман Дутов мог противопоставить большевистскому натиску, были незначительны и состояли из небольших офицерских, юнкерских и добровольческих отрядов, а также нескольких станичных дружин.

Как раз в это время в Войско стали прибывать с Австро-Венгерского и Кавказского фронтов строевые части — полки и батареи, но рассчитывать на их помощь оказалось совершенно невозможно: они и слышать не хотели о вооруженной борьбе с большевиками.

У казаков-фронтовиков, утомленных войною — а частью настроенных большевистски, была одна мысль, одно стремление — поскорее попасть в родные станицы. Распропагандированные на фронте, они не отдавали себе ясного отчета в происходящих событиях, не понимали сути большевизма со всеми его пагубными последствиями как для России, так и для казачества. Среди них появились уже настоящие большевики, которые вели разлагающую пропаганду сначала в полках, а потом и в станицах.

Большинство казачьих эшелонов прибыло в Войско без оружия: большевики их разоружали в пути — в Москве, Киеве, Харькове, Самаре, Ташкенте и других крупных центрах, где имелись в наличии большие гарнизоны¹. К чести казаков надо сказать: выдачи офицеров нигде не было, несмотря на энергичные требования и угрозы большевистских комиссаров почти в каждом городе через которые проходили казачьи эшелоны.

Таким образом, в начале борьбы Оренбургского Войска с советской властью строевые части в защите Войска никакого

¹ 15-й Оренбургский казачий полк, бывший на Юго-западном фронте, чтобы не отдавать большевикам оружия, прибыл в Войско с одной из войсковых батарей походным порядком, пройдя через всю южную и юго-восточную Россию.

участия не принимали. Наоборот — многие казаки-фронтовики и даже некоторая часть — правда, незначительная — офицеров, как, например, братья Каширины, старались помогать большевикам. Эти отщепенцы вскоре открыто перешли на сторону Советов и образовали так называемое «трудовое казачество».

Вся тяжесть борьбы в начальный период легла на офицерские и добровольческие отряды; станичные дружины оказались мало боеспособными и при первом случае расхищались по домам.

В силу таких неблагоприятных обстоятельств натиск большевиков сдержать не удалось, и 31 января 1918 года Оренбург был сдан.

Атаман Дутов с Войсковым правительством и группой офицеров переехал в глубь территории Войска — во 2-й округ — и обосновался в г. Верхнеуральске, удаленном от железных дорог и больших центров. Часть офицеров, добровольцев и юнкеров во главе с Начальником Оренбургского Казачьего военного училища генерального штаба, генерал-майором Слесаревым, ушла походным порядком по левому (киргизскому) берегу реки Урала к уральским казакам, которые в это время не выступали против большевиков. Многие офицеры — в одиночку и небольшими партиями — укрылись по станицам, хуторам и киргизским аулам.

В начале февраля Войсковое правительство созвало в г. Верхнеуральске чрезвычайный Войсковой Круг, на котором были представлены главным образом 2-й, 3-й и 4-й округа. Большинство депутатов 1-го округа на заседания Круга прибыть не могли: к этому времени все станицы в районе Оренбурга и Орска были заняты большевиками. На вопрос Войскового правительства, что делать дальше, — Войсковой Круг вновь подтвердил свое декабрьское решение: продолжать борьбу с большевиками во что бы то ни стало. Но опять-таки никаких действительных средств на ведение борьбы Войсковое правительство от Круга не получило. Были приняты строгие резолюции, выпущены воззвания с призывом к населению — вооружаться против большевиков и объединяться вокруг Войскового правительства.

* * *

Во время февральской сессии Круга Войсковой атаман А. И. Дутов неоднократно просил освободить его от всех возложенных на него обязанностей, но Войсковой Круг настоял, чтобы он оставался во главе Войска и продолжал дело борьбы с большевиками. Просьба членов Войскового правительства об отставке также не была уважена.

Ввиду неприбытия в г. Верхнеуральск войскового старшины Анисимова в состав Войскового правительства было избрано два новых члена из представителей Круга: хорунжий А. С. Пономарев (по специальности агроном) и преподаватель городского училища И. С. Белобородов (окончивший учительский институт).

Из других мероприятий Войскового Круга следует отметить постановление о формировании полков для защиты войсковой территории, причем полки должны были формироваться и действовать на основах воинской — а не революционной — дисциплины. Никаких митингов и собраний с вынесением всякого рода резолюций не допускалось. Сотенные, полковые и прочие комитеты в войсковых частях запрещались.

Во время пребывания Войскового правительства в г. Верхнеуральске большевики созвали в Оренбурге казачий Съезд из казаков 1-го округа. Съезд, на котором верховодили депутаты Круга: Седельников, Федоринов и бывший член Войскового правительства Кошутин, — вынес постановление о признании советской власти.

В Челябинске также был созван Съезд Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов, который обратился к казакам с призывом прислать делегатов от станиц.

После захвата большевиками г. Троицка окружное правление 3-го округа во главе с окружным атаманом войсковым старшиной Половниковым было арестовано и посажено в тюрьму. Впоследствии весь состав окружного правления был расстрелян.

Казаки 3-го округа созвали окружной съезд в станице Кособродской. На этом съезде депутат Свешников (молодой студент, исключенный из Оренбургского военного училища

за революционные выступления в первые дни революции) ратовал за соглашение с большевиками.

Окружной атаман 2-го округа — молодой хорунжий Захаров и все окружное правление дружно поддерживали Войсковое правительство, но почти никакой власти и никакого влияния за пределами города Верхнеуральска окружное правление не имело. Даже Верхнеуральская станица, расположенная за городской чертой, находилась всецело под влиянием братьев Кашириных, которые с помощью солдат-дезертиров и большевизированных мещан образовали Совет Рабочих, Крестьянских и Казачьих депутатов, который с прибытием в Верхнеуральск Войскового правительства прекратил свое существование.

Городская управа к приезду атамана Дутова и к созыву в г. Верхнеуральске Войскового Круга отнеслась весьма сдержанно. Гласные Городской думы боялись навлечь на себя гнев большевиков.

Оценивая общее положение в Оренбургском Войске к марту месяцу 1918 года, можно сказать, что Войсковое правительство в это время, в сущности, было предоставлено самому себе.

Население, за исключением 5–6 верных и стойких станиц, как, например, Карагайской, Петропавловской, Краснинской, Кассельской, Остроленской, никакого участия в борьбе с большевиками не принимало: одни станицы, боясь большевистских расправ, держали нейтралитет, другие явно сочувствовали приходу большевиков, а третьи даже помогали им, как, например, станица Арсинская и отчасти Верхнеуральская¹.

Никакой вооруженной силы в распоряжении Войскового правительства не было, кроме небольшой личной охраны атамана Дутова и офицерской сотни, собранной на случай самообороны, если бы в городе вспыхнуло восстание. К счастью, из-под Троицка прибыл в Верхнеуральск партизанский отряд войскового старшины Мамаева, который дал толчок к дальнейшим формированиям. Вскоре образовалось еще три небольших отряда: подьесаулов Бородина, Михайлова и Енборисова.

В конце концов атаману Дутову с большим трудом удалось собрать около 300 бойцов. К этому ядру время от времени

¹ Братья Каширины, казаки станицы Верхнеуральской, оказывали свое влияние на ее жителей.

присоединялись станичные дружины, увеличивавшие силы Войскового правительства до 1500–3000 человек.

Необходимо отметить, что в числе партизан было много офицеров не-казаков — преимущественно уроженцев Оренбургской губернии; партизанский отряд подьесаула Енборисова состоял исключительно из рядовых казаков; в других отрядах преобладал офицерский состав, но были также юнкера, кадеты, казаки и просто добровольцы.

С этими силами Войсковое правительство держалось на территории 2-го округа до весны. За это время большевистским отрядам, пытавшимся уничтожить «гнездо контрреволюции», было нанесено несколько чувствительных ударов.

Само собою разумеется, что главная тяжесть во всех боях лежала на партизанах. Наскоро собранные и почти безоружные станичные дружины, рассыпавшись лавами, служили больше для декорации и лишь во время преследования противника пускали в ход шашки и нагайки.

Во всех боевых стычках с большевиками главную целью партизан и станичников было стремление побольше достать оружия и патронов (база на противника). Вначале не только дружины, но и партизанские отряды вооружены были слабо: винтовок и шашек на всех не хватало. После нескольких удачных боев (особенно под станицей Кассельской) партизаны раздобыли достаточное количество винтовок и пулеметов, которыми большевики были снабжены в изобилии. Артиллерии в этот период борьбы у казаков совсем не было.

Для ликвидации «дутовщины» большевистские верхи вынуждены были стянуть несколько отрядов. Из них наибольшей организованностью и активностью отличались два отряда: один — изменника Оренбургского Войска подьесаула Николая Каширина, а другой — талантливого авантюриста Блюхера¹.

¹ Кто такой был Блюхер — в то время в точности никто не знал. Оренбургские казаки, перешедшие в ряды большевистских отрядов, считали его полковником. Среди жителей города Оренбурга откуда-то пошла молва, что Блюхер офицер австрийского или германского Генерального штаба — потомок знаменитого прусского фельдмаршала Блюхера.

В первых числах марта к г. Верхнеуральску стали приближаться две большевистские группы: одна — со стороны Троицка, а другая из Башкирии.

Чтобы не быть зажатыми в клещи, атаман Дутов во главе партизан и станичных дружин бросился против троицкой группы и после нескольких стычек у станицы Сухтелинской обратил ее в паническое бегство.

Но в это время в Верхнеуральске местные большевики, воспользовавшись уходом партизан из города, произвели восстание, поддержанное солдатами-дезертирами из окрестных хуторов и рабочими двух ближайших заводов — Белорецкого и Тирлянского. В распоряжении Войскового правительства не было ни одной воинской части, кроме нескольких десятков офицеров и казаков, державших караулы. Правда, в Верхнеуральской станице имелась наготове вооруженная дружина, но она осталась пассивной; часть казаков-фронтовиков, руководимых подъесаулом Кашириным, примкнула к восставшим¹.

После небольшой уличной перестрелки Верхнеуральск был оставлен в руках большевиков. Войсковое правительство переехало в станицу Краснинскую, в 20 верстах к северо-востоку от Верхнеуральска, а окружное правление 2-го округа — в станицу Кассельскую².

Атаман дважды делал попытку вернуть Верхнеуральск, но безуспешно. Засевшие в нем большевики успели получить значительные подкрепления, и все атаки казаков были отбиты.

Через несколько дней верхнеуральская группа большевиков в свою очередь попыталась овладеть станицей Кассельской, с тем чтобы отрезать атаману Дутову путь отступления на юг. Но после горячего боя, продолжавшегося целый день, вынуждена была под дружным натиском партизан и станичников

¹ Накануне восстания в станичном правлении Верхнеуральской станицы был убит казаком-provokатором комендант города поручик Гончаренко.

² Член Войскового правительства И. С. Белобородов, не успевший вовремя выехать, был схвачен большевиками и посажен в тюрьму, а затем через несколько дней расстрелян.

отступить в беспорядке обратно в Верхнеуральск, побросав по дороге пулеметы, винтовки и разное имущество.

Как раз в это время другая большевистская банда, блуждавшая в районе станиц Магнитной и Наваринской, была разгромлена казаками соседних поселков, сформировавших по собственному почину свои отряды.

Здесь уместно отметить следующее явление, наблюдавшееся во всех округах Оренбургского Войска.

Очень часто большие и богатые станицы если и не держали открыто сторону большевиков, то всеми способами уклонялись от борьбы с ними, и наоборот — небольшие и бедные станицы проявляли к большевикам крайнюю ненависть и при первой возможности готовы были драться с ними.

Несмотря на ряд частичных успехов, общее положение Войскового правительства ухудшалось с каждым днем. Силы большевиков возрастали, а силы партизан и станичных дружин таяли; ощущался постоянный недостаток в боевых припасах, добывать которые приходилось с бою, что влекло за собою лишние кровопролития. Не хватало также перевязочных средств и медикаментов для раненых и больных, число которых с каждым днем увеличивалось¹.

К началу апреля Войсковое правительство с партизанами было окружено в станице Краснинской большевистскими отрядами со всех сторон. Атаман Дутов собрал совещание — из членов Войскового правительства и старших начальников, на котором было принято решение пробиваться на юг; а в дальнейшем, если бы не удалось удержаться на войсковой земле, уйти в киргизские степи, где и отсиживаться до того момента, когда явится возможность вернуться обратно в Войско для новой борьбы.

Был намечен приблизительный маршрут движения — через станицы, лежавшие по левой стороне Урала, — и день выступления — 4 апреля. Но тронуться с места и выйти из райо-

¹ Для ознакомления с обстановкой в других округах были командированы тайным образом, под видом простых казаков, два члена Войскового правительства: Богданов в пределы 1-го округа (к Оренбургу) и войсковой старшина Рудаков в район 3-го округа (к Троицку).

на станиц, все время поддерживавших Войсковое правительство, не так-то было легко. В станицах, которые принимали непосредственное участие во всех последних боях, прекрасно понимали, что с уходом Войскового правительства весь гнев большевиков обрушится прежде всего на них.

При уходе из этих станиц Войсковому атаману и его ближайшим помощникам приходилось выступать на станичных сборах с объяснениями о причинах передвижения в другие места.

Старики умоляли атамана не покидать их «на съедение большевикам», женщины и дети поднимали плач...

Атаман Дутов, который хорошо умел говорить с казаками, старался разъяснить станичникам, что его уход с партизанами в другие места вызывается боевой обстановкой и предпринимается с целью продолжения дальнейшей борьбы с большевиками там, где это обещает наибольший успех.

Тяжелее всего было покинуть станицу Краснинскую, которая в силу обстановки довольно долго служила атаману Дутову ставкой.

Для поддержания духа и успокоения стариков в некоторых станицах Войсковое правительство вынуждено было оставлять немного винтовок и патронов.

При таких условиях сохранить скрытность передвижений партизанских отрядов было чрезвычайно трудно. Большевики зорко следили за каждым их шагом, чтобы в удобный момент ударить по ним.

Местность, по которой приходилось двигаться, была холмистая, большею частью открытая, лишь изредка попадались небольшие перелески. Движение задерживалось весенней распутицей, хотя конница, имея пулеметы на легких тарантахах, шла сравнительно легко и маневрировала совершенно свободно. Но колесная колонна Войскового правительства с разными учреждениями, транспортом раненых и обозом беженцев передвигалась довольно медленно, особенно на участках, покрытых еще снегом или залитых водой¹. Происходили частые задержки на переправах через разлившиеся речки

¹ К Войсковому правительству присоединилось и окружное правление 2-го округа.

и набухшие овраги, тем более что переходы совершались большей частью ночью.

Атаман Дутов выступил из станицы Краснинской 4 апреля утром. Благодаря удачно выбранному направлению, ночным маршам, хорошо организованной разведке и вовремя пущенным ложным слухам ему удалось пройти несколько станиц и поселков¹, искусно обходя большевистские заставы, в том числе и отряд подъясаула Каширина, поджидавшего «своего атамана» на переправе через реку Гумбейку (приток Урала) у станицы Черниговской, в то время когда вся колонна Войскового правительства форсировала эту реку в ночь с 5 на 6 апреля у станицы Наваринской.

В поселке Бриенском атаман Дутов решил остановиться на дневку, чтобы дать людям и лошадям небольшой отдых, хотя обстановка требовала безостановочного движения.

И действительно, на следующий день, на рассвете — это было 10 апреля — перед поселком Бриенским появился Николай Каширин с отрядом из трех родов оружия, а другой большевистский отряд спешно двигался от станицы Кваркенской на перерез пути отступления атаману Дутову.

В происшедшей оплошности повинен был отчасти полевой штаб атамана Дутова, ограничившийся выставлением на ночь одной заставы, которая проспала появление большевиков. Тревога была поднята часовым на церковной колокольне².

Среди жителей и беженцев началась паника. Чтобы дать возможность вывезти обозы с ранеными и беженцами в более или менее безопасное место, пришлось принять бой в чрезвычайно невыгодных условиях.

Учитывая критическое положение застигнутой врасплох колонны Войскового правительства и свое численное превосходство, большевики с места повели энергичное наступление:

¹ Станицы — Кассельскую, Остроленскую, Требиатскую, Наваринскую и поселки — Кашбахский, Измаильский и Кульмский.

² Начальником полевого штаба атамана Дутова был генерального штаба полковник Н. Я. Поляков (неказак), занимавший во время Великой войны должность начальника штаба Оренбургской казачьей дивизии.

пехота с фронта, конница в обхват флангов, при этом отдельные конные группы из казаков-изменников проявили большую дерзость, все время стараясь ударить в тыл партизанам.

Но партизанские отряды, объединенные под командой полковника Акулинина, так ощетинились, что сразу осадили большевистский натиск и не позволили им развить наступление — ни на фронте, ни на флангах.

Занимая один рубеж за другим, полковник Акулинин задержал большевиков на целый день, чем дал возможность атаману Дутову к вечеру 10 апреля собрать в поселке Елизаветинском (в двух переходах от поселка Бриенского) все обозы и транспорты.

Поселок Елизаветинский был последним этапом на войсковой территории, дальше начиналась Тургайская область.

В ночь на 11 апреля атаман Дутов с отрядами выступил из поселка Елизаветинского к Адамовской волости и, миновав ряд переселенческих хуторов, население которых сочувствовало большевикам, углубился в пределы Киргизской степи¹.

Дальнейшее движение происходило исключительно днем, от одного киргизского аула к другому. Общее направление было взято на г. Тургай.

Большевики прекратили преследование партизан на грани Оренбургского Войска и Тургайской области.

При движении по степи казаки ни в чем не терпели недостатка — ни в пище, ни в фураже, ни в крове.

Отношение киргизов к казакам было вполне доброжелательное, если только они заранее узнавали, что идут не «большевики», а «меньшевики»². После октябрьского переворота в

¹ Крестьянские хутора Тургайской области возникли вдоль восточной и южной границы Оренбургского Войска на киргизских землях. Незадолго перед Великой войной сюда были переселены крестьяне из внутренних губерний Европейской России по плану Главного Переселенческого Управления.

² Западная часть Тургайского уезда, где проходил атаман Дутов, заселена наиболее культурными киргизскими племенами — аргышы, которые были настроены антибольшевистски. Враждебные им кипчаки, кочующие в восточной части Тургайской области, наоборот, держали сторону большевиков.

представлении киргизов вся Россия разделилась на два лагеря: большевиков (красных) и меньшевиков (белых).

В конце апреля атаман Дутов вступил в степной городок Тургай, где неожиданно для казаков оказались казенные склады с продовольствием и артиллерийскими припасами.

За время месячной стоянки в Тургае люди отдохнули, конский состав пополнился киргизскими «аргамаками», материальная часть — седла, тарантасы, оружие — подновлена. Были произведены и организационные изменения.

Все партизанские отряды соединены в один — под командой войскового старшины Мамаева, который теперь имел в своем распоряжении конную сотню, пулеметную команду и пешую сотню, передвигавшуюся на тарантасах (по четыре стрелка на тарантасе, не считая кучера).

Все боеспособные беженцы были зачислены в пешую или конную сотни, остальных, в виде нестроевой команды, оставили при обозе. С местными властями — русскими и киргизскими — у Войскового правительства установились самые хорошие отношения.

Советы еще не успели укорениться в степи. Старейшины окрестных племен относились к атаману Дутову с большим уважением и всегда были рады видеть его у себя в аулах в качестве почетного гостя.

В Тургае атаман Дутов простоял до конца мая, внимательно следя за всем, что происходило в Войске.

В то время когда атаман Дутов вел борьбу с большевиками в пределах 2-го округа, офицеры, укрывшиеся по станицам и хуторам в районе Оренбурга, подняли восстание в верхних станицах¹ 1-го округа и под командой войскового старшины Лукина организовали поход на Оренбург.

Вначале дела у восставших шли хорошо. Комиссары из станиц были изгнаны, Советы уничтожены. 4 апреля после жаркого боя был взят Оренбург, но плохо организованные и слабо вооруженные станичные дружины не могли удержать город в своих руках и отступили.

¹ Станицы, лежащие по реке Уралу и реке Самаре выше Оренбурга.

Энтузиазм среди казаков сразу пал, сменившись всеобщей растерянностью. Дружины поспешно разошлись по домам, несмотря на попытки офицеров удержать их и привести в порядок.

Начался развал станиц: по требованию советских комиссаров большая часть оружия была у казаков отобрана, многие офицеры и казаки, участники похода, выданы и расстреляны. В числе первых жертв погиб войсковой старшина Лукин, схваченный большевиками в поселке Нежинском.

Таким печальным финалом завершился первый период борьбы Оренбургского Войска с советской властью.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

(с мая по июнь 1918 года)

Заняв Оренбург и утвердившись на территории Оренбургского Войска, большевики сразу показали себя казакам.

Всюду — в городах и станицах — начались кровавые расправы, грабежи и разбой. Несколько станиц было сожжено дотла; миллионы пудов хлеба вывезены или уничтожены; тысячи голов лошадей и скота угнаны или зарезаны на местах; масса имущества разграблена. Все станицы и поселки, независимо от того, принимали участие в борьбе против большевиков или оставались нейтральными, заплатили денежные контрибуции и затем были обложены громадными налогами. Большевики всех казаков без разбора совершенно искренно считали врагами советской власти и потому ни с кем не церемонились. Много офицеров, чиновников, казаков и даже казачек было расстреляно; еще больше посажено в тюрьму. Особенно свирепствовали большевики в самом городе Оренбурге.

Такие мероприятия со стороны большевиков быстро отрезвили не только казаков-стариков, но и казаков-фронтовиков и заставили их взяться за оружие.

Первыми восстали линейные станицы, расположенные по реке Илеку. Сигнал к восстанию подала станица Изобильная. Сюда в 20-х числах февраля прибыла из Оренбурга партия матросов в 20 человек для взыскания налогов. Матросы

вели себя крайне вызывающе. Казаки возмутились и перебили всю банду. Тела убитых были спущены под лед в реку Илек.

Весть о происшедшем быстро разнеслась по окрестным станицам.

Казаки прекрасно понимали, что после расправы с матросами на них посыплются жестокие кары.

В станице Буранной был созван станичный сбор, на котором было решено на всякий случай подготовиться и мобилизоваться. В ожидании событий наскоро собранные станичные отряды стянулись в район станиц Изобильной и Буранной. Общим начальником был избран есаул Сукин, которого заменил подьесаул Донецков.

В середине марта для наказания жителей станицы Изобильной за расправу со «сборщиками налогов» из Оренбурга по железной дороге двинулся отряд из трех родов оружия, силою в 800 человек. Во главе отряда шел губернский комиссар Цвиллинг.

Большевики настолько были уверены в беззащитности и покорности казаков, что от Илецкой Защиты двигались походным порядком без всяких мер охранения.

Казаки зорко следили за передвижениями красного врага; и когда большевистская колонна стала приближаться к станице Изобильной, казачий отряд устроил засаду, укрывшись за церковной оградой и домами, окружавшими площадь.

Лишь только большевики втянулись в станицу, как казаки со всех сторон ударили на них. Через полчаса красного отряда не существовало: он был уничтожен начисто.

Трофеями казаков были: 4 пушки, 12 пулеметов, 700 винтовок, патроны и снаряды.

После «Изобильненского дела» настроение среди казаков сразу поднялось. К линейным станицам стали присоединяться постепенно низовые станицы, расположенные по обеим сторонам р. Урала ниже г. Оренбурга. В деле организации станиц и формирования станичных и партизанских отрядов главную роль играли офицеры.

Особенно большую деятельность в этот период борьбы проявили: войсковые старшины — Шмотин, Красноярцев, Корноухов; подьесаулы Богданов, Нестеренко; сотники —

Слоцов, Тимашев, Мелянин, капитан Булгаков (неказак) и многие другие офицеры, укрывавшиеся от большевиков в своих станицах и поселках.

По мере формирования отрядов в их состав прибывали новые партии офицеров из Уральска, где они отсиживались после занятия Оренбурга большевиками.

Партизанские и станичные отряды стали производить усиленные налеты на Ташкентскую железную дорогу, связывавшую Оренбург с Самарой и Туркестаном. Партизаны разрушали путь, взрывали мосты, останавливали поезда, вылавливали комиссаров и большевистских агентов. Особенно частым нападениям подвергались участки, ближайшие к Оренбургу: между станциями Ново-Сергиевской и Платовкой и в районе Илецкой Защиты.

Штаб повстанческих отрядов обосновался сначала на правом берегу р. Урала — в станице Нижне-Озерной, а затем перебрался на левую сторону — в станицу Кардаиловскую. Здесь для руководства борьбой был созван съезд делегатов от восставших станиц, который избрал командующим всеми отрядами войскового старшину Красноярцева.

Съезду объединенных станиц пришлось решить ряд вопросов по части снабжения отрядов продовольствием и оружием и по установлению связи между станицами, а также с соседями-уральцами.

Пока большевики уральцев не трогали, те ничем себя не проявляли, но как только красные отряды появились на уральской земле — взялись за оружие. Первыми вступили в единоборство с большевиками илецкие казаки, ближайшие соседи оренбуржцев. Во главе их встал доблестный полковник К. И. Загребин, с которым вошли в сношения оренбургские станицы, расположенные по р. Илеку. Штаб полковника Загребина находился в г. Илеке Уральской области.

Отсюда уральцы совместно с оренбуржцами стали производить налеты на Ташкентскую железную дорогу в районе станицы Ново-Сергиевской. Весной 1918 года все Уральское Войско от Илецкого Городка до Гурьева представляло собой сплошной военный стан.

В станицу Кардаиловскую на съезд объединенных станиц прибыли представители шести илецких станиц и два

делегата Войскового съезда из г. Уральска, чтобы установить единый фронт в борьбе с общим врагом.

Уральцы оказали помощь оренбуржцам снарядами и живой силой: две сотни илецких казаков действовали совместно с оренбуржцами в районе станицы Ново-Сергиевской, а две сотни были направлены к Илецкой защите и к Оренбургу.

Как раз в это время на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах началось чехословацкое движение: чехословаки с помощью русских добровольческих отрядов разогнали большевистские банды и захватили Сызрань, Самару, Уфу, Челябинск, Омск, Иркутск и другие города Поволжья и Сибири. Центром противобольшевистского движения сделалась Самара, где обосновалось Главное Командование чехословацких войск и образовался Комитет членов Учредительного собрания.

Съезд объединенных станиц немедленно вошел в сношения с чехословацким командованием и Комитетом. В Самару был командирован войсковой старшина Н. С. Анисимов. Кроме того, в Самаре укрывались от большевиков: окружной атаман 1-го округа Каргин, войсковой старшина Тушканов и еще несколько офицеров-оренбуржцев.

Образовалась целая Оренбургская миссия, которой удалось получить от чехословаков, от Комитета членов Учредительного собрания и от частных организаций немного оружия, патронов и денег. Все это в спешном порядке было отправлено под Оренбург.

К атаману Дутову в Тургай Съезд объединенных станиц отправил делегацию в составе члена Войскового правительства Г. Г. Богданова и подъесаула Пивоварова с подробным донесением о положении дел под Оренбургом и с просьбой как можно скорее вернуться в Войско, чтобы взять все руководство военными действиями и все дело борьбы с большевиками в свои руки.

Одновременно с депутатами от Съезда объединенных станиц прибыли в Тургай, это было в конце мая, два казака-партизана из Челябинска с извещением о выступлении чехословаков и восстании оренбургских казаков в станицах 3-го округа, а также о ликвидации советской власти в Сибири.

В мае месяце почти весь 1-й округ был охвачен восстанием, и казачьи отряды начали окружать Оренбург со всех сторон¹. Только благодаря наличию у большевиков броневых поездов оставалась незанятой узкая полоса Ташкентской железной дороги в сторону Туркестана.

В середине мая большевики попробовали оттеснить казачьи отряды, окружавшие Оренбург. Для выполнения этого плана из Оренбурга был выслан конный отряд, который, пользуясь ночной темнотой, врасплох захватил станицу Павловскую. Немедленно со стороны казаков был брошен отряд есаула Асламова, казака Забайкальского казачьего Войска, который принудил большевиков вернуться в Оренбург, образовавшийся был прорыв был заполнен казачьими частями. Уходя в Оренбург, большевики сожгли станицу Павловскую.

Положение большевиков в Оренбурге с каждым днем ухудшалось. Особенно остро стоял продовольственный вопрос — были введены карточки.

Во второй половине июня месяца оренбургские большевики, погрузив на поезда награбленное имущество и все вооружение, двинулись по Ташкентской железной дороге на юг в сторону Актюбинска.

Многочисленные железнодорожные составы двигались под прикрытием бронепоездов и технических отрядов для исправления пути. Боевыми операциями в районе Илецкой Защиты со стороны казаков руководил генерал-майор Карликов, прибывший из Уральска.

Казачьи отряды, не имея в достаточном количестве оружия, с самодельными пиками, а иногда и просто с одними нагайками неоднократно ходили в атаки против уходящих поездов; взрывали железнодорожные пути и мосты, устраивали крушения, производили налеты на станции. Но все-таки часть большевистских поездов, благодаря броневикам, пулеметам и пушкам, а также хорошему техническому персоналу и особенно помощи, поданной туркестанскими большевиками, проскочили в Актюбинск, часть же была захвачена казаками.

¹ Долго не присоединялась к восставшим станицам станица Краснохолмская, против которой в конце концов были приняты крутые меры в виде посылки карательного отряда.

Отряд Николая Каширина еще до полного обложения Оренбурга ушел на север в пределы Башкирии, где к нему потом присоединились большевистские части, вытесненные из Верхнеуральского района. Двигаясь Уральскими горами, Каширин проник сначала в Уфимскую, затем в Пермскую губернии, откуда ему удалось благополучно перебраться за Каму.

Атаман Дутов с Войсковым правительством и партизанским отрядом прибыл из Тургая на территорию Войска во второй половине июня.

По пути следования он взял г. Иргиз, где обосновались были киргизские большевики, и разоружил большевистский гарнизон на станции Челкар Ташкентской железной дороги.

Затем, двигаясь степью через форт Карабутак, благополучно миновал Орск и Актюбинск, в которых стояли красногвардейские части.

В пределы Войска атаман Дутов вошел через станицу Ильинскую, где совершена была переправа на правый, казачий берег Урала.

В это время на станцию Кувандык Орской железной дороги, отстоявшую от станицы Ильинской в одном переходе, прибыл из-под Оренбурга большевистский отряд с бронепоездом. На Кувандыкских высотах под личным руководством атамана Дутова произошел встречный бой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. У казаков было из строя убитыми и ранеными несколько десятков лучших партизан. Но большевики были рассеяны и путь на Оренбург вдоль Орской железной дороги расчищен.

Обеспечив таким образом дальнейшее продвижение, атаман Дутов двинулся к Оренбургу, подымая по пути следования те из станиц, которые еще не примкнули к восставшим, например станицы Никольскую, Верхнеозерную, Гирьяльскую и др. Во всех станицах и поселках атамана Дутова встречали с хлебом-солью, служили благодарственные молебны. Особенно трогательной была встреча в станице Красногорской, население которой вышло с крестным ходом.

Силы Войскового правительства увеличивались с каждым переходом, во всех попутных станицах формировались конные сотни, присоединявшиеся к партизанскому отряду.

Оренбург был очищен от большевиков отрядами войскового старшины Красноярцева и войскового старшины Корноухова, вступившими в город с двух сторон.

7 июля состоялся торжественный въезд в Оренбург атамана Дутова с Войсковым правительством.

Все население Оренбурга встретило казаков с энтузиазмом как избавителей от большевистского ига.

Для встречи Войскового атамана отряды, принимавшие участие во взятии Оренбурга, были построены в конном строю. Начальники отрядов во главе с окружным атаманом 1-го округа Каргиным выехали вперед с рапортом и докладами о взятии города.

На войсковой Форштадской площади перед «Войсковой Избой» архиепископом Оренбургским Мефодием было совершено торжественное молебствие в сослужении всего городского духовенства.

После богослужения состоялся прием депутаций и смотр войскам, закончившийся общим парадом.

Атамана Дутова приветствовали: Съезд объединенных станиц в полном составе своих депутатов, городское самоуправление во главе с городским головою, все местные организации и представители Комитета членов Учредительного собрания, приехавшие из Самары.

С момента прибытия в Оренбург Войскового правительства все дело борьбы с большевиками и все управление Войском вновь было им взято в свои руки.

В северной части Оренбургского Войска восстание казаков началось одновременно с чехословацким движением. Раньше всего был освобожден от большевиков Челябинск, потом Троицк и лишь спустя некоторое время — Верхнеуральск.

3-й и 4-й округа были очищены от большевиков довольно быстро. Большевистские комиссары частью были уничтожены, частью спаслись со своими отрядами в Уральские горы и Киргизские степи¹.

Наиболее упорное сопротивление большевиками было оказано в пределах 2-го округа, откуда их пришлось выбивать

¹ В распоряжении автора не было данных, касающихся восстания станиц и первоначальной борьбы с большевиками в районах г. Троицка и г. Челябинска.

с большими усилиями. Особенно серьезные бои разыгрались под Верхнеуральском. Здесь верховодил подьесаул Каширин 2-й (Иван), перешедший на сторону большевиков одновременно со своим старшим братом Кашириным 1-м (Николаем). По приказу красного «главкома», т.е. Ивана Каширина, в Верхнеуральске и ближайших к нему станицах было расстреляно много офицеров и видных жителей города, а также казаков, занимавших общественные должности. В их числе погибли: бывший городской голова Полосин, доблестный войсковой старшина П. Ф. Воротов, протоиерей Громогласов и др.

Для освобождения от большевиков Верхнеуральска казаки двинулись со стороны Миасса и Троицка.

В станице Кундравинской, 2-го округа, образовалась военная комиссия во главе с бывшим членом Государственной Думы П. Ф. Вопиловым, которая обратилась к казакам с призывом выступить против большевиков. На призыв комиссии казаки ближайших станиц и поселков отозвались довольно дружно. Затруднения встретились с вооружением: почти все оружие в станицах было отобрано большевистскими карательными отрядами, однако некоторое количество винтовок было спрятано в земле и в разных укромных местах. Представителям военной комиссии удалось получить несколько партий винтовок разных систем и патронов от чехословаков.

Не хватало командного состава; многие офицеры, скрываясь от преследований большевиков, должны были покинуть под чужими именами не только свои станицы, но и пределы Войска. Несмотря на недостаток оружия и офицеров, военная комиссия сформировала два конных полка силою до 1500 бойцов каждый по преимуществу из казаков-партизан.

Действия Кундравинской группы начались в сторону Верхнеуральска, куда полки двинулись двумя колоннами: 1-й полк шел вдоль Миасского тракта, а 2-й по Уфимскому тракту.

Первые боевые столкновения с красными отрядами произошли в районе Уйской станицы, которая несколько раз переходила из рук в руки. Понеся большие потери в людях и в материальной части, красные отошли к поселку Ахуновскому. Здесь действовал 1-й полк.

В то же время 2-й полк разбил большевистский отряд у села Учалы, захватив пленных и оружие.

Сильно потрепанные красные отряды поспешно отошли к Верхнеуральску и при отступлении сожгли поселок Кидышевский. Обе казачьи колонны соединились в станице Карагайской. Сюда к ним на помощь прибыл 3-й полк, сформированный из казаков Уйской станицы. Все три полка перешли в станицу Урлядинскую, в 21 версте от Верхнеуральска, и отсюда повели наступление на Верхнеуральск — с фронта и в обход, чтобы отрезать путь отступления красным на Белорецкий завод — в Уральские горы.

Со стороны Троицка к Верхнеуральску подошла еще одна колонна казаков¹ и отряд Анненкова.

Атаман Анненков, боевой офицер Сибирского казачьего Войска, сформировал на свой страх и риск партизанский отряд из сибирских и оренбургских казаков.

Своими решительными действиями и крутыми расправами с большевистскими главарями атаман Анненков производил большое впечатление на казаков, особенно на молодежь. В его отряд стекались добровольцы из всех станиц — сибирских и оренбургских.

На подступах к Верхнеуральску и в самом городе произошли горячие схватки. Красные не выдержали и в беспорядке отступили в горы по направлению к Белорецкому заводу, оставив в руках казаков пленных и богатую добычу.

Получив подкрепление из Горнозаводского района, Иван Каширин перешел в контрнаступление и выбил казаков из Верхнеуральска. Однако казаки быстро оправались, казачьи лавы снова ворвались в город и погнали отряды Каширина за р. Урал.

С остатками своих отрядов Иван Каширин, двигаясь горами через заводы Белорецкий, Узянский и Кагинский, ушел в глубь Башкирии, где соединился с отрядом своего брата Николая Каширина, отступавшего от Оренбурга.

¹ У автора не было сведений относительно места формирования и численности колонны, двигавшейся к Верхнеуральску по Троицкому тракту.

Казаки неотступно преследовали большевистские отряды до пределов Уфимской и Пермской губерний.

Вместе с чехословацким движением поднялись и сибирские казаки — восточные соседи оренбуржцев. Омск и Челябинск сделались опорными пунктами, откуда противобольшевистское движение стало распространяться по всей Западной Сибири и по Уралу.

Отряды оренбургских казаков, выдвинувшиеся со стороны Челябинска, участвовали вместе с чехословаками и сибирскими войсками во взятии Екатеринбурга, где за несколько дней до прихода белых войск было совершено по приказу из Москвы зверское убийство Государя и всей царской семьи.

К августу месяцу территория Оренбургского Войска была очищена от большевиков. В их руках оставался только г. Орск, в котором красные держались до октября благодаря поддержке, получаемой ими из Туркестана.

Успехи оренбургских казаков в этот период борьбы объясняются резким переломом, который произошел в настроении казачьей массы, воочию убедившейся, что казачеству с большевизмом не по пути.

Неумелая и жестокая политика большевиков, их ничем неприкрытая ненависть к казакам, надругательства над казачьими святынями и особенно кровавые расправы, реквизиции, контрибуции и разбой в станицах — все это открыло глаза казакам на сущность советской власти и заставило их взяться за оружие.

Выступление чехословаков и вовремя оказанная поддержка со стороны уральцев и сибирских войск имели большое моральное значение. Оренбургские казаки увидели, что в борьбе с большевиками они не одиноки. Это сразу подняло их дух и окрылило надеждами на окончательную победу.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

(с июля 1918 по январь 1919 года)

По освобождении Оренбурга от советской власти и по очищении войсковой территории от большевистских банд

Оренбургское Войско не сложило оружия: оно продолжало борьбу за воссоздание России.

Но справедливость требует сказать, что после изгнания большевиков с казачьей земли энтузиазм среди казаков сразу упал; появилось желание разойтись по домам, тем более что наступило время сенокоса и уборки хлебов; многие казаки по близорукости считали большевиков совершенно разгромленными; некоторые смотрели на борьбу вне территории Войска как на дело, их не касающееся. Казакам понятен был лозунг борьбы «за родные станицы», когда затрагивались их непосредственные интересы, но драться с большевиками «за мужичьи выгоды» у них не было никакого желания.

Что касается дальнейшей борьбы за освобождение России, то от нее казаки отнюдь не отказывались, но считали, что такой грандиозный подвиг им не под силу, что то дело не одних казаков, а всего русского народа, и в первую очередь крестьян, которые теперь получили от государства и «землю и волю».

Под давлением таких настроений среди казачьей массы Войсковому правительству пришлось часть казаков из наиболее старших возрастов распустить по домам на полевые работы и в то же время разрешить начальникам частей широко применять кратковременные отпуска.

Эти меры сильно ослабили полки, а среди оставшихся под ружьем породили недовольство.

Между тем большевики далеко не были сломлены. Главные их силы отошли к Актюбинску¹. Получив подкрепления из Ташкента, они приостановили свой отход и перешли к активной обороне. По обеим сторонам Ташкентской железной дороги в 150 верстах к юго-востоку от Оренбурга образовался Актюбинский фронт.

Часть большевиков засела в Орске. Часть их отрядов изпод Оренбурга, Верхнеуральска и Троицка укрылась в Башкирии — в пределах Уфимской и Пермской губерний. Из района Челябинска большевики отступили к Екатеринбург и далее за реку Каму.

¹ Город Актюбинск, Тургайской области, на Ташкентской железной дороге.

Большая часть казачьих сил 1-го округа была сосредоточена на Актюбинском фронте и под г. Орском. 2-й округ выслал свои отряды для преследования красных в Башкирии и для блокады Орска. Полки 3-го и 4-го округов были направлены на уральское и пермское направления, а частью на Актюбинский фронт.

Из Оренбурга один полк был послан в Самару на помощь войскам Комитета членов Учредительного собрания, а другой полк — к уральцам, в благодарность за оказанную ими поддержку.

Таким образом, оренбургское казачество помимо непосредственной обороны своей территории приняло самое деятельное участие в борьбе с большевиками и на других фронтах.

Поэтому напряжение Войска, несмотря на роспуск части казаков по домам, было весьма значительно: под ружьем были оставлены все казаки до 34-летнего возраста включительно и мобилизованы 19-летние из призывного разряда.

С первых же дней по освобождении Оренбурга Войсковое правительство развило кипучую деятельность не только по ведению борьбы с большевиками, но и по направлению административно-хозяйственной и торгово-промышленной жизни обширного Оренбургского края, в состав которого вошли: область Оренбургского Войска, область Тургайская, губерния Оренбургская и уезды Бузулукский (Самарской губ.) и Стерлитамакский (Уфимской губ.).

В оперативном отношении все действующие оренбургские части, кроме находящихся на Екатеринбургском и Уфимском фронтах, были сведены в отдельную Оренбургскую армию, впоследствии переименованную в Юго-Западную.

Оренбургские войсковые части, находившиеся в районе Челябинска, Екатеринбурга, Перми и Уфы, входили вместе с сибирскими отрядами в состав группы генерала Ханжина, подчиненного сибирскому командованию. В Оренбургском уезде — на основании устава о воинской повинности — была объявлена мобилизация неказачьего населения (призывного возраста), из которого штаб армии сформировал стрелковую дивизию нормального типа.

В Оренбург прибыла из района Челябинска и Уфы Башкирская пехотная дивизия (в составе четырех полков без артиллерии и вспомогательных войск), сформированная Башкирским правительством под руководством русских офицеров. Вместе с дивизией перебралось в Оренбург и Башкирское правительство во главе с председателем Валидовым.

Было приступлено к организации киргизских конных частей, для чего штаб армии командировал в степь казачьих офицеров из татар и нагайбаков, как знающих киргизский язык.

Помимо всяких других причин, в силу географических, военных и экономических условий Оренбургское Войско должно было поддерживать особенно тесные и дружественные сношения с Самарой, Сибирью и чехословаками: оружие, огнеприпасы, обмундирование и деньги можно было получить только из этих трех источников.

В первых числах июля атаман Дутов выехал в Самару и как член Учредительного собрания вошел в состав Комитета, установив одновременно связь с чехословацким командованием. Из Самары он поехал в Сибирь для ведения переговоров с Сибирским правительством на предмет дальнейшей борьбы с большевиками. На возвратном пути атаман Дутов остановился в Челябинске и заезжал в Троицк, чтобы ознакомиться с положением дел в северных округах Войска.

С Сибирским правительством у атамана Дутова сразу установились сердечные отношения, тогда как с самарским Комитетом, несмотря на ряд соглашений, хороших взаимоотношений наладить не удалось до самого конца существования Комитета. Да оно и понятно: в Сибири и Оренбурге преобладали государственные начала; самарские же политики во главу всех своих решений ставили партийную программу социалистов-революционеров.

Чехословацкими и русскими добровольческими отрядами (в числе коих наибольшую известность своими решительными действиями приобрел отряд генерального штаба полковника Каппеля) были захвачены в Самаре, Симбирске и Казани громадные склады артиллерийского, интендантского, инженерного и санитарного имущества, а также золотой запас, который большевики при отступлении не успели вывезти из Казанского хранилища.

Все это перешло в ведение Комитета членов Учредительного собрания, а последний к отпуску всего необходимого оренбургским казакам чинил всевозможные препятствия, и агентам Оренбургского Войска приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы получить хотя бы небольшое количество оружия и патронов, в чем так нуждалась Оренбургская армия.

Самарский Комитет смотрел на себя как на верховную власть, которой должны были подчиняться все государственные образования, возникшие на территориях, освобожденных от большевиков.

Ни Сибирское правительство, ни Войсковые правительства казачьих Войск такой точки зрения Комитета не разделяли. После ряда переговоров решено было для создания общегосударственной власти созвать особое совещание из представителей от всех государственных образований, общественных организаций и политических партий.

Предварительно для обмена мнениями депутаты Совещания съезжались в конце августа 1918 года в г. Челябинске, а затем в сентябре месяце открылось и самое Государственное Совещание в г. Уфе. Члены Совещания сразу разделились на две группы: с одной стороны — представители Комитета, мусульман, социалистов-революционеров и меньшевиков; с другой — представители Сибири, казачьих Войск, кадетов и народных социалистов. Правда, всех участников Совещания объединяла общая идея борьбы с большевиками за Учредительное собрание, но первая группа настаивала на признании Учредительного собрания, разогнанного большевиками; вторая же группа считала состав Черновского Учредительного собрания, избранного в ненормальных условиях и состоявшего почти наполовину из большевиков и левых социалистов-революционеров, неправомочным и мыслила борьбу за Учредительное собрание, которое должно будет собраться по свержении советской власти в новом составе.

Результатом Государственного Совещания в Уфе в виде компромисса явилась Директория из пяти лиц: Авксентьева, Зензинова, Виноградова, Вологодского и генерала Болдырева; последний был избран как главнокомандующий всеми ар-

миями. Во время Государственного Совещания в Челябинске и Уфе там же открылась казачья конференция, членами которой были представители казачьих Войск, посланные на Сове­щание. Цель созыва конференции заключалась в установле­нии единства взглядов казаков на создавшееся в России положение и в оказании взаимной помощи при борьбе с боль­шевиками и разными антигосударственными течениями.

На Государственном Совещании казачьи делегации выс­тупали не порознь каждая от своего Войска, а совместно — от лица всех казачьих Войск, участвовавших в конференции. Поэтому голос казачества при решении всех вопросов имел первенствующее значение. Но на дальнейшее течение собы­тий постановления конференции никакого влияния не име­ли; каждое Войско действовало самостоятельно¹.

У Войскового правительства Оренбургского Войска еще в 1917 году возникла мысль об образовании Восточного Со­юза из трех казачьих Войск: Оренбургского, Уральского и Сибирского, с привлечением к нему «вольных народов Баш­курдистана и Казакстана», т.е. башкир и киргизов. В этот союз в будущем предполагалось включить и Туркестан, а за­тем соединиться с Юго-Восточным Союзом, составленным из Дона, Кубани, Терека и народов Северного Кавказа.

Члены Восточного Союза, самостоятельные в своих внут­ренних делах, должны были в политическом отношении соста­вить одно целое и выступить на борьбу с большевиками единым фронтом. Был выработан проект договора для заключения союза и разослан всем предполагаемым участникам, но про­вести это начинание в жизнь по многим причинам не удалось,

¹ В Государственном Совещании участвовали представители: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Енисейского и Иркутского казачьих Войск. Во главе войсковых делегаций стояли: от Оренбургского Войска — Войсковой атаман Ду­тов (в Уфе) и помощник Войскового атамана генерал Аку­линин (в Челябинске); от Уральского Войска — Председа­тель Войскового правительства Фомичев и генерал Хорошкин; от Сибирского Войска — Войсковой атаман Ива­нов-Ринов и Председатель Войскового правительства пол­ковник Березовский.

и самая идея Восточного Союза была похоронена на Государственном Совещании в Уфе.

Весною и летом 1918 года на Средней Волге, на Урале и в Сибири силами чехословаков, русских добровольцев и казаков большевики были ликвидированы сравнительно легко и быстро.

Для продолжения дальнейшей борьбы и установления порядка в освобожденных областях Сибирское правительство организовало на началах воинской дисциплины молодую Сибирскую армию, призвав под ружье путем мобилизации два младших возраста — 19- и 20-летних.

Самарский Комитет членов Учредительного собрания — еще до возникновения Директории — объявил мобилизацию в приволжских губерниях и приступил к формированию Народной армии, порядки в которой сильно напоминали керенщину. Мобилизация на территории Комитета протекала вяло; мобилизованные шли в армию неохотно; Комитет решительных мер не принимал. В конце концов из Народной армии ничего не вышло: часть ее перешла на сторону красных, часть разбежалась, а остатки влились в Сибирскую и Оренбургскую армии, где стали служить на общих основаниях.

Между тем советские верхи не дремали: они собрали все что могли и бросили на Восточный фронт.

К осени события на этом фронте стали складываться не в пользу белых сил: красные овладели Сызранью, Симбирском, Казанью и, наконец, Самарой. Утвердившись на Волге, они повели наступление на Урал по четырем направлениям: от Казани и Вятки на Пермь, от Симбирска на Уфу, частью на Оренбург, и от Саратова на Уральск.

Наступление большевиков на Оренбург со стороны Самары вначале сдерживала Волжская дивизия, состоявшая из добровольцев-волжан и отступавшая из района Вольска, Хвалынска и Сызрани. На помощь к ней были переброшены с Актюбинского фронта Оренбургские казачьи части и из Оренбурга стрелковая дивизия, сформированная из неказачьего населения Оренбургского уезда. В Войске была объявлена мобилизация казаков — сначала до 45-, а потом до 55-летнего возраста.

Таким образом, у Оренбургского Войска образовался новый — Бузулукский — фронт, названный так по имени г. Бузулука¹, правый фланг которого соприкасался с Уфимской группой (впоследствии Западная армия), а левый примыкал к уральцам. Командующим Бузулукской группой был назначен генерал-лейтенант Шишкин².

Из 2-го и 3-го округов часть мобилизованных полков были направлены: дивизия на Уфу — в Западную армию и бригада — в Екатеринбург — в Сибирскую армию.

Актюбинская и Бузулукская группы были усилены мобилизованными казаками из 1-го и отчасти из 2-го округов. Кроме того, было сформировано несколько полков в виде армейского резерва.

Снабжение оружием вновь мобилизованных частей встречало большие затруднения. Винтовок на всех казаков не хватало, и доставать их приходилось с большим трудом; в патронах ощущался постоянный недостаток; пушки и пулеметы имелись в самом ограниченном количестве.

Падение Самары для Оренбургского Войска, помимо образования нового фронта, имело и другие весьма невыгодные последствия. С оставлением Самары терялся источник снабжения Оренбургской армии оружием и огнеприпасами (Сергиевский завод) и прерывалась железнодорожная связь с Сибирью. Из Оренбурга на восток к границам Сибири сплошного рельсового пути не было; между Орской и Троицкой железными дорогами оставался недостроенный участок в 300 верст. Следовательно, доставка из Сибири всего необходимого для оренбургской армии теперь сильно затруднялась.

Много хлопот доставлял Оренбургскому командованию г. Орск, находившийся в тылу Оренбурга и отвлекавший значительные силы казаков, которые так нужны были на Бузулукском и Актюбинском фронтах.

Большевики, засевшие в Орске, держались прочно благодаря помощи, получаемой ими из Ташкента. Время от времени

¹ Бузулук — уездный город Самарской губернии на Ташкентской железной дороге.

² Во время Великой войны генерал-лейтенант Шишкин командовал Оренбургской дивизией.

они делали вылазки и производили опустошительные налеты на окрестные хутора и станицы. Все попытки казаков овладеть Орском кончались неудачами.

В конце сентября атаман Дутов решил во что бы то ни стало покончить с Орском и сам лично отправился руководить операциями под этим городом.

Прежде всего в станицах, прилегающих к г. Орску, он собрал все население: от малолетков до глубоких стариков; сформировал из них конные, пешие и «тележные» дружины и повел их на помощь полкам, осаждавшим Орск. Правда, помощь эта была скорее морального свойства, потому что большинство дружинников шло и ехало без оружия — лишь для устрашения врага, только у некоторых стариков были заржавленные шашки и охотничьи ружья (до этого спрятанные от большевиков в землю) да самодельные пики.

Трое суток продолжались бои на высотах, окружающих Орск с северо-востока и северо-запада.

Большевики, пользуясь превосходством в артиллерии и особенно в пулеметах, легко прорывали тонкие казачьи цепи, но всякий раз были вынуждены возвращаться назад под давлением казачьих лав.

Видя, как казаки постепенно спускаются с высот и облепают город со всех сторон, красные наконец не выдержали и, боясь быть отрезанными от своей базы, поспешно отступили на Актюбинск.

Казачьи полки, осаждавшие Орск, были немедленно переброшены на усиление Актюбинского и Бузулукского фронтов. Атаман Дутов за взятие г. Орска был произведен в чин генерал-лейтенанта.

В сентябре и октябре месяцах в Оренбурге заседал Войсковой Круг, созданный на чрезвычайную сессию ввиду серьезности положения на фронте и в Войске. Помимо чисто внутренних хозяйственных дел, Круг уделял большое внимание фронту, где не все обстояло благополучно: было несколько случаев неисполнения боевых приказов и нарушения воинской дисциплины; участились самовольные отлучки; многие казаки отсылали или увозили казенное обмундирование домой; некоторые полки прибегали к грабежам и насилиям над мирным населением.

Для улаживания всех недоразумений депутаты Круга неоднократно выезжали на фронт — к полкам, где производили подробные расследования и давали казакам соответствующие указания в виде отеческих внушений или строгих приказов, требуя от фронтовиков неукоснительного исполнения приказаний начальства и соблюдения войсковой субординации.

Приходилось прибегать и к суровым мерам — до расстрела включительно. При всяком посещении фронта каждый депутат Круга считал долгом подчеркнуть казакам необходимость борьбы с большевиками до полной победы.

В середине октября сессия Войскового Круга закрылась. Депутаты-старики разъехались по своим станицам, а депутаты мобилизованных возрастов вернулись к своим полкам.

К концу осени положение на Актюбинском и Бузулукском фронтах с каждым днем становилось серьезнее. Большевики все время получали из центральной России и Туркестана подкрепления и усиливали напор.

Чтобы противопоставить натиску красных более упорное сопротивление, во что бы то ни стало отстоять Оренбург, атаман Дутов решил возвести ряд укрепленных позиций: на Бузулукском направлении — у станций Ново-Сергиевской, Платовки, Каргалы и станицы Сакмарской; на Актюбинском направлении — в районе Илецкой Защиты и у станции Донгуз. В конечном результате обе группы позиций предполагалось сомкнуть, прикрыв таким образом Оренбург полукольцом укреплений с запада и с юга.

Общее руководство работами по постройке укреплений принял на себя начальник Военно-Окружного Управления генерал-лейтенант Ипатович-Горанский. В качестве рабочей силы были привлечены военнопленные и крестьяне окрестных деревень.

Но благодаря недостатку денежных средств, отсутствию на местах строительных материалов и почти полной невозможности достать для рабочих теплую одежду дело с постройкой позиций шло довольно медленно, и к тому времени, когда войскам пришлось на этих позициях вести бой, ни одна из них не была готова.

* * *

18 ноября 1918 года в Омске произошел государственный переворот: Директория была свергнута; два члена ее арестованы и высланы за границу, адмирал Колчак провозглашен Верховным правителем.

Об омских событиях атаман Дутов получил немедленное извещение по телеграфу с просьбой адмирала Колчака о поддержке.

В то же время Комитет членов Учредительного собрания, обосновавшийся после падения Самары в Уфе, всюду разослал телеграммы с призывом: не признавать новой власти. Войсковое правительство Оренбургского Войска после ряда совещаний, на которых была детально разобрана вся обстановка борьбы в тылу и на фронте, пришло к решению, что единственным выходом из создавшегося положения является признание власти Верховного правителя, о чем немедленно было дано знать в Омск.

Но Башкирское правительство, находившееся в постоянных сношениях с Комитетом членов Учредительного собрания, сочло омский переворот актом антигосударственным и власти адмирала Колчака решило не признавать. На такую же точку зрения стали, под влиянием воззваний Комитета, лидеры местных социалистов-революционеров и меньшевиков, а также небольшая часть офицеров, солдат и казаков.

Главарь Башкирского правительства Валидов в ночь с 1 на 2 декабря созвал в Оренбурге (в помещении Караван-Сарая) тайное совещание, на котором присутствовали: прибывший из Уфы член Учредительного собрания Вадим Чайкин, командующий Актюбинской группой генерального штаба полковник Махин, атаман 1-го округа Каргин, некоторые члены Башкирского правительства и несколько офицеров (неказаков).

Валидов предлагал с помощью сосредоточенных в Оренбурге четырех башкирских полков арестовать атамана Дутова и некоторые высшие чины Оренбургского Войска; объявить войскам и населению о непризнании адмирала Колчака и о подчинении Комитету членов Учредительного собрания. Но полковник Махин и Каргин находили такой переворот

несвоевременным и опасным, ибо он мог повлечь за собой развал фронта.

Участники совещания ни к какому решению не пришли. Намечавшийся заговор был открыт одним башкирским офицером.

На следующий день полковник Махин получил от командующего армией генерала Дутова командировку в Омск, откуда он выехал за границу. В командование Актюбинской группой вступил генерал-лейтенант Жуков¹.

Окружной съезд 1-го округа уволил атамана Каргина от занимаемой им должности.

Валидов выехал в пределы Башкирии. Башкирские полки были выведены из Оренбурга на усиление правого фланга Бузулукской группы и для прикрытия территории Башкирии.

Вскоре Валидов перешел на сторону советской власти и увлек за собой часть башкирских войск; другая часть разбежалась по деревням, и лишь небольшие остатки благодаря русскому командному составу удалось удержать в Оренбургской (Юго-Западной) армии. Как раз в это время большевики, потеснив части генерала Ханжина к востоку, заняли Уфу и Стерлитамак, откуда стали продвигаться через пределы Башкирии — в обход Оренбурга с севера.

Благодаря измене и уходу с фронта башкирских войск правый фланг Бузулукской группы оказался обнаженным. В свою очередь на Актюбинском направлении красные перешли в решительное наступление и совершенно неожиданно для штаба Оренбургской армии заняли г. Илецкую Защиту².

Таким образом к январю месяца 1919 года большевики повели наступление на Оренбург с трех сторон: с севера, запада и юга.

Оренбургскому командованию пришлось спешно производить сложные маневры и перебрасывать войска с одного

¹ Генерал Жуков во время Великой войны командовал вначале 3-м Оренбургским казачьим полком, потом бригадой и под конец 12-й кавалерийской дивизией.

² Илецкая Защита, город, известный своими соляными промыслами, находится в 60 верстах южнее Оренбурга.

участка на другой. В полках ощущался недостаток в оружии, патронах и теплом обмундировании: благодаря отсутствию сплошной железнодорожной связи с Сибирью все грузы приходили в Оренбург с большим опозданием. Наблюдалась усталость казаков от войны; боеспособность некоторых частей сильно понизилась; началось дезертирство, переход к красным и, как следствие всего этого, моральное разложение.

Большое смущение в ряды казачьей массы внесла измена башкир и участие в валидовском заговоре бывшего командующего Актюбинской группой полковника Махина и атамана 1-го округа Каргина. Как всегда бывает в гражданской войне, дело не обошлось без агитации и провокационных выступлений.

Несмотря на поголовную мобилизацию всего казачьего населения и другие экстренные меры, после ряда боев на Бузулукском и Актюбинском направлениях — причем особенно упорные столкновения произошли в районе станции Ново-Сергиевской и у Илецкой Защиты — Оренбург был оставлен в ночь на 21 января 1919 года и на следующий день занят большевиками.

С потерей Оренбурга «армия потеряла сердце» — писал атаман Дутов, отдавая приказ об отходе на восток.

Неоднократные попытки задержать наступление красных восточнее Оренбурга успехом не увенчались. Казаки катились назад, очищая станицу за станицей.

После ожесточенного уличного боя был сдан и г. Орск, с оставлением которого весь 1-й округ очутился в руках большевиков. После падения Орска из полков 1-го округа казаки стали расходиться по домам ватагами.

За Орском начиналась территория 2-го округа, население которого при приближении большевиков поголовно уходило за отступающей армией. В станицах оставались только немощные старики да женщины с малыми детьми. Здесь отступление армии стало постепенно задерживаться, но часть станиц и 2-го округа была занята красными.

Войсковое правительство, штаб армии, штаб округа и все войсковые и губернские учреждения, окружной суд, казенная палата и пр. по оставлении Оренбурга переехали в Троицк¹.

¹ Кадетские корпуса — Неплюевский и 2-й Оренбургский, Военное училище, Николаевский женский институт были впоследствии переведены из Троицка в Иркутск.

Многие жители Оренбурга из так называемых буржуазных классов при приближении большевиков выехали в Сибирь.

С оставлением 1-го округа и потерей Орска железные дороги перешли в руки большевиков, благодаря чему связь красного Туркестана с красной Москвой была восстановлена и, наоборот, связь Уральского Войска с оренбуржцами и Сибирью прервана. Положение на остальных участках Восточного фронта в это время было следующее.

Уральцы, будучи отрезаны от Оренбургской (Юго-Западной) армии и от Сибири, вынуждены были оставить г. Уральск и отойти на юг, к Калмыкову. Западная армия, отступив вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги на восток, приостановила наступление большевиков в глубь Уральских гор на линии р. Уфы; Сибирская армия вела бои к западу от Екатеринбурга.

После падения Уфы Комитет членов Учредительного собрания распался: видные члены Комитета во главе с Черновым перебежали к большевикам, остальные рассеялись.

В это время снялись с фронта и ушли в глубь Сибири чехословацкие части.

В рассматриваемый период Оренбургское Войско вело борьбу с большевиками не в одиночку, а совместно с другими государственными образованиями, возникшими в Сибири, на средней Волге и на Урале, которые составили так называемый фронт Учредительного собрания. Пока был подъем, пока все действовали вместе, на фронте дела шли успешно. Но как только начались разногласия — фронт пошатнулся, и громадная территория с богатейшими городами была отдана большевикам; при этом власть, претендовавшая играть первую роль, но преследовавшая не государственные, а партийные цели и не создавшая за собой никакой реальной силы, — сошла со сцены первой вместе с теми местными властями, которые ее поддерживали во имя своих эгоистических интересов (Комитет членов Учредительного собрания и правительство Башкирии).

Борьба Оренбургского Войска проходила в общегосударственном масштабе; Оренбургский фронт составлял нераздельную часть всего Восточного фронта; Оренбургское

командование не ограничивалось защитой одной Войсковой территории. В ущерб своим краевым интересам, когда того требовала общая обстановка, атаман Дутов по собственной инициативе посылал целые полки на поддержку соседних фронтов, которые как раз нуждались в коннице.

Напряжение Оренбургского Войска было полное: в критический момент Войсковое правительство не остановилось перед поголовной мобилизацией всего мужского населения, способного носить оружие.

Условия, в которых приходилось бороться оренбургским казакам, были чрезвычайно трудные. В крае почти не существовало никакой промышленности, за исключением мукомольной, кожевенной и отчасти мыловаренной. Поэтому все виды довольствия, кроме интендантского, приходилось доставать на стороне путем всевозможных ухищрений. Организовать правильное снабжение армии не представлялось возможным прежде всего в силу географического положения Оренбургского Войска, которое не имело в тылу оборудованной базы.

Помимо транспортных затруднений, недочеты в снабжении Оренбургской армии в конце рассматриваемого периода много зависели и от порядка, установившегося в Омской Ставке, когда в первую очередь удовлетворялись требования Сибирской и Западной армий и лишь остатки посылались в Оренбургскую (Юго-Западную) армию.

Последняя испытывала постоянный недостаток во всех видах армейского снабжения, особенно в пулеметах и пушках, которые к тому же в самые горячие периоды боевых столкновений вынуждены были иногда бездействовать из-за полного отсутствия патронов. Эти обстоятельства крайне неблагоприятно отражались на психике бойцов и понижали боеспособность частей. Тем более что на стороне противника наблюдалось постоянное превосходство в огневых и технических средствах.

Тяжелой артиллерии, броневых машин, не говоря уже о танках и аэропланах, у казаков совсем не было¹. Броневые

¹ В Оренбурге большевики оставили несколько поломапных аэропланов, к починке которых были приняты меры, но дело дальше пробных полетов не пошло из-за отсутствия исправных моторов.

поезда были оборудованы на скорую руку из подручного материала своими средствами.

В боях с красными оренбургские казаки проявляли большую доблесть и высокое мужество, несмотря на неблагоприятные условия боевой обстановки.

Недостаток в технике и в вооружении приходилось заменять живой силой и искупать лишней кровью.

Но военное искусство с обеих сторон сплошь и рядом отсутствовало. Многие боевые приемы и навыки, приобретенные за время внешней войны, почему-то были забыты и в борьбе с большевиками применялись редко.

Начальники всех степеней и рядовые казаки под влиянием Великой войны испытывали чрезмерное преклонение перед техникой и очень часто забывали о маневре и бое в конном строю, для которых в условиях гражданской войны имелся широкий простор.

Среди казаков, защищавших непосредственно войсковую территорию, подъем и энтузиазм при успехах часто сменялся упадком духа — при неудачах, особенно когда приходилось отступать к границам Войска или вести бои на войсковой территории, например под Орском. В этих случаях на настроении казаков сказывалась постоянная боязнь потери и разорения своих станиц, сопряженная с опасностью для родных и близких.

Неприглядная боевая обстановка многих казаков тяготила, в их среде чувствовалось утомление войной. В периоды затиший и во время отступлений появлялась тяга в станицы, с чем было трудно бороться. Но наряду с этим другая часть казаков проявляла большую выдержку и поразительную нравственную упругость, которая не гнулась ни при каких обстоятельствах.

Полки, находившиеся вдали от Войска — на Екатеринбургском и Уральском фронтах, — были поставлены во всех отношениях — и особенно по части снабжения их оружием и огнеприпасами — в лучшие условия по сравнению с полками Оренбургской армии; по отзывам всех начальствующих лиц, зарекомендовали себя во всех боевых столкновениях с самой блестящей стороны как образцовые боевые части. Настроение в этих полках всегда было бодрое; тяги в родные станицы, которые были от них далеко, там не наблюдалось.

Башкиры показали себя хорошими солдатами, сохранившими, несмотря на революцию, старую дисциплину и уважение к старшим и к начальникам; но в политическом отношении это были люди совершенно темные; поэтому их главари могли ими пользоваться в каких угодно целях и увлечь в любую сторону, объяснив предварительно, что того или иного исполнения требует от них долг службы.

Все вышеуказанные обстоятельства, вместе взятые, повлекли за собою неудачи на фронте Учредительного собрания вообще и в Оренбургском Войске в частности.

Авенур Ефимов

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

А. Г. Ефимов¹
ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ.
БОРЬБА С БОЛЬШЕВИКАМИ
В 1918 ГОДУ²

1

Восстание на Ижевском и Воткинском заводах распространилось среди крестьян в уездах Сарапульском, Малмыжском, Уржумском, отчасти также в Нолинском, Глазовском и Оханском. В Елабужском уезде вспыхнуло и разрослось независимо действовавшее восстание под руководством подполковника Молчанова. Вся южная часть Вятской губернии поднялась против красного гнета.

¹ Ефимов Авенир Геннадиевич (1888–1972) — участник Первой Мировой войны, сапер, с конца 1918-го — начальник штаба Ижевской дивизии, переформированной из сохранившейся части Ижевской Народной армии. В составе Ижевской дивизии провел боевые 1919–1920 годы. После окончания в 1922-м последних военных действий, ушел вместе с остатками ижевцев и воткинцев в Китай, затем в эмиграции в США.

² Печатается с сокращениями по тексту: А. Г. Ефимов. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918–1920 годы. Конкорд, Калифорния, США.

Ближайшие к заводам деревни и села сразу же поддержали восставших рабочих, так как были тесно связаны с ними общими интересами: работой, сбытом своих продуктов, родственными узами...

Но кроме этого, у крестьян были свои счеты с большевистской властью. Богатая хлебом и разными сельскохозяйственными продуктами Вятская губерния привлекла внимание красных властителей страны. Сюда были посланы многочисленные продовольственные отряды для отбирания у крестьян хлеба, скота и других продуктов для питания больших голодающих городов и растущей Красной армии. Эти отряды, составленные из подонков городского населения, выпущенных из тюрем преступников, «красы и гордости революции» — матросов и другого сброда, отнимая у крестьян продукты пропитания, заодно грабили у них деньги и все ценное. Их «продовольственная» деятельность сопровождалась насилием, избиениями и нередко убийствами. После разгрома советской власти в Ижевском и Воткинском заводах, разбегаясь в разные стороны, эти отряды совершенно потеряли признаки организованных единиц и превратились в шайки мародеров.

Крестьяне и более дальних от восставших заводов районов искали способ отделаться от грабителей и пославшей их советской власти. В лесах и оврагах они устраивали сходы и слали в Ижевск своих представителей с просьбой дать им оружие. Взамен они обязались снабжать заводы съестными припасами.

Полковник Федичкин и штаб обороны начали вооружать крестьян винтовками, руководить организацией у них отрядов и давали им боевые задачи. Восстание разрослось на большую площадь. По сведениям красного источника («Гражданская война 1918–1921. Том 1. Боевая жизнь Красной армии». М., 1928), площадь восстания достигла 12–13 тысяч кв. верст с 700 000–800 000 населения. Но на картах красных же исторических изданий район восстания занимает площадь по крайней мере 35 000 кв. верст, простираясь на параллели г. Оса от р. Камы до р. Вятки более чем на 250 верст и с севера на юг примерно на 150 верст.

Руководство боевыми действиями в таком районе, открытом труднопроходимыми лесами и болотами, было, ко-

нечно, затруднительно, но оно очень облегчалось сильно развитой телеграфной и телефонной сетью, построенной в Вятской губернии еще до Первой Мировой войны.

Вятское земство было в России одним из наиболее деятельных: строительство дорог и телефонной связи было поставлено очень широко, как отлично было развито и школьное дело. Зажиточность крестьян и большой процент грамотности не помешал красным историкам («Гражданская война 1918–1921. Том 1. Боевая жизнь Красной армии». М., 1928) по-своему объяснять действия крестьян: «Вся местность вокруг Ижевска представляет большие лесные массивы со множеством рек и речушек, по берегам которых расселилось вотяцкое племя. Народ крайне некультурный, темный по своим воззрениям и верованию, совершенно не разбирался в тех событиях, которые происходили вокруг него, а тем более во всей стране; соседями у него были татары, недалеко ушедшие по своей культурности от вотяков; поэтому белогвардейскому командованию легко было как вотяков, так и татар завербовывать в свои отряды». О «культурности» продовольственных отрядов красный писатель, конечно, не обмолвился ни единым словом.

По сведениям некоторых ижевцев, на вооружение крестьянских отрядов было выдано не менее 60 000 винтовок; другие считают — много больше. Крестьянские формирования значительно увеличили силы восставших рабочих, но усложнили питание боевыми припасами. Если старые запасы материалов на Ижевском заводе могли поддержать выделку большого количества винтовок, то с патронами дело обстояло плохо. На Ижевском заводе их запас был незначителен. Патроны, орудия и пулеметы добывались главным образом в боях у красных, иногда значительными партиями. В этом отношении интересно показание одного участника.

Он сообщает, что 3-я красная армия, защищавшая Пермь и не имевшая возможности вскоре после восстания выделить достаточные силы для обеспечения железной дороги от Перми на Вятку, дала только кадры для нескольких полков. Для пополнения этих полков была произведена мобилизация в северных уездах Вятской губернии и в Пермской губернии. Эти полки хорошо работали на пользу восставших: после

встречи с противником они поспешно отступали или разбежались, оставляя свое оружие и боевые припасы. Их снова собирали и вооружали, и они снова повторяли прежнее, и так несколько раз, пока более надежные части не стали прибывать из центра на замену не желавшего воевать за советскую власть местного населения.

2

Разгром 2-й красной армии

В бою под Ижевском 17–19 августа ижевцы уничтожили наиболее боеспособные части 2-й красной армии. Надо было закончить полный разгром этой армии, уничтожив остатки их отрядов и тыловых учреждений, группировавшихся около г. Сарапула. Здесь же был и штаб 2-й армии. Полковник Федичкин послал штабс-капитана Куракина для очистки от красных дороги до пристани Гольяны. После захвата пристани этот же отряд направился на город Сарапул и очистил его от противника в конце августа.

Ижевцы также переправились на левый берег Камы и заняли там д. Ершовку, Камбарский завод и некоторые другие пункты, где поставили небольшие гарнизоны. Связь между 2-й и 3-й красными армиями была прервана. Разгром боевых частей 2-й красной армии превратился в полный развал всей армии. Красный историк («Гражданская война...», т.1) описывает, как «оставшиеся в Сарапуле силы, к которым присоединились отступавшие от Елабуги, а также прорвавшиеся к Сарапулу отряды, не могли устоять против натиска чехословаков (Чехословаков здесь совершенно не было.— А. Е.) и вырвались из рук управления; часть этих отрядов бросилась к рекам Каме и Вятке, захватила пароходы и, грузя на них награбленное по дороге, стремительно поплыла вверх по р. Вятке, пьянствуя и распространяя по пути самые фантастические и нелепые слухи; те, кто не успел сесть на пароходы, продолжали в беспорядке отходить по берегам рек и по линии Казанско-Екатеринбургской железной дороги на Вятские Поляны»...

В центре забили тревогу и срочно командуют новых красных командиров и комиссаров. Они направляются в г. Вятку,

где торопятся (там же) «...для противодействия дальнейшему распространению белогвардейских банд безотлагательно принять меры по укреплению района г. Котельнич и обеспечению там железнодорожного моста от захвата и взрыва, а также построить окопы у сел Медведского и Петровского на р. Вятке»...

От Ижевска до г. Котельнич по прямому расстоянию 300 верст, а до указанных сел 200 верст. Безотлагательные меры красных указывали, какую угрозу чувствовали они от дальнейшего распространения восстания. Вновь назначенные командиры и комиссары отправились из г. Вятки на пароходе разыскивать рассыпавшуюся армию: «Чем дальше пароход спускался вниз, тем чаще стали попадаться тянущиеся в кильватерных колоннах пассажирские пароходы, буксиры с баржами и даже остатки боевой речной флотилии. Все это отступало; находившиеся на этих пароходах красноармейцы и матросы представляли совершенно разложившийся элемент, держали себя вызывающе, никаких приказов исполнять не желали; на пути грабили селения, пьянствовали. Остановить этих панически настроенных людей никто не был в силах, хотя попытки к этому делались... От одного из встреченных пароходов удалось узнать, что полевой штаб находится в Малмыже»...

В полевом штабе вновь приехавшие начальники нашли старый командный и политический состав в таком виде: «Все эти лица производили удручающее впечатление; вследствие целого ряда неудач и отступлений они были измучены, лишлись всякой энергии и желания работать; настроение у всех было подавленное. От временно командующего каких-либо ценных и подробных сведений о действиях его отрядов и о противнике получить не удалось. Связь была лишь с ближайшими к штабу отрядами, так как для связи с более удаленными средств не имелось. Все виденное приводило к заключению, что в сущности армии никакой не существует и что нужно заново строить 2-ю армию»...

Таковы свидетельства самих красных — разгром их сил под Ижевском и в последующих боях вывел всю их 2-ю армию из строя. Небольшие группы красных, не успевшие бежать вовремя, бродили в лесах к югу от железной дороги Казань—

Сарапул. По красным сведениям, к югу от ст. Агрыз прятался отряд в 2000 человек под командой Чеверева. Присутствие этих групп красных в сравнительно недалеком расстоянии от восстановших заводов препятствовало установлению надежной связи с другими антибольшевистскими силами.

3

Подготовка к решительному столкновению

Сентябрь месяц прошел в расширении района восстания; происходили стычки передовых частей, и обе стороны готовились к решительным боям. Ижевцы и воткинцы, освобождая ближайшие районы от разбежавшихся шаек красных и от продовольственных отрядов, продвигались на всех направлениях. На западе ижевцы и присоединившиеся к ним крестьяне подходили к реке Вятке на участке городов Малмыж и Уржум. На севере под угрозой восстановших находилась железная дорога Вятка–Пермь, где ижевцы подходили близко к городу Глазов, а воткинцы угрожали захватить ст. Чепца. На востоке воткинцы были недалеко от г. Оханска, занимая одно время большое село Сосновское, а на левом берегу Камы вели бои около г. Оса. Оба города — Пермской губернии. К востоку от своего завода воткинцы за Камой занимали некоторые пункты, где происходили столкновения с левым флангом главного фронта 3-й красной армии (5-я Уральская дивизия Красной армии). К югу от заводов, как было сказано раньше, был взят город Сарапул, и далее к западу на железнодорожной линии Казань–Екатеринбург ижевцы вытеснили красных со ст. Агрыз, от которой шла ветка на Ижевск и Воткинск.

В красном лагере шли усиленные приготовления для подавления восстания ижевцев и воткинцев. Разгром, бегство и полный развал 2-й красной армии и явное сочувствие и помощь крестьян восстановшим рабочим делали восстание чрезвычайно опасным для красной власти. Ненадежность мобилизованных из местного населения заставляла посылать войска из центра страны. Упорство в боевых столкновениях требовало посылки особо стойких частей, составленных из

коммунистов, из отрядов чрезвычайек, из латышей и китайцев... Отряды наемных иноземцев по своей жестокости не отличались от доморожденных коммунистов, и борьба принимала свирепый, кровавый характер с большими потерями для обеих сторон. Ижевцы, бывшие на Северном фронте, вспоминали, как им пришлось иметь дело с каким-то интернациональным полком, в котором все бойцы были одеты в красные рубахи. Сильно опьяневшие, они с пением «Интернационала», переходившего при сближении в дикий рев, бросались на своего противника, несли большие потери, но повторяли атаки по несколько раз.

На восстановленную 2-ю красную армию возлагалась задача подавить восстание. 3-я армия помогала ей на севере, выделив для защиты железной дороги Вятка–Пермь сильные отряды, а для защиты г. Пермь с юга назначалась 5-я Уральская дивизия, расположенная в районе г. Оса. 2-я армия с приездом новых командиров начала залечивать свои раны. Из разбитых, распушенных и деморализованных отрядов и групп новые командный и политический составы начали формировать батальоны, полки и дивизии. Состав формируемых стоит того, чтобы на них остановиться.

Пользуясь тем же источником («Гражданская война...», т. 1), находим: «50, 51 и 52 маршевые роты Московского продовольственного отряда сводятся в батальон; отряды Елабужской и Мензелинской групп составляют 2-й батальон; отряды тт. Анисимова и Никулина составляют 3-й батальон. Все три батальона сводятся в 1-й сводный полк»...

Из таких же маршевых рот и случайных отрядов формируется 2-й сводный полк. Третьим полком в образованную таким образом 1-ю Сводную дивизию входит 1-й Смоленский полк. Полки снабжаются артиллерией. Например, во 2-й сводный полк придаются два орудия Московского продовольственного отряда и три орудия морской батареи.

Состав Московского продовольственного отряда из 50 с лишком рот с артиллерией, нагрянувших на крестьян Вятской губернии для сбора хлеба, разъясняет многое в ходе описываемых здесь событий. Хлеб собирали пушки!

Кроме 1-й Сводной дивизии, во 2-ю армию была придана временно Вятская дивизия. После падения Казани 9 сентября

у красных освободились новые силы, и на усиление 2-й армии прибыл отряд Азина. Этот отряд был усилен другими частями и переформирован во 2-ю Сводную дивизию, состоявшую из трех пехотных полков, одного кавалерийского и артиллерийской бригады. В конце сентября на помощь 2-й армии подошла красная Волжская флотилия Раскольникова. На железной дороге у них появились бронепоезда. В середине октября в эту армию присылаются роты чрезвычайных комиссий: московской, тамбовской, смоленско-рязанской, саратовской и нижегородской. Из этих чекистов формируется 6-й сводный полк. Наконец, на усиление прибывают уже готовые сформированные полки: Карельский, Пензенский и Мусульманский. Переформировывая и организуя 2-ю армию, усиливая ее надежными частями, красная власть снабжает ее большими боевыми запасами. Постепенно перевес сил и преимущества в материальном снабжении переходят на сторону красных.

4

Характер борьбы

За отсутствием документов и достаточно полных показаний участников восстановить ход борьбы восставших рабочих и крестьян со все более увеличивающимися силами красных возможно лишь в самых общих чертах. Личные впечатления и рассказы участников этих событий дают много ценных данных о все нараставшем упорстве и ожесточенности боев, начавшихся в конце сентября, а в октябре превратившихся в почти ежедневные столкновения на всех направлениях. Но время, место и другие важные сведения обычно не указываются — они забыты. Записи, которые велись некоторыми, погибли в последующих походах. Та же участь постигла приказы и другие документы частей. Предлагаемые здесь описания двух боев, как достаточно полные, могут дать представление о характере боевых действий.

В последних числах сентября были получены сведения, что в направлении к г. Сарапулю движется со стороны г. Уфы большой красный отряд. Воткинцы должны были выделить часть своих сил для защиты г. Сарапуля.

Не ожидавшимися с этого направления противником оказался отряд Блюхера, около 6000 бойцов, который был отброшен атаманом Дутовым из пределов Оренбургской области на север, проскочил район Уфы восточнее этого города и теперь искал удобный пункт, чтобы прорваться в район красного расположения.

Блюхеру благополучно удавалось проходить по тылам белого фронта, так как здесь не было никаких значительных резервов. Все силы были на фронте или формировались в глубоком тылу.

Мелкие отряды противника Блюхера не пугали. На ночлегах Блюхер применял удачный прием, располагая свои силы треугольником, в углах которого размещались боевые части, а внутри обозы. При нападении на один из пунктов расположения отряда гарнизон этого пункта отражал нападение, а другие высылали на помощь части, чтобы охватить противника с флангов и тыла.

Небольшие отряды белых, встречавшие Блюхера, должны были отступать, чтобы не попасть в окружение и не быть уничтоженными. Применяя эту тактику и не встречая крупных сил белых, Блюхер успешно продвигался на север.

Получив сведения о движении отряда Блюхера к Сарапулу и не имея под рукой резервов, командовавший воткинцами капитан Юрьев вызвал командира только что сформированного батальона поручика Болонкина, доблестного и энергичного боевого офицера, и направил его с батальоном в распоряжение командующего Сарапульской народной армией корнета князя Ухтомского.

Сарапульская армия начала организовываться после захвата города ижевцами 31 августа, но состояла только из штаба и не имела боевых частей. В течение 24 часов батальон поручика Болонкина был переброшен в г. Сарапуль. Здесь командир батальона получил приказ двинуться на Михайловский завод, расположенный за р. Камой, и препятствовать движению противника на г. Сарапуль. Переправившись через р. Каму, батальон прибыл на указанный завод, где находился партизанский отряд прапорщика Преснова (впоследствии 15-й Михайловский полк 4-й Уфимской дивизии).

Выяснив, что Блюхер расположился в 50–60 верстах к северо-востоку от Михайловского завода, поручик Болонкин выступил в сторону противника и ночью атаковал красных в д. Запуново. В деревне находились мадьяры и красные казаки Каширина, закаленные в походах и боях против атамана Дутова в течение нескольких месяцев.

Бой отличался большим упорством, хотя и не был продолжительным. Воткинцы яростно атаковали красных и после горячей схватки внутри деревни заставили их поспешно отступить, бросив 200 повозок с боевым имуществом. Блюхер не решился ввязываться в дальнейший бой с дерзким противником, не стал прибегать к своему излюбленному приему — окружению с флангов — и, наверно, не предполагал, что против его шеститысячного отряда находится всего один батальон воткинцев, во много раз слабейший и только что сформированный. Весь отряд Блюхера начал немедленное отступление на север, где вскоре вышел на линию красного фронта восточнее г. Осы. Воткинцы нанесли большие потери блюхеровцам, но и сами сильно пострадали — одних убитых было 83. Преследования красных, состоявших из конницы и пехоты на подводах и быстро уходивших, не было. У воткинцев было всего лишь несколько конных ординарцев. После прихода в район, занятый красными, отряд Блюхера был перестроен в 30-ю дивизию. Воткинцам пришлось несколько раз встретиться со старым знакомым в Уральских горах и за Уралом. Блюхеру не удалось в этот период своей боевой деятельности похвалиться большими успехами и выдвинуться на первые места советских полководцев. Прославился он позднее.

В первой половине октября под напором красных ижевцы начали сокращать свои растянутые фронты и отходить на позиции ближе к заводу. На Глазовском направлении они отошли к югу и держались верстах в 30 от завода, отражая натиски красных и переходя в контрнаступления. Деревня Якшур-Бадья и находившаяся недалеко южнее небольшая заимка в несколько дворов были заняты крупными силами красных. Заимка стояла в густом лесу, недалеко от дороги Ижевский завод — д. Якшур-Бадья.

Первая группа Северного фронта получила задачу разбить и отбросить противника из заимки. Командующий группой подпоручик Вершинин с отрядом в 3000 бойцов выступил для выполнения задачи. В обход обоих флангов он послал по одной роте, а с главными силами двинулся по дороге, рассчитывая движение так, чтобы обходные роты имели время пробраться по старому, труднопроходимому лесу и ударить с флангов.

Обход с правого фланга был поручен прибывшей из Ижевска роте, состоявшей из 250 рабочих, под командой прапорщика Х. Пулеметов в роте не было. Орудий не было во всей группе подпоручика Вершинина, так как снаряды в октябре подошли к концу и имевшиеся пушки были отосланы на завод. Командир роты не внушал доверия — бледный, видимо болезненный, он имел, по словам участника боя, «вид обреченного человека». Поэтому подпоручик Вершинин назначил к нему, под видом командира батальона, другого офицера. Но и этого случайного офицера он тоже не знал, а задача требовала руководства опытного боевого начальника.

Подпоручик Вершинин посылает с ротой также и своего помощника поручика Михайлова. Последнего он знал очень хорошо, так как Михайлов был организатором и руководителем тайной антибольшевистской группы офицеров в г. Глазове. Вершинин состоял в группе у Михайлова. Вместе с другими офицерами этой организации они оба были захвачены, попали в тюрьму и оттуда совершили весьма рискованный и дерзкий побег.

Подпоручик Вершинин, совсем молодой офицер, раньше прибыл в район восстания и получил в командование правую группу Северного фронта. Поручик Михайлов, пробравшись к ижевцам позднее, попал помощником к своему соучастнику по тайной организации и бегству от большевиков. Отправляя поручика Михайлова в обходную роту, Вершинин был уверен, что успех обеспечен.

Рота углубилась в лес и взяла направление с расчетом выйти к заимке справа. Движение было тяжелое — заросли кустов и особенно стволы огромных упавших деревьев, часто в аршин диаметром, заграждали дорогу. По истекшему времени

выходило, что заимка должна быть вблизи. Не видя ее, начали сомневаться, не взяли ли слишком вправо и не прошли ли мимо. Вдруг неожиданно раздались выстрелы красной заставы. Поручик Михайлов крикнул «ура», и все бросились за ним. Застава противника бежала. Перепрыгивая через упавшие деревья, ижевцы преследовали их, продолжая кричать «ура». Три раза красные останавливались и пробовали задержать ижевцев стрельбой, прячась за стволы деревьев. Но ижевцы бежали вперед и гнали красных дальше.

Таким путем красная застава помогла обходной роте найти заимку. Показались строения. Перед ними расчищенное пространство, всего шагов в 70. Рота сильно растянулась. Бег в лесу с преодолением препятствий утомил более слабых. С поручиком Михайловым впереди оказалось всего около 20 бойцов и командир батальона. Красные открыли пулеметный и ружейный огонь. Командир батальона тяжело ранен в ногу. Он не может бежать дальше, на лице выражение досады. Поручик Михайлов приказал ему пробираться назад и найти фельдшера. У противника замешательство. Торопятся взять на передки две пушки и увезти их.

Поручик Михайлов, рассыпав бойцов в цепь на небольшом бугре у опушки леса, приказал им перебить лошадей. Оставшись без лошадей, красные артиллеристы повернули орудия на ижевцев и открыли бешеный огонь картечью. Из-за близости расстояния снаряды разрывались над головами и позади лежавших в цепи, поражая подбегавших отсталых.

Лес загудел от пушечной пальбы. В цепи казалось, что орудийная стрельба происходит сзади, за лежавшими на бугре. Из-за черной завесы шрапнельного дыма по временам выскакивали отдельные бойцы и вливались в цепь. Двинуться вперед было невозможно. Многие были убиты и ранены картечью или кусками деревьев, разбиваемых снарядами.

Тяжелое положение еще более ухудшилось, когда красные поставили пулемет справа и открыли продольный огонь по бугру, за которым прятались бойцы. Казалось, все будут перебиты.

Но вот слева от заимки появилась из леса группа в сотню солдат и бросилась на красных. После короткого штыкового боя красные бежали, бросив пушки.

Неожиданная помощь пришла от отставших во время преследования заставы и собравшихся около командира роты. Но его самого не было. На вопрос: где он? — последовал ответ: «Убит в наступлении». Но это было не так. Выяснилось, что прапорщик был подавлен грохотом стрельбы и отказался вести собравшихся около него вперед. Отставшие: ижевцы рвались на помощь своим. Убеждать и уговаривать ротного было некогда. Каждое мгновение дорого. Несколько штыков закончили жизнь недостойного командира.

В командование вступил унтер-офицер, участник мировой войны. Он сразу понял, что бешеный огонь красных задержал находившихся впереди и надо не подпирать их с тыла, а ударить врага с фланга. Его находчивость спасла роту от уничтожения. Рота потеряла треть своего состава — 80 человек было убито и ранено. Упорно дравшийся отряд красных состоял из латышей.

Главные силы группы подпоручика Вершинина и левая обходная рота в бою принять участия не успели. Но по колонне главных сил, следовавшей по дороге, красные открыли огонь со стороны деревни Якшур-Бадья.

Два боя, описание которых здесь приведено со слов участников, являются случайными в общем ходе борьбы ижевцев и воткинцев. Но они указывают на чрезвычайно высокое боевое воодушевление восставших против большевистского гнета — то воодушевление, которое не покидало их за все три месяца отставания ими своих родных очагов, а потом и в четырехлетней борьбе на Урале, в Сибири, в Забайкалье и в Поморье.

5

В красном окружении

Взятие красными Казани 10 сентября не только позволило им значительно усилить свою разбитую и растрепанную 2-ю армию, но поставило ее в выгодное положение беспрепятственного выхода из района р. Вятки в Каму и движения по ней в тыл восставшим заводам.

Насыщенная коммунистами и надежными отрядами из мадьяр, латышей и других наемников, 2-я красная армия начала

медленное продвижение к Ижевску. Из центра своего сосредоточения около с. Вятские Поляны (120 верст к северо-востоку от Казани и в 140 верстах от Ижевска) красные двинулись двумя путями: вдоль железной дороги Казань—Екатеринбург и по рекам Вятка и Кама на г. Сарапуль.

К концу сентября красные подошли к ст. Агрыз, откуда идет ветка на Ижевск—Воткинск, и здесь загораются бои, продолжавшиеся весь октябрь.

Спустившись на пароходах по р. Вятке и двинувшись вверх по Каме, красные в первой половине октября захватили г. Сарапуль. Наша Волжская флотилия незадолго перед этим ушла в реку Белую на зимовку. Это открыло дорогу красной флотилии Раскольникова. Вражеское окружение все теснее облагало восставшие заводы. Просьбы о помощи оставались без ответа. Пополнение огнеприпасами, почти исключительно трофейными, становилось все труднее и труднее. Снаряды были на исходе, ружейных патронов оставалось ничтожное количество.

Нужно было считаться с возможностью оставления заводов и искать путей проделать это с наименьшими потерями.

20 октября командующий Прикамской армией полковник Федичкин созвал совещание старших чинов армии и местный Комитет членов Учредительного Собрания, представлявший собой высшую гражданскую власть. Полковник Федичкин, объяснив создавшуюся обстановку и невозможность рассчитывать на своевременное прибытие помощи, предложил начать эвакуацию раненых, женщин и детей, а также ценного имущества и запаса винтовок на восточный берег Камы, пока это возможно было сделать в порядке и в условиях достаточной безопасности. Председатель Комитета членов Учредительного Собрания Евсеев не согласился с предусмотрительным полковником Федичкиным и назвал его предложение об эвакуации трусостью. В ответ на это полковник Федичкин подал заявление об отставке.

После этого заседания весь Комитет членов Учредительного Собрания скрылся. Два дня их не могли нигде найти. Даже своего секретаря А. П. сбежавшие не предупредили о том, куда они исчезают, и секретарь не знал, где их искать.

Причиной исчезновения всего Комитета, как выяснилось, была боязнь ареста полковником Федичкиным. Но последний никому никакими арестами не грозил. Не желая вызывать разногласий и вносить раскол в ряды защитников в эти тревожные и решительные дни, полковник Федичкин, заявив о своей отставке, покинул Ижевск и пробрался в г. Уфу в распоряжение Главнокомандующего генерала Болдырева.

В «генеральском» доме — как назывался бывший дом начальника Ижевского завода — на втором этаже разместился Комитет членов Учредительного Собрания. В первом этаже издавалась газета «Ижевский Защитник». К этому дому ежедневно собирались все имевшие отношение к делам, которыми ведали члены Комитета, в том числе и поставщики на армию, ждавшие срочных распоряжений на разные заготовки, так как все денежные суммы находились в руках Комитета. Исчезновение членов Комитета могло быстро распространиться среди населения и вызвать тревогу и панику. Поэтому находившиеся в генеральском доме служащие в канцеляриях Комитета и газетные сотрудники условились скрывать бегство верховной власти. Тем временем поставщикам говорились разные небылицы, почему их не могут принять по их делам. Но скрывать правду становилось все труднее и труднее.

Доброволец М. Т., сотрудничавший в перерывах между боями в газете, заявил, что Комитет мог сбежать только в Воткинск, и взялся его разыскать. Взяв паровоз с двумя машинистами и захватив 5 вооруженных гимназистов в качестве охраны, так как в 60-верстном промежутке между заводами появлялись разведывательные партии красных, М. Т. в 8 часов вечера помчался в Воткинск. Там в доме Чайковского, где собирался Воткинский Совет обороны, М. Т. нашел сбежавших комитетчиков. Получив необходимые сведения и распоряжения, М. Т. ночью же вернулся в Ижевск, успокоив заинтересованных лиц.

На место полковника Федичкина командующим Прикамской армией был назначен капитан Юрьев. Командование ижевскими частями было передано штабс-капитану Журавлеву, по оценке некоторых — очень храброму офицеру, но малоопытному и бестолковому начальнику. Интересно отметить, что за время своего недолгого командования — около

месяца — штабс-капитан Журавлев не был известен многим ижевцам, даже из числа старших начальников, а некоторые даже никогда ничего о нем не слышали.

Через несколько дней после бегства успокоившиеся члены Комитета Учредительного Собрания приехали в Ижевск на устроенный ими многолюдный митинг. С ними приехал также новый командующий армией капитан Юрьев. На этом митинге ижевцы услышали горячие призывы к спасению заводов от захвата красными и даже призывы к походу на Москву. О том, будут ли доставлены патроны и как без них дойти до Москвы, красноречивые ораторы не говорили.

Чем ближе красные подступали к заводам, тем упорнее и ожесточеннее становились бои. Особенно сильно красные нажимали с юга. К концу октября бои из района ст. Агрыз переместились к Ижевску на 18 верстов. На севере ижевцы и воткинцы удерживали врага в среднем верстах в 30 от заводов. Дорого доставался врагу каждый шаг. Но и защитники заводов несли тяжелые потери. Недостаток патронов был очень чувствителен, приходилось все чаще и чаще обращаться к штыку и всеми способами экономить патроны на крайний случай.

Все рабочие, по установившемуся порядку, где бы они ни находились, не расставались с винтовками. Кто бы какую работу ни делал — винтовка была рядом. По тревожному реву заводского гудка все немедленно бежали на сборные пункты своих рот. Из штаба приходили приказы, и роты быстро направлялись на атакованные пункты.

Пленные красноармейцы показывали, что, как только комиссары начнут их гнать вперед, они с волнением ждут рева могучего заводского гудка. Услышав его, в их рядах начинает нарастать паническое настроение. Они знают, что через час к месту боя подойдут и опрокинутся на них волны рабочих и начнется кровавая штыковая схватка.

По словам добровольца М. Т., только в Ижевске до двадцати тысяч рабочих принимали участие в отражении атак врага, когда красные бросались на приступ в больших массах. Никто не пробовал уклониться от боя. Взаимная спайка и выручка стояли необычайно высоко. Если кто-нибудь не поспел присоединиться к своей роте, он пристраивался к дру-

гой. Один из участников боя последнего дня защиты завода 7 ноября рассказывал, как был собран последний резерв. Это была сводная рота, куда вошли все, кто еще оставался на заводе по разным причинам, не мог теперь попасть в свою роту или не знал, где ее искать.

Командовал ротой полковник Власов, пользовавшийся любовью и доверием ижевцев как храбрый и распорядительный офицер. Когда потерявшие свои роты бойцы узнавали, что командует Власов, они охотно присоединялись к этой сборной роте. Всего набралось около 300 бойцов. Рота по Казанской улице вышла к станции Ижевск, находившейся в одной версте от завода. Здесь она заняла окопы недалеко от татарского кладбища. На кладбище и левее в большом количестве накапливался противник. Полковник Власов решает помешать красным в их сосредоточении и подготовке к штурму и атаковать их теперь же. Он отдает распоряжения и сам первый, со знаменщиком и одним бойцом, выскакивает из окопа и бросается к кладбищу. Одновременно доброволец А. Т. с пятью бойцами бросаются левее.

Но у красных уже стояли наготове пулеметы, и их огонь перебил всех выскочивших вперед и заставил остальных поднявшихся для атаки укрыться в окопе. Полковник Власов был тяжело ранен, и его с большим трудом вытащили из-под обстрела. У рассказчика-добровольца была перебита нога. Он начал ползти к окопу. К нему выскочила гимназистка Попова, работавшая сестрой милосердия и отличавшаяся необыкновенной смелостью, и хотела перевязать раненую ногу. Пуля ранила ее в голову, и лицо ее залилось кровью. Доброволец приказал ей бежать зигзагами в окоп. Ему удалось самому доползти до окопа, где его перевязали и отправили в тыл.

После нескольких настойчивых атак красные захватили станцию. Она была оставлена в 2 часа дня. Около этого же времени были очищены другие пункты, лежавшие впереди завода, и защитники отступили на последние позиции у окраины завода.

Утомленные боями и потрясенные упорством обороны, красные не чувствовали уверенности в окончательном успехе, остановились и набирали силы для дальнейших действий.

Ночью они бездействовали. По красным сведениям («Гражданская война...», т. 1), последние дни защиты Ижевска излагаются так: «Бои под Ижевском 5, 6 и 7 ноября достигли большого напряжения; та и другая сторона дрались с большим упорством, неся большие потери. Этими боями подтвердились сведения агентуры, что вокруг территории завода противником вырыты окопы с ходами сообщения в тыл и усилены проволочные заграждения. Войскам отдается приказ взять Ижевск 7 ноября во что бы то ни стало.

Седьмого ноября с утра началась артиллерийская подготовка атаки и устройство проходов в проволочных заграждениях. Вера в успех настолько велика, что было приказано держать прямой провод с московским Кремлем для немедленной передачи сообщения о падении Ижевска в день, когда праздновалась годовщина октябрьской революции.

К 12 часам войска были уже у проволочных заграждений и готовились к штурму. Противник вел бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей... На правом фланге боевой линии в числе прочих частей был 2-й Мусульманский полк, который не выдержал огня, дрогнул и позорно бежал с поля сражения, оставив противнику батарею, пулеметы и другую материальную часть. На пути бегства людьми полка был разграблен полковой обоз, похищены вещи командного состава. Весь же командный состав в этом полку держал себя образцово. 2-й Мусульманский полк за свое позорное и преступное поведение был расформирован.

В 19 ч. 40 м. Ижевск был взят штурмом... Бронированный поезд «Свободная Россия» ворвался на станцию Ижевск и своим огнем внес в ряды белогвардейцев сильнейшее расстройство. Кавалерия вслед за пехотой ворвалась в город, на улицах которого завязались ожесточенные бои».

Это описание красного историка имеет значительные неточности. Каких-либо серьезных проволочных заграждений у ижевцев не было. Проволока на заводе не выделялась, и запасов ее не имелось. Защитники не могли вести бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей из-за острого недостатка огнеприпасов. На улицах города боев не было, красные не посмели войти ночью в город, и в Москву была послана преж-

двухдневная поздравительная телеграмма о взятии Ижевска, не соответствовавшая действительности.

Следует также отметить, что бегство 2-го Мусульманского полка не было единичным случаем. Защитники много раз обращали красных в паническое бегство, но их историк отмечает только один случай, который трудно замолчать, так как была брошена батарея, разграблен обоз и полк был расформирован.

После очищения станции и других передовых пунктов впереди завода дальнейшее сопротивление красным было оказано на южной окраине города.

Здесь с наступлением темноты бой затих. Красные остановились, не решаясь ночью двигаться дальше.

Трехмесячная борьба за Ижевск подходила к концу. Героизм и самопожертвование восставших должны были покориться грубой силе численного превосходства и подавляющего огневого преимущества красных. Был отдан приказ об оставлении завода. Ижевцы, как бойцы, так и большинство их семей, покинули свои родные места. Раненого М. Т. везли вместе с другими ранеными на подводе. До него доносился плач женщин и детей. Он всматривался в темноту. Людей было трудно различить, но можно было видеть, как двигалось огромное количество белых пятен. Это были узлы с одеждой и едой — все, что могли захватить с собой жители Ижевска. Подвод было мало, большинство шло пешком.

Около 40 000, может быть до 50 000, рабочих и их семейств бросили родные очаги и все, что им было дорого. Уходили от расправы и мести той власти, которая именовала себя защитницей всех трудящихся.

6

Последние дни восстания

Оставление Ижевского завода поставило на очередь дальнейшую судьбу всей борьбы восставших против красной власти.

На совещании в Воткинске, на котором присутствовали Комитет членов Учредительного Собрания, командующий Ижевско-Воткинской армией капитан Юрьев, полковник

Альбокринов и командующий ижевцами штабс-капитан Журавлев, выяснилось: 1) что нет достаточно сил захватить обратно Ижевск, 2) что оборона Воткинска против превосходящих сил противника на восточных и северных подступах к заводу, где продолжают упорные бои, и при наличии больших сил красных в захваченном ими Ижевске становится невозможной, 3) что подход обещанных и долгожданных сибирских частей не предвидится.

Совещание решило оставить район Ижевского и Воткинского заводов и отвести армию за реку Каму. В предвидении возможности отхода уже собирались материалы и начиналась постройка через Каму плавучего моста на баржах, в двух верстах выше по течению от д. Усть-Речка. Строителем был капитан 1 ранга Вологдин. Длина моста — 482 сажени, начало постройки — 26 октября, окончание — 4 ноября.

Утром 10 ноября капитан Юрьев вызвал командира 4-го Воткинского полка поручика Болонкина и приказал ему передать в распоряжение штаба армии 2-й и 4-й батальоны. Общее положение у Воткинска к этому времени было следующее: 4-й полк занимал растянутый фронт: два батальона (1-й и 3-й) обороняли подступы к заводу на трактовой дороге от ст. Чепца; второй батальон охранял участок к северо-западу от завода и находился в с. Светлом, поддерживая связь с Северным фронтом ижевцев; 4-й батальон был выдвинут в с. Поздеры в 20 верстах к юго-западу от строящейся переправы, имея задачу не допускать движения противника на север со стороны занятого им села Гольяны.

С оставшимися в его распоряжении двумя батальонами поручику Болонкину было приказано упорно оборонять северные подступы к заводу, держа тесную связь с расположенным правее 2-м Воткинским полком, под командой поручика Дробинина. Далее к востоку у р. Камы действовал 1-й Воткинский полк в районе Ножовского завода. На другом (левом) берегу Камы против частей красных, напиравших от г. Осы, действовал 3-й Сайгатский полк.

Требование упорной обороны обуславливалось необходимостью произвести планомерную эвакуацию госпиталей, дать возможность населению Воткинска и его окрестностей, не желающему оставаться у большевиков, уйти за Каму и

дать время ижевцам подойти к переправе. Оставить позицию поручик Болонкин должен был только по особому приказу. Остальные полки получили соответствующие распоряжения. Ижевцам, отступавшим вдоль железной дороги на Воткинск, было приказано свернуть к переправе кратчайшим путем, имея сильный заслон в сторону села (и пристани) Гольяны. Красные части, занявшие Ижевск, были настолько изнурены боями, что не могли двинуться в преследование, и, по показанию участников, только разведывательные отряды противника следовали за арьергардами уходивших ижевцев.

Во исполнение указанного ему задания 2-й батальон 4-го Воткинского полка (поручик Брускин) перешел из с. Светлое в деревни Верхний и Нижний Кокуй (10–12 верст к западу от завода). Противник, заметив приготовления к эвакуации завода, усилил свои атаки, но воткинцы удержали все свои позиции.

Около этого времени (по другим сведениям, это было раньше) поручик Дробинин у д. Мишкино нанес сокрушительный удар 4-му Латышскому полку, захватив несколько орудий, пулеметы и много пленных и обратив красных латышей в поспешное бегство. 11 и 12 ноября противник вел атаки днем и ночью. Спать почти не приходилось. Все устали и вымотались. Настроение было нервное, особенно в самом городе. В ночь с 12 на 13 ноября поручик Болонкин опять был вызван в штаб к капитану Юрьеву. В штабе, уже опустевшем, его встретил капитан Юрьев, полковник Альбокринов и начальник связи штабс-капитан Шадрин.

Поручик Болонкин вспоминает: «Все выглядели от усталости как мертвецы. Здесь я лично от капитана Юрьева получил приказ оставить свои позиции 13 ноября с наступлением темноты, собрать полк (два батальона) и отходить через восточную часть города к переправе. Отдавая мне приказ и давая последние инструкции, командующий армией сильно нервничал и несколько раз спрашивал начальника штаба и связи, какие сведения они имеют об ижевцах, а также каково положение на участке 4-го батальона, находившегося в распоряжении штаба и охранявшего направление со стороны с. Гольяны...» Поручику Болонкину было сообщено, что центральная телефонная станция будет работать до 6 часов вечера

13 ноября и что 2-й батальон его полка, также находившийся в распоряжении штаба, будет отходить с последними телефонистами штаба армии и с подрывниками, которые должны будут взорвать железнодорожный мост через реку Сиву, в 5 верстах к югу от завода, на узкоколейке с завода на пристань Галево.

Успешно отбив днем 13 ноября все атаки красных, поручик Болонкин около 9 часов вечера вышел на восточную окраину Воткинска, в 3 часа утра 14 ноября был у моста и в 5 часов утра переправился на левый берег Камы.

Начальником переправы был строитель моста капитан 1 ранга Вологдин. В его распоряжении находился штабс-капитан Самарцев, который встречал части и указывал им порядок переправы. От Самарцева поручик Болонкин узнал, что его 2-й батальон уже переправился, а 4-й находится в 2 верстах ниже переправы и пропускает последние подходящие части ижевцев. Штабс-капитан Самарцев в разговоре с Болонкиным высказал ему мнение о весьма неудовлетворительном управлении штабс-капитана Журавлева ижевскими частями. По его словам, ижевцы отступали, не зная обстановки и не имея указаний о направлении движения. Мнение Самарцева находит подтверждение от других лиц и из фактов происшедших событий. Неудачное управление или его полное отсутствие в отношении к Северному фронту ижевцев привело к тому, что большая часть этого фронта была отрезана красными. Незначительная часть выбралась благополучно, отойдя со 2-м батальоном 4-го Воткинского полка. Другая часть пробовала пробиться через Ижевск, уже захваченный красными, попала в плен и стала жертвой чекистских зверств. Говорят, немногим удалось рассеяться и укрыться в лесах.

Кроме того, отдельные мелкие группы ижевцев подходили все время к мосту. Когда красные, наступавшие по правому берегу с востока, подошли близко к мосту и он мог быть ими захвачен, руководители переправы отдали приказ поджечь его. Некоторые запоздавшие ижевцы перебежали уже по горевшему мосту. В их числе был и один из чинов комендантской команды Агрызского фронта В. М. Новиков. По сведениям, несколько групп ижевцев не успели дойти до моста и

были захвачены красными. Число ижевцев и воткинцев, перешедших за Каму, указывается участниками очень различно. Минимальная цифра для ижевцев будет примерно 16 000 человек, из них 10 000 боеспособных мужчин. Другие считают, что ушло 30 000 и даже больше. Поручик Болонкин для воткинцев дает цифры: вооруженных воткинцев было около 15 000 и почти столько же гражданского населения и семей.

Ижевцы вывезли с собой несколько тысяч винтовок. Воткинцы вместе с госпиталями и семьями эвакуировали управление завода и увезли некоторые электрические машины, что делало завод неработоспособным на долгое время.

С переходом за Каму закончилось крупнейшее по своей стихийности и масштабу восстание рабочих против красной пролетарской власти — восстание ижевских и воткинских рабочих и присоединившихся к ним крестьян. Восстание это самостоятельно боролось против своих угнетателей. Оно началось 7 августа отказом рабочих-фронтовиков в Ижевском Оружейном заводе выступить на защиту большевистской тирании.

14 ноября — день переправы последних частей восставших за Каму — является сотым днем борьбы в родных местах.

Следует подвести итоги этим ста дням.

7

Итоги восстания

Борьба ижевцев и воткинцев против советской власти при защите своих заводов получила лишь краткое освещение на страницах этого очерка. Отсутствие источников, недостаток времени и другие причины ограничили возможность дать более подробный очерк.

Долг участников восстания, оставшихся в живых, сохранить в той или иной форме воспоминания об этих днях. Дело будущих исследователей собрать все уцелевшие материалы и дать полное описание этого восстания. Но и краткие сведения, которые были здесь даны, позволяют дать оценку этой интересной страницы из гражданской войны и сделать некоторые выводы.

Значение восстания в ходе вооруженной борьбы против красного порабощения будет яснее и понятнее, если напомнить об общем положении, сложившемся на Восточном фронте.

Выступление против большевиков чехословацкого корпуса, начавшееся 25 мая, дало толчок к восстанию многочисленных тайных противобольшевистских организаций на Волге и в Сибири.

Большевики начали немедленно и энергично готовиться к отпору. Уже 29 мая ВЦИК объявил об организации Красной армии вместо слабо работавшего добровольного пополнения наборами по мобилизации. Это дает им возможность быстро умножить свои силы. Июнь и июль проходят у них в усиленных формированиях отрядов и армий.

Восточный фронт привлекает большое внимание красной власти, но успехов у них нет. Постепенно они теряют Заволжье, Урал и обширную Сибирь. На Волге их бьет полковник Каппель. 21 июля он берет блестящим маневром Симбирск.

Красные шлют на Восток все новые и новые силы. Вместо убитого или застрелившегося Главнокомандующего фронтом Муравьева назначается Вацетис. Новый Главком считает, что у него в распоряжении имеется достаточно сил, чтобы перейти к решительным действиям. 28 июля он докладывает Наркомвоену: «Я решил в ближайшее время нанести противнику решительный удар и отбросить его с линии Волги на восток». (Н. Е. Какурин. «Как сражалась революция», том 1, М., 1925, стр. 225.)

Он ставит задачи: 3-я армия должна перейти в наступление для «овладения Екатеринбургом и дальнейшего действия на фронте Челябинск—Златоуст». 2-й армии дается задача захватить Уфу и овладеть узловой станцией Чишма, наступая одной группой на Бугульму для связи с группой, действующей правее; первая армия должна «всеми мерами сдерживать противника и не допускать его распространения на запад от фронта Сызрань—Симбирск». В дальнейшем эта армия «в нужный момент» должна перейти в наступление и сбросить противника за Волгу.

Задача 4-й армии — в ближайшие дни овладеть Хвалынском, а с началом общего наступления действовать в направ-

лении Самары, заслонившись со стороны Сызрани. Наконец, 5-я армия, вновь создаваемая в районе Казани, должна была в районе Чистополь—устье Камы—Тетюши сосредоточить возможно большую группу войск и перейти в решительное наступление на фронте Симбирск—ст. Бряндино.

«В случае нашего успеха,— писал Главком Вацетис,— ближайшей задачей будет поставлено овладеть фронтом Актюбинск—Орск—Троицк—Курган—Тюмень». (Там же.)

Когда Вацетис разработал свой план, намечавший захват в клещи белые и чешские части в районе Симбирск—Сызрань, в Самаре стоял вопрос: что делать дальше? Никакими армиями Самара не располагала, формирование добровольческих отрядов шло медленно, чехи не были склонны к большим операциям...

Восстание заводов отвлекло большие силы красных. Их 2-я армия была сначала прикована к району Сарапула и вскоре разгромлена ижевцами. Дезорганизованные остатки ее бежали в бассейн р. Вятки. Отсюда некоторая часть этих беглецов была направлена на усиление красных войск, обложивших Казань, и действовала на Арском (восточном) участке.

Восстание оказало также большое влияние на действия 3-й красной армии. Необходимость защищать линию сообщения с центром — железную дорогу Пермь—Вятка — заставила 3-ю армию выделить из своего состава значительные силы для охраны дороги. Это ослабило армию противника, и наступление на Екатеринбург, согласно плану Вацетиса, не только не могло состояться, но армия едва держалась против сибиряков. Позднее, в декабре, она была выбита из Перми.

Продержавшись несколько больше месяца, Казань была захвачена красными. Они не предприняли энергичного преследования отступавшего казанского гарнизона, и он довольно спокойно переправился через р. Каму у деревни Епанчино близ Лаишева. Свои освободившиеся у Казани войска красные направляли против ижевцев и воткинцев, торопясь покончить с восстанием. В первую очередь перебрасывались отряд Азиня, сформировавший 2-ю Сводную дивизию (потом 28-ю), и латышские полки. 4-й латышский полк, как отмечалось

раньше, был разбит воткинцами, а 5-й латышский полк, сильно пострадавший при захвате Казани полковником Каппелем, видимо, действовал со стороны города Глазова, и один из эпизодов встречи с ним ижевцев был описан в главе 10-й.

Таким образом, восстание отвлекло силы и отразилось на действиях трех красных армий Восточного фронта. Значительные подкрепления шли также из внутренних округов и с затихшего Западного фронта, при этом против ижевцев и воткинцев посылались особенно преданные и испытанные части, в их числе роты чрезвычайки.

Если план Вацетиса был нарушен захватом Казани отрядом Каппеля и чехов, то его полное крушение было обусловлено восстанием ижевско-воткинских рабочих.

После обратного захвата Казани красные войска смогли одержать на линии Волги некоторые успехи и продвинуться вперед. Севернее восставшие еще два месяца приковывали большие силы красных, и на левом участке своего фронта все их усилия перейти в наступление были парализованы на долгое время.

Большевицкая власть с большими жертвами и жестокостью подавила восстание. Если бы надо было пролить крови в десять, в сто раз больше — большевики не задумались бы над этим. Человеческая жизнь в их расчетах стоит на последнем месте. Более существенной для них была политическая сторона событий. Присвоив себе право исключительного руководства рабочими массами, они не могли допустить, чтобы рабочие могли идти не вместе с ними или тем более против них. Они пробуют немедленно подавить восстание ижевцев, боясь, что их пример может увлечь других. Им это не удалось. Ижевцев поддержали воткинцы, и в разное время поднялись некоторые другие приуральские заводы. Замолчать эти выступления было невозможно — они стали достоянием истории гражданской войны. Но с историей большевики не стесняются и дают всему свое собственное объяснение и толкование.

«История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)» М., 1938, трактует события так: «Мятеж корпуса (чехословаков) послужил сигналом к мятежу кулаче-

ства на Волге и в Сибири и эсеровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах»...

Сходное объяснение дает Какурин («Как сражалась революция», том 1, стр. 96): «Ижевское восстание было организовано Союзом фронтовиков, насчитывавшим в себе до 4000 членов, в котором в течение долгого времени велась эсеровская пропаганда».

Вольшевики имеют все основания высоко расценивать силу пропаганды, которой сами они умело и нагло всегда пользовались. Но их обвинения эсеров, что они своей пропагандой вызвали восстание в Ижевске, не имеют никаких оснований. Союз фронтовиков, который поднял восстание, далеко не насчитывал численности в 4000 человек, указанной Какуриным, и не имел никакой политической программы, а был организован исключительно для защиты прав вернувшихся с фронта солдат, бывших рабочих.

После успеха восстания вынырнули из подполья эсеры, члены Учредительного Собрания, воспользовались отсутствием власти после уничтожения большевистского Совета и, как убежденные народоправцы, никого не спрашивая, объявили себя высшей гражданской властью под названием Прикамского Комитета Учредительного Собрания.

Как обычно у них практиковалось, они поспешили захватить казначейство и стали распоряжаться денежными средствами. Их появление и начавшаяся теперь, после восстания, эсеровская пропаганда была встречена большинством рабочих равнодушно.

Надо было вести упорную борьбу с большевиками, а не заниматься политикой и партийной болтовней. Но эсеры, по крайней мере более влиятельные из них, на первое место выставляют свои собственные партийные интересы и под маркой Учредительного Собрания стараются прежде всего укрепить свою власть. Они начинают формировать свои собственные части — на первых порах роту имени Учредительного Собрания.

В эту роту не находилось добровольцев, и не было желающих занять должность командира роты. Тогда из Самарского Комуча были командированы два эсера, Шмелев и Шелумов, привезшие деньги и начавшие агитацию за поступление в эту

роту. Рота наконец была организована. Шмелев, когда пришло время выступать на позицию, поспешил в тыл. Шелунов, командуя ротой, долг свой выполнил и погиб в бою под Ижевском.

Если рабочие в большинстве относились безразлично к пропаганде и затеям эсеров, то и последние не доверяли ижевцам, и в особенности, их командному составу. Этим объясняется поспешное бегство Евсеева и членов его Комитета, удравших от вымышленной ими же самими опасности.

Последующие события, которые отстранили эсеров от всякого участия в налаживании государственного порядка и которые кончились передачей власти в руки адмирала Колчака, еще яснее подчеркивают, что ижевцы и воткинцы выбрали дорогу, по которой пошли все честные и действительно любящие свою Родину русские люди.

Они, за малым исключением упорных партийцев, без оговорок признали власть адмирала Колчака. Они не пошли за партией, которая свои партийные интересы ставила всегда выше благополучия России и русского народа.

Бросив большевикам свой вызов на смертный бой, рабочие забыли, к каким партиям они принадлежали, забыли, кто были их политические единомышленники или противники, кто были их друзья или недруги, все они как один поднялись против красного гнета. Для них время слов, программных различий и других разногласий прошло, и, крепко спаянные в своем порыве, они упорно, самоотверженно бились с врагом.

Считавшие себя эсерами не хотели выделяться из рядов других восставших рабочих и не пошли за своими незадачливыми главарями.

Среди восставших против большевистского гнета были также принадлежавшие к партии большевиков. Эти большевики отказались поддерживать зверства и преступления своих однопартийцев. В отличие от большевиков, стоявших в главе кровавой власти, они называли себя «большевиками-мстителями», а своих врагов «комиссародержавцами». Все это, конечно, хорошо известно большевикам и их историкам. Они также отлично знают, что их притеснения и кровавые расправы с непокорными рабочими вызывали возмущение и озлобление и были настоящими причинами восстания.

Долгий путь гражданской войны с честью и славой был пройден ижевцами и воткинцами, дела которых отличались высокой доблестью и самопожертвованием. Никакая пропаганда никакой партии не могла повести ижевцев и воткинцев по пройденному ими пути. Это могла сделать только любовь к страдающей Родине. Это большевики знают, но не смеют об этом говорить.

Необходимо коснуться еще одного вопроса — почему восставшим заводам не была оказана достаточная помощь со стороны других антибольшевистских сил. Незначительную помощь боевыми припасами восставшие получили от эскадры капитана 2 ранга Феодосьева. Пробравшийся в Самару штабс-капитан Куракин получил 10 000 снарядов и другое подкрепление материальных запасов, но не мог довести их до Ижевска вследствие начавшихся наших неудач на Волге.

Сибирская армия, захватившая 25 июля Екатеринбург и накапливавшая там свои силы, имела большие возможности помочь ижевцам и воткинцам. Собственно, это была бы не помощь, а использование сложившейся обстановки в собственных целях Сибирской армии, нанесения своему противнику — 3-й красной армии — сильного удара, а при удаче — и уничтожения этой армии.

Вместо фронтального наступления на Пермь Сибирской армии давался шанс захватить этот город скорее и с меньшими усилиями глубоким обходом через район восстания. Этим путем Сибирская армия не только захватывала Пермь, но решала более важную задачу — нанесение противнику поражения. 3-я красная армия находилась в очень тяжелом положении, так как восставшие рабочие отрезали ее от соседей и угрожали ее тылу.

К сожалению, во главе Сибирской армии находился неспособный на такие действия генерал Гайда. Профессор генерал Головин пишет («Российская контрреволюция», часть 4, кн. 8, стр. 121): «Разбросавши свои силы на столь широком фронте, Гайда хотя и неуклонно и отжимал действовавшую против него 3-ю красную армию, но продвигался медленно. Французский военный представитель подполковник Пишон так отзываясь об этом наступлении Гайды: “Мечется во все стороны и дерется растопыренными пальцами вместо

кулака...» Дальше генерал Головин приводит характеристику Гайды профессора полковника Зайцева: «Путь из фельдшеро- в в командующие армией был им пройден всего лишь в три года, и это не могло не отзываться на его оперативной дея- тельности. Стратегически его успехи были близки к нулю...» Затем генерал Головин пишет (там же, стр. 121–122): «Даже если рассматривать наступление Гайды в ограниченных рам- ках операции на Пермском направлении, нельзя не заметить одной крупнейшей стратегической ошибки: Гайда не учел того громадного политического и стратегического значения, которое имело восстание ижевских и воткинских рабочих и соседних с ними вятских крестьян. В лице этих повстанцев восточный противобольшевистский фронт мог бы обрести те народные массы, которые так нерешительно шли на присоеди- нение к находящимся уже в контрреволюционном лагере элементам русской интеллигенции. Настоятельно требова- лось возможно скорее и сильнее поддержать ижевских и вот- кинских рабочих, которые в силу своей большой организо- ванности являлись остовом повстанческого клина в юго-восточной части Вятской губернии. Нужно прибавить еще к только что сказанному, что захват большевиками Ижевска передавал в их руки третий и последний по счету русский оружейный завод».

Таковыми оказались печальные последствия, как для Ижевско-Воткинского восстания, так и для общего хода борьбы на Восточном фронте, назначения на важный пост командующего Сибирской армией совершенно неподготов- ленного для этого генерала Гайды.

8

За Камой

После отступления за р. Каму воткинцы заняли позиции вдоль левого берега, загибая свой северный фланг фронтом на северо-восток против красных, действовавших со стороны г. Оса.

На левом фланге находился 4-й Воткинский полк, растя- нувшийся от с. Сайгатки до д. Ершовки. У д. Ершовки вот-

кинцы вошли в связь с отрядом уфимцев под командой поручика Воробьева, который действовал в районе железной дороги Сарапул—Красноуфимск.

Ижевцы сосредоточились в с. Сайгатке и ближайших деревнях, где их части переформировывались в бригаду в составе двух полков, егерского батальона, дивизиона артиллерии, конного дивизиона и инженерной роты. Через несколько дней один из полков ижевцев сменил 4-й Воткинский полк, который был отведен в тыл для формирования 2-й бригады Воткинской дивизии.

Потеря родных мест и семейных очагов, боязнь за семьи, часть которых осталась во власти мстительного врага, неизвестность, что предстоит дальше,— все это отражалось на настроении ижевцев и воткинцев. Удары судьбы не проходят даром, вызывают падение духа и выливаются наружу в тех или иных формах. Началось расхождение между ижевцами и воткинцами, до сего времени совместно и дружно боровшимися с красным гнетом.

Раскол появился среди старших чинов и потом распространился вниз. Отсутствие начальников, которые обладали бы неоспоримым авторитетом и могли бы сразу остановить зачатки взаимного недоброжелательства, привело к тому, что недовольство друг другом продолжало углубляться. Начались упреки в несправедливом распределении захваченных у противника орудий и другого имущества, в неправильном расходовании денежных средств, в отказе помочь в бою артиллерийским огнем, и т.д.

Большое недовольство, главным образом у ижевцев, вызвал приказ из штаба армии с перечислением целого ряда обязанностей, нарушение которых будет караться расстрелом. Приказ заканчивался указанием, что те, кто не согласен подчиниться дисциплине в указанных рамках, могут уходить обратно домой. Приказ, имевший целью поднять дисциплину, был явно плохо обдуман и неудачен. По свидетельству одного из старших командиров ижевцев, этот приказ вызвал негодование среди рабочих-бойцов, добровольно поднявшихся против насилия большевиков, самоотверженно отдавших все силы на борьбу и принесших большие и кровавые жертвы.

Разбираться в правильности, справедливости или необоснованности этих взаимных обвинений теперь не приходится и невозможно. Результат же был тот, что командующий ижевцами штабс-капитан Журавлев увел подчиненную ему бригаду в район Уфимского корпуса.

По мнению ижевца М. К. Данилова, внимательно наблюдавшего за всем происходившим, Журавлев сделал это, чтобы избежать недоразумений и, возможно, столкновений. Ему казалось, что взаимная неприязнь начала заходить очень далеко и можно было опасаться, что горячие головы не остановятся перед пролитием братской крови, что был даже заговор убить капитана Юрьева, но этого не произошло, потому что Юрьев не появлялся в районе ижевцев.

С уходом ижевцев в район Уфимского корпуса их совместный с воткинцами путь борьбы с красными временно разошелся: первые дрались в рядах Западной (позднее 3-й) армии, а вторые — в Сибирской (потом 2-й Сибирской) армии.

Только в Забайкалье поредевшие в тяжелых походах ряды ижевцев и воткинцев, сведенные в полки, в конце 1920 г. вновь встретились и дружно продолжали бороться со своим смертельным врагом.

Уходя в район Уфимского корпуса и бросив боевой участок, штабс-капитан Журавлев не предупредил об этом воткинцев. Самовольный уход с позиции не может иметь оправдания, но указанные выше обстоятельства говорят о том, что это было сделано не без причины. Что же касается того, что Журавлев не предупредил об уходе штаб Воткинской дивизии или ближайшую часть, это нельзя рассматривать иначе как предательство. Это отразилось на устойчивости положения воткинцев и облегчило красным форсирование реки Камы, к этому времени уже покрывшейся льдом. Воткинцы были вынуждены, под нажимом переправившегося через реку противника и под угрозой удара с севера, начать отход со своего выдвинутого вперед участка на восток.

После переправы через реку крупный красный отряд, проделав в два дня большой переход, занял деревню Зипоново и оказался в тылу воткинцев за левым флангом их 2-й бригады. Навстречу был брошен 4-й полк под командой штабс-капитана Болонкина, который задержал дальнейшее про-

движение красного отряда. Это дало возможность воткинцам и всем беженцам, двигавшимся с ними, благополучно выйти из задуманного красными окружения. Установив связь с Сибирской армией, Воткинская дивизия заняла участок на ее левом фланге, в 40 верстах к западу от г. Красноуфимска.

Крепость своей спайки, любовь к Родине и ненависть к ее поработителям ижевцы вскоре доказали, когда власть от Директории, не сумевшей справиться с вопросами государственного управления, перешла в руки адмирала Колчака. Командовавший бригадой штабс-капитан Журавлев, ставленник эсеров, на собрании офицеров бригады, решавших, что делать дальше и за кем идти, был на стороне устраненной Директории.

За ним никто, кроме двух его сообщников, не пошел. Эсеровское руководство полностью доказало свою несостоятельность во время защиты заводов, и это все помнили.

Весь состав Ижевской бригады спокойно принял решение. Ижевцы вступили в ряды белых армий, где — хорошо или плохо — политические вопросы стояли на заднем плане, а на первое место выдвигалось уничтожение большевистского ядра.

В лице адмирала Колчака все видели честного русского человека, доблестного солдата и патриота России, для которого благо Родины было выше всего. Через несколько дней штабс-капитан Журавлев со своими приверженцами, захватив 2 миллиона рублей, скрылся из бригады. По сведениям из штаба армии, его последним днем командования бригадой было 13 декабря. Розыски его успехом не увенчались — по некоторым данным, он перешел на сторону большевиков.

В начале января 1919 г. была сформирована Западная армия, в состав которой вошел Уфимский корпус и расположенная в его районе Ижевская бригада.

Жалобы на поведение чинов бригады заставили командующего армией генерала Ханжина назначить инспекцию. Был послан генерал Тиманов. Плохо питавшиеся, мерзнувшие и скучающие от безделья ижевцы обрадовались: наконец-то кто-то о них вспомнил! Для встречи инспектора ижевцы тщательно подготовились. Весь состав бригады выстроился на большой площади села стройными рядами. Раздалась команда

для встречи, и винтовки четко звякнули «на караул». Генерал Тиманов поздоровался и услышал громкий, отчетливый солдатский ответ. Он обошел ряды, осматривал внимательно одежду и обувь, разговаривал. Странное впечатление производили ряды ижевцев. Стояли как будто хорошо обученные солдаты, но были пестро одеты, в пиджаки, в пальто, некоторые в шинели, в полушубки... На головах картузы, кепки, фетровые шляпы, папахи... На ногах сапоги, штиблеты, валенки или башмаки с обмотками. Большая часть одежды обтрепана, заштопана, в заплатках, давно отслужила все сроки...

Больше всего внимание генерала Тиманова привлекли глаза ижевцев. Он проходил по фронту, и тысячи глаз провожали его. Но это не было заученное казенное «есть начальство глазами». Старого царского служаку нельзя было обмануть. Эти глаза говорили, и генерал понимал, что они говорили: «Мы знаем, кто наш враг! И мы хотим с ним встречи!»

Генерал Тиманов доложил обо всем виденном, считая необходимым прежде всего одеть ижевцев, наладить регулярное питание и дать опытного боевого командира. Он вынес убеждение, что бригада будет отлично драться. Особенно он подчеркивал то впечатление, которое произвели на него глаза ижевцев — их прямота, смелость и решительность.

Д. И. Федичкин¹

ИЖЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПЕРИОД С 8 АВГУСТА ПО 20 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА

Ижевские заводы

Ижевские заводы — оружейный и сталелитейный — находились в Сарапульском уезде Вятской губернии. Они построены предками современных ижевских рабочих

¹ Федичкин Дмитрий Иванович (1885–1966). Участник русско-японской и Первой Мировой войн, капитан, кавалер пяти орденов, в том числе трех Георгиевских крестов. Весной 1918 г. участвовал в повстанческой организации в Казани, после ее разгрома приехал в Ижевск в начале августа 1918 г. В августе–октябре 1918 г. командующий Ижевской Народной армией и Прикамской Народной армией, включавшей Ижевскую, Воткинскую армии и несколько рабочих и крестьянских отрядов повстанцев Вятской губернии. 20 октября 1918 г. вследствие стратегических разногласий с руководителями Прикамского Комуча оставил командование и уехал в Уфу, где в ноябре 1918 г. вступил в Сибирскую белую армию. В мае 1919 г., после освобождения Ижевска вернувшимися в составе белых армий рабочими повстанцами, назначен помощником командира Ижевской стрелковой дивизии, созданной из сохранившихся бойцов Ижевской Народной армии. Затем в эмиграции в Китае и в США.

в 1760 году, в 45 верстах от судоходной реки Камы, притока Волги, среди обширнейших государственных лесов, на большом, 12 верст длиною, пруду, сделанном запрудой на р. Иже.

Заводы состоят в ведении Главного Артиллерийского Управления, владеют огромным богатым имуществом, хозяйством и, имея ряд собственных подъездных железнодорожных путей, связаны с общей сетью российских железных дорог магистралью Казань—Пермь.

Ижевский Сталелитейный завод делает высшего качества сталь, которая идет на выделку винтовок в Ижевском Оружейном заводе и еще в двух других российских государственных оружейных заводах — Тульском и Сестрорецком, куда сталь посылается в виде недоделанных частей винтовок и пулеметов.

Кроме того, сталь Ижевского сталелитейного завода идет во все технические учреждения военного ведомства в России.

Деятельности ижевских заводов российская армия обязана своим перевооружением нынешней трехлинейной винтовкой образца 1891 года.

В период Первой Мировой войны ижевские заводы выделяли ежедневно для вооружения действующей армии по 2000 винтовок.

В то время на заводах работало в три восьмичасовых смены 27 000 рабочих специалистов-мастеров и до 15 000 человек крестьян ближайших к заводам сел. Крестьяне работали вне заводов: они подготавливали, грузили или подвозили на собственных лошадях все необходимые заводам материалы.

Ижевск

По обеим сторонам пруда, на котором стоят заводы, располагается город Ижевск с населением 70 000 жителей, преимущественно рабочих и служащих на заводах. Ижевские рабочие почти все люди семейные, имеют собственные дома, имущество, сады, огороды, покосы, домашний скот и птицу. Они прочно живут на своих местах в Ижевске и крепко держатся за постоянную и хорошо оплачиваемую государственной казной работу.

Причины восстания

С первых же дней революции в Ижевске образовался Совет рабочих депутатов, числом в 250 членов, избранных ижевскими рабочими. С захватом в России государственной власти большевиками в Ижевске начали происходить резкие трения между рабочими и представителями Советской власти, большевиками, на почве этого Совета.

Выборы в Ижевский Совет рабочих депутатов всегда давали состав депутатов, нежелательный большевикам.

Большевики всячески добивались однородного большевистского состава Совета рабочих депутатов и этим вызвали в ижевских рабочих к себе большую ненависть.

Перевыборы Совета рабочих депутатов в Ижевске большевиками производились часто, и каждый раз большевиков, выбранных в Совет, оказывалось меньшинство.

Последние перевыборы Совета рабочих депутатов в Ижевске большевиками были произведены в июне 1918 года и дали в результате выборов большинство депутатов беспартийных.

Тогда большевики вызвали из города Казани в Ижевск специальный отряд Красной армии, который, прибыв в Ижевск, разогнал Ижевский Совет рабочих депутатов, главным деятелям которого пришлось скрыться, и объявил прежний Ижевский Исполнительный комитет, состоявший только из одних большевиков, полномочною властью в Ижевске.

После целого ряда бесчинств, произведенных большевиками в Ижевске, началось объединение вокруг создавшихся из фронтовиков, то есть офицеров, военных чиновников и солдат, бывших на войне, умеренных партий рабочих для противодействия большевистскому террору. Эта организация получила наименование «Союз фронтовиков». Главной причиной спайки этой организации послужили слухи о предстоящей мобилизации фронтовиков в ряды Красной армии.

В целом ряде конспиративных собраний наиболее деятельных членов Союза фронтовиков было решено: подчиниться

мобилизации лишь в том случае, если мобилизованным тут же выдадут вооружение и обмундирование, для того чтобы вслед за этим немедленно произвести вооруженное восстание против большевиков.

Восстание

7 августа 1918 года в Ижевск пришло известие по телеграфу о взятии чехословаками и белой армией города Казани. Казань богата большими складами военного вооружения и обмундирования, пороховыми заводами и пороховыми погребами, в которых хранится громадное количество пироксилина и прочих взрывчатых веществ, употребляющихся в военном ведомстве. Казань находится в 340 верстах от Ижевска и соединена с ним водным путем по судоходной реке Каме и линией железной дороги.

Большевики в этот же день не в урочный час (в 3 часа утра) сильным тревожным заводским паровым гудком созвали ижевских рабочих на митинг на Михайловской площади.

Здесь большевики объявили приказ народных комиссаров о мобилизации всех, прибывших с фронта Первой Мировой войны, в ряды Красной армии для действия против белогвардейцев в г. Казани.

Фронтвики, согласно заранее принятому ими решению, заявили большевикам, что они, «фронтвики», без оружия и без обмундирования из Ижевска никуда ни на шаг не пойдут.

Большевики за такой ответ стали арестовывать фронтвиков и тут же писать им приговоры о смертной казни.

Митинг рассеялся.

На следующий день, 8 августа, фронтвики сами дали тревожный сигнал заводского парового гудка для сбора на митинг во дворе заводов.

Фронтвики собирались на митинг, но большевики разгоняли их и грозили им поголовным расстрелом, если не разойдутся.

Такая свирепая угроза большевиков возмутила фронтвиков, и они рванулись всей толпой в двери проверочной ма-

стерской, где тогда имелось 7000 готовых винтовок, и там вооружились.

Затем, выйдя вооруженными во двор заводов, окружили большевиков и потребовали от них категорическим тоном освобождения из-под ареста арестованных вчера фронтовиков.

В этот момент с нагорной части Ижевска, где квартировали красноармейцы, раздалось несколько резких ружейных выстрелов. Вот эти выстрелы и послужили ижевцам сигналом к окончательному вооруженному восстанию против большевиков. Готовясь к восстанию, ижевские рабочие заблаговременно запаслись винтовками и хранили их у себя по домам. И вот теперь, с началом стрельбы большевиков с нагорной части города, рабочие поднялись с оружием в руках и 12 часов ловили и расстреливали большевиков в Ижевске.

Таким образом совершился факт восстания ижевских рабочих в Ижевске против большевиков.

По окончании расстрелов в Ижевске водворилась тишина.

Гражданская власть в городе, бывшая до сих пор в руках большевиков, теперь перешла было в руки Ижевского Совета рабочих депутатов, разогнанного большевиками; но через два дня ижевцы воочию убедились, что такой громоздкий, в 250 человек, орган власти абсолютно неспособен к быстрым решениям и распоряжениям, которые до крайности необходимы в период восстания. Поэтому гражданская власть на третий день восстания была передана Прикамскому Комитету, состоявшему из четырех членов Всероссийского Учредительного Собрания, собравшихся в Ижевске после разгона Учредительного Собрания большевиками.

Командовать всеми вооруженными силами, действовавшими против большевиков, было предложено организатору восстания капитану Цыганову, но он вследствие утерянтого на войне своего здоровья отказался от этой чести, и тогда Прикамский Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания назначил старшего из строевых офицеров, участника двух войн — русско-японской и Первой Мировой — и кавалера ордена Св. Георгия, полковника Д. Федичкина,

Главнокомандующим прикамской Народной армии под флагом за Всероссийское Учредительное Собрание.

С переменой власти переменился и образ правления, как в Ижевске, так и на заводах.

Все закрытые большевиками в городе общественные и государственные учреждения и заведения начали действовать по-прежнему, как было до большевиков.

Все уволенные с заводов за антипатию к большевикам рабочие и служащие заводов снова были приняты на свои прежние места. Разрешена воспрещенная большевиками торговля хлебом.

В городе было снято осадное положение и введен порядок мирного времени.

Фронтвики, ненавидевшие Красную армию, радовались, что отделались от мобилизации в нее.

Все населенное пространство Вятской, Уфимской и Пермской губерний, в центре которого восстал Ижевск, было переполнено сильно вооруженными продовольственными красноармейскими отрядами, имеющими своими заданиями красного правительства отбирать от крестьян их хлеб и скот на потребности Красной армии.

Таким образом, восставший против большевиков Ижевск с двумя богатейшими государственными заводами оказался в центре враждебно действовавших красноармейских хорошо вооруженных сил и, следовательно, был отрезан и изолирован ими от всех тех, кто в то же время, но в других местах великой России с оружием в руках действовал против большевиков.

Большевицкое правительство, обыкновенно охотно и очень громко оповещавшее весь мир — «Всем! Всем! Всем!» — о победах Красной армии в борьбе с контрреволюцией, не нашло для себя полезным известить мир о восстании ижевских рабочих против рабоче-крестьянского правительства; поэтому о восстании в Ижевске, кроме ижевцев, жителей его окрестностей и большевиков, окружавших его со всех сторон, до самой ликвидации этого восстания никто ничего не знал.

Средства, с которыми Ижевск продолжал работать на заводах на три восьмичасовых смены в сутки и выделывать по

2500 винтовок ежедневно, а кроме того, начал воевать против большевиков, нападавших на Ижевск со всех сторон, были таковы:

В Ижевском отделении Государственного банка:
25 000 000 рублей (Временного правительства),
2 500 000 ружейных патронов,
7000 винтовок,
1 радиостанция (приемник).

Так как количество денег в распоряжении Ижевской волости было ограничено, а срок пребывания Ижевска в изолированном состоянии был неопределенный, неизвестный, то Прикамский Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания, представлявший из себя в то время высшую власть в Прикамском крае, постановил:

«Всем работающим на заводах, всем действовавшим против большевиков с оружием в руках и всем городским и заводским служащим без различия должностей и старшинства — платить всем одинаковое жалованье: 420 рублей в месяц».

Недоразумений по этому поводу никаких не было.

Бои под Ижевском

На другой день после восстания фронтовикам, собравшимся к зданию только что сформированного штаба Ижевской Народной армии, пришедшим узнать новости о намерениях большевиков, была прочитана телеграмма, посланная одним из начальников железнодорожных станций на линии Казань—Ижевск. Он предупреждал ижевцев о движении в поезде на Ижевск отряда Красной армии для усмирения ижевских рабочих.

По прочтении этой телеграммы фронтовикам полковник Федичкин сформировал отряд из 300 человек и тотчас же выступил с ними пешком по линии железной дороги навстречу противнику. Пройдя по линии железной дороги пять верст от Ижевска, ижевцы увидели впереди себя едущий навстречу им поезд красных.

Они моментально рассыпались в цепь и быстрым движением своих флангов охватили поезд с красными с обеих сторон. Затем залегли в высокой и зеленой траве. Большевики пытались было высаживаться из вагонов, но падали убитыми у дверей вагонов. Ижевцы, не желая напрасно расстреливать их в вагонах, предложили красным сдаться. Красные охотно согласились и сдались ижевцам. Их было всего 360. Двадцать были молодые ижевцы, по глупости попавшие в ряды Красной армии. Теперь они радовались, что попали к себе домой в плен.

14 августа отряд Красной армии силой в 2500 человек пехоты наступал по той же Казанской железной дороге на Ижевск, в поездах.

Полковник Федичкин считал, что 300 ижевских, опытных в боях и дисциплинированных фронтовиков в десять раз лучше и сильнее в боях такого же числа необученных и разнузданных свободами красных. Поэтому он взял с собою тех же 300 фронтовиков и повел их навстречу красным поездам.

В 6 верстах от Ижевска на линии железной дороги ижевцы остановились и здесь испортили часть железнодорожного пути, чтобы поезда красных дальше этого места к Ижевску ехать не могли. Затем засели в растущие здесь по обеим сторонам густые зеленые кусты и стали поджидать подхода поездов противника. Недолго ждали ижевцы. Появились впереди поезда противника. Машинист с переднего паровоза первый заметил разрушенный путь и, на счастье ижевцев, остановил поезд как раз там, где они его ожидали. На этот раз ижевцы не бросились на поезд с криком «ура!», потому что красных было слишком много, но, продолжая скрываться от взоров противника за кустами, метко стреляли по дверям и окнам вагонов с обеих сторон поездов, не давая никакой возможности большевикам из вагонов выгрузиться.

Большевики, поняв, что ижевцы избрали лучший способ перестрелять их всех в вагонах до единого, вывесили из окон белые тряпки. Ижевцы прекратили стрельбу. В этот момент 40 большевиков, желая воспользоваться остановкой стрельбы, чтобы убежать из вагонов в лес, выпрыгнули и пустились бежать, но все были ижевцами пойманы и обезоружены. Но когда ижевцы разглядели их, то узнали в них своих прежних врагов, ярых большевиков, бывших представителей Совет-

ской власти в Ижевске, которые своим зверским отношением к ижевским рабочим довели их до вооруженного восстания. Этих 40 молодцов ижевцы связали крепко по рукам и ногам веревками и с особым почетом и в их же поезде, но отдельно от прочих пленных красноармейцев отправили на расправу рабочим в Ижевск.

В тот же день, 14 августа, большевики силою в 200 человек пехоты, 50 человек кавалерии, с 4 пулеметами, наступали от пристани Гольяны (на Каме) по Гольянскому шоссе на Ижевск.

В это время на Гольянском шоссе ижевских войск не было. Но служащие Гольянской железной дороги сообщили по телеграфу о наступлении по этой дороге отряда противника на Ижевск.

Тогда ижевский штаб послал туда маленький отряд артиллерийских чиновников под командой штабс-капитана Куракина, который прогнал отряд красных обратно на пристань Гольяны.

17 августа 1918 года отряд Красной армии силою в две тысячи человек пехоты, 200 человек кавалерии, с 8 пушками наступал опять по той же железной дороге со стороны города Казань.

Вследствие часто повторявшихся наступлений Красной армии все по той же линии железной дороги и каждый раз в поездах ижевцы построили в 12 верстах от Ижевска на линии этой дороги, на возвышенной местности укрепленную позицию с линией окопов полного профиля, на протяжении шести верст по фронту, с ходами сообщения и наблюдательными пунктами. Все расстояния до видимых предметов впереди позиции были измерены и в окопах на дощечках переписаны.

В окопы был поставлен постоянный гарнизон в 800 человек, а сзади, в двух верстах от передовой позиции, — резерв, также в окопах. Командовать вооруженными силами на этой позиции был назначен коренной ижевец, знающий всю местность вокруг Ижевска, поручик Зебзиев.

Так как артиллерии у ижевцев не было, а противник на своих бронированных поездах, вооруженных артиллерией и

пулеметами, мог бы близко подъезжать по линии железной дороги к ижевской позиции и безнаказанно обстреливать ее артиллерией и пулеметами, то ижевцы впереди себя в шести верстах разрушили часть железнодорожного пути, так что противнику, желающему прокатиться по этой дороге, починка взяла бы много времени.

И вот 17 августа поезда противника появились в шести верстах от Ижевской позиции и заметили, что линия железной дороги разрушена и дальше к Ижевску по ней ехать нельзя. Рядом идет большая проселочная дорога. Отряд высадился из вагонов и выгрузил свои пушки и пулеметы. Пять конных разведчиков, прыгнув на лошадей, поскакали вперед на разведку.

Командир большевистской батареи забрался на верх высокого дерева и оттуда в бинокль стал разглядывать впереди лежащую местность.

Ижевцы, скрываясь в своих окопах, вырытых между кустами, растущими здесь на позиции в большом количестве, зорко следили за каждым шагом противника и ничем не обнаруживали своего присутствия на этой позиции.

Объехав кусты, растущие на ижевской позиции, конные разведчики большевиков поднялись на высшую точку местности и оттуда стали любоваться открывшимся им красивым видом на окруженные девственными лесами и озаренные яркими утренними лучами солнца Ижевские заводы с их гигантской трубой и Ижевск, разделенный прудом на две половины.

Делясь между собой впечатлениями виденного, разведчики возвратились к своему отряду и сообщили начальнику, что дорога до самого Ижевска совершенно свободна и на местности впереди их никого нет.

Тогда начальник построил свой отряд в походную колонну и повел его по большой дороге на Ижевск, забыв выслать дозоры вперед и в стороны от колонны.

Ижевцы же придвинули свой единственный, но бронированный ижевской сталью (отцом поручика Зебзиева) пулемет ближе к дороге, по которой идет противник.

Когда колонна большевиков подошла к окопам ижевцев, ижевцы дали залп из ружей и резко затрещал бронирован-

ный пулеметов. Несколько десятков красных пали мертвыми в колонне. Лошади артиллеристов, кавалеристов и самого начальника отряда, как только что реквизированные от мирных крестьян, не приучавших своих лошадей не бояться выстрелов, сбросили своих седоков на землю и ускакали от них в лес.

Большевики, не ожидавшие ничего подобного от ижевских рабочих, легли было на землю и начали стрелять во все стороны. Ижевцы своим огнем не допустили большевиков зарядить орудия и пулеметы. Тогда большевики решили спасти от ижевцев хотя бы свои пушки и пулеметы. Они начали отступать и шесть верст отбивались от преследовавших их ижевцев, оставляя им своих убитых и раненых.

17 августа часть 2-й Красной армии, штаб которой стоял в городе Сарапуле на Каме, в 60 верстах от Ижевска, в количестве 6000 боевых, самых ярых и злых большевиков — латышей и мадьяр — с 8 пушками и 32 пулеметами высадилась с паровозов на пристани Гольяны и повела наступление на Ижевск по Гольянскому шоссе.

Отряд этот шел под командой знаменитого большевика Антонова, имевшего строжайший приказ от Ленина и Троцкого: «Взять Ижевские заводы во что бы то ни стало».

Ижевский маленький отряд из артиллерийских чиновников под командованием энергичного штабс-капитана Куракина, охранявший Гольянское шоссе, невзирая на громадное превосходство сил противника, ввязался с ним в огневой бой. Антонов со своим отрядом пытался окружить куракинский отряд и уничтожить его, но этого он не мог сделать, так как ижевцы убежали от них в таинственный лес.

Наступила ночь. Впереди антоновского отряда, на его пути, стоял огромный мрачный лес, в который, как в пропасть, утопала на 18 верст просека, а в ней шоссе.

Глядя на наступающую ночь, Антонов не решился вступить в этот страшный лес, а отошел в сторону и на открытой местности, вблизи села Завьялов, в 18 верстах от Ижевска, остановил свой отряд на ночлег.

Куракинский отряд не дремал в эту ночь. Он побывал в Ижевске, разыскал там и взял с собою большое количество взрывчатых веществ; затем вернулся в лес и в шести верстах

от Ижевска, в просеке под шоссе, по которому намерен был двигаться противник, закопал громадный фугас, оставив здесь для взрыва двух подрывников.

В Ижевске, опасаясь победы большевиков в предстоявшем бою, после которого Антонов войдет в город праздновать свою победу и тут, во время своего торжества, кровью ижевцев и их семейств зальет все улицы города, ижевцы решили дать необыкновенно громкий тревожный сигнал могущественным заводским паровым гудком, как это сделали в свое время их предки при нападении на Ижевские заводы отрядов Пугачева. Этот тревожный сигнал даст понять об опасности каждому ижевцу и заставит всех могущих взять оружие выступить в бой против приближающегося к Ижевску противника.

18 августа в 2 часа дня противник приблизился к лесу по шоссе на 6 верст к Ижевску и нашел на фугас. Подрывники взорвали фугас и тем произвели в колонне противника большое смятение и потери. Но подрывники, геройски выполнившие свою задачу, были тотчас же большевиками пойманы и расстреляны.

Противник стал громить город пушками. Снаряды летели в город и разрывались на улицах.

Раздался необыкновенно громкий сигнал могущественного заводского парового гудка, который, говорят, бывает слышен в тихую погоду за 40 верст от заводов. Этот гудок действительно дал понять всем о надвигающейся опасности и заставил их, взяв в руки оружие, идти в лес туда, откуда по Ижевску стреляет артиллерия противника.

Полковник Федичкин, выйдя из штаба армии со своим личным адъютантом поручиком Попковым, собрав на улице 600 первых попавшихся им навстречу ижевцев и взяв единственную имевшуюся в оружейном заводе пушку с самодельными снарядами, вошли в лес, в просеку, и здесь в продолжении целого часа удерживали продвижение колонны Антонова к Ижевску одним только ружейным огнем, так как пушка после шести выстрелов заклинилась от несовершенства выделки гильзы и в этот важный момент боя была отправлена на завод для починки.

К этому времени вооруженное население Ижевска, формируемое фронтовиками в роты, отправлялось под командой офицеров в лес на Гольянское шоссе.

При входе в лес, в просеку, полковник Федичкин объяснял ижевцам боевую задачу: «Окружить противника в лесу и уничтожить его». Дал капитану Цыганову задачу колонной идти по лесу, обходя противника с левого фланга, штабс-капитану Перевалу — колонной обойти противнику правый фланг, зайти ему в тыл и отрезать путь отступления, и штабс-капитану Терентьеву — бить своей колонной в лоб противнику.

Все остальные подходившие из города роты были направляемы в лес по следам ушедших колонн. Таким образом получился в лесу длинный мешок, в котором очутился противник благодаря тому, что лес вполне скрывал продвижение обходных ижевских колонн на фланги и тыл противника.

Не имея ни дозоров, ни разведки в лесу, Антонов все же почувствовал вокруг себя огромную враждебную силу и развил из 6000 ружей, 32 пулеметов и 8 орудий такой жестокий огонь, что ижевцам в лесу пришлось закопаться в землю или лезть на вершины деревьев, откуда было видно, куда надо стрелять.

К рассвету 19 августа противник расстрелял все патроны и снаряды, и стрельба затихла. Ижевцы бросились на обессиленных красных с громким криком «ура» и добились насмерть всех раненых большевиков.

Ижевцы в этом бою разбогатели пушкой, пулеметами, награбленным большевиками золотом и массой коммунистической литературы, которую тут же в лесу сожгли дотла. По окончании этого боя семьи ижевских защитников встретили их с церковным колокольным звоном, с крестным ходом, с большим хором соборных певчих, певших благодарственные молитвы Богу со слезами радости на заплаканных глазах.

После этого боя отряд артиллерийских чиновников под командой энергичного штабс-капитана Куракина взял пристань Гольяны на р. Каме и тем отрезал сообщение между штабом 2-й Красной армии в Сарапуле и штабом 3-й армии, стоявшим в г. Перми.

Чтобы держать реку Каму в своих руках, ижевцы должны были иметь свои гарнизоны войск на обоих ее берегах. Для этого были поставлены небольшие войсковые части по 100, по 200 человек из местных крестьян в деревнях Еловке, Степанове, Сойчатке, Ершовке, Комбарском заводе. Для сообщения с Уфимской армией потом было послано 5 отрядов, общей численностью в 500 человек. Они должны были наблюдать за действиями противника на левом берегу реки Камы и охранять путь Сарапул—Бирск.

По установлении связи с Уфой эти части образовали из себя этапы на пути к городу Уфе.

Выяснилось из данных контрразведки, что в г. Сарапуле произошла стычка между городским советом и штабом 2-й Красной армии из-за 24 000 000 рублей золотом купеческих денег, хранившихся в сарапульских отделениях банков. Эти деньги штаб 2-й армии забрал себе и удрал с ними в Вятские Поляны, оставив в Сарапуле лишь незначительный отряд красных.

Отряд штабс-капитана Куракина из артиллерийских чиновников после нескольких незначительных стычек в городе с отрядом красных взял Сарапуль и объявил там мобилизацию. Мобилизованных получилось 800 пешехоновских рабочих кожевенного завода, полубольшевиков. Они потребовали зачисления на все виды довольствия, а воевать с большевиками не пошли.

Крестьянские отряды

Одновременно с наступлением со стороны города Казани большевики еще вели наступление на Ижевск с запада от г. Вятки и г. Малмыжа и с севера от г. Глазова и станции Северной железной дороги Чепцы, стараясь взять восставший против большевиков Прикамский край.

Крестьян Вятской губернии разоряли до сих пор сильно вооруженные красноармейские отряды, имевшие назначение отбирать даром от крестьян их собственный хлеб и скот и отправлять на довольствие частей все увеличивающейся с каждым днем Красной армии.

Когда же восстали ижевцы, большевики обязали крестьян кормить все отряды Красной армии, направленные против ижевцев, и, кроме того, возить их на своих лошадях чуть не до самого Ижевска.

Поэтому вятские крестьяне секретно, в глухих лесах, в глубоких оврагах сделали сходы и порешили послать к ижевцам делегатов с просьбой о выдаче крестьянам оружия для защиты собственной жизни и имущества от грабежа большевистских продовольственных отрядов.

Крестьянские делегаты были приняты в Ижевске, и просьба их была удовлетворена.

У крестьян были настоящие солдаты и офицеры с большим боевым цензом в период Первой Мировой войны, чего у Ижевской армии недоставало. Поэтому полковник Федичкин, с согласия Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания, приказал начальнику штаба, коренному ижевцу, который знал в лицо всех ижевцев, формировать из крестьянских солдат и офицеров боевые отряды, вооружать их и давать им боевые задания.

За эту помощь крестьяне обязались привозить в Ижевск хлеб и съестные припасы в необходимом количестве для рабочих заводов.

Крестьяне быстро сформировали из рот большие отряды и начали с жаром уничтожать на своей территории все большевистские продовольственные отряды и драться против отрядов Красной армии, которых не пропускали к Ижевску. Благодаря богатству телефонных и телеграфных линий в Вятской губернии связь крестьянских отрядов со штабом Ижевской Народной армии поддерживалась непрерывно.

Таким образом, в уездах Вятской губернии Малмыжском и Уржумском было сформировано 8 отрядов по 10 000 солдат-крестьян в каждом, и эти отряды образовали собою фронт в 130 верст длиной и в продолжение трех месяцев не пропускали в эти два уезда ни продовольственных отрядов, посылаемых для грабежа, ни карательных отрядов, посылаемых против ижевцев.

По Северной железной дороге, между городом Глазовым и станцией Чепцы, был образован северный фронт на протяжении 150 верст, который в течение трех месяцев совершенно

очистил Глазовский и Сарапульский уезды от красноармейских отрядов. На северном фронте дралось 10 отрядов по 10 000 крестьян-солдат в каждом под общей командой ижевца капитана Зуева с начальником штаба фронта капитаном Мироновым.

В начале октября большевиками были стянуты резервы из городов Вятки и Перми, количеством в 15 000 человек, с большим количеством артиллерии, и посланы на северный фронтов. После целого ряда упорных боев ижевский северный фронт должен был отступить на 30 верст и оставался здесь, снова укрепившись на позиции, до ликвидации восстания.

Ижевская армия, в виде боевых крестьянских отрядов находящаяся между Глазовым и станцией Северной железной дороги Чепцы, являлась сильной угрозой 3-й армии Красной армии, действовавшей в Пермской губернии, штаб которой находился в городе Перми на р. Каме, имея возможность отрезать ее от базы занятием линии Северной железной дороги на участке Глазов-Чепцы.

В середине сентября высшим большевистским командованием было выслано из города Вологды по Северной железной дороге через город Вятку 5 советских полков пехоты и один полк кавалерии при двух батареях с громадным количеством снарядов.

Два полка пехоты и 400 человек кавалерии и одна полевая батарея спустились на пароходах по реке Вятке и заняли город Нолинск 18 сентября и город Уржум 20 сентября; оттуда походным порядком, вернее, на крестьянских подводах двинулись к Ижевску.

Остальные три советских полка с кавалерией и артиллерией прибыли на станцию Северной железной дороги Чепцы и остановились в деревнях по линии этой дороги, как в исходных пунктах для наступления на Ижевск.

Все эти полки, пришедшие из России, привезли с собой заразные средства для населения и частей Ижевской народной армии. Сообщая населению о преувеличенных победах красных и о могуществе Красной армии и ее несокрушимости, они угрожали жестокой расправой сопротивляющимся вплоть до поголовного уничтожения населения.

Они все же мало имели успеха, так как жители еще до восстания испытали на себе в полной мере добродетели советских комиссаров.

На выбранных позициях с хорошим обстрелом были построены руками крестьян на громадном протяжении глубокие окопы полного профиля и убежища от огня артиллерии.

Для связи пользовались существовавшими здесь телеграфными и телефонными линиями, а там, где их не было, проводили новые.

В качестве конной связи широко пользовались местными крестьянами.

Сведения о большевиках в этой местности давались беженцами из городов Вятки и Глазова, которые кроме сообщений о численности и намерениях противника давали еще знать населению о всех зверствах большевиков на линии Северной железной дороги, а также поддерживали таким образом в населении страх и ненависть к большевикам.

3-я армия красных, стоявшая в Пермской губернии и действовавшая против Сибирской армии в районе Екатеринбурга, имея полные сведения о находящейся у нее в тылу Ижевской Народной армии, не могла равнодушно относиться к ней, боясь быть отрезанной от города Вятки.

С самого начала ижевского восстания она выделила из своего состава кадр и сформировала из местных мобилизованных, настроенных против большевиков крестьян 6 полков и еще просила из центра войск для охраны Северной железной дороги со стороны Ижевска.

Но так как в то время высшее командование Красной армии было занято задачей вернуть занятые белыми города Казань, Самару, Оренбург и не дать белым сформироваться, большая часть советских формирований была брошена туда.

3-я армия красных, не получая из центра никаких войск против Ижевской Народной армии, ограничилась 6 сформированными из местных крестьян, ненавидевших большевиков, полками.

Эти 6 полков прекрасно работали в пользу Ижевской армии, исполняя свои задачи. Они все время наступали и, разбитые, отступали, оставляя ижевцам свои пушки, пулеметы и отнятый от крестьян хлеб и скотов.

Затем эти полки снова пополнялись, вооружались, снова наступали на ижевцев, разбитые — отступали, оставляли ижевцам новые трофеи и так старались действовать для ижевцев до самой ликвидации Ижевской Народной армии.

Западный фронт

После взятия большевиками города Казани ближайшей задачей Красной армии, действовавшей на Казань, стала ликвидация ижевского восстания.

Для выполнения этой задачи Троцкий выслал из Казани три дивизии пехоты, два полка кавалерии, направив их по Казанской железной дороге на город Сарапуль.

На станции Сюгинский Завод войска выгрузились и заняли линию деревень с центром на станции железной дороги Вятские Поляны у железнодорожного моста через судоходную реку Вятку, где были сгруппированы главные силы противника.

Ижевская Народная армия в зависимости от расположения противника и его частных задач, а также по условиям местности заняла фронт также по линии деревень, с общим количеством вооруженных сил в 3000 человек при трех полевых скорострельных орудиях и 12 пулеметах, с тремя ближними и одним дальним резервами.

Задачей ижевского западного фронта было: продолжительная оборона занятой позиции, насколько хватит сил и средств у Ижевской Народной армии.

Фронт был соединен телефоном и телеграфом как по фронту, так и с резервами и тылом — Ижевском. Был устроен ряд отдельных укрепленных пунктов с окопами полного профиля и блиндажами.

Питание фронта происходило по Казанской железной дороге до станции Ганжа, затем по Постольской железной дороге до станции Верхний Постол.

Войска же, находившиеся далеко от железнодорожных станций, получали из Ижевска только артиллерийское довольствие, а прочее — от местных крестьянских обществ.

Противник повел энергичную разведку кавалерийскими частями, вооруженными пулеметами Люиса и имеющими большой штат пропагандистов-агитаторов, снабженных большим количеством коммунистической литературы и денег для привлечения населения на свою сторону.

Агитаторы проникали в районы восставших против большевиков и начали разрушительную работу внутри Ижевской Народной армии.

История антибольшевистского движения в Сибири не была известна на Каме.

Из большевистских газет и радиотелеграмм мы знали только, что в Сибири работает «контрреволюционный отряд атамана Семенова», который большевики обещались в недалеком будущем разбить и таким образом «уничтожить гидру контрреволюции».

В Уфе, Самаре по большевистским газетам все было благополучно. В Оренбурге было восстание атамана Дутова, которое с большой жестокостью было подавлено Красной армией.

Вот это все, что ижевцы знали о противобольшевистском движении в России до падения Казани.

Узнав от большевиков, что Казань восстала против них, восстал и Ижевск. Естественно, что Ижевску надо было соединиться с Казанью во что бы то ни стало для большего успеха общего дела и для того, чтобы воспользоваться громадными складами вооружения, обмундирования, а главное — получить из Казанских пороховых складов и погребов порох для ружейных патронов и артиллерийских снарядов. У ижевцев был пороховой голод.

От Ижевска до Казани 340 верст расстояния, занятого большевиками. Пробриться к Казани силы ижевцев не могли, но были уверены, что Казань, как большой город, военный округ, легко может сам соединиться с Ижевском и помочь, воспользовавшись ижевскими винтовками.

Из Ижевска в Казань было послано секретным способом три лазутчика-ижевца известить казанцев о восстании в Ижевске и о готовности действовать с Казанью совместно и подчиниться казанскому командованию. Просить для Ижевской Народной армии патроны, пушки, пулеметы, снаряды, пироксилин и порох.

Две недели ижевские лазутчики просили это у казанского штаба, но ему, как видно, было не до Ижевска.

Только после падения Казани часть волжской военной флотилии под командой капитана 2 ранга Феодосьева, принужденная отступить от Казани вверх по реке Каме, дошла до Сарапула. Капитаном Феодосьевым на усиление Ижевской армии было дано: 40 000 ружейных патронов, 30 фунтов толу, 100 капсюлей к ручным гранатам, 50 кавалерийских седел и одна полуторадюймовая пушка с 50 снарядами.

Вот это все, что дала ижевцам богатая Казань.

Надежды ижевцев не оправдались. Эта флотилия спустилась вниз по Каме и остановилась в устье реки Белой, получив задачу охранять ее. Штаб Ижевской армии был связан с нею радиотелеграфом.

Полковник Федичкин несколько раз запрашивал капитана Феодосьева, будет ли его флотилия надежно охранять реку Каму и будет ли Кама закрыта для прохода по ней большевистской флотилии. Капитан Феодосьев потребовал от Ижевского штаба армии 500 человек для охраны реки Камы в устье р. Белой, где сам стоял с флотилией.

Казалось бы, что при приличном количестве артиллерии, снарядов, ружейных патронов, а также достаточном количестве подрывных средств, вывезенных из Казани для минирования реки Камы, можно было бы до наступления морозов охранять Каму.

Но случилось иначе.

Флотилия по неизвестным причинам, не предупредив о том штаб Ижевской армии, в один прекрасный день уплыла вверх по реке Белой в город Уфу и таким образом открыла путь флотилии большевиков по направлению к Перми, вверх по Каме.

На следующий день появилось у пристани Гольяны шесть большевистских канонерок, отрезавших таким образом Ижевскую Народную армию от Уфимских войск.

Это было одной из главных причин, способствовавших падению Прикамского края.

В октябре месяце отряд артиллерийских чиновников под командой хорошо известного героя штабс-капитана Куракина

был послан пробиваться в города Уфу и Самару, о восстании которых ижевцы узнали от казанцев. Отряд этот достиг своей цели. Получил из Самары 60 комплектов обмундирования, 60 пудов взрывчатых веществ, 10 000 трехдюймовых артиллерийских снарядов, 15 000 000 денег для уплаты жалованья ижевским рабочим и содержания Ижевской Народной армии.

Так как пространство между Уфой и Сарапулом было занято большевистской кавалерией Блюхера, то доставка Куракиным груза в Ижевск сильно замедлилась.

Отряд Куракина, не имея возможности везти груз ни сухим путем, ни по реке Каме, должен был налегке, взяв только деньги да полевые телефонные аппараты, пробиваться к Ижевску.

К этому времени Сарапуль, стоящий на берегу реки Камы, был снова взят большевиками, и, следовательно, путь к Ижевску был отрезан.

Но отряд все же выполнил свою задачу: деньги и телефоны принес в Ижевск, а весь остальной груз оставил на пароходе на реке Белой около города Бирска.

Узнав о назначении Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России генерала Болдырева, главнокомандующий войсками Прикамского края полковник Федичкин послал ему рапорт о состоянии армии Прикамского края и ее средствах и о необходимости присылки из Сибири одного полка пехоты с артиллерией и запасом патронов.

Присылка полка из Сибири была нужна для моральной поддержки прикамских войск и для того, чтобы население Прикамского края могло убедиться в том, что не оно одно восстало против большевиков, но и Сибирь свергла советскую власть и уже имеет крепкую и боеспособную армию, которая готова поддержать в борьбе с большевиками Прикамский край.

В этом рапорте описывалась работоспособность и производительность в настоящий момент Ижевских заводов и что они выделывают по 2500 винтовок ежедневно.

Сибирской армии нужны винтовки, и, следовательно, в ее интересах держать единственный и богатейший в России Ижевский завод.

Хотя войск из Сибири в Ижевск просилось немного, но все же ни одного солдата, ни одного патрона, ни одной пушки генерал Болдырев не послал в Ижевск для поддержки Прикамской армии.

Вместе с рапортом генералу Болдыреву полковником Федичкиным было послано 15 000 новых проверенных и пристрелянных винтовок, но никакого письменного или телеграфного распоряжения в Прикамскую армию Верховным Главнокомандующим генералом Болдыревым послано не было.

Прикамская Народная армия с самого своего начала и до конца действовала самостоятельно, не получая никакой помощи и никаких директив откуда-нибудь.

Итак, связь с Самарой, Казанью и Уфой была сделана, но от этого Прикамскому краю стало не легче. Помощи никакой не получили, но узнали лишь о слабости все время отступающей Белой армии, которая помощи ижевцам дать не могла.

В конце октября средства Прикамской армии пришли к концу и надежда на получение помощи извне была совершенно потеряна.

Большевики, взяв Самару и Казань, надавили со всех сторон на Прикамскую армию.

Они отрезали от Ижевска все крестьянские отряды и окружили Ижевск со всех сторон сильно вооруженными большими силами Красной армии и выслали в Ижевск делегатов с требованием выдачи большевикам главных деятелей восстания.

Полковник Федичкин 20 октября собрал вместе всю ижевскую администрацию и Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания и объявил о немедленной эвакуации тех, кто не может доверить своей жизни большевикам. Пока есть возможность, в течение нескольких ближайших дней эвакуировать женщин и детей и ценное имущество. Через неделю у ижевцев не будет ни одного патрона и снаряда и «мы должны будем бежать из Ижевска голыми по льду через реку Каму».

Председатель Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания Евсеев не согласился с полковником Федичкиным и назвал заявление его об эвакуации трусостью.

Тогда полковник Федичкин потребовал от Прикамского Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания увольнения его в отставку вследствие расстроенного состояния здоровья и командирования в распоряжение Верховного Главнокомандующего сухопутными и морскими силами России генерала Болдырева в г. Уфу.

Получив документы от Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания, полковник Федичкин со своим личным адъютантом капитаном Попковым сели на верховых лошадей и в ночь поехали через расположение красных войск в г. Уфу.

Через несколько дней большевики вошли в Ижевск и расстреляли там на площади Михайловского собора 400 рабочих.

Ижевская армия с частью семейств и частью крестьянских отрядов с большим трудом и лишениями кое-как пробилась в Уфу.

В. М. Молчанов¹
БОРЬБА НА ВОСТОКЕ РОССИИ И
В СИБИРИ

1

Сравнительно много написано о борьбе с большевиками армий Юга России, Запада и Севера, но очень мало в настоящее время трудов, освещающих борьбу Народной армии и армий Верховного Правителя адмирала А. В. Колчака на Востоке России.

Мне кажется, причины этому следующие:

¹ Молчанов Викторин Михайлович (1886–1972) — родился в Елабуге Вятской губернии, профессиональный военный, участник Первой Мировой войны, сапер, попал в газовую атаку немцев в 1915 г., чудом выжил, в начале 1918 г. тяжело ранен и попал в немецкий плен, бежал. Скрылся у родственника в Елабужском уезде. В конце 1918 г. назначен командиром Ижевской бригады, сформированной из отступившей Ижевской Народной армии. В 1920 г. командовал 3-м отдельным сводным корпусом белых войск, в 1921 г. стал главнокомандующим всех оставшихся на Востоке России белоповстанческих войск — остатков белых армий. Умер в эмиграции в США.

1. Большинство офицеров Генерального Штаба попали на Юг России, так как там ранее других мест было поднято восстание.

2. Интеллигентные силы оказались там же, как в ближайшем месте от столиц и жизненных центров России.

Поэтому я думаю, что мой труд не окажется лишним и поможет разобраться в той борьбе, которую вели на Востоке России и в Сибири доблестные офицеры и солдаты.

Если на Юге России были корниловцы, марковцы, дроздовцы, то там не было таких частей, как ижевцы, воткинцы, михайловцы, состоявших исключительно из рабочих, а также не было и таких частей, как уфимские башкиры и татары.

Меня гражданская война выдвинула с поста начальника маленького отряда в одной из волостей Елабужского уезда Вятской губернии до командира 3-го отдельного стрелкового корпуса в Забайкалье, с чина капитана инженерных войск в 1917 до чина генерал-лейтенанта в 1920 году. Никаких талантов у меня не было, было лишь одно великое желание, горение бить большевиков и помочь моей родине избавиться от тяжелой болезни.

Я был только строевым начальником, и с 1918 года по 1 декабря 1922 года был непрерывно в боях, почему и думаю, что мои воспоминания могут быть интересными.

Никакими документами я не пользовался, буду писать только о том, что глаза мои видели вокруг меня. Если будет много личного, не посетуйте.

2

В Вятской губернии

По приезде в Елабугу из госпиталя в апреле 1918 года я стал искать что-либо антибольшевистское, главным образом какую-либо организацию среди офицерства. Узнал, что офицеров несколько сот, но кадровых как будто ни одного. В январе и феврале 1918 г. город буквально был разгромлен прибывшим отрядом красновардейцев, уничтоживших всех казавшихся сколько-нибудь интеллигентными или зажиточными. Пострадали купцы (Стахеевы, Ушковы) и офицерство.

Их расстреливали, топили в реке Томке. Погибло более 500 человек.

Все пряталось в городе, за исключением партии с.-р., эти еще были во всех органах управления и все-таки как-то боролись с большевизмом. В с. Алнашах, в 40 верстах от Елабуги, мой старший брат, А. М. Молчанов, был мировым судьей. В студенческие годы он занимался революцией и отсидел в тюрьме. Я знал, что он пользуется большой популярностью среди общественности (он был гласным уездной и губернской земских управ), и я рассчитывал узнать многое от него. Я не ошибся.

Через него я познакомился с лидером с.-р., очень умным человеком, а этот посоветовал мне прежде всего завязать связи с военкомом, дабы не быть притянутым на службу в красную армию.

Комиссаром был бывший сельский учитель и штабс-капитан, помощником его матрос Балтфлота, с.-р. Оба они пользовались порядочной репутацией, так как разгромили красногвардейцев и явились спасителями города.

Вскоре меня потребовали в управление военкома, где я заполнил длинный опросный лист, а через несколько дней получил запрос от военкома, имею ли я что-либо против назначения моего «инженером левого крыла 5-й армии».

Я ответил, что раны мои еще не зажили достаточно, и представил медицинское свидетельство, а также просил о назначении комиссии об освобождении меня вовсе от службы.

Через некоторое время я свиделся с матросом, помощником военкома; он мне сказал, что меня призовут на следующей неделе обязательно, а может случиться и завтра, почему он советует мне немедленно уехать в уезд и скрываться. Дал несколько адресов. На другой день утром я уехал к брату.

В с. Алнашах обстановка была такова, что все должности и учреждения волости носили названия по-большевистски, но и только, ни в селе, ни в волости ничего коммунистического не было. Все крестьяне жили ожиданием Дутова или кого-либо, кто избавил бы их от притязаний большевика из города.

У меня установилась связь с солдатами-фронтовиками. Они охотно вспоминали прошлое и задумывались над будущим. В это время Казань была занята белыми, Ижевск вел

славную борьбу с большевиками, сбросив их иго в самом городе. Воткинцы присоединились к ним, образовав единый фронт Ижевско-Воткинской армии. Красные, обеспокоенные создавшимся положением, решили произвести мобилизацию, призвав в первую голову всех бывших на фронте.

Фронтвики решили не идти. Я убедил их подчиниться приказу, указывая, что сейчас они нуль, а вот когда у них в руках будут винтовки, тогда они и могут говорить. То же я советовал и офицерам, правда очень немногим, бывшим в округе.

В село примерно в 2–3 недели раз приходил продовольственный отряд для сбора хлеба, но в этом богатом районе им доставалось очень мало, так как крестьяне, главным образом вотяки, прятали умело, а доносчиков среди них почти не было. При подходе таких отрядов я из села скрывался, преимущественно к татарам, где было достаточно сказать, что я брат А. М. Молчанова, как для меня открывались любые двери.

В связи с шевелением в районе Уфы крестьяне глухо волновались. Как это ни странно, самыми нетерпеливыми были старики, которые открыто говорили, что надо бить большевиков. Много говорили со мной, я советовал им выждать, сговориться с соседними волостями — Можгинской и Вардягинской, тем более что железная дорога Казань–Сарапуль проходила по первой и по ней оперировали красные войска против Ижевска. Я находил, что без этой волости начинать не следует, так как тогда будет два фронта.

В Можге я говорил с несколькими лицами, был в Сюгинском стекольном заводе у управляющего Блинова и вынес вполне определенное впечатление — без Можги ничего не сделать. Взволновавшаяся Можга займет красных, может быть, не даст заводу встать на их сторону, и только тогда мы поможем Ижевску.

Везде мне говорили, что оружие найдется, и я был уверен хотя в двух-трех сотнях винтовок; патроны уже давно понемногу скупались у красноармейцев. Во время моего пребывания в Сюгинске я от ревкома узнал, что Казань пала.

С большим трудом я добрался обратно в Алнаши, так как всюду подняли головы немногие коммунисты, производили обыски, аресты.

Приехал я в село вечером, лег спать, а в 11 часов ночи меня разбудили и попросили на сходку, также и брата. Собравшийся волостной сход решил начать борьбу с большевиками. Меня назначили начальником всех войск, а брата волостным казначеем, он же должен был взять на себя обязанности всех существовавших судов. Тут же ему в карманы насовали около 17 000 рублей царскими и керенками. Гражданская власть останется за волостным исполнительным комитетом.

Сход решил выплачивать ежедневно мне — 40 рублей, конному — 20 рублей и пешему — 10 рублей. Решено образовать дружину в 200 конных.

Выяснив, что ничего изменить уже нельзя, я отдал распоряжение на утро все оружие зарегистрировать у военкома, оставленного мною при исполнении обязанностей на первое время; военком был очень смысленный писарь бывшего управления воинского начальника. Он меня спросил, какие же его обязанности. Я ответил: «Воинского начальника», что он до конца и выполнил блестяще. Все списки всегда были в полном порядке, сразу же до одного человека можно было узнать, сколько призовется такого-то года, все отсутствующие, больные и т.д. были на учете. Работал он днем и ночью.

3

Алнашская дружина

Уже на другой день в полдень выяснилось, что винтовок в волости всего лишь шесть, несколько шашек, два револьвера, и больше ничего... Я же в душе рассчитывал даже на пулемет Люиса, про который мне под секретом говорили, но оказалась лишь обойма. Людей явилось сотни, и я выбрал из них дружину полностью. Назначил командиров рот и эскадрона. Эскадрон пополнили почти исключительно татары — рослые, красивые молодцы на великолепных конях. Приказал остальным вооружиться дробовиками, сноповыми вилами. Отдал распоряжения относительно сбора по тревоге, наряда тарантасов, охраны села и деревень.

В несколько дней установилась такая охрана волости и разведка противника, что только надо было даваться диву. Если кто-либо за 10 верст от меня чихнул бы не по правилам, я знал бы об этом не больше чем через полчаса.

Казалось, что все населяющие волость собираются воевать с большевиками; мальчишки босоногие шныряли по всем дорогам, представляя из себя армию разведчиков какого-нибудь «Парфеныча». Я побывал почти во всех деревнях волости и видел такую охрану, какую больше никогда мне не приходилось видеть. Коммунисты до того были ненавистны, что каждый день я узнавал — такой-то убит, такого-то поколотили так, что не выживет. Я пытался все это ввести в более или менее законные рамки, но всегда получал ответ: «Сейчас, пока война не кончена, правит народ, он наказывает, он и милует, начальники пока тоже служат нам, так как другим мы сейчас не поверим» и т.п.

Стало известно, что большевиков где-то потрепали под Уфой и им выход только в нашу сторону (ближайший). Пошла разведка до самой Камы, и скоро было сообщено, что отряд в 2 роты с 4 пулеметами движется к нашей волости. Комиссар этого отряда выехал вперед и, ничего не предполагая, прикатил прямо в Алнаши, с ним была женщина. На протяжении 70–80 верст никто не выдал, а всюду подобострастно ему старались угодить и гнали лошадей вовсю. У комиссара взяли револьвер и 8000 рублей денег. После допроса расстреляли, а женщину, по моему настоянию, пока арестовали при волости. Ночью часовой пытался ее изнасиловать. Утром, по выяснении, я настоял, что часовой должен быть расстрелян. Исполком долго протестовал, но в конце концов я и брат убедили их, что правое дело нельзя творить грязными руками.

Виновного повели на расстрел, и только в самую последнюю минуту я приостановил казнь и объявил, что я его помилую, если все поклянутся мне, что впредь все будут выполнять мои требования, как в бывшее старое время солдат исполнял приказания начальника.

Забурлили мужички, я ушел, и через час мне принесли постановление, что вся власть в волости, как военная, так и гражданская принадлежит мне, на время войны все выборные должности отменяются, сходы собираются только по-моему

приказанию. Я утвердил это постановление, оставив председателя комитета волостным старостой, а комитет упразднил.

Брата своего я назначил помощником волостного старосты и казначеем. Назначил контрольную комиссию под председательством доктора и двух крестьян.

В этот же день вечером вышеуказанный отряд красных остановился на ночлег в семи верстах от села, около хутора.

Я решил их атаковать на рассвете, но все мои дружинники настаивали на ночном бое. Доводы: нет оружия, все места, входы и выходы нам известны, а утром, дескать, они нас перестреляют. После некоторого колебания я согласился и назначил атаку в 9 часов вечера. Мы могли передвигаться всем отрядом по 12–15 верст в час, так как каждая пара людей ехала на парном тарантасе, запряженном прекрасными лошадьми.

Место остановки красных каждому из нас было известно точно, и я распорядился так: дорогу вперед закрывают 6 винтовок и 30 человек конницы, у которых к этому времени было около 20 револьверов и у всех — отточенные шашки. Красные остановились в ложине у ручья, склон западный (наш) был покрыт лесом и кустарником. Вот с этого-то склона должны были атаковать главные силы (150 человек пехоты) с дедовскими дробовиками, вилами, топорами и одной ручной гранатой. Наш расчет был такой: красные не могут броситься назад, так как оттуда они бегут, на восток — открытое поле (сжатая рожь), где две деревни уже выставили охранение и обещали переловить всех. Впереди же у нас 6 винтовок и прекрасная конница. В 8 часов 30 минут все должны быть на местах. Ровно в 9 часов сигналом для атаки послужит артиллерийский выстрел (граната). Я был с главными силами. Атака произошла как по писаному. Граната была брошена в группу у костра, и небо разверзлось от страшного грохота и крика «ура». Красные не стреляли, а бросились удирать, да едва ли они и поняли что-либо. Дальше всякое управление боем вышло из моих рук, так как и мой штаб бросился вперед и кого-то бил. Я боялся лишь одного — как бы раньше времени не начала стрелять засада. Но фельдфебель З. был испытанный солдат и начал бой вовремя, как только к нему стали подбегать красные, он от-

крыл стрельбу и уложил 11 человек. Конница, конечно, за темной многого сделать не могла, хотя и оставалась вблизи боя до утра.

Наши потери — двое раненых собственными ружьями, которые при выстреле разорвались, один — тяжело в шею. У противника убито 18 человек, ранено 31, в плен взято 22, винтовок 22, пулеметов 2, одна кухня и много снаряжения. Куда делись винтовки, выяснить не мог, думаю, что деревни забрали и не отдали. Пленные же утром были отпущены, так как стало известно, что Елабуга занята белыми и бояться разглашения о нас уже не было причины.

Так закончился первый и последний бой моей дружины под моей командой. Я стал деятельно готовить дружину для нападения на линию железной дороги около Сюгинского завода. Пытался достать оружие и помощь от Елабуги, но связи не было, так как между нами бродили шайки красных, которые отняли много времени и энергии.

В Елабуге чувствовалось отсутствие какого-либо управления. Я получал непрерывно приглашения от общественных деятелей приехать и возглавить управление войсками и городом. Одно письмо говорило, что жители не знают, кто ими управляет, так как каждый день все новые лица отдают разноречивые приказы и приказания.

Отряд силою 50 штыков был отправлен на соединение со мной с задачей получить от меня ориентировку. Не доезжая 5 верст, отряд повернул обратно, испугавшись чего-то неизвестного, и только один верховой галопом прискакал ко мне и поведал о случившемся. От него многого я не узнал, а радостного — абсолютно ничего. И тем не менее я увидел, что если что-либо и возможно сделать, то все-таки из центра — Елабуги. Простился с дружиной и поехал.

Начальником гарнизона был поручик Серов, который заявил, что он давно ждет меня, чтобы передать должность. На это я ему указал, что шагов к этому он не предпринимал. Узнал, что на правах командующего войсками состоит капитан 2 ранга Ф., который находится в Сарапуле. Если я хочу видеть его, то могу сегодня же идти на судне «Орел», что я и сделал, так как никаких других пароходов не ходило и местами по берегам были еще красные.

В Сарапуле увидеть капитана 2 ранга Фсодосьева не удалось. Меня принял начальник его штаба капитан Озолин, который и дал мне предписание вступить в «командование сухопутными войсками района Соколки-Елабуга» и в должность «Начальника гарнизона г. Елабуги». Никаких указаний относительно формирований, гражданского управления, вопросов продовольствия и снабжения он не мог дать и добавил, что это дело всецело мое.

С невеселыми думами я отправился обратно. Я готов был снова уехать в Алнаши и вести мою дружину в Ижевск, для борьбы в рядах организованных рабочих. Решив подчиниться, я в первый день приезда отдал приказ о вступлении моем в должность. Знакомство с обстановкой привело меня в тихий ужас. Военное положение было таково, что если бы красные перешли в наступление хотя бы ротой, то удержать их было нечем — людей много, но организации никакой. Помощь со стороны флотилии выразилась в выдаче 10 пулеметов Кольта (взятых в большом количестве в Казани), но и только. Требования флотилии заключались в доставке провианта, продовольствия и... спирта. Офицеров оказалось — вступивших добровольцами и призванных моими предшественниками — 396. Я — единственный из кадровых. По специальностям — почти все пехотинцы (артиллеристов 8, сапер 1). Много было юристов по образованию, были математики. По чинам — 5 штабс-капитанов, примерно около 100 поручиков, а остальные прапорщики, не нюхавшие пороху.

Что же было из войск? Формировались 1-й и 2-й Елабужские пехотные полки. В 1-м полку имелся один батальон в 600 штыков, пулеметная команда — 6 пулеметов; 2-й полк — лишь офицеры; Чистопольский отряд поручика Михайлова — 60 пеших и конных. Батарея — одно орудие без прицела. Громадный штаб гарнизона, громадная комендатура и контрразведка. Отпусков продовольствия не было ни от кого, жили на пожертвования деньгами и припасами, а оклады офицерам и солдатам были так высоки, что, не разбирая по чинам, я на первое время уменьшил вдвое, но я все-таки, не знаю, по какому рангу, получил за первый месяц 1300 рублей!

Первые дни по вступлении в должность я потратил на то, чтобы предотвратить неожиданное нападение красных: су-

ществующие части распределил по участкам, которые приказал оборудовать к обороне; установил телефонную связь с позицией.

При слиянии Вятки и Камы находился отряд штабс-капитана Калашева силою около 500 штыков при 3 пулеметах и 20 конных. Связь с этим подчиненным отрядом была только боевыми судами. Иногда по 2–3 суток об этом отряде не было никаких известий. Телеграфную связь — не помню, по какой причине — установить не удалось. Этот отряд оперировал в районе Мамадыша на Вятские Поляны — направление чрезвычайно важное, и если бы во главе этого отряда был человек с большим опытом, при наличии 500 штыков — исключительно добровольцев — можно было бы сделать очень много.

Находясь в Соколках, отряд являлся только лишь десантом с флотилии для прикрытия ее нахождения в Соколках. Я просил капитана 2 ранга Феодосьева, как только они бросят Соколки, перевезти на пароходах отряд в Елабугу, но это не было сделано, и отряд, переправившись на левый берег Камы, опять-таки прикрывал флотилию уже от несуществующего здесь противника.

Начальник дивизиона боевых судов предложил мне перевезти отряд в Елабугу, когда тот находился против города, но было уже поздно, Елабуга была под угрозой с суши и с реки, почему я приказал отряду двигаться на Набережные Челны и прикрыть будущий пункт нашей переправы через Каму с юго-запада. Этот отряд присоединился ко мне в Набережных Челнах.

Работая с 8 утра до 12–2 ночи, я быстро наладил оборону города; затем я занялся приведением в порядок войск. Приказал формировать только 1-й Елабужский полк, прекратив формирование 2-го. За месяц моего пребывания полк возрос до 2000 человек, но винтовок было лишь около 700, патронов примерно по 100 штук на винтовку; пулеметов недостаточно. Связи город не имел ни с одним городом. Прежде всего я установил связь с Ижевском, пользуясь правительственным проводом. Переговорили по прямому проводу с начальником штаба Ижевской армии и взаимно информировали друг друга. Мне обещано было еженедельно 500 винтовок в обмен на хлеб. К сожалению, я получил всего лишь 1500, так как пришлось уходить.

Исправив линию на Мензелинск—Бирск—Уфу—Самару, я донес в Самару о существовании сил при слиянии Вятки с Камой. Получил ответную телеграмму, где говорилось, что рады появлению наших сил на правом фланге, не указывая, где и какие силы находятся; утверждают меня в чине подполковника со дня выслуги (это явилось следствием их запроса о моем движении по службе), но не указывается, кому я подчинен: подписана телеграмма двумя — «Галкин» и «Лебедев». Таким образом я нашел правительство, так как капитан 2 ранга Феодосьев отрицал всякое правительство, кроме монарха.

Ответ этот не мог удовлетворить меня, поэтому я снова настойчиво просил указать мне ближайшее войсковое соединение не ниже дивизии. Ответ получил из Уфы от начальника штаба 20-го пехотного Уфимского корпуса, что я с отрядом вхожу в состав дивизии, штаб которой в Бирске.

В первые дни моего пребывания в Елабуге вверх по Каме в Белую проходили эвакуированные пароходы из Казани. Это была армада! Одних пассажирских пароходов пришло в Елабугу 43, сколько буксирных — не помню. Часть по приказанию капитана 2 ранга Феодосьева была пропущена вверх, остальные я подверг осмотру на предмет задержания более свободных для эвакуации Елабуги. Феодосьев дал в мое распоряжение боевое судно, стоявшее на якоре вверх по течению, с приказом стрелять в те пароходы, которые двинутся без пропуска. Я со своими офицерами лично решил осмотреть несколько пароходов.

Громадный волжский пароход занимается одним офицером и пятью солдатами чехами, имущества никакого. Никого не пускают к себе, заявляя, что пароход числится за чешским штабом. Другой пароход занимается командующим Чистопольской армии и его штабом. Находясь уже на пристани, я получил приказание этого командующего явиться к нему. Решил, конечно, идти. Прием в рубке 1 класса. Командующий армией подполковник Лукашевич, бывший командир запасного полка в Елабуге. Познакомившись, я выразил удивление его приказанию, указав ему, что я уже имею законных начальников; но если он действительно имеет армию, которую высадит здесь, чтобы бороться с большевиками, то я немед-

ленно подчинюсь ему со своими частями, а так как я знаю, что у него никаких частей нет, то если он сойдет с парохода со своими офицерами и тем самым увеличит число бойцов-интеллигентов, то я передам ему мои должности и буду работать там, где он укажет. Во время разговора я ему указал, что у меня нет кадровых офицеров, а у него писарем генерал — здесь этот чин был бы крайне необходим в гражданском управлении, да, кроме того, необходимо вывести войска Елабуги для активных действий.

На все мои мольбы этот подполковник отвечал, что *разумным* офицерам здесь нечего делать, так как здесь с.-р. и керенщина, и он с офицерами отправляется в Сибирь, где формируется настоящая Русская армия.

Я поблагодарил его за оценку и, уже возмущенный, сказал ему: «Вы отдали мне приказание и ничем не могли подкрепить его. Теперь я приказываю вам немедленно выстроить всех офицеров на верхней палубе и солдат на нижней, чтобы я мог разъяснить им положение и предложить желающим остаться здесь. Все выходы с парохода заняты моими людьми, так как я предвидел, что может случиться здесь. Посмотрите на боевой корабль, который уже давно встал против вас и по моему приказанию утопит пароход со всеми вами. Даю вам 5 минут времени».

Во всех коридорах уже стояли верные мне люди, и фактически пароход был в моих руках. Из офицеров никто не пожелал остаться, передал мне Лукашевич. Я же лично им ничего не говорил, так как предвидел исход. Приказал коменданту пристани отвести всем офицерам по одному месту в 1 и 2 классах, свободные места заполнить такими же путешественниками с других пароходов.

Этот пароход был отправлен в первую очередь, и о случившемся я телеграфировал своему начальству, думая, что этот караван офицеров будет задержан в Бирске или Уфе. Как оказалось, никто на это не обратил внимания, так как это не было из ряда вон выходящим случаем.

Вот в таких условиях приходилось работать. После падения Казани офицерство перестало верить в возможность при существующем правительстве что-либо сделать и удирало туда, где, по слухам, было лучше. Слишком много вынесли

обид, огорчений при правительствах демократических (с.-р.). Так думало большинство офицерства, и мне кажется, никто не сможет упрекнуть его за это. Не слабые уходили в тыл, а, во многих случаях, убежденные, что они делают наилучшее. Ведь у нас на востоке России не было авторитетных лиц, могущих дать исчерпывающее разъяснение событий, которым бы поверили. Мы и ими были бедны — у нас не было Алексева, Корнилова, Деникина. У нас появились свои «звездочки», никому неизвестные: подполковник Каппель, капитан Степанов, герои Казани. Таким же случайным был и я — не было авторитета, не было знаний, не было стажа. Все распоряжения мои были с горячим желанием сделать хорошее, но очень часто через некоторое время их приходилось заменять новыми, иногда еще худшими. Страдало население, страдали и войска.

Во главе гражданского управления сперва никого не было, а потом прибыл уполномоченный правительства, инженер, бывший член Совета солдатских и рабочих депутатов в Петрограде, а впоследствии личный секретарь председателя Директории Авксентьева (фамилии не помню). Желания работать у него было много, но умения не было тоже, и фактически жизнью руководил городской голова и председатель земской управы первого состава после революции. Последний — с.-р., но очень дельный, знающий край и пользовавшийся большим уважением и популярностью среди населения города и уезда.

События шли ускоренным темпом. Флотилия отходила под давлением красной флотилии. Я до сих пор не могу понять, кому она подчинялась, какие задачи выполняла в связи с действиями сухопутных частей. Могу сказать одно, что от Елабуги я отошел только потому, что отошла флотилия и мне было передано, что через два дня она отойдет к Пьяному Бору. Мне было приказано переправляться через Каму, и отход мой был на Мензелинск, Бирск, поэтому без флотилии я не смог бы произвести переправу.

В общем, я совершенно откровенно должен сказать, что управления ни гражданского, ни военного не было, а были лишь суррогаты, попытки найти правильные пути.

Каковы же были возможности? Безусловно можно утверждать, что громадная часть населения была настроена

антибольшевистски. Доказательством могут служить многие факты:

1. Войска, дошедшие к эвакуации Елабуги до 6000, довольствовались добровольными пожертвованиями деньгами и продуктами. Ежедневно утром громадный двор штаба гарнизона был заполнен телегами с продуктами. Из деревень везли все: мясо, овощи, крупу и т.д. Для приема пожертвованных деньгами в штабе был особый казначей. Я не скрываю, что большую часть дал город, но приведу пример: из одной волости я получил 25 000 рублей царскими и 50 000 корейскими. Это уже показательно.

2. Я получил из всех волостей, не занятых красными, постановления, где предлагалось мобилизовать население от 18 до 45 лет, а это дало бы до 30 000. Добровольцами идти боялись, опасаясь за семьи в случае нашего отхода. Я телеграфировал в Самару, прося разрешения мобилизовать хотя бы некоторые года и отправить их через Уфу в Сибирь для формирования частей в глубоком тылу. Ответ был такой: «Мы не позволяем вам мобилизовать ни одного человека. Галкин, Лебедев». Что элемент этот был бы надежным, доказывает вся последующая борьба: в конечном результате в армии остались вятичи, пермяки, уфимцы и волжане.

3. В семи верстах от Елабуги есть большое село Танайка, шибко революционное во время начала революции. Как-то, когда я находился в штабе гарнизона, мне было доложено, что танаевцы привезли 8 гробов с телами и просят принять покойников, а их отпустить. Отправленный мною офицер выяснил, что танаевцы накануне напали на деревню, которая в свое время разгромила имение и убила помещика Адашеева, члена 1-й Государственной Думы и в свое время гонимого дореволюционным правительством. Танаевцы убитых положили в гробы и прислали в штаб как доказательство того, что они порешат с каждым большевиком.

4. Однажды ко мне явилась депутация от названного села Танайки с просьбой приехать к ним в день, когда у них будет сходка. Я поехал. Так как у меня не было ни верховой лошади, ни экипажа, я поехал на паре почтовых, в тарантасе, с офицером и 4 конными ординарцами. Подъезжая к селу, я услышал церковный звон. Меня встречали, как архиерея.

Женщины стояли по левую сторону улицы, а мужчины по правую, и все кланялись. У церкви аналой, иконы и священник, который отслужил молебен. Я сказал несколько слов о большевиках, но меня скоро прервали и радостно заявили, что сход решил сформировать одним селом конный дивизион. На покупку всего необходимого они дают деньги и будут довольствоваться эту часть, пока она вблизи села. Сформировать конный дивизион не удалось, но впоследствии в полку, который я сформировал, была Танаевская стрелковая рота сверх 9 рот полка. Об этой роте я скажу впоследствии.

Возможностей было много, но использовать их не сумели благодаря многим причинам; некоторые я указал выше.

Вятский край не был использован, я думаю, и в десятой части, как в первый момент борьбы Народной армии летом и осенью 1918 года, так и армией адмирала Колчака в мае-июне 1919 года, когда Ижевск, Воткинск, Сарапуль, Елабуга вновь находились в наших неумелых руках.

Боевые действия под Елабугой были очень малые. Несколько раз противник со стороны Вятских Полян пробовал наступать небольшими силами, но легко был отбиваем верстах в 20–30 от города. Мы потеряли 8 убитых, около 40 раненых, у красных было взято одно орудие, несколько пулеметов, кухня. В общем, красные не лезли; мы, надо сказать, желания тоже не имели, прикованные к реке, да и начальство нас не перчило, а спрашивало, когда перейдем на левый берег Камы. Как оказалось, там мы были нужнее.

За все время нахождения моего в Елабуге я не получил ни одной ориентировки, ни одной газеты, ни одной сводки и совершенно не знал, где и какие части или отряды существуют. Реальными для меня были Ижевск и Воткинск.

Наконец после сговора с капитаном 2 ранга Феодосьевым было эвакуировано гражданское население и имущество, много товаров из кооперативов. Войска после ухода всех пароходов и флотилии, ночью отошли на берег Камы, против с. Набережные Челны. Феодосьев обещал устроить переправу быстро, необходимым количеством барж и пароходов. Мы имели с собой около 200 голов скота. Когда я прибыл к берегу, установив на позиции арьергард, ни одного человека не было переправлено, хотя прошло уже четыре часа с назначен-

ного для переправы времени. Несмотря на вызовы, ни один пароход, ни одна лодка к месту посадки не прибывали. Пробовали кричать, ничего не выходило, был сильный ветер. А стрельба красной флотилии была все ближе и ближе, наши суда отходили.

Положение было таково, что, казалось, части снимутся и побегут куда угодно, чувствовалось приближение паники и раздавались грозные крики по адресу нашей флотилии. Чтобы обратить на себя внимание, я приказал произвести выстрел из орудия. Появился паровой катер и спросил, в чем дело. Какой-то солдат полез на катер с криком: «Я покажу, в чем дело...» Пришлось остановить рьяного, возмущенного добровольца. Я немедленно поехал к Феодосьеву, которого застал пьяным. Насилу втолковал ему, в чем дело, убедив его, что его суда уже бросили Битки и находятся верстах в 3–4, что красные теснят малые суда, а большие стоят в бездействии у пристаней, что никто от него никаких распоряжений о перевозке не получал.

Часа через два переправа наладилась так хорошо, что, начав перевозить в 11 часов утра, не могли перевезти скот до вечера, а ночью флотилия ушла и увела с собой все перевозочные средства.

Когда я был в Челнах, ко мне пришел один артиллерист с флотилии и просил, ради сохранения престижа, арестовать Феодосьева, назначить любого морского офицера, и флотилия выполнит любую задачу. Но пьяный Феодосьев увлекся идеей устроить у устья р. Белой Верден и стремился к нему. В свое время он выхлопотал у начальства и забрал от меня одну офицерскую роту, как гарнизон будущего Вердена.

Я убежден, что, не будь Феодосьева, флотилия так поспешно не ушла бы. Я знал, что отличные офицеры-моряки, командиры судов, артиллеристы и пулеметчики сухопутные, матросы-гимназисты, реалисты и студенты выполняют свой долг, но Феодосьев, будучи безусловно храбрым, не хотел воевать под флагом Народной армии, вечно был пьян и путал все распоряжения. Что в это время делал командующий Камской речной флотилией контр-адмирал Старк, не знаю. Знаю одно — Феодосьев делал то, что хотел, а хотел он в большинстве случаев плохо.

Я решил части свои в Челнах не останавливать, а отвести на 18 верст по тракту на Мензелинск, чтобы прикрыть свой левый фланг и тыл от появившегося к юго-западу противника, но тем не менее часть войск я решил сутки держать на берегу и сам остался с ними. Сокольский отряд был оставлен на элеваторе, поставленном среди строений, с прикрытием офицерской рсты, и одно кинжальное орудие для действия по судам противника.

Утром все были на местах. Получив сведение, что флотилия красных показала, я с прапорщиком Блиновым пошел к орудию и офицерской роте. Подходя к реке, я увидел, как настоящая речная канонерка медленно движется вверх по течению. Ни одного человека не видно. С нашей стороны выстрел — разрыва не видно. Противник как шел тихо, так и продолжал, как бы не обратив внимания на выстрел. Я бросился к орудию и роте, но уже было поздно — все убежало от одного вида канонерки, такой это судно имело величественный военный вид, по сравнению с буксирами, превращенными в боевые суда. Вслед за канонеркой двигались остальные суда (пять), уже обыкновенного типа. Обгоняя их, полным ходом подошел к пристани пароход «Межень», на котором в 1913 году совершал переход по Волге государь император. Лихо отшвартовался, но в этот же миг с элеватора застрочили 5 пулеметов Сокольского отряда. От рубки полетели щепки, и «Межень» полным задним ходом пошел вниз. Я первый раз видел такой маневр. По-видимому, это было возможно только для «Меженя», одного из лучших казенных пароходов на Волге. Как потом узнали, на нем был тов. Раскольников. Через некоторое время суда открыли огонь по элеватору и селу.

Я приказал вывести отряд из помещений элеватора и присоединиться к главным силам. Каму оставили.

Еще в Челнах я получил ориентировку из штаба в Бирске, что мой правый фланг обеспечивается флотилией, на которую возложена задача не допустить переправы красных через р. Белую. Левый же фланг на весу, так как до частей подполковника Каппеля от меня примерно 250 верстов. Промежуток этот кишит отрядами, формируемыми на местах. Этим же приказом мне подчинялся Мензелинск с неболь-

шим гарнизоном. Первый раз проявилась для меня некоторая обстановка.

Через несколько дней после отхода от Камы красные переправились через Каму между Челнами и Пьяным Бором. Нами это было вовремя предугадано, и к этому району был подтянут Сокольский отряд, который и охранял реку очень удачно на фронте в 15 верстов. Но все же в одном месте красные огнем судовой артиллерии сбили заставы штабс-капитана Калашева и переправили около батальона пехоты при 4 пулеметах. Штабс-капитан Калашев очень искусно задерживал этот батальон и, несмотря на то что был прижат к Каме, не давал распространяться вглубь. В это время в мое распоряжение подошел 1-й батальон 13-го Уфимского стрелкового полка под командой капитана Модестова, который я направил на усиление штабс-капитану Калашеву, подчинив последнего капитану Модестову.

Капитан Модестов быстро разобрался в обстановке, и, стянув силы в угрожаемый пункт, он ударил не в лоб, не сбрасывая в Каму, а, наоборот, атаковал отряд, с тем чтобы отбросить его от реки, а значит, и от артиллерии, и прикончить, пользуясь превосходными (в два — два с половиной раза) силами. Капитан Модестов это выполнил, и я в скором времени оттянул весь отряд к главным силам, где надо было опасаться за левый фланг.

Беда была в том, что части не имели никаких телефонных проводов, поэтому главные силы должны были находиться на линии правительственных проводов и, таким образом, все время подставлять противнику сперва левый фланг, а потом и тыл.

В сторону подполковника Каппеля я, не имея в своем распоряжении конницы, вел разведку на 100–120 верст, но ни разу мои части не столкнулись с частями подполковника Каппеля. В разведку назначалась рота в 120 штыков на подводах, при 3 пулеметах. Рота двигалась два перехода (по 30 верст), собирая сведения о противнике. Через 50–60 верст рота занимала какое-либо селение (обыкновенно на перекрестке больших дорог), где оставался командир роты с полуротой и 2-мя пулеметами и строил укрепление на случай наступления красных. Задача этой полуроты — производить

разведку в стороны от главного направления разведки. Другая полурота меняла подводы и немедленно двигалась дальше на 20–30 верст, где закреплялся взвод с пулеметом. Последний взвод производил разведку вперед по двум направлениям на 12–15 верст и, собрав сведения, в тот же день возвращался к ядру первой полуроты, которая немедленно снималась и соединялась со 2-й полуротой разведки. Как правило, такая разведка должна была вернуться на седьмой день.

Конечно, первоначальное удаление роты на 50–60 верст слишком далекое. Приходилось это делать, так как, повторяю, других средств не было. Не было и офицера, могущего организовать агентурную разведку. Впоследствии это было налажено, но плохо. Я очень не доверял таковой и всегда предпочитал войсковую, натаскав для этого несколько офицеров.

Долго красные с фронта не тревожили нас, но наконец стало известно, что в Челны они переправили Симбирскую отдельную бригаду тов. Вахрамеева, который первым делом занялся формированием отряда у нас в тылу, используя для этого большого организатора по этой части тов. Кожевникова. Кожевников, как после стало известно, решил организовать 10–12 отрядов, каждый из которых состоял из 800 человек пехоты, 100 конницы и одного орудия. Все чины должны быть местными. Возможности у них были, так как население Уфимской губернии к югу от р. Белой было более на их стороне, чем на нашей.

После небольшого боя я отошел к Мензелинску, но и там я не мог долго задерживаться. Необходимо было отойти ближе к Бирску, чтобы подравняться с подполковником Каппелем и обеспечить свой левый фланг.

ВОЙНА НА РЕКАХ

Николай Спакович

ВОЛЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Волжская речная флотилия была создана в 1918 году для борьбы с чехо-словаками. Вслед затем противником флотилии явились армия и речные силы Колчака, в поражении которых флотилия приняла участие. Начало флотилии было положено в мае месяце 1918 года отправкой в Нижний Новгород первого эшелона моряков под командой тов. Маркина, которому было поручено организовать флотилию.

Стратегическая обстановка определенно подсказывала необходимость создания флотилии, так как Волга являлась естественным рубежом, на котором представлялась возможность задержать противника и не дать ему возможности распространиться до момента достаточного накопления сил на правом берегу реки. Вместе с тем владение Волгой имело для Республики актуальное значение и в экономическом отношении.

Создание флотилии с самого начала встретило большие затруднения. Прежде всего пришлось считаться с тем, что все лучшие волжские суда, которые можно было оборудовать для военных целей, оказались захваченными «белыми».

Следующим препятствием явился недостаток на месте технических средств. После приведения в ясность наличных ресурсов и материальной части, с большим трудом удалось вооружить только три буксирных парохода, поставив на них, за неимением ничего другого, три полевые пушки на импровизированных установках.

Эти суда оказались совершенно несостоятельными для борьбы с неприятельской флотилией, канонерки которой оказались вооруженными шестью морскими орудиями.

К этому моменту противник, стремясь к обеспечению Казанского плацдарма, сильно укрепил оба берега реки батареями в местах перекатов, затруднявших и без того движение судов. Кроме того, «белые» располагали на левом берегу Волги бронепоездом, весьма усиливавшим подвижную оборону реки.

Для уменьшения явного неравенства в силах на Волгу к концу августа были переведены по Мариинской системе из Балтийского моря три миноносца типа «Прочный»¹, которые и составили ядро флотилии.

Боевыми задачами флотилии являлась поддержка и обеспечение флангов обеих групп армий, действовавших на обоих берегах Волги, и борьба с неприятельской флотилией.

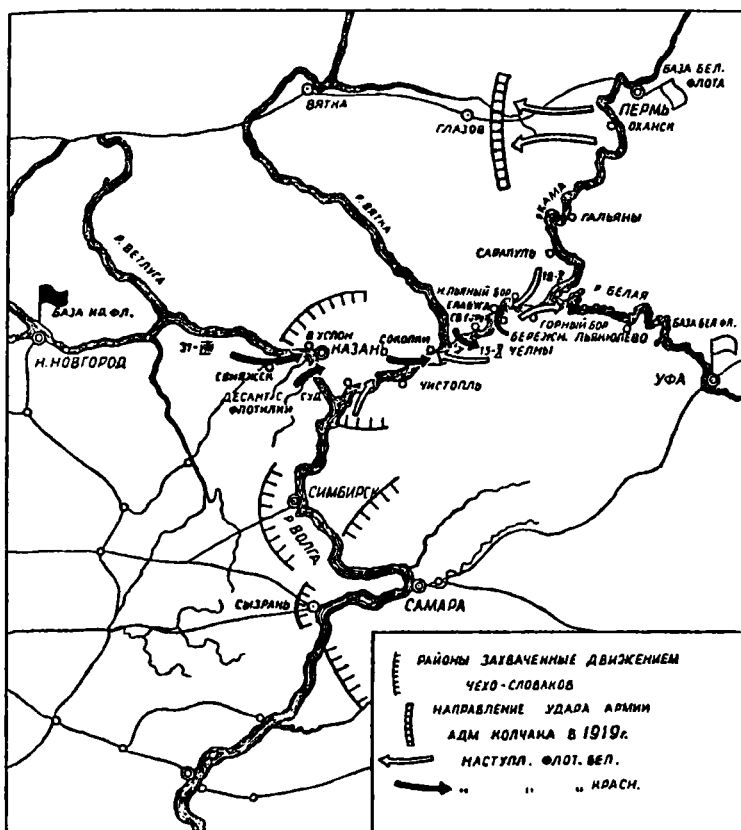
Моральная база для действий молодой флотилии была налицо. Морское командование проявило не только правильное понимание обстановки, но и энергию в деле создания флотилии: исполнитель предначертаний центра — Раскольников, назначенный ее начальником, оказался на высоте стоящих перед ним задач, личный состав был полон революционной сознательности и порыва, и, наконец, местные органы советской власти делали все от них зависящее, чтобы облегчить работу моряков.

Благодаря такому положению вещей флотилия, как только прибыли миноносцы, решительно перешла в наступление.

В ночь на 31 августа 1918 г. флотилия во главе с «Прочным»², на котором находились командующий флотилией

¹ «Прочный», «Прыткий» и «Ретивый».

² К концу августа состав флотилии был таков: три миноносца с двумя 75-мм орудиями, три канлодки (вооруженные буксиры) с тремя пушками, одна баржа с двумя 100-мм морскими орудиями и несколько вооруженных мелкими орудиями и пулеметами катеров.

Действия Волжской флотилии

Ф. Ф. Раскольников и народный комиссар по военным и морским делам тов. Троцкий, прорвалась незаметно мимо батарей за Верхний Услон и неожиданно обстреляла неприятельскую базу, произведя пожар на стоявших там пароходах и баржах и вызвав панику среди его частей.

В этой операции, безусловно своевременной и целесообразной, потому что психологическая сторона обстановки требовала от Красной Армии перехода к активности, флотилия понесла большие потери: 1 канонерская лодка затонула, 2 других и 1 миноносец выбыли в долговременный ремонт, а другой миноносец, оставшийся в строю, был серьезно поврежден.

Тем не менее не далее как через 5 дней миноносцы «Ретивый» и «Прочный», канлодки и плавучая батарея вели полуторачасовой бой с батареями в районе расположения противника, после чего войска перешли в наступление. Во время этой операции были потеряны два судна — «Дельфин» и «Ташкент».

6 и 7 сентября флотилия продолжала бой с батареями противника, продвигаясь вместе с войсками в направлении на Казань. 7 сентября, когда Верхний Услон был взят войсками, флотилия спустилась к самой Казани, обстреливая ее батареи, пристани и самый город. На огонь судов отвечала тяжелая артиллерия противника.

9 сентября 4 канлодки совершили лихой налет на казанские пристани, причем, подойдя к ним вплотную и сметя пулеметным огнем прислугу батарей, высадили непосредственно на пристань десант и отогнали противника в город. Ввиду открытия противником из городского Кремля сильного артиллерийского огня по судам и десанту последний вернулся на суда, захватив с собою замки от шести неприятельских орудий (из восьми). Потери десанта были незначительны.

На другой день, 10 сентября, Казань была взята красными войсками. В последующие дни флотилия преследовала отходившую к устью Камы флотилию «белых», оказывая одновременно с этим поддержку наступлению своих войск.

К 18 сентября весь район оказался очищенным от противника, суда которого, дойдя по Каме до Чистополя, создали там сильную оборонительную позицию.

После отхода белых в реку Каму Волжская флотилия была разделена на две части: одна с миноносцами предназначалась для дальнейшей борьбы на реке Каме с неприятельской флотилией, а остальные суда были отправлены к Симбирску для содействия 5-й армии, оперировавшей на левом берегу Волги.

19 сентября суда Камской флотилии двинулись вверх по реке к Чистополю, а 21-го имели бой с неприятельской флотилией, опиравшейся на укрепленную позицию. Этот бой, ничем особенным не отмеченный, закончился, однако, дальнейшим отступлением белых, преследуя которых, флотилия 22 сентября подошла к деревне Соколки, при впадении реки Вятки в Каму. На следующий день противник пытался перейти в наступление, но был отбит огнем и вновь отступил.

Так, проводя все последующие дни в ежедневных схватках с неприятелем, флотилия оттесняла его шаг за шагом все дальше вверх по реке и к 1 октября подошла к Пьяному Бору, где противник решил задержаться и стал укреплять позицию. К этому моменту флотилии удалось войти в связь с наступающими частями армии, от которой она оторвалась на 35 км вперед. Подойдя к Пьяному Бору, Раскольников решил дать бой и вышел в полдень 1 октября с миноносцем «Прыткий» и канонерской лодкой «Ваня-Коммунист» на рекогносцировку Пьяноборского плеса. На высоте Малиновского полуострова суда попали под действительный огонь хорошо укрытой батареи противника, которая с дистанции всего лишь 10 кабельтовых (2 км) произвела двумя попаданиями сильный пожар на канлодке. При подходе на помощь к терпящему бедствие кораблю миноносца «Прыткий» и другой канлодки из-за поворота, образуемого рекой, появилось шесть неприятельских судов, которые открыли по сгучившейся группе сильный огонь. Увидя тяжелое положение горевшей канлодки, к месту боя стали подходить остальные суда флотилии.

Сильный огонь противника не дал возможности оказать помощь гибнущему судну. Вскоре после его гибели была выведена из строя еще одна канлодка и две других повреждены. Потерпев столь серьезный урон, флотилия начала отход с боем, который длился еще три часа.

Противник, одержавший в данном случае несомненный успех, хотя им тоже было потеряно одно судно, не смог или не сумел его использовать, и флотилия, отойдя к Ижевскому устью, имела возможность там задержаться, успев найти и срочно укрепить позицию.

Бой у Пьяноборского плеса, показавший превосходство сил противника и подчеркнувший всю опасность для флотилии двигаться вперед без связи с войсками, заставил флотилию перейти временно к обороне. Решившись подождать подхода своих войск, отставших к тому времени километров на 60, флотилия поставила прежде всего минное заграждение, а на берегу установила батарею, что и представило собою «позицию».

Через четыре дня после боя противник атаковал флотилию на позиции, но был отбит огнем судов и батареи. Через два дня атака повторилась, но также без успеха.

Вскоре Пьяный Бор был взят с суши, и флотилия противника ушла в реку Белую, устье которой было немедленно заминировано.

По закупорке неприятельских судов Камская флотилия получила полную свободу действий и совершила несколько глубоких набегов вверх по реке в тыл неприятельского расположения, в частности к с. Гальяны. 20 октября ввиду полного бессилия противника три миноносца были посланы в Астрахань на усиление Каспийской флотилии, а остальные суда вновь до конца навигации выполняли разного рода мелкие операции — обстрел батарей и расположения неприятельских войск, разведки и «набеги в тыл для расстройств снабжения белых».

Краткая боевая деятельность Волжской флотилии имеет тем не менее значительный интерес во всех отношениях и дает ряд выводов.

Организация

Организация Волжской речной флотилии была централизована к Морскому командованию: его мыслью она создавалась, им снабжалась, вооружалась и комплектовалась. Энергия компетентного ведомства, хороший, преисполнен-

ный жажды боя личный состав из моряков, соответствующее снабжение и пр. в сумме дали вполне положительные результаты. Главное, что приходится отметить, — это быстроту создания флотилии, несмотря на неблагоприятные условия на месте. Учитывая огромное значение революционного подъема, свойственного, несомненно, не только Волжской, но и другим флотилиям, нельзя не подчеркнуть, что в данном случае успех организационной работы коренился в правильном разрешении ряда вопросов, относившихся именно к организации, т.е. порядку подчинения; схеме командования, снабжению, ремонту и комплектованию.

Тактика

Тактика Волжской флотилии в первую кампанию была прежде всего тактикой смелых решительных людей, ищущих победы и не размышляющих о возможности неудач¹. Речные операции при современном состоянии военной техники сплошь и рядом могут казаться предприятиями, совершенно невыполнимыми и будут в то же время выполняться успешно, если при наличии основных требований (подготовка, разведка) в само выполнение будет вложен необходимый импульс, находящий живой отклик в сердцах правильно подобранного личного состава, который непременно должен быть стойким, решительным и расторопным.

Эти черты по всем данным были свойственны комсоставу и командам Волжской флотилии, восполнявшим недостаток судов и слабость их вооружения личной отвагой и упорством, и отсутствовали у их противника, лучше вооруженного, но не имеющего под собой определенной моральной базы.

Налет на казанские пристани, выдающийся по смелости выполнения, удался благодаря не только внезапности, но и

¹ Крайне интересно, что во всех боях молодой флотилии как бы был проведен принцип, что корабли предназначаются для боя, а не для чего другого, почему все — и сами суда, и их машины, и люди — были использованы с полным напряжением сил.

вообще правильному учету морального элемента противной стороны: это была дерзость, но вполне обоснованная. Бой у Пьяного Бора, повлекший для «красных» существенные потери, прошел бы, вероятно, иначе, если бы в распоряжении начальника флотилии имелся хотя бы один самолетов. Отсутствие предварительной ориентировки превратило рекогносцировку сразу в жаркую схватку, причем силы Волжской флотилии входили в бой по частям. Судя по неполным результатам артиллерийского огня «белых» в такой обстановке, можно вывести заключение, что стрельба была поставлена у них невысоко. Артиллерия «красных», быть может, и не могла дать большего, так как она вообще была слаба.

Результаты боевых столкновений противников показывают, что ввиду относительной слабости импровизованных речных канонерок нужно быть готовыми к большим потерям в судовом составе в будущем. Совершенно ясно, что в бою на реке между слабо защищенными кораблями¹ успех той или другой стороны будет зависеть почти исключительно от меткости огня и быстроты пристрелки. Отсюда полное внимание к артиллерии, к стрельбе, к отличной подготовке личного состава именно в области артиллерии. Попутно следует очень считаться с моральным эффектом от попаданий в такие суда, который в данном случае будет всегда больше, чем в морском бою, где сражающиеся люди находятся в значительно лучших условиях в смысле их защиты от артиллерийского огня противника, вследствие чего и психика их подвержена менее сильным испытаниям. Эта серьезная отрицательная сторона может быть компенсирована исключительно качеством личного состава, и забывать об этом никак нельзя.

Соответствие наличных средств с поставленными задачами

Как мы могли видеть из изложения борьбы флотилии, эта сторона, конечно, хромала, но в обстановке гражданской

¹ Каковыми и являются речные канонерки вообще.

войны такое явление понятно и извинительно: прежде всего созревший вопрос требовал сплошь и рядом немедленного разрешения какой угодно ценой, во что бы то ни стало, почему часто отпадала возможность подготовки; во-вторых, при общем застое нечего было и думать о возможности, оттянув время, создать потребные для данной операции средства, а приходилось воевать с тем, что было; в-третьих, особенно в первый период войны, были неизбежны чисто индивидуальные ошибки выдвинутых революцией начальников, не всегда обладавших наряду с высокими моральными качествами должными познаниями.

Контакт с войсками не всегда был на должной высоте и происходил от недостаточного взаимного знакомства армии и флотилии, т.е. по недостатку, являющемуся, к сожалению, делом почти всех армий и флотов. Кроме того, сами моряки на первых порах шли ощупью, решая боевые задачи в специфической обстановке речной войны, которая как в области тактики, так и в отношении методов управления судами имеет много особенностей, требующих особой подготовки. Последней личный состав флотилии, взятый с моря, обладать не мог, а потому, естественно, мог делать и делал ошибки. Этот несомненный факт указывает на необходимость подготовки в мирное время некоторых специально обученных кадров для флотилий, которые могут быть созданы в военное время. Нам думается, что в условиях нашей действительности соответствующей для этого базой может явиться наша постоянная речная флотилия на Амуре, опыт и навыки которой могли быть применены и использованы в известный момент на других реках.

Вопросы снабжения и ремонта разрешались в данном случае у обоих противников относительно благополучно, потому что то и другое было в руках специалистов. Совсем иную картину нам придется видеть на других примерах, когда и то и другое вопреки каким-либо логическим основаниям было отторгнуто от флота и передано в ведение армии.

Н. Кадесников
КРАТКИЙ ОЧЕРК БЕЛОЙ БОРЬБЫ
ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ НА
СУШЕ, МОРЯХ, ОЗЕРАХ И РЕКАХ
РОССИИ В 1917–1922 ГОДАХ¹

На Волге, Каме и сибирских реках

Почти одновременно с действиями белых флотилий на всех противобольшевистских фронтах борьбы, в северных водах, в Прибалтике, на Онежском озере, в Черном, Азовском и Каспийском морях, все интенсивнее развивалась упорная борьба по рекам Восточно-Европейской России и Сибири. Реки являлись водными путями, по которым перевозились войска и воинские грузы. В Волжско-Камском районе все главнейшие города, заводы и селения расположены на берегах рек, поэтому экономическая жизнь населения тесно связана с пользованием речным транспортом.

Здесь мы должны, к глубокому сожалению, отметить один характерный и, можно сказать, традиционный для русской истории факт — это почти полное незнакомство сухопутных военачальников с сущностью морской и речной силы и ее исключительным значением в общем деле борьбы. Сухопутное командование, не

взвешивая ту или иную возможность действий флота, ставило свои задачи в расчете, очевидно, на находчивость и интеллигентность моряков.

Если к этому прибавить, что сама организация «из ничего» белых речных флотилий была всецело предоставлена инициативе и способности моряков, то легко представить все исключительные трудности успешного ведения борьбы, и тем более в атмосфере полного равнодушия, если не недоброжелательства, как со стороны отравленной ложью основной массы населения.

После занятия в первых числах июня 1918 года чешскими легионами Самары, по пути их следования из русского плена на Владивосток, по инициативе мичманов Мейрера² и Ершова³ было положено начало боевой Волжской флотилии. Ими были реквизированы сильные буксиры «Фельдмаршал Милютин» и «Вульф». Вскоре на зарождавшуюся флотилию прибыли еще несколько морских офицеров: капитан 2 ранга Феодосьев⁴, старшие лейтенанты Фомин⁵, Четвериков⁶, Розенталь⁷, Степанов⁸, лейтенант Дмитриев и др.

С чрезвычайной трудностью удалось убедить наше армейское командование да и чехов, в чьих руках были пушки, поставить на баке «Милютина» и «Вульфа» по одной трехдюймовке. Когда полковник Каппель⁹, двигавшийся со своим отрядом по правому берегу Волги, встретил сильное сопротивление большевиков у села Климовка, молодая флотилия пришла ему на помощь и прижатых к реке красноармейцев добивала картечью. Правый берег Волги был очищен от красных до самого Симбирска, флотилия же увеличилась на один вооруженный винтовой буксир, в перестрелке отнятый у противника. Таким образом, после каждой стычки с красными белая флотилия росла и усиливалась.

В середине августа Волжская флотилия была уже развернута в три дивизиона, имевших от шести до восьми судов в каждом. Суда были вооружены сухопутными трехдюймовыми и 42-мм пушками и пулеметами, имея по одному орудию на корме и одному на носу. Кроме того, были вооружены две плавучие батареи, имеющие по два шестидюймовых орудия Шнейдера с крайне ограниченным запасом снарядов. На судах флотилии были подняты Андреевские флаги, взамен

черно-желтого Георгиевского флага, как было введено в Народно-Армии Каппеля, личный состав которой носил на шапках вместо кокарды георгиевские ленточки.

В силу создавшейся общеполитической и военной обстановки завладение Казанью для успеха Белого движения являлось необходимым и неотложным. Ко времени похода на Казань сами собой уже напросились некоторые изменения в командном составе флотилии. Так, при командующем мичмане Мейрере начальником штаба боевой флотилии был утвержден старший лейтенант Фомин, начальником Первого дивизиона — капитан 2-го ранга Феодосьев и т. д.

Со взятием Казани в должность командующего Волжской боевой флотилией вступил контр-адмирал М. И. Смирнов¹⁰. В связи со стратегическим планом сухопутного командования через месяц Казань пришлось эвакуировать. Первому дивизиону флотилии было поручено вывезти находившийся там золотой запас в Самару, по данным банка, около 660 миллионов рублей золотом. Задача была выполнена. По окончании этой операции первый дивизион был назначен под командованием капитана 2 ранга Феодосьева прикрывать отступление армии за Каму, а остальные суда, с адмиралом Смирновым во главе, пошли вверх по Каме, впадающей в Волгу верстах в шестидесяти от Казани. В продолжение четырех дней Первый дивизион, состоявший из четырех кораблей, удерживал натиск красной флотилии, раз в пять численно большей. Так закончилась Волжская кампания и началась кампания Камская.

Почти одновременно с происходившими переменами общего положения на фронте изменился не только состав и общая тенденция правительства освобожденных областей, но и местопребывание самой политической власти. Из нижеприведенных двух документов уже ясно намечался дальнейший ход истории борьбы за национальную Россию. 18 ноября 1918 года по телеграфу во все концы Сибири были переданы следующие сообщения.

Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства, Совет Министров, с согласия наличных членов Временного всероссийского правительства, постановил принять на себя полно-

ту верховной государственной власти. Совет Министров постановил: «Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной власти в одних руках Совет Министров постановил передать временно осуществление Верховной Государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя».

Адмирал Колчак со своей стороны обратился к населению со следующим воззванием: «Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне — адмиралу Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам! Верховный Правитель, адмирал Колчак. 18 ноября 1918 г. Город Омск».

Начальный период управления адмирала Колчака много сложнее, чем могло казаться. После переворота 18 ноября 1918 года все события, носившие до того времени местный характер, стали общегосударственными. Только в этот период сказывается на всех событиях решающее значение интервенции. Взаимоотношения Омского правительства с союзниками на фоне взаимоотношений самих союзников — это один из основных факторов трагической истории адмирала Колчака. Российский характер власти с претензиями на представительство интересов всей России в связи с признанием адмирала как Верховного правителя генералами Деникиным, Юденичем и Миллером сделали Омск центром, определявшим направление общей политики национальных антибольшевистских сил. Характеристика важнейших мероприятий Омского правительства выявляет поэтому политическую физиономию, всего антибольшевистского движения этого

периода. Союзники как будто и поддерживают это движение, но их участие в борьбе оказывается настолько бессистемным, проникнутым такой нерешительностью и часто непонятной неопределенностью, что его отрицательные стороны перевешивают положительные.

Деятельность образовавшегося при Омском правительстве Морского министерства, во главе с военным и морским министром адмиралом Колчаком, осенью 1918 года выразилась в следующем:

1. Во Владивостоке была сформирована Сибирская флотилия в составе нескольких миноносцев и транспортов, там же производилось формирование команд для Амурской флотилии, которая была захвачена японцами еще летом 1918 года и возвращение которой, по их уверениям, можно было ожидать вскоре. Общее командование морскими силами Дальнего Востока было поручено контр-адмиралу С.Н. Тимиреву, а впоследствии, весной 1919 года, его сменил контр-адмирал М. Г. Федорович¹¹.

2. В Красноярске организовалась Бригада морских стрелков под начальством контр-адмирала Ю. К. Старка. В бригаду вошли все воинские чины Волжской флотилии численностью около двухсот человек.

3. В Томске функционировала машинно-моторная школа, давшая около двухсот учеников машинистов и мотористов на флотилию.

4. Во Владивостоке была открыта радиошкола, сформирована морская учебная команда и поддерживалось существование ранее сформированного Морского корпуса и т.д.

В силу многих причин, от Морского министерства не зависящих, а прежде всего в связи с распоряжениями и требованиями сухопутного начальства, начатая была работа не была проведена, как намечалась. Например, Бригада морских стрелков, намечавшаяся в шесть тысяч человек, получила всего 1500 совершенно необученных и не одетых людей, а Амурская флотилия так и не была передана русскому командованию японцами.

Ноябрь и декабрь 1918 года были употреблены Морским министерством на усиленную подготовку материальной части для будущей Камской флотилии и на разработку планов

ее вооружения и организации, но уже в течение этой работы оказалось, что у Морского ведомства в Сибири нет никакого вооружения, а что армия не может дать для этого ни одной пушки, ни одного пулемета. Между тем в конце декабря 1918 года белыми войсками была взята Пермь, где было захвачено большое число пароходов, годных для вооружения; разведка же доложила, что красными на Сормовских заводах в Нижнем Новгороде спешно вооружается громадная флотилия, причем на суда устанавливаются четырехдюймовые и 120-мм пушки, снятые с кораблей в Кронштадте. Общее руководство всей морской артиллерийской частью лежало на капитане 2-го ранга Розентале, офицере отличной подготовки и выдающейся энергии, и лейтенанте В. С. Макарове¹², опытном артиллерийском офицере, совершенно исключительных способностей, как организационных, конструктивных, так и боевых. Морское командование серьезно готовилось к началу навигации. К весне 1919 года удалось создать два батальона морских стрелков, собранных из числа мобилизованных людей, около двух тысяч человек. Командиром морских стрелков был назначен контр-адмирал Ю. К. Старк, командиром 1-го батальона — капитан 2-го ранга Н. Н. Степанов, 2-го батальона — капитан 2-го ранга П. В. Тихменев.

Командующим всей боевой флотилией на реке Каме в апреле 1919 года был назначен контр-адмирал М. И. Смирнов, начальником штаба — капитан 1-го ранга Н. Ю. Фомин, флотилия состояла из 12 хорошо вооруженных судов. 3 мая 1919 года Камская боевая флотилия начала кампанию. На всех кораблях были подняты Андреевские флаги. На теплоходе «Волга», где помещался штаб флотилии, был отслужен молебен.

Начальник штаба Верховного командования генерал-майор Лебедев¹³ не давал никаких указаний относительно плана кампании, как и командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Гайда¹⁴, который также не высказывал определенных мыслей. Было ясно, что сухопутное командование действует без плана. В силу этого морскому командованию предстояло действовать также по обстановке. Упорный и решающий бой 24 мая у Святого Ключа сильно поднял дух личного состава нашей флотилии, так как показал, что, несмотря на превосходство неприятеля в силе и дальности артиллерии,

мы могли успешно сражаться с ним благодаря преимуществу нашего личного состава. За весь этот период непрекращающейся упорной борьбы с переменным успехом на берегах Камы флотилия поддерживала армию сколько могла. Больших сражений было еще три: у Гольян, Бабок и Скузовы.

Приблизительно в те же дни — середины 1919 года — на всех фронтах Белой борьбы был испугавший красных и встревоживший союзников очевидный успех белых армий и флота.

Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант Деникин издал приказ № 145 от 30 мая 1919 года о подчинении адмиралу Колчаку как Верховному правителю Русского государства и Верховному главнокомандующему Русских Армий. Кавказская армия под командованием генерала барона Врангеля 19 июня заняла Царицын, в связи с чем тотчас же с Черноморского театра войны был командирован в Царицын для формирования флотилии на нижнем течении Волги адмирал Е. Н. Заев и переброшен дивизион катеров (8) под командой капитана 2-го ранга А. П. Ваксмута, который, сдав катера капитану 2-го ранга Потемкину, бывшему там морским начальником, продолжил с группой офицеров путь, согласно общему распоряжению штаба, в Петровск на Каспийском море. 20 июня генерал Деникин отдал директиву армии идти на Москву; поход Северо-Западной армии генерала Юденича на Петроград и т.д.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Колчак объявил свой знаменитый приказ от 25 июня 1919 года за № 153, из которого приведем здесь лишь несколько характерных для переживаемого тогда момента пунктов:

«Но... близится час суда и расплаты, и армия русская свершит этот суд над предателями Родины, продавшимися вечному врагу — немцам для осуществления сумасшедших попыток основать международное социалистическое государство, лишенное национальности, веры, права и чести. И в эти дни создания Армии Великой и Нераздельной России, я от имени на-

шей Святой Родины приношу глубокую благодарность Главнокомандующим и Командующим армиями, офицерам и солдатам и казакам, преклоняюсь перед великими трудами, страданиями и кровью, пролитой во имя ее блага и счастья...

С непоколебимой верой в светлое и славное будущее России и народа русского и армии русской продолжайте свой великий подвиг служения...

Адмирал Колчак».

4 августа 1919 года Пермь была занята большевиками. При эвакуации с Камы флотилия имела еще около трех тысяч матросов и свыше 100 офицеров. Но в Омске часть людей, главным образом артиллеристы, были переданы в армию, часть выделена в состав вновь созданной Обь-Иртышской флотилии, а главное ядро в числе 1500 человек при 70 офицерах под командой капитана 2-го ранга П. В. Тихменева пошло на создание Морского учебного батальона. Ротными командирами были старший лейтенант Гессе¹⁵, лейтенант Де Кампо-Сципион¹⁶, мичман Мейерер и еще один сухопутный офицер.

В начале сентября Учебный батальон был выслан на фронт и с этого момента вплоть до полного истребления непрерывно находился в боях, будучи назначаем на самые ответственные участки фронта. В одном из штыковых боев 12 сентября 1919 года пали геройской смертью командир батальона капитан 2-го ранга П. В. Тихменев, один из ротных командиров лейтенант Де Кампо-Сципион, 12 офицеров и доброволец восемнадцатилетний Олег Заварин. Принимавший все близко к сердцу, не выдержав нервного напряжения, застрелился старший лейтенант Гессе. Это был выдающийся, образованный и храбрый офицер Балтийского флота, в период Белой борьбы уже отличившийся в Камской боевой флотилии.

В Обь-Иртышской флотилии было сделано следующее изменение сформированного 2-го дивизиона для плавания по Оби, Иртышу, Товле, Тоболу и другим притокам. Командиром флотилии был назначен капитан 1-го ранга Феодосьев, начальником 1-го дивизиона — капитан 2-го ранга Гутан¹⁷,

начальником 2-го дивизиона — старший лейтенант Гакен¹⁸. Начальником 1-го дивизиона был назначен вместо погибшего старший лейтенант Макаров, который в исключительно тяжелых условиях, прорывая неприятельские линии, при поддержке артиллерийского огня с кораблей высаживал десанты в тылу у неприятеля. Так продолжалось до 10 октября 1919 года, когда старший лейтенант Макаров был отправлен со своим дивизионом в Омск. На реке Тура мученически погиб со всем экипажем «Александра Невского», в районе неприятельского расположения, капитан 2-го ранга Гутан, захваченный обманом в ловушку красными.

Конечно, только что сказанное не охватывает и десятой доли всех действий Обь-Иртышской группы, как, например, поход за баржами в тылу красных, большой десант у деревни Новой, непрерывные бои, высадка и захват укрепленных позиций армии красного маршала Блюхера у Усть-Ишимы в конце сентября 1919 года и пр.

В силу создавшейся обстановки Обь-Иртышская флотилия, после блестящей деятельности под Тобольском и на Иртыше, с наступлением холодов тянулась к Томску, где после катастрофы на фронте все корабли оказались отрезанными от тыла и попали в руки красных. Так, около Красноярска погибли командующий Обь-Иртышской флотилией капитан 1-го ранга П. П. Феодосьев и около 20 морских офицеров, когда отступавшую группу окружили большевики. Вообще же из офицеров, бывших на Камской флотилии, лишь немногие, в силу случайно счастливо сложившихся обстоятельств, избежали общей участи и при исключительно тяжелых условиях добрались до Дальнего Востока.

Между тем поступки и действия союзного командования в отношении Верховного правителя адмирала Колчака вызвали уже не только сомнения в их искренней помощи, но открытое возмущение, что можно заключить хотя бы из следующего приказа.

Владивосток.

Генералу Розанову

Повелеваю Вам оставить русские войска во Владивостоке и без моего повеления их оттуда не выводить.

Интересы государственного спокойствия требуют присутствия во Владивостоке русских войск. Требование о выводе их есть посягательство на суверенные права Российского Правительства!

Сообщите Союзному Командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют.

Повелеваю Вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь в крайнем случае ни перед чем!

Об этом моем повелении уведомьте также Союзное Командование.

12 ч 45 мин. 29 сентября 1919 г.

Адмирал Колчак

Твердость адмирала произвела должное впечатление и еще больше укрепила его авторитет в рядах национальных русских сил, но, видимо, срывала планы союзников, и они решили бороться с ним путем закулисной подрывной работы, ловко связав ее с тайной, но крайне упорной работой большевиков. Не входя здесь в подробности «достойной» работы союзников, перейдем сразу к ее результатам.

В то время как в центре Сибири происходила тяжелая драма войск, брошенных с изменой чехов на произвол судьбы, окруженных со всех сторон врагами и не желавших сдаваться, в Иркутске происходило торжество. Революция с негласной помощью «союзников» побеждала. Без обозначения числа распространялся манифест Политического Центра. «Волею восставшего народа и армии, — говорилось в манифесте, — власть диктатора Колчака и его Правительства, ведших войну с народом, низвергнута. Атаманы Семенов¹⁹ и Калмыков²⁰, генерал Розанов²¹ и адмирал Колчак объявляются врагами народа» и т.д. и т.д. «К труду и свободному самоуправлению зовет вас, граждане Сибири, Политический Центр (январь 1920 г.)». Манифест был подписан председателем Политического Центра Ф. Федоровичем, товарищем председателя И. Ахматовым, членами: Фельдманом, Гольдманом и др.

Но где же был в это время «враг народа» адмирал Колчак? Так же как и правительство, он попал в ловушку... По распоряжению французского генерала Жанена и при непосредственном участии чешского генерала Сирового чешский конвой задержал в Нижнеудинске Верховного правителя при его возвращении с фронта и, не позволив ему тронуться с места, лишил его связи с внешним миром. В тот же день, то есть 4 января 1920 года, в Ставке, в Нижнеудинске, в присутствии Председателя Совета Министров Пепеляева, адмирал Колчак подписал свою отставку.

5 января 1920 года в соответствии с указом об отставке адмирал Колчак, несмотря на горячие протесты и предостережения своего верного ближайшего военного окружения, распустил свою охрану и вместе с Пепеляевым перешел в поезд союзников, которые гарантировали ему проезд на восток. Вагон 2-го класса, куда был переведен Верховный правитель, был защищен всеми национальными союзными флагами: английским; американским, французским, японским и чешским. На станции Иннокентьевская под Иркутском, занятой войсками Политического Центра, поезд был задержан. Адмиралу было объявлено, что его дальше не повезут, и союзное командование передало его вместе с Пепеляевым представителям Политического Центра.

Чтобы решить участь адмирала Колчака, очевидно давно уже кем-то решенную, меньшевики и эсеры быстро организовали «чрезвычайную следственную комиссию» меньшевиков и эсеров. В эту комиссию вошли: К. А. Полов, Чудновский, В. П. Денике, Г. Г. Лукьянчиков и Н. А. Алексеевский. Комиссия начала свою деятельность 21 января 1920 года и закончила 6 февраля 1920 года. 7 февраля 1920 года в 4 часа утра в окрестностях Иркутска были казнены, вернее, убиты: Верховный правитель России А. В. Колчак и его первый министр В. Н. Пепеляев. Их трупы, чтобы скрыть следы величайшего злодеяния, были спущены под лед реки Ангары.

Адмирал, по личным убеждениям, и почти вся русская антибольшевистская общественность были на стороне союзников, рассматривая борьбу с большевиками как продолжение германской войны. Не здесь ли кроется одна из наших основных ошибок, не была ли наша борьба с большевиками

несравнимо более значительной для всего мира, чем наша война с Германией? Не была ли великой ошибкой наша союзническая ориентация? Пожалуй, ответ на этот больной вопрос дан самими союзниками на Северном белом фронте устами главнокомандующего английскими вооруженными силами Северной области генерала Пуля, что «с большевиками они не воюют».

Нельзя не признать, что адмирал Колчак погиб за чужие грехи, и свободный мир должен понять, что предательство по отношению к адмиралу — великое злодеяние не только перед Россией, лишившейся одного из лучших своих вождей, но и перед достоинством наций, флаги которых красовались в центре антибольшевистского движения — Омске, которые приняли под свое покровительство адмирала на станции Иннокентьевская, и, наконец, перед историей.

История Гражданской войны на Волге, Каме и сибирских реках столь же захватывающе интересна, сколько сложна и трагична. Остается только пожалеть, что узкие рамки настоящего очерка не позволяют сколько-нибудь подробнее остановиться на описании и разборе всех военных операций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерк Н. З. Кадесникова был впервые опубликован в серии «Русская морская зарубежная библиотека» (№ 79. Нью-Йорк. 1965).

² Воспоминания Г. А. Мейрера публикуются ниже.

³ **Ершов Александр Алексеевич.** Окончил Петроградский университет (1916). Произведен в офицеры из гардемарин флота (1917). Мичман. В белых войсках Восточного фронта с июня 1918 г. Основатель Волжской флотилии, на 15 августа 1918 г. командующий речным боевым флотом Народной Армии. В ноябре–декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир», с июня 1921 г. в Белграде.

⁴ **Феодосьев Петр Петрович**, р. 22 октября 1887 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907 г.). Капитан 2 ранга. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир плавучей батареи «Чехословак», затем командир 3-го (1-го) дивизиона Волжской флотилии, 23 декабря 1918 — 30 января 1919 г. командир бронепоезда Отдельной бригады морских стрелков, весной–летом 1919 г. командир 3-го дивизиона Речной боевой (Камской) флотилии, с августа 1919 г. на Обь-Иртышской флотилии, с сентября 1919 г. командующий той же флотилией. Капитан 1 ранга (1919). Убит в начале 1920 г. у Красноярска.

⁵ **Фомин Николай Георгиевич (Юрьевич)**, р. 8 декабря 1888 г. в Нижнем Новгороде. Из дворян Тверской губ. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.). Старший лейтенант, флаг-капитан по оперативной части Черноморского флота, затем начальник 1-го оперативного отделения Морского Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В бе-

лых войсках Восточного фронта; с июля 1918 г. в Народной армии, начальник штаба Волжской флотилии, на 15 августа 1918 г. и. д. начальника оперативной части (начальник штаба) речной обороны, с ноября 1918 г. начальник управления по оперативной части Морского министерства, март—июнь 1919 г. начальник штаба Речной боевой (Камской) флотилии, октябрь—ноябрь 1919 г. в Японии, зимой 1919/20 г. командир ледоколов на Байкале. Капитан 1 ранга (с апреля 1919 г.). С 1920 г. в Харбине и Мукдене, входил в окружение атамана Г. М. Семенова. С мая 1921 г. начальник штаба Сибирской флотилии до эвакуации и в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции с 1924 г. в Шанхае, до 19 апреля 1927 г. командир Шанхайского Русского полка, руководитель монархической организации, 1936 — 18 июня 1946 г. член Кают-компаний в Шанхае. С 1949 г. на о. Тубабао, с 1950 г. в Австралии, начальник Австралийского округа КИАФ, почетный председатель Кают-компаний, вице-председатель РМО в Австралии. Умер 3 августа 1964 г. в Сиднее (Австралия).

⁶ **Четвериков Семен Александрович**, р. 1886 г. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907 г.). Старший лейтенант Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. на Волжской флотилии; с 1919 г. из Омска прибыл в Харбин, к лету 1921 г. там же, к октябрю 1922 г. на Сибирской флотилии для связи при правителе Приморского края. Капитан 2 ранга. При эвакуации 1922 г. начальник 2-го дивизиона Сибирской флотилии в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, в 1924—1929 гг. служащий Шанхайского муниципалитета, 1932—1937 гг. оформитель книг, в 1936—1939 гг. член (в 1939 г. член Комитета старшин) Кают-компаний в Шанхае. Умер до 1945 г. в Шанхае.

⁷ **Розенталь Александр Эдуардович**, р. 1887 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. на Волжской флотилии, с декабря 1918 г. начальник морской артиллерийской части армии. Капитан 2 ранга. Арестован с адм. Колчаком. К лету 1921 г. после полугода заключения под надзором в Красноярске.

⁸ **Степанов Николай Николаевич**, р. 1887 г. Окончил Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. на Волжской флотилии, весной 1919 г. командир 1-го батальона бригады морских стрелков в Сибирской армии. Капитан 2 ранга.

⁹ **Капель Владимир Оскарович**, р. 1881 г. в Белеве. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), академию Генштаба (1913). Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. во главе отряда особого назначения Народной Армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Капеля»), на 15 августа 1918 г. командир бригады своего имени, полковник (сентябрь 1918 г.), командир Самарского отряда, с 20 августа 1918 г. возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 ноября 1918 г. командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 3 января 1919 г.— 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 г.— Волжской группы 3-й армии, с 4 ноября 1919 г. командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 9 декабря 1919 г.— Главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Орд. Св. Георгия 3-й (12 сентября 1919 г.) и 4-й (22 июня 1919 г.) степени. Умер 26 января 1920 г. у разъезда Урей.

¹⁰ **Смирнов Михаил Иванович**, р. 18 июня 1880 г. Окончил Морской корпус (1899), Морскую академию (1914). Капитан 1 ранга, начальник штаба Черноморского флота, начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в Америке. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. командующий Волжской флотилией, с 20 ноября 1918 г. управляющий Морским министерством правительства Колчака, с апреля 1919 г. Камской флотилией (с 27 августа 1919 г. Речной боевой флотилией). Орден Св. Георгия 4-й ст. (27 августа 1919 г.). Контр-адмирал (20 ноября 1918 г.). В эмиграции в Германии, председатель правления и председатель Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, затем в США, Франции, Англии. Умер осенью 1939 г. (1940, 1943) в Лондоне.

¹¹ **Федорович Михаил Иосифович**, р. 14 октября 1872 г. Окончил Морской корпус (1892), Морскую академию (1914). Капитан 1 ранга, командир линейного корабля «Евстафий». В белых войсках Восточного фронта; начальник гарнизона и комендант Томска и Красноярска, начальник технической части Морского министерства, с весны 1919 г. командующий морскими силами на Дальнем Востоке. Контр-адмирал (1918). В эмиграции в Китае: к лету 1921 г. в Харбине, с 1930 г. в Шанхае, организатор там морской школы. Умер 7 декабря 1936 г. в Шанхае. Жена, три дочери (эвакуированы до осени 1920 г. из Севастополя).

¹² Воспоминания В.С. Макарова публикуются ниже.

¹³ **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. 1883 г. Окончил Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903), академию Генштаба (1911). Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., на 30 декабря 1917 г. начальник штаба 1-го отряда армии. В феврале 1918 г. направлен в Сибирь. В белых войсках Восточного фронта; с 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, в январе 1919 г. командир Степной группы, 23 мая — 12 августа 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего и военный министр. 9 августа — 16 ноября 1919 г. командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, основатель газеты «Русская мысль». Умер в 1928 г. в Шанхае (по другим данным — убит на Дальнем Востоке в 1921 г.).

¹⁴ **Гайда Радола (Гейдль Рудольф)**, р. 1892 г. Офицер австрийской армии. Один из руководителей Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; 12 октября — 24 декабря 1918 г. генерал-майор, командующий Екатеринбургской группой войск, январь—июль 1919 г. командующий Сибирской армией. Генерал-лейтенант (с 17 января 1919 г.). 17–18 ноября 1919 г. поднял во Владивостоке мятеж против Колчака, после подавления которого убыл в Чехословакию. 16 декабря 1927 г. лишен чина и заключен в тюрьму за попытку

переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер после заключения в 1948 г. там же.

¹⁵ **Гессе Владимир Густавович**, р. 13 ноября 1887 г. Окончил Морской корпус (1908) (офицер с 1909 г.). Лейтенант Гвардейского экипажа. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 г. на Камской флотилии, с августа 1919 г. командир роты Морского учебного батальона. Старший лейтенант. Застрелился в сентябре 1919 г.

¹⁶ **Де Кампо-Сципион Игорь Михайлович**, р. 31 мая 1892 г. Окончил Морской корпус (1912). Лейтенант, штурманский офицер эсминца «Изяслав». В Добровольческой армии (декабрь 1917 г. из Петрограда через Харьков); в январе 1918 г. несколько дней служил в Морской роте, затем уехал в Сибирь. В белых войсках Восточного фронта; командир корабля «Быстрый» Речной боевой (Камской) флотилии, командир роты Морского учебного батальона. Убит 12 сентября 1919 г.

¹⁷ **Гутан Александр Рудольфович**, р. 1887 г. Сын контр-адмирала. Окончил Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; командир парохода «Александр Невский», с августа 1919 г. командир 1-го дивизиона Обь-Иртышской флотилии. Капитан 2 ранга. Взят в плен и замучен в сентябре 1919 г. на р. Тура.

¹⁸ **Гакен Николай Николаевич**, р. 29 марта 1892 г. Окончил Морской корпус (1913). Лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. В белых войсках Восточного фронта; командир бронепоезда Отдельной бригады морских стрелков, командир корабля «Губительный», старший флаг-офицер штаба 3-го дивизиона Речной боевой (Камской) флотилии, с августа 1919 г. командир 2-го дивизиона Обь-Иртышской флотилии. Старший лейтенант (1919).

¹⁹ **Семенов Григорий Михайлович (Семенов-Мерлин)**, р. 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский

кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня 1919 г. по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г.— походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаша, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

²⁰ **Калмыков Иван Михайлович.** Есаул Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с 20–31 января 1918 г. атаман Уссурийского казачьего войска, с 25 марта 1919 г. командир Уссурийского особого отряда, с 29 августа 1919 г.— начальник Уссурийской отдельной бригады, с 1 января 1920 г.— Уссурийской отдельной сводной дивизии. Генерал-майор (1919). Убит в 1920 г. в Китае.

²¹ **Розанов Сергей Николаевич,** р. 1869 г. В службе с 1886 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; перешел из Красной армии; с 25 сентября 1918 г.

начальник штаба Верховного главнокомандующего, командующий войсками в Енисейской губ., с лета 1919 г. начальник Приамурского края, 18 июля 1919 г.— 31 января 1920 г. командующий войсками Приамурского военного округа. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции с начала ноября 1920 г. в Париже. Умер 28 августа 1937 г. в Медоне (Франция).

Г. Мейрер¹

ВОЙНА НА ВОЛГЕ. 1918 ГОД²

Двадцать с лишним лет тому назад чешские легионы, составленные из бывших солдат австрийской армии, сдавшихся русским на Юго-Западном фронте, перешли речку Самарка и, после небольшого боя разогнав отряды тогда еще плохо организованной Красной армии, заняли город Самару. Чехи интересовались Самарой лишь как железнодорожным узловым центром, дававшим им возможность обеспечить себе дальнейшее следование на Владивосток и дальше, водным путем, к себе домой — в Богемию.

Большевики, официально согласившись на их передвижение, на деле всячески им препятствовали на том основании, что чехи не желали сдавать оружие и двигались воинскими эшелонами. Чехи же понимали, что, как только они сдадут оружие и перестанут быть воинской частью, передвижению их будет положен конец. В то время на русских железных дорогах происходило что-то невероятное, и в полном хаосе двигались только те, у кого была вооруженная сила. Вышеизложенное является лишь предпосылкой к настоящему рассказу, и сам факт занятия чехами Самары интересен только для последующего описания событий.

Пребывание чехов в Самаре дало возможность организоваться небольшому количеству русских людей для борьбы с большевиками. Во-первых, образовалась так называемая Народная Армия³ под командой Генерального штаба подполковника Каппеля, а во-вторых — Волжская боевая флотилия. Как бы в противодействие этим благим начинаниям, там же немедленно образовалось и «правительство» из находившихся в Самаре членов разогнанной большевиками Учредилки.

Первой заботой чешского штаба было обеспечение провиантом, как своего Самарского отряда, так и подтягивающихся чешских отрядов. Путем опроса местных жителей им удалось установить, что за день до своего бегства из Самары большевики увели вниз по Волге груженную мукой баржу, которая будто бы стоит на якоре верстах в двадцати от Самары.

Решили баржу эту достать. Среди записавшихся в Народную Армию оказались два моряка, оба мичманы: один военного времени, другой только что произведенный из Морского корпуса. Мичман военного времени Е.⁴, сразу же после записи, подошел к мичману М.⁵ и сообщил ему о предстоящей экспедиции за баржей.

Прежде чем пойти в чешский штаб с предложением своих услуг, мичман Е., будучи уроженцем Самары, ознакомил мичмана М. с местной обстановкой и между прочим сообщил, что, по его мнению, для дальнейших действий против большевиков необходимо организовать боевую флотилию. На том и порешили, и, чтобы впоследствии не было никаких недоразумений, мичман Е. предложил мичману М. взять на себя командование флотилией, на что последний любезно предложил мичману Е. сделаться начальником главного штаба. Казалось, что все налаживалось гладко — недоставало только флота... На следующее утро «комфлот» в сопровождении чешского взвода занимался подысканием какого-нибудь парохода, на котором можно было бы отправиться за баржей с мукой.

Еще за день до взятия чехами Самары находившиеся там пароходы отошли от пристаней и стали на якорь саженьях в пятидесяти от берега. Капитаны пароходов, таким образом,

как бы решили соблюдать безопасный нейтралитет. Буксиры эти казались совершенно вымершими, и, несмотря ни на какие призывы, никто не появлялся на палубе. Мичман М., отыскав на берегу лодку, старался с помощью чехов спустить ее на воду, как вдруг кто-то закричал, что вверх по реке идет пароход.

На Волге большинство пароходов приводится в движение боковыми колесами, и поэтому звук приближающегося парохода похож на шлепанье чего-то плоского по воде. Таким образом, в объятия своего «комфлота» «пришлепала» первая боевая единица Волжской флотилии. Капитан (на Волге командиры называются капитанами) ошвартовал свой пароход к пристани, снял фуражку и, по древнему русскому обычаю, перекрестился, благодаря Бога за благополучно совершенное путешествие. В рулевой рубке его примеру последовали лоцман и рулевой. В следующую минуту он уже сожалел, что пришел в Самару, так как появившийся на мостике мичман М. заявил ему, что и сам он, и пароход его со всею командой реквизированы Народной Армией. После формального протеста капитан сдался. Во время переговоров двое матросов сбежали, но оставшихся было достаточно для управления буксиром.

Около восьми часов утра, погрузив три пулемета и взвод чехов, мичман М. отвалил от пристани и отправился в поход. Маленький буксир, накренившись, быстро бежал вниз по течению. «Комфлот», шагая по мостику, обдумывал способы захвата баржи. Если она не охраняется и на ней находится только постоянная команда «Ваняев» (Ваняй — волжское уменьшительно-ласкательное для Вани) с «Водоливом» (капитан баржи), то вся экспедиция сведется к ее буксировке. Если же баржа охраняется красными, положение станет довольно серьезным. Дело в том, что мука и вообще сухой груз на Волге перевозятся в деревянных баржах с очень высоким надводным бортом, достигающим буксиру до мостика, а иногда и выше, в зависимости от нагрузки. Да и буксиришка в данном случае был крохотный, а потому и мостик его соответственно низкий. Кроме того, пулеметным и ружейным огнем едва ли было возможно нанести существенные повреждения шестидюймовым деревянным бортам баржи, тогда как ни

легкие надстройки буксира, ни его тонкие бортовые листы не давали никакого укрытия. Посему длительная перестрелка даст преимущество красным и единственным способом овладения баржей остается абордаж.

Мичману М. вспомнились заветы Суворова: «Пуля — дура, штык — молодец» и «Смелость, быстрота и натиск»; ему показалось забавным, что в XX веке, да еще на воде, можно было применять тактику этого великого полководца. Стал вспоминать, не было ли каких-нибудь примеров из военно-морской истории. Вспомнил Петра Великого и его галеры. В истории нет сведений, как себя чувствовал государь, посадив своих преображенцев на эти галеры и ведя их в бой против шведов. Во всяком случае, Петр явно не выказывал подчиненным своих опасений. Так и мичман М. решил подбодрить свою пехотную команду и лишь в душе жалел, что она состояла не из испытанных на воде преображенцев, а просто из чехов.

Вскоре показалась баржа. Спрятав всех чехов вниз и придав буксиру его обычный мирный вид, мичман М. прошел полным ходом мимо баржи, а затем, сделав полный поворот, с полного же хода подошел к ее борту. Чехи, конечно, к этому времени были уже наверху. Буксир, ударившись о борт баржи, сразу же отскочил саженой на пять, но в момент удара Комфлот с несколькими чехами успел на нее перескочить. Сопротивления оказано не было, очевидно, красный караул баржи не успел прийти в себя от неожиданности нападения. У мичмана М. остался даже какой-то осадок неудовлетворенности, до того все оказалось просто. И чего, спрашивается, волновался... Привели баржу в Самару, накормили всех голодающих русских и чехов и сложили в амбары огромные запасы муки.

Через несколько дней из чешского штаба пришло распоряжение перевести батальон пехоты к Ставрополю — следующему вверх по Волге городу. Для этого похода из всех судов, стоявших на якоре, мичман М. облюбовал два буксира и один пассажирский пароход. Один из буксиров назывался «Фельдмаршал Милютин» — могучий, один из самых больших на Волге, другой поменьше — «Вульф».

Кто не бывал на Волге, тому не будет понятен энтузиазм, охвативший мичмана М. при осмотре этих пароходов. В Рос-

сии их строить умели. Можно смело сказать, что Волжский коммерческий флот был лучшим речным флотом в мире. Пассажирские пароходы поражали своими красивыми линиями и роскошной внутренней отделкой. Чистота на них поддерживалась идеальная. Пароходы эти развивали до 35 верст по течению. (На Волге скорость узлами не определяли.) Буксирные пароходы казались воплощением мощности, и действительно, можно было поражаться, какой колоссальный груз они могли буксировать. Ровная и совершенно свободная палуба буксиров представляла собой идеальную орудийную платформу, как на носу, так и на корме. Кожуха — защита гребных колес — давали достаточную высоту для установки рулевой рубки и пулеметных гнезд. Конечно, никакой защиты, даже от ружейного огня, не было.

На обоих реквизированных буксирах оказался полный состав команды. Уговорить команду остаться и идти воевать помог помощник капитана «Милютина», оказавшийся прапорщиком по адмиралтейству. Капитан «Вульфа» наотрез отказался, а капитан «Милютина» согласился «попробовать». Вообще же волжане народ мирный и никто из команды особого энтузиазма к войне не проявлял.

Поздно вечером, погрузив главный отряд чехов на пассажирский пароход и по полуроте на каждый буксир, отряд с потушенными огнями двинулся в путь. Приблизительно через час по носу «Милютина», шедшего головным, показалась какая-то тень. Сбавили ход, потом застопорили машину и стали прислушиваться. Сомнений не было — тень двигалась, — Полный вперед! — скомандовал мичман М.

Через минуту, когда «Милютин» набрал ход, из темноты раздался треск пулеметного огня. Пули свистали через мостик. «Самый полный, дайте все, что можете! — кричал мичман М. в переговорную трубу в машину. — Право руля, так держать»... Раздался страшный треск... «Милютина» дернуло. С носа на мостик клубами повалил пар. Пулеметы теперь тархтели только с «Милютина».

Через секунду все снова исчезло в ночной темноте. В наступившей тишине все пристально вглядывались по сторонам, ожидая нового нападения. Осмотрели повреждения корпуса и занялись закреплением якоря, сорванного с кран-балки и

висевшего на канате в воде. Потери в личном составе состояли из одного пулеметчика-чеха, убитого, и двух раненых.

Пока возились в темноте с приведением «Милютина» в порядок, подошел пароход с главным десантом, и полковник С., командующий чехами, справился, в чем дело. Командир чешской полуроты на «Милютине» взволнованным голосом докладывал, что идти вперед было бы делом опасным, так как неизвестно, что еще нас может ожидать в темноте. Полковник С. спросил мичмана М., что он думает о создавшейся обстановке. Мичман М. доложил, что, по его мнению, красные не ожидали нашего выступления и с потоплением их дозорного катера шансы на внезапное появление у Ставрополя увеличились, а поэтому надо идти вперед, и немедленно.

Занятие чехами Ставрополя не представляет особого интереса, так как, кроме перестрелки десанта с небольшими отрядами красных, ничего выдающегося не произошло. На обратном пути в Самару нашли винтовой пароход, выбросившийся на правый берег реки. Кормовая палуба его была под водой, правый борт проломан, верх рулевой рубки сорван, очевидно, милютинским якорем, на палубе были обнаружены следы крови.

Значение водного сообщения для ведения войны было теперь всеми оценено, и дело организации флотилии значительно облегчилось. Народная Армия выделила некоторое количество людей для укомплектования судов военной командой. Мичман М. настаивал на получении артиллерийских юнкеров, так как надеялся достать орудия для вооружения пароходов.

Убедить армейцев в том, что из пушки можно стрелять, поставив ее на палубу корабля, было делом почти невозможным, да и пушки все были в руках у чехов. В конце концов удалось убедить дать одну пушку на пробу. Работа закипела, и через два дня у «Милютина» на носу красовалась армейская трехдюймовка, как была, на колесах и с хоботом. При помощи деревянной клетки, состоящей из рам, сооруженных так, чтобы бока их соответствовали линиям шпангоутов, а верхние стороны — бимсам палубы, удалось построить орудийную установку, которая бы распределяла по корпусу ко-

рабля удар на цапфы от отката орудия при стрельбе. На палубе была сооружена деревянная поворотная орудийная платформа, хобот же орудия ходил по деревянному полукругу. Вся верхняя структура была скреплена с внутренней клетью болтами, проходившими через палубу. Нужно ли все это было делать именно так или совсем по-другому — неизвестно, но факт остается фактом — установки эти были действительно крепкими.

Вскоре до штаба дошли слухи, что красные проводят через Мариинскую систему несколько миноносцев из Балтийского моря. Нечего и говорить, что слух этот сейчас же был использован командующим флотилией для получения второй пушки для «Вульфа». Штаб армии торопил установку этой пушки и даже послал на помощь своих плотников. Доканчивали установку по дороге к Ставрополю, куда флотилия была срочно послана навстречу «надвигавшимся» миноносцам.

Еще до ухода в поход к мичману М. пришел проситься на флотилию армейский подпоручик Б. Выяснив, что он волжанин и яхтсмен, мичман М. назначил его командиром «Вульфа». Артиллерийским офицером на «Милютине» оказался константиновец⁶, а на «Вульфе» — михайловец⁷. Юнкерам было предоставлено «самоопределиться». Нечего и говорить, что «Милютин» оказался «константиновским» кораблем, а «Вульф» — «михайловским». Так соревнованию в стрельбе было положено твердое основание.

В описываемое время, летом 1918 года, Волга была такою, какою ее не видали со времен Стеньки Разина и Пугачева. Река эта, кипевшая жизнью главной водной артерии государства, вымерла совершенно. На ее широкой водной поверхности не было видно ни парохода, ни баржи; берега ее опустели. Все бакены и другие навигационные обозначения были сняты большевиками, плавать можно было лишь «наизусть».

Дня три прошло в ожидании миноносцев. Один корабль был выдвинут версты на три-четыре вперед и, медленно шлепая колесами, держался против течения. Другой стоял у пристани под парами, готовый выйти на поддержку в любую минуту. Монотонности этой был положен конец появлением

парохода, ведущего на буксире высокортную деревянную баржу. Дозорный корабль приказал пароходу развернуться и отдать якорь. С флагманского корабля послали шлюпку с офицером и вооруженной командой осмотреть и баржу, и пароход. Посланный офицер в мегафон попросил разрешения привезти делегацию от пассажиров баржи.

Делегация состояла из сестры милосердия и пожилого господина, назвавшего себя полковником. Роль главы делегации на себя взяла сестра милосердия. Привезли также двух арестованных. Ничего не может быть противней освирепелой женщины: сестра «милосердия» буквально неистовствовала, стараясь доказать, что оба арестованных должны быть немедленно расстреляны за те притеснения, коим они ее подвергали на барже. Сестру пришлось увести в другую каюту. Допросили полковника и от него узнали, что баржа уже прошла одно «чистилище», во время которого красные расстреляли несколько пассажиров, по-видимому офицеров и их жен, в Симбирске.

Удалось также установить, что оба арестованных были комиссарами, назначенными на баржу с грузом в Царицын, дававшими указания, кого нужно расстреливать. Капитан парохода после длительного допроса показал, что свои распоряжения он получал от одного из этих двух арестованных. Надо было удивляться неналаженности дела у красных — ни капитан и вообще никто из прибывших на барже не знали о взятии Ставрополя и Самары.

Баржу осмотрели и отпустили под караулом в Самару. В виде напутствия мичман М. посоветовал всем находившимся на ней офицерам по прибытии в Самару записаться в Народную Армию. Впоследствии дошли сведения, что ни одного желающего не оказалось, все пожелали следовать дальше. Выгрузив красный груз, штаб предоставил баржу пассажирам. Путешественники прошли еще через одну чистку, попав опять в руки красных ниже Самары. Таковую покорность судьбе пассажиры объясняли необходимостью доставить продукты своим семьям. Истратив, быть может, все свое состояние на покупку мешка муки, никто из них этот мешок бросать не хотел. «Мешочничество» как явление вполне объяснимо, так как кто может бросить упрек человеку, стара-

ющемся прокормить свою голодающую семью, но следствием этого было то, что, пока все в России мешочничали, страна уничтожалась большевиками.

В это время полковник Каппель, двигавшийся со своей «армией» по правому берегу Волги, встретил сильное сопротивление у села Климовка. Флотилии было приказано продвинуться на соединение с армией. У Климовки Каппель совершил один из своих многочисленных мастерских маневров. После ожесточенного фронтального боя, длившегося весь день, он ночью, оставив на позиции лишь дозоры с нарочно зажженными кострами, передвинул всю армию за тыл красным и на рассвете обрушился на них. Толпы красноармейцев были прижаты к реке, и флотилия била по ним картечью. Артиллеристы флотилии вошли в такой азарт, что палили до тех пор, пока с берега не стали махать простынями. Это было понято как сигнал: «Прекратите огонь — своих бьете». Правый берег Волги был очищен от красных до самого Симбирска. В самом Симбирске была паника.

Как-то вечером, после боя под Климовкой, мичман М., сидя на мостике «Вульфа», находившегося в дозоре, мирно пил чай (по Волжскому уставу предосудительного в этом ничего не было). Вдруг сигнальщик доложил о чем-то подозрительном, происходящем под правым берегом. В сумерках мичман М. даже в бинокль ничего особенного не мог рассмотреть. Для проверки провел биноклем еще раз и теперь заметил большой куст или упавшее дерево, плывущее по течению у самого берега. Вдруг из куста выскочил маленький клубок пара. Развернуть корабль было делом одной минуты. Пушка ахнула, и куст, как по мановению жезла, рассыпался. Пустив черный клуб дыма, маленький буксир стал удирать вверх по реке. «Вульф» погнался за ним, стреляя только из пулеметов, — жалко было топить «горчицу» (так на Волге называются крохотные винтовые буксиры, употребляющиеся для буксировки рыбачьих лодок — «рыбалок»). Увидев, что ей от «Вульфа» не уйти, «горчица» юркнула к берегу. «Вульф», подошедшему к ней, пришлось уже отстреливаться от пулеметного огня с берега. В происшедшей перестрелке команде «горчицы», бросившейся вплавь к берегу и попавшей

под перекрестный огонь, пришлось пережить много тяжелых моментов.

Так был взят первый приз Волжской флотилии. На буксире нашли четыре пулемета со вложенными в них лентами. Взятие этого буксира долго обсуждалось на флотилии; было совсем непонятно, почему еще при дневном свете красные отравились на разведку. Общими усилиями наконец порешили, что «Вульф», держась, как всегда, в дозоре, под машиной против течения, продвинулся вверх по реке; буксир же одновременно сплыл вниз по течению, с расчетом пройти «Вульфа» в сумерки. Встреча произошла раньше, чем того ожидали красные. После этого случая никаких чаепитий на мостике и на открытой палубе не разрешалось.

Потеряв в этом деле несколько человек ранеными, мичман М. решил озаботиться установкой каких-нибудь прикрытий, хотя бы от огня пулеметов. Кипы прессованного хлопка, найденные в Самаре, оказались вполне пуленепроницаемыми, ими и прикрыли рулевые рубки и расставили по бортам для прикрытия орудийной и пулеметной прислуги. Весила такая кипа пудов двенадцать, толщиной она была фута в два. Двадцати или тридцати таких кип было достаточно для надежного прикрытия одного корабля.

Техника двигалась на флотилии вперед, и вскоре пулеметные башни стали делаться поворотными. Они состояли из двух телескопических железных цилиндров с залитым между ними асфальтом. Испытания показали, что пуля, пробив наружный цилиндр и попав в асфальт, его расплавляла, но, очевидно истратив на это всю энергию, тут же увязала в расплавленной массе.

Взятием Климовки закончились операции вверх по реке, и теперь чехи, обеспечив себя с севера, решили овладеть Сызранским мостом, через который железная дорога проходила из Пензы в Самару и дальше в Сибирь.

Вооружили еще один пароход и оставили его в дозоре у Климовки. «Милютин» же и «Вульф» были посланы пробивать дорогу к Сызрани. У села Батраки произошел бой с береговыми батареями, под огнем которых флотилии удалось увести несколько барж с нефтью, так необходимой для дальнейших операций. У «Вульфа» перебило штуртрос, и он ока-

зался беспомощным под сосредоточенным огнем двух береговых батарей. Починка не клеилась, и, чтобы его не вынесло на берег, пришлось отдать якорь. Орудие по борту стрелять не могло, так как настолько далеко не поворачивалось, и поэтому не имелось возможности даже отвечать на огонь красных. В следующую минуту сбило гафель, и казалось, что наступает конец, но подошел «Милютин» и выручил, взяв на буксир и оттащив к высокому берегу — в мертвый угол батареи противника. Якорный канат пришлось вытравить.

При взятии Сызрани флотилия выполняла роль заслона на случай, если бы красные послали туда свою южную флотилию. Кроме того, своим огнем флотилия существенно помогла сухопутным силам при взятии города, а после была по отступающим по дорогам красным колоннам и их обозам.

Незадолго до заката солнца, в день взятия Сызрани, вниз по реке показались дымы приближающихся пароходов. Вскоре из-за поворота показался пароход, потом другой, третий, и наконец вся ширина реки была занята идущими полным ходом судами самых разнообразных типов и величин. Зрелище было грандиозное.

Как Давид против Голиафа, вышли «Милютин» и «Вульф» навстречу этой дымящей и несущейся на них армаде. Подпустив головной корабль версты на две, мичман М. приказал выстрелить ему под нос. Все напряженно всматривались вперед, ожидая ответного залпа. После нескольких мучительных минут ожидания армада вдруг сбавила ход, и лишь один передовой продолжал идти полным ходом навстречу. Медленно приближающуюся армаду остановили вторым выстрелом под нос. Передовой корабль, подойдя на разговорную дистанцию, сообщил, что в Вольске было неудачное восстание белых, в результате чего им пришлось бежать на пароходах на соединение с Самарской армией, о приближении которой к Сызрани они уже слышали. Радости не было пределов.

Мичман Д., командовавший армадой, был принят на флотилию с распростертыми объятиями и сразу же назначен командовать третьим кораблем флотилии, выбранным из пароходов, им самим приведенных из Вольска. Среди ценного груза на вольских пароходах было различное военное

снаряжение и, что особенно всех порадовало, несколько трехдюймовых зенитных орудий. Немедленно же по одному из них установили на корму «Вульфа» и «Милютина» и два на корабль мичмана Д. Вольские беженцы состояли главным образом из женщин и детей, но оказалось достаточно и мужчин для укомплектования флотилии и Народной Армии. Кадеты Вольского корпуса, конечно, все как один изъявили желание воевать, но по малолетству большинство было оставлено с матерями.

На следующее утро хоронили двух юнкеров, убитых на «Милютине» в бою у села Батраки. Гробы покрыли Георгиевскими флагами — флагами Народной Армии и флотилии. Дело в том, что Народная Армия Каппеля ввела георгиевскую ленту вместо кокарды на шапках, и мичман М. вместо Андреевского флага вначале поднимал на судах флотилии черно-желтый флаг, в виде ленты большого размера, по примеру армии Каппеля. Погоны тоже никто не носил, да и формы почти ни у кого не имелось. После Сызрани мичманы Д. и М. решили носить на плечах защитные погоны с черными нашивками, установленные Временным правительством. Выглядели они в этих погонах как младшие унтер-офицеры.

На похороны собралась довольно большая толпа сызранцев, к которым после погребения мичман М. обратился с призывом присоединиться к Народной Армии и общими усилиями сбросить с России красное иго. Недоверчиво смотрела на молодого офицера немая толпа. Тупые лица как будто хотели сказать: «Пой, пой, малец, но нас не проведешь! Еще неизвестно, чья сторона возьмет верх». Когда толпа разошлась, подошли двое или трое из молодых и, оглядываясь и как будто стыдясь, попросились записаться в армию. Вот и все... Удивляться, что мы проиграли Гражданскую войну, не приходится. Наша покорность — вот что помогало большевикам.

Казалось бы, что простое чувство самосохранения должно было подсказать русскому офицерству и интеллигенции необходимость объединения для борьбы с красными. Ведь каждый из них знал о происходящих по всем углам России расстрелах, но какая-то пассивность охватила огромное большинство, в результате чего поодиночке уничтожались лучшие силы страны. Выработалась какая-то особая животная

психология сидеть смиренно — «авось до меня и не дойдет». А в то время, в начале Гражданской войны, когда красные еще не были организованы, одни офицеры, соединившись, могли бы свободно пройти поперек всей России и задушить «гидру» в Москве...

Вооружив еще два парохода, мичман М., оставив мичмана Д. с двумя пароходами в Сызрани, сам вернулся с тремя другими в Самару. Каждый приход флотилии в Самару приветствовался жителями, чувствовавшими себя в безопасности, пока корабли были с ними.

Присутствие флотилии в Самаре никогда не поощрялось правительством, и чем дальше, тем больше. Дело в том, что боевые успехи укрепляли авторитет воинских частей, и население все больше и больше отворачивалось от правительства, полупризнаваемого военными начальниками. Чтобы не быть совершенно забытыми, некоторые члены правительства ходили в боевые походы с отрядом полковника Каппеля, и только эти пользовались уважением населения. Остальные занимались говорением на бесконечных своих заседаниях.

Еще до начала мировой войны в Казани был оборудован первоклассный пороховой завод. Во время же войны Казань стала первоклассной военной базой, где, помимо производства пороха, находились склады оружия. В Казани же находилась половина государственного золотого запаса России. Завладение Казанью поэтому для успеха Белого движения было делом необходимым; участие же чехов во взятии этого города может быть объяснено только тем, что Самарским отрядом чехов тогда командовал русский офицер, полковник С.

Подготовительные операции заключались в очищении Волги от красной флотилии, возросшей к этому времени до семи-восьми вооруженных судов, и в посылках экспедиций из отряда полковника Каппеля вдоль правого берега Волги. За исключением нескольких боев, красная флотилия упорного сопротивления не оказывала, но тот факт, что противник в любой момент мог перейти в наступление, постоянно держал в напряжении нервы всего личного состава флотилии.

В самом деле, речная война похожа на действия двух бронепоездов, находящихся на том же пути. Уйти от боя можно,

лишь отступая в одном направлении — на свою базу. Маневрировать в бою можно лишь в пределах ширины реки. Таким образом, и в стратегическом, и в тактическом отношении можно лишь двигаться в двух направлениях: вперед и назад. Так вся кампания и велась — нос к носу с противником. Тактически, где ширина реки позволяла, выстраивались в строй фронта и шли в атаку. Такой боевой порядок уменьшал вероятность попадания, так как построение было по малому диаметру эллипса рассеивания снарядов противника. Меняя скорости, можно было с некоторым успехом уходить из вилки. К счастью, красные не применяли системы завесы при стрельбе с кораблей, но береговые батареи устраивали завесы, и тогда их надо было прорывать на больших ходах и стараться войти в их мертвый угол, то есть жаться к высокому правому берегу. Если бы красные владели левым берегом и имели бы на нем свои батареи, белой флотилии пришлось бы много труднее. Действия полковника Каппеля, с которым флотилия координировала свои действия, помогали ее продвижению, так как иначе пришлось бы считаться с установленными на уровне воды кинжальными батареями.

Как-то раз с «Вульфа», стоящего у берега на отдыхе, заметили приближающегося человека в рваном крестьянском одеянии. Оборванец оказался старлейтом Ф.⁸ По прибытии в Самару он «нанялся» начальником штаба Волжской боевой флотилии. Это было большим приобретением, так как старлейт Ф. был энергичного характера и с большим опытом в оперативной работе.

Флотилия была разделена на два дивизиона: Северный, или 1-й, с мичманом М. во главе и Южный, или 2-й, под командой мичмана Д. На судах флотилии были подняты Андреевские флаги. В одном из боев под Симбирском старлейт Ф. с мичманом Е. пошли в бой и лихо его провели, заставив один из красных кораблей выброситься на берег. Мичман Е. был ранен осколком в щеку.

После взятия Симбирска мичман М., узнав, что в городе проживает капитан 2 ранга Ф., явился к нему с рапортом и предложил вступить в командование 1-м дивизионом. Там же оказались и старлейт Р.⁹ и лейтенант Х. Капитан 2 ранга Ф.¹⁰ от лица всех присутствующих заявил, что все они пойдут

драться под командой мичмана М. Старлейт Р., по специальности артиллерист, предложил вооружить баржу шестидюймовыми орудиями, которые он обещал достать в Симбирске.

Действительно, через неделю флотилия обогатилась новой боевой единицей — баржей, вооруженной двумя шестидюймовыми орудиями Шнейдера. Командиром был назначен капитан 2 ранга Ф., старшим офицером — лейтенант Х., а старшим артиллеристом — старший лейтенант Р. Этой плавучей батарее был придан сильный буксир, и теперь флотилия была готова к походу на Казань. Мичман К., тоже оказавшийся в Симбирске, был назначен комендантом на десантный пароход, и на его корабль была посажена рота чехов в 80 человек.

Вся армия была погружена на пароходы, баржи, и армада двинулась вверх по реке. План действия был основан на внезапности удара. Красные не могли ожидать, что армия с правого берега реки будет убрана и путь на Самару будет оставлен открытым. Подойдя к Казани, флотилия должна была прикрыть высадку армии своей артиллерией, а остальное было уже делом армии. Десантный отряд мичмана К. должен был взять Верхний Услон — высокий холм на правом берегу, на котором, по имевшимся сведениям, была установлена красная батарея.

Того натиска, с которым флотилия продвигалась вперед, ни один из участников этой экспедиции никогда не забудет. Весь длинный путь от Симбирска до Казани (около двухсот верст) велся непрерывный бой с красной флотилией. Мичман М. приказал не сбавлять хода — будь что будет, флотилия неслась под всеми парами, оставив далеко позади весь транспорт и свою вооруженную баржу. Красные, не ожидая такого напора, иногда застигались врасплох, и в таких случаях бой велся на коротких дистанциях.

В селе Тетюши, куда была высажена разведка, нельзя было найти ни души. Наши телефонисты соединились по телефону с Казанью и включились в разговор с красными, которым столько наговорили, что последние очень встревожились и спрашивали информацию. В Спасском Затоне, куда на зиму ставились пароходы, среди массы судов, находившихся «на приколе» (волжское выражение, обозначающее пароход

в бездействии), нашли гордость и красу волжского судоходства — самый быстроходный пассажирский пароход «Фельд-маршал Суворов». К общему негодованию, на колесных кожухах красовалась надпись «Карл Маркс». Такого позора перенести было нельзя, и поэтому было оставлено посыльное судно смыть надпись.

Подойдя к Нижнему Услону, верстах в двенадцати от Казани, флотилия остановилась осмотреть пароходы и баржи, оставленные позади красными. Одна из барж была нагружена бакалейными товарами.

Найденный шоколад был сейчас же разделен по судам, и проголодавшаяся команда буквально им объелась. По выработанному плану действий мичман М. должен был здесь ждать подхода армии для дальнейших совместных действий. Но в это время вверх по реке заметили движение пароходов. Большинство уходило вверх, и только небольшая их группа медленно спускалась вниз по течению. По-видимому, это были буксиры, хотя два из них были выкрашены в защитный цвет, что для волжских пароходов было совершенно необычайно.

Вскоре среди судов флотилии стали ложиться снаряды. Мичман М. решил атаковать. Так начались действия, повлекшие за собою взятие Казани. Во время атаки флотилии сошлись так близко, что «Вульф», шедший головным, пулеметным огнем разогнал орудийную команду концевого красного парохода. С этого момента красная флотилия расстроилась, и каждый корабль стал удирать по способности. Три из них выбросились на берег, и команда разбежалась под орудийным и пулеметным огнем.

Мичман М. семафором отдал распоряжение высадить десант на Верхний Услон. Мичман К. выкатил свой корабль с полного хода на берег, и чехи стали карабкаться вверх по холму. Одновременно флотилия стреляла по батарее, расположенной на верхушке холма. После небольшой перестрелки холм оказался в руках чехов, а захваченные ими орудия красных были направлены на железную дорогу, ведущую из Казани на Свияжск, по левому берегу Волги. Можно было наблюдать, насколько весь железнодорожный путь был забит тянувшимися из Казани поездами. Надо было подорвать пути и

таким образом воспрепятствовать увозу золота из Казани. Для этой цели на левый берег была высажена подрывная команда, а десант с флотилии захватил пристани, необходимые для высадки армии. Казанские пристани находятся в семи верстах от города, и поэтому десант мог легко расположиться в пустынной низине между городом и пристанями.

Часам к трем дня у Нижнего Услона появилась вся армада с армией. Мичман М. явился к полковнику Каппелю за дальнейшими инструкциями. Каппель разнес мичмана М. за безрассудное удалество.

— Какая судьба постигла бы армию,— сказал он,— если бы флотилия оказалась разбита береговыми батареями? Ведь суда красных, преднамеренно отступая, могли завлечь вас на кинжальные батареи и тогда, уничтожив вас, забрать голыми руками всю нашу армию.

В продолжение всего разговора глаза Каппеля улыбались, и мичман М. понял, что если бы Каппель был на его месте, то поступил бы как он.

Получив распоряжение стать на позиции и соединиться телефоном со штабом армии, мичман М. удалился с радостным чувством, так как видел, что его действия получили одобрение такого выдающегося начальника. Почему Каппель не произвел высадку у пристаней, было непонятно, но, очевидно, у него были свои соображения, а ошибался он редко. Баржу с шестидюймовками поставили на якорь, а пароходы, уткнувшись носами в берег, наладили на мачтах посты для наблюдателей и выставили дозоры в поле. Каппель высадился шагах в трехстах вниз по реке и там установил свой временный штаб. «Вульф» соединился с ним полевым телефоном.

С 5 часов началась бомбардировка Казани. Стреляли по кремлю и по частям города, где были красные казармы. Вскоре с Верхнего услона пришло донесение, что несметные толпы людей двигаются из Казани во все стороны, кроме южной, с которой подошли белые. Расстояние от пароходов до Казани было около восьми верст, так что трехдюймовки едва хватали. Разрывы были видны у южной окраины города. Шестидюймовая батарея палила безостановочно по кремлю.

Ночью и утром происходила разгрузка транспортов. Без пристаней разгружать артиллерию и кавалерию было довольно трудным делом, но к рассвету все было на берегу. На утро все было налажено и фронт установлен. При начале наступления пришли донесения, что пристаням угрожают красные отряды. Пришлось убрать пристанский заслон, состоявший из 30 человек с 10 пулеметами — в то время пулеметов на флотилии было хоть отбавляй.

К полудню разыгрался бой. Капеля нигде не было видно. Полковник С., командовавший чехами, давал указания о направлении огня флотилии. Кроме чехов, по-видимому, на фронте никого не было. После полудня чехи стали медленно отходить под напором красных. В это время на правом фланге Красной армии произошел эпизод, повернувший весь дальнейший ход событий.

Дело в том, что в Казани находились сербы, бывшие пленные в Австрии, впоследствии бежавшие с чехами на русскую сторону. Они организовали красную сербскую сотню и вошли в состав Красной армии, оборонявшей Казань. Так вот эти сербы в самый критический момент боя вдруг с диким криком «на нож» кинулись с фланга на красноармейцев. Произошло это в пределах видимости флотилии, и с мачт можно было наблюдать, как красный фронт дрогнул и обратился в бегство. Чехи бросились преследовать.

Но самый пикантный момент был впереди. Когда красноармейцы примчались к городу, их встретили пулеметным огнем. Оказывается, Капель со своим отрядом, идя всю ночь, обошел Казань и часов в одиннадцать на следующее утро вошел в город с северной стороны. Теперь стало понятно, почему он не хотел высаживаться у пристаней: силы были слишком неравные для лобовой атаки. В штабе потом говорили, что против 600 чехов и 400 каппелевцев красные выставили девять тысяч солдат.

Когда часам к пяти «Вульф» подошел к пристаням, там было полно народу. Все махали руками и шляпами, приветствуя своих освободителей. На мостик «Вульфа» бросали букеты цветов, подъем был необычайный. Выставив два корабля в дозор по направлению к Свяжску, мичман М. приказал команде «песни петь и веселиться».

За первую же неделю пребывания в Казани произошли организационные перемены в Народной Армии и особенно на флотилии. Наблюдалось медленное, но верное распухание штабов. Мичман М., отписываясь на официальную корреспонденцию, часто вспоминал то счастливое время, когда весь его штаб состоял из одного человека — гардемарина Т. Гардемарин Т. был вооружен карабином через одно плечо и полевой сумкой через другое. В сумке была полевая книжка с отрывными листами, проложенными копировальной бумагой. Приказы писались (если вообще они писались) карандашом, мичман М. подписывал, и в большинстве случаев «флаг-офицер» гардемарин Т. приказы эти самолично доставлял командирам. Имелась в сумке и печать флотилии, и когда мичману М. нужен был пропуск в штаб армии, таковой писался в присутствии караульного начальника, подписывался, к нему прикладывалась печать, и дело было «в шляпе». Гардемарин Т. был, кроме того, старшим сигнальщиком на флагманском корабле и передавал приказания семафором на другие суда. В бою, когда была необходима быстрота передачи приказаний, гардемарин Т. находился на головном корабле второй колонны, и тогда можно было наблюдать «комфлота», стоящего на поручнях мостика и разговаривающего семафором со своим «флаг-офицером».

Но побеждать противника без «правильной» организации некоторым казалось неудовлетворительным. Войну решили вести по всем правилам искусства. Во-первых, основали большой штаб, взявший на себя обязанности береговой обороны. Вскоре из захваченных пароходов образовался еще один дивизион — третий. Командовать им был назначен капитан 2 ранга Ф., тот самый, который организовал плавучую батарею в Симбирске. Не хватало Главнокомандующего, но и этот пробел был вскоре заполнен, с приездом всеми уважаемого контр-адмирала С.¹¹

Каждому дивизиону был придан пассажирский пароход для штаба. Начальник береговой обороны получил пароход размером побольше, очевидно в соответствии с величиной штаба. Как-то раз «Вульф» стоял пришвартовавшись к базе береговой обороны. Мичман М. был предупрежден армейским штабом не стрелять по аэропланам, которые вскоре

должны появиться, так как это будут аэропланы белых. Действительно, показалась парочка аэропланов, и вся команда «Вульфа» и штаб обороны высыпали на палубу на них посмотреть. Вдруг от них отделились пакетики и полетели вниз. В мгновение ока «Вульф» навел свое зенитное орудие и начал стрелять. Бомбы разорвались на барже и на пристани, у которой стояли база и «Вульф». Своей стрельбой «Вульф» вышиб почти все стекла на базе, чем вызвал большое негодование всего ее населения.

В Казани повторилось то же явление, что в Сызрани, в Симбирске и в других городах, — волонтеров в Народную Армию почти не было, а между тем, когда Каппель прибыл в Казань, все жители жаловались на красных, которые перед уходом расстреляли множество офицеров и интеллигенции. Красноречивым доказательством этого были 17 гробов, стоявших в соборе.

Дело обороны Казани складывалось печально: чехи утратили интерес к Гражданской войне, силы Каппеля таяли, красные подвозили все новые и новые части. Стали поговаривать о вывозе золотого запаса в Самару. Целый месяц держался Каппель в Казани, в то время как флотилия обороняла подход с Волги. Красные привезли 100-мм орудия и, установив их на баржу у Свяжска, занялись бомбардировкой пристаней. Выходить судам флотилии за Верхний Услон теперь стало рискованно, так как поворот реки был под обстрелом этой плавучей красной батареи. Атаковать эту батарею пытались, но без большого успеха, ибо морские орудия имели дальность в два раза большую сухопутных трехдюймовок, которыми была вооружена флотилия. Несмотря на это, личный состав был уверен, что если б нужно было двигаться дальше — прорвались бы.

Вскоре на подмогу красным из Балтийского моря пришли быстроходные катера, делавшие ночные налеты на казанские пристани и флотилию. С этим боролись легко, выставив дозорные корабли к услоу и установив кинжальную батарею на берегу у поворота реки. Во время одного из походов третьего дивизиона был убит мичман Д., командовавший одним из кораблей. Корабль был переименован в его честь.

Перед эвакуацией Казани первому дивизиону было поручено вывести находившийся там золотой запас в Самару, по данным банка, всего было 660 миллионов рублей золотом. Интересно было наблюдать, как пассажирские пароходы, специально для этого предназначенные, садились все глубже и глубже под тяжестью золота... Чиновники заведовали счетом золота, а чины флотилии погрузкой его и охраной. Охрана состояла из внутреннего караула, который запирался в трюм на все время перехода, и наружного, с часовым у каждого люка; люки запломбировывались чиновниками. По окончании перевозки чиновники доложили, что все золото и прочие ценности были доставлены без малейшей пропажи. По окончании этой операции первый дивизион был назначен прикрывать отступление армии за Каму, а третий дивизион, с адмиралом С., пошел вверх по Каме, впадающей в Волгу верстах в шестидесяти от Казани.

При отступлении Белой армии из Казани красная флотилия стремилась прорваться на Каму и воспрепятствовать переправе армии на левый ее берег. В продолжение четырех дней первый дивизион, состоявший только из четырех кораблей, удерживал натиск всей красной флотилии. Мичману М. все время казалось, что вот-вот неприятель прорвется, поэтому он решил преградить фарватер Волги, затопив баржи.

Начальник речной обороны, находившийся на Каме, прислал две деревянные баржи вместо просимых железных. Грузили баржи камнями, создав жителей находящихся поблизости деревень. Времени не хватало — красные напирали; наконец начали топить баржи. Пробовали подрывные патроны, но они не взрывались. Рубить дно было рискованно для людей, так как красные жестоко обстреливали и флотилию, и баржи. Наконец решили топить снарядами. Попытка не удалась — деревянные баржи, недостаточно нагруженные камнем, отказались тонуть.

До темноты шел жестокий бой, и красные были отбиты. Ночью же, выгрузив на берег пушку с поручиком артиллерии Ч. и командой, дивизион отошел версты на четыре вниз по реке. На следующий день поручик Ч., стреляя в упор, утопил красный корабль, а затем разорвал орудие, наполнив дуло

водой. Только через несколько дней, не потеряв ни одного человека, он присоединился к флотилии, которая уже находилась на Каме. Геройское действие поручика Ч. задержало неприятеля еще на один день, благодаря чему Каппелю удалось переправить через Каму всю свою артиллерию и обозы. Так закончилась Волжская кампания и началась кампания Камская.

С продвижением чешских эшелонов дальше на восток положение белых повстанцев на Волге становилось критическим. Народная Армия без помощи чехов была слишком слаба для удержания взятой у большевиков территории, не говоря уже о дальнейшем развитии Белого движения в глубь России. Вкратце дальнейшая судьба флотилии была такова.

Сызрань пала вскоре после Казани, и второй дивизион флотилии разоружился в Самаре. Поздно осенью начали эвакуировать Самару; к дальнейшей перевозке государственного запаса золота проявили необычайную заботливость как русские, так и чехи. Первый дивизион, проконвоировав транспорт судов береговой обороны до устья реки Белой, был послан дальше вверх по Каме на помощь рабочим Воткинского и Ижевского заводов, поднявшим восстание против красных.

Уведомив их об отступлении главных сил на Уфу, мичман М. погрузил несколько тысяч винтовок, находившихся тогда на заводах, и вернулся в Белую на соединение с главными силами в Уфе. Третий дивизион, заранее посланный из Казани, чтобы очистить путь отступления по Каме, встретил сильное сопротивление красной флотилии, тогда оперировавшей из Перми, но успешно пробил дорогу для транспорта, потопив несколько красных вооруженных пароходов.

В Уфе флотилия была разоружена, а орудия и личный состав были погружены на поезда для дальнейшего следования в Сибирь, где в то время организовывалась новая армия. Этой зимой Сибирская армия адмирала Колчака заняла Пермь, и личный состав Волжской флотилии был возвращен из Сибири для организации Камской флотилии, блестяще действовавшей там в кампанию 1919 года.

Камская флотилия существовала недолго. С отступлением армии от Перми, летом 1919 года, флотилия была разоружена, и личный состав ее был частью использован для укомплектования Иртышской флотилии, а частью для формирования Отдельного Морского батальона, вошедшего в состав Сибирской армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мейерер Георгий (Генрих) Александрович, р. 1897 г. Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. основатель и до августа 1918 г. первый командующий Волжской флотилией, на 15 августа 1918 г. начальник 1-го речного боевого дивизиона Народной Армии, затем на Камской флотилии, с августа 1919 г. командир роты Морского учебного батальона в Омске. В январе 1920 г. эвакуирован из Владивостока на транспорте «Якут». С августа 1920 г. в Русской Армии до эвакуации Крыма; командир роты Морского корпуса, старший офицер учебного судна «Свобода». Лейтенант (1 января 1919 г.). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, с марта 1921 г. на учебном судне «Великая княгиня Ксения Александровна». В 1921–1922 гг. командир роты Морского корпуса. В эмиграции с 1922 г. в США, работал в фирме Сикорского, с 1934 г. в Стратфорде, затем в Нью-Йорке, на 31 января 1944 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 21 июля 1945 г. в Хантингтоне (Нью-Йорк).

² Впервые опубликовано (под псевдонимом «Лейтенант М.»): С берегов Америки. Юбилейный сборник Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1939.

³ Создана Комучем (Комитет членов Всероссийского учредительного собрания) 8 июня 1918 г. В Самаре еще с конца 1917 г. существовала подпольная офицерская организация подполк. Н. А. Галкина. Когда 8 июня 1918 г. в городе было создано правительство Комуча, ему было предложено возглавить военное ведомство, а его организация, насчитывавшая

200–250 человек, послужила основой для развертывания армии. 8 июня на собрании офицеров Генерального штаба в Самаре возглавить войска вызвался подполк. В. О. Каппель. Добровольцы Каппеля действовали у Самары и к северу от нее; южнее — части полк. Ф. Е. Махина (Особая Хвалынская группа). Первоначально армия строилась на добровольческой основе с трехмесячным сроком службы, 30 июня была проведена мобилизация 1897–1898 г. рождения, что позволило увеличить численность армии с 10 до 30 тыс. человек. В середине августа 1918 г. была объявлена мобилизация офицеров, которым к 1 августа не исполнилось 35 лет (генералов и старших офицеров независимо от возраста). В конце июня были развернуты 8 пехотных полков (в июле переименованы в стрелковые). Армия включала также такие части, как Казанский офицерский батальон, Чистопольский, Бугурусланский, Мензелинский и Бирский добровольческие отряды. Курганский русский батальон, две офицерские и студенческая роты и др. Отряд Каппеля в июле развернулся в Отдельную стрелковую бригаду (ставшую ядром армии), а остальные части в середине августа сведены в 3 стрелковые дивизии (в их составе имелись полки 1–4-й Самарские, 5-й и 6-й Сызранские, 10-й Бугурусланский, 11-й Бузулукский, 15-й Белебеевский и др.). 19 августа был сформирован Казанский отдельный корпус. К сентябрю были сформированы еще 3 стрелковые дивизии, а число кавалерийских полков доведено до пяти. Армия подразделялась на Северную и Южную группы. Из Северной группы в сентябре 1918 г. создана Казанская стрелковая бригада (3,6 тыс. штыков и сабель). К 1 сентября 1918 г. в армии было до 15 тыс. штыков и сабель, половина из которых — в добровольческих частях Каппеля и Махина (за счет которых и были достигнуты все успехи). В целом же она насчитывала из 50–60 тыс. мобилизованных не более 30 тыс. вооруженных. К концу октября в армии было уже около 5 тыс. офицеров.

Вследствие эсеровского характера Комуча армия имела соответствовавшие атрибуты: в ней существовало обращение «гражданин», форма — без погон, с отличительным признаком в виде георгиевской ленточки. Все это находилось в вопиющем противоречии с настроениями, психологией и идеологией офицерства, которое терпело Комуч лишь как неизбежное зло,

позволявшее, по крайней мере, вести борьбу с большевиками. Комуч в свою очередь крайне подозрительно относился к офицерству и старался противопоставить русским формированиям и русскому командованию чехов, создавая даже специальные чехо-русские части под началом чешских офицеров. После упразднения Народной Армии в декабре 1918 г. ее части в основном составили 1-й Волжский армейский корпус. Командующие: полк. Н. А. Галкин, полк. С. Чечек. Нач. штаба: полк. Н. А. Галкин (июнь–июль 1918 г.), полк. С. А. Щепихин. Начальники дивизий: 1-й — подполк. В. О. Каппель, 2-й — ген-майор А. С. Бакич.

⁴ Имеется в виду А. А. Ершов (см. выше).

⁵ То есть автор (который пишет здесь о себе в третьем лице).

⁶ Выпускник Константиновского артиллерийского училища.

⁷ Выпускник Михайловского артиллерийского училища.

⁸ Имеется в виду Н. Г. Фомин (см. выше).

⁹ Имеется в виду А. Э. Розенталь (см. выше).

¹⁰ Имеется в виду П. П. Феодосьев (см. выше).

¹¹ Имеется в виду М. И. Смирнов (см. выше).

Валерий Клавинг

**БЕЛЫЕ АРМИИ УРАЛА
И ПОВОЛЖЬЯ**

ЗАПАДНАЯ АРМИЯ (01.01–21.07.1919)

Как уже неоднократно упоминалось, в результате государственного переворота 18.11.1918 власть Уфимской дирекции перешла в руки Верховного Правителя России — адмирала Колчака А.В., который одновременно занял пост Верховного Главнокомандующего вновь создаваемой им **Русской армии**. В Русскую армию вошли все другие Белые армии на территории России, от Мурманска до Кавказа и от Прибалтики до Приморья и Камчатки. (Смотри «Русская армия»). В состав Русской армии в том числе вошли все уральские и сибирские Белые армии, включая новую — Западную армию.

Западная армия образована 01.01.1919 на базе Камской и Самарской групп войск и частей 3-го Уральского армейского корпуса прежних упраздненных Народной армии КОМУЧа и Российской армии Уфимской дирекции.

Командующие Западной армии:

генерал-лейтенант Ханжин (01.01–20.06.1919);

генерал-лейтенант Сахаров (21.06–22.07.1919).

22.07.1919 Западная армия преобразована в 3-ю (Сибирскую) армию (генерал-лейтенант Сахаров К.В.).

Состав Западной армии на 01.01.1919

3-й Уральский армейский корпус, 04.07.1918–11.06.1919
(генерал-лейтенант Ханжин М.В., 08.06–24.12.1918; генерал-

майоры, князь Голицын В.В., 10.01.–11.06.1919; Волков В.И., 06.1919; Иванов-Мумжиев П.А., 29.06–24.12.1919), и его:

– 6-я Уральская горных стрелков дивизия, 11.07.1918–20.10.1919 (полковники Сорочинский, 07.1918; Иванов, 07.1918; Нейланд, 08.1918–07.1919; Кузьмин, 07–10.1919), и ее: 21-й Челябинский стрелковый полк, 22-й Златоустовский стрелковый полк; 23-й Миасский стрелковый полк (01.1919 передан на формирование 10-й Верхнеуральской стрелковой дивизии); 24-й Саткинский стрелковый полк (01.1919 передан на формирование 10-й Верх-неуральской дивизии); 6-я Уральская дивизия расформирована 20.10.1919.

– 7-я Уральская стрелковая дивизия, 06.08.1919–02.01.1920 (полковники Голицын В.В., 06.08–27.12.1918; Торейкин С.М., 09.01–07.02.1919; генерал-майор Тарасевич М.С., 02–08.1919; полковники Пустовойтенко И.С., 06.08–13.09.1919; Болдарев В.М., 05.10–24.12.1919, бежал в Щегловской тайге, бросив дивизию; с 07.1920 стал известен как командир бригады в Красной армии!); и ее 25-й Екатеринбургский (генерал-майор Торейкин С.М., 08–01.1919; полковники Герасимов Б.А., 01–07.1919; Гуляев, 07–10.1919; подполковник Осипов Д.Н., 11–12.1919); 26-й Шадринский (ранее Верхнеисетский) стрелковый полк (полковник, с 24.12.1918 генерал-майор Иванов Александр Евстиг., 08.1918–03.1919; полковник Адамович Л.М., 04–09.1919; капитан Барышев В.К., 09–11.1919); 27-й Камышлов-Оравайский (генерал-майор Тарасевич М.С., 08.1918–02.1919; полковник (с 19.05.1919) Рожко П.К., 02–11.1919); 28-й Ирбитско-(Перновский) Болховский (полковник Кононов С.А., 08–10.1918; генерал-майор (с 24.12.1918) Некрасов М.Н., 10.1918–02.1919; подполковник Трухин Н.Н., 03–10.1919; штабс-капитан Зезев, 11.1919) стрелковые полки.

7-я Уральская дивизия, находясь в арьергарде и прикрывая отход 3-й армии, была разгромлена 25.12.1919 у деревни Дмитриевской в Щегловской тайге, остатки сдались партизанам 02.01.1920 у деревни Аптацкой;

– 3-я Уральская кадровая горных стрелков бригада, и ее – 6-й и 7-й кадровые полки.

6-й Уральский стрелковый корпус, 03.01–26.05.1919 (генерал-майоры Сукин Н.Т.; Косьмин В.Д., 26–30.05.1919), и его:

– 11-я Уральская стрелковая дивизия (полковники Ванюков; Косьмин В.Д., 10.1918–03.1919; Ванюков, 24.03–04.06.1919; генерал-майоры Круглевский, 04.06–09.1919; Беллев, 09.1919–01) и ее 41-й Уральский стрелковый полк (полковник Круглевский), 42-й Троицкий стрелковый полк, 43-й Верхнеуральский стрелковый полк, 44-й Кустанайский стрелковый полк. (Отступавшие остатки 11-й Уральской дивизии разгромлены, распылены и попали в плен 01.1920 в боях у Красноярска).

11-я Уральская дивизия 26.05.1919 вошла в Уральскую группу 3-й Армии.

– 12-я Уральская стрелковая дивизия, 04.10.1918–20.03.1920; сформирована на базе 2-й стрелковой кадровой дивизии (генерал-майор Бангерский Р.К., 05.10.1918–17.06.1919; полковники Боржинский, 11–12.1919; Бутенко, 01–03.1920), и ее 45-й Сибирский стрелковый полк (капитан Обухов; с 03.1919 — полковник Капитанов), 46-й Исетский (прежний 22-й Златоустский) стрелковый полк (полковник Иванов); 47-й Тагильский (прежний 21-й Челябинский) стрелковый полк (полковник Ванюков; с 05.1919 — полковник Бондырев; с 08.1919 — капитан Самойлов); 48-й Туринский стрелковый полк (полковник Украинцев; с 08.1919 — капитан Овчинников).

12-я Уральская дивизия 26.05.1919 передана Уфимской группе 3-й Армии.

6-й Уральский корпус расформирован 26.05.1919.

2-й Уфимский армейский корпус, 30.09.1918–17.08.1919; сформирован на базе бывшей Камской группы — позже 8-го Уфимского армейского корпуса, 10.01.1919 переформированный во 2-й Уфимский корпус (генерал-лейтенант Люпов С.Н., 30.09.1918–12.01.1919; генерал-майоры Джунковский, 13.01–25.03.1919; Войцеховский С.Н., 25.03–17.08.1919), и его:

– 4-я Уфимская стрелковая генерала Корнилова дивизия, 06.09.1918–20.3.1920 (генерал-лейтенант Люпов С.Н.,

09.1918; генерал-майоры Косьмин В.Д., 10.1918–03.1919; Сахаров Н.И., 08–16.11.1919; полковник Слотов, 11.12.1919; генерал-майор Петров П.П., 01–03.1920); и ее 13-й (полковник Сахаров Г.И., 07.1918; капитан Карпов, 08.1918–05.1919; полковник Сидамонидзе Г.К., 07.1919–03.1920) и 14-й (подполковник Слотов) Уфимские, 15-й Михайловский (капитан Егоров), 16-й Татарский (подполковник Курушин; полковники Павлович, 03–10.1919; Недоспасов, 11.1919–03.1920) стрелковые полки.

4-я Уфимская дивизия в боях у Красноярска 01.1920 потеряла более половины состава.

– 8-я Камская стрелковая дивизия, 30.09.1918–20.03.1920; сформирована на базе Сводной Уфимской дивизии (полковник Пронин; генерал-майор Пучков Ф.А., 01.07–05.12.1919); и ее 29-й Бирский (штабс-капитан Рождественский, 01–09.1919; Сотников, 09.1919–03.1920) 30-й Аксинский, 10.1918–03.1920 (полковник Старов); 31-й Стерлитамакский (полковник Воробьев); 32-й Прикамский, 01.1919–03.1920 (поручик Порошник) стрелковые полки.

– Отдельная Ижевская бригада, 03.01.1919–20.03.1920; сформирована на базе Ижевской Народной армии, 08.1918–03.01.1919; развернута в Ижевскую дивизию 01.10.1919; (полковник Федичкин Д.И., 08.1918–07.1919; Молчанов В.М., 07.1919–02.1920).

1-й Волжский (Поволжский) стрелковый корпус, 27.02.1919–20.03.1920; сформирован на базе Симбирской группы Поволжского фронта (20.08–17.11.1918) и с 17.11.1918 – Сводного корпуса (генерал-майор Каппель В.О., 08.1918–10.10.1919; генерал-майор Имшенецкий А.С., 10.10.1919–01.1920, умер от болезни); и его:

– 1-я Самарская стрелковая дивизия (генерал-майор Имшенецкий А.С., 01–10.1919; генерал-майор Сахаров Н.П., 10.1919–03.1920) и ее 1-й Волжский (полковник Миронов; с 05.1919 – капитан Мечь); 2-й Самарский (подполковник Пифаров; с 03.1919 – подполковник Калатц) и 3-й Ставропольский (полковник Ромеров) стрелковые полки;

— 3-я Симбирская стрелковая дивизия (полковник Подрядчик К.Т.) и ее 9-й Симбирский, 10-й Бузулукский и 11-й Бугульминский стрелковые полки;

— 13-я Казанская стрелковая дивизия, сформирована на базе 1-й Казанской дивизии (генерал-майор Перхуров А.П., 07.1919—03.1920) и ее 49-й Казанский, 50-й Арский и 51-й Уржумский стрелковые полки; Волжской кавалерийской бригады.

— 12-я Уральская стрелковая дивизия с 05.1919 (генерал Бангерский) и ее 45-й Сибирский, 46-й Исетский, 47-й Тагильский и 48-й Туринские полки (смотри — 6-й Уральский корпус).

1-й Волжский корпус 01.02—02.05.1919 находился в процессе переформирования; 02.05—14.07.1919 — в составе Западной армии; с 14.07.1919 — в 3-й армии, которая 10.10.1919 вошла в состав Московской группы армий.

В Западную армию также вошли:

— 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, 02.11.1918—20.03.1919 (полковник Попов, 11—12.1918; генерал-майор Джунковский С.С., 04—07.1919; генерал-майор, князь Кантакузен, 10.1919—03.1920) и ее Драгунский, Гусарский, Уланский и Казачий Уфимские полки.

2-я Уфимская кавалерийская дивизия 07.1919 вошла в состав Южной конной группы 2-й армии.

— 3-я Отдельная Оренбургская казачья дивизия, 20.07.1918—26.04.1919 (генерал-майоры Ончоков 20.07.1918—02.01.1919; Печенкин В.И., 03.01—26.04.1919) и ее: 11-й, 12-й, 13-й и 14-й Оренбургские казачьи полки.

3-я Оренбургская казачья дивизия расформирована 26.04.1919.

— Отдельный Сербский добровольческий полк.

Состав Западной армии на 01.04.1919

Кроме остающихся в Западной армии 1-го Волжского, 3-го и 6-го Уральских стрелковых корпусов и 2-го Уфимского армейского корпуса, Западная армия была дополнительно усилена.

Южной Группой, 24.03–23.05.1919; (генерал-майор Белов Г.А.; с 03.1919), в составе:

4-го (Сызранского) армейского корпуса (генерал-майор Авксентьевский К.А.; с 04.08.1919 — генерал-майор Бакич А.С.), с его:

— 2-й Сызранской (Сибирской) стрелковой дивизией, 24.07.1918 (полковники Махин Ф.Е., 08–11.1918; Бакич); и ее 5-м, 6-м, 7-м и 8-м Сызранскими стрелковыми полками;

— 5-й (Оренбургской, Сибирской) стрелковой дивизией (генерал-майор Нейзель; генерал-майор Гулидов В.П., 26.07–18.11.1919), и ее 17-м, 18-м и 19-м Оренбургскими казачьими полками;

— 3-й Сводной казачьей бригадой;

— 51-го Отдельного казачьего отряда.

5-й Стерлитамакский армейский корпус, 04.03–18.09.1919 (генерал-майоры Печенкин В.И., 02–03.1919; Бобрик, 04.1919; Церетели, 05–07.1919; Эллерц-Усов А.В., 07.10.1919); с его:

— 9-й Стерлитамакской стрелковой дивизией, 02–09.1919, создана 25.05.1919 путем переформирования и переименованием Сводной Оренбургской стрелковой дивизии. 9-я Стрелковая дивизия разгромлена под Орском и Актюбинском 09.1919, остатки дивизии сдались Красной армии.

— 10-й Верхнеуральской горных стрелков дивизией, 02–09.1919; до 05.1919 именовалась Сводной Уральской дивизией (полковник Кононов К.Л.); и ее 37-м, 38-м, 39-м и 40-м горных стрелков полками.

Верхнеуральская дивизия 09.1919 разгромлена под Орском и Актюбинском, остатки сдались в плен.

Кроме того в Южную группу из Оренбургской армии была передана 9-я Башкирская дивизия (остатки Башкирского корпуса, который 18.02.1919 к востоку от линии фронта Уфа–Стерлитамак почти в полном составе (4 пехотных полка) перешел на сторону Советской власти во главе со своим командиром — Валидовым А.).

Всего в Западной армии на 01.04.1919 числилось около 30 000 штыков и 5000 сабель и в Южной группе — 7000 штыков и 6000 сабель.

22.07.1919 Западная армия преобразована в 3-ю Армию Восточного фронта.

К моменту начала формирования Западной армии, в конце 1918 линия фронта, проходя от Верхотурья, западнее Красноуфимска, восточнее Мензелинска, к Белебею, восточнее Бузулука, западнее Уральска, до Александров-Гая, достигала протяженности в 3000 километров. Боевые действия на этом фронте вели войска Российской армии Уфимской Директории и в частности Екатеринбургская и Камская (Сибирской армии), а также Поволжская (Народная армия КОМУЧа) группы Западного фронта, которым командовал чешский генерал Сыровы. Дивизии и части Чехословацкого корпуса, по приказу военного министра Чехословацкой республики к началу 1919 г. должны были полностью прекратить боевые действия, уйти с линии фронта и сосредоточиться во Владивостоке для эвакуации в Европу. Генерал Сыровы также покидал свой пост. Западный фронт в Поволжье подлежал ликвидации и командование русскими Белыми армиями передавалось Ставке Главнокомандования Русской армии во главе с адмиралом Колчаком. Отдельным Белым армиям Русской армии адмирала Колчака противостояли 3-я, 2-я, 5-я, 1-я и 4-я Красные армии советского Восточного фронта. На линии фронта от Оренбурга до Актюбинска и берегов Каспийского моря Оренбургской и Уральской Белым армиям противостоял советский Туркестанский фронт. После активных боевых действий осенью 1918 г. и значительного успеха Сибирской армии, победоносно захватившей 25.12.1918 Пермь, и Белые и Красные армии, временно исчерпав возможности для глобально значимых наступлений, вынуждены были «взять паузу». Однако военные действия по решению менее масштабных задач продолжались на отдельных участках указанной линии фронта. Красная армия, не выполнив стратегическую задачу — вытеснить Белые армии за Урал и выйти за линию Уфа—Челябинск—Екатеринбург — как бы в отместку за неудачу в Перми; удалось одержать значимую победу 25.01.1919, захватив Оренбург. Захват белыми Перми и Оренбурга красными, лишь подтвердил некоторое равновесие и равенство сил. Однако ситуация требовала более тщательного стратегического анализа и

оценки, как сложившейся обстановки в целом, так и тактических возможностей на отдельных участках фронта. Однако военное противостояние почти всегда не остается в статической стабильности и находится в процессе динамики, которая непрерывно вносит изменения в данной ситуации и требует принятия тактических, а иногда и срочных стратегических соответствующих мероприятий. Теперь линия фронта на северо-востоке проходила от Перми и Глазова, восточнее Уфы, Стерлитамака, Орска, Актюбинска, южнее Сломихинской и доходила до Каспия между Гурьевым и Астраханью. Угроза потерять Урал оставалась реальной и требовала соответствующих планов и мероприятий по ее ликвидации. В этой связи командование Русской армией решило провести соответствующую реорганизацию и перегруппировку сил всех Сибирских, Уральских и Оренбургских Белых армий. Западная армия и ее командующий генерал Ханжин приложили все силы, чтобы сформировать новую боеспособную армию и первые два месяца 1919 г. в основном прошли в реализации этого огромного плана. К концу февраля 1919 г. поставленная задача в целом была выполнена.

Во исполнение плана штаба Ставки, к 01.03.1919 на небольшом участке протяженностью менее 50 километров севернее и северо-восточнее Уфы генерал Ханжин сконцентрировал около 30 000 солдат против скопления советских войск 5-й Красной армии в этом районе.

06.03.1919 в плане выполнения общего «Весеннего наступления» Русской армии колчаковских войск, Западная армия (генерал Ханжин М.В.) начала атаковать 5-ю Красную армию на этом направлении. Основной удар был направлен на Бугульму–Саратов, с учетом предстоящего форсирования Волги. Вспомогательные удары планировалось нанести в сторону Чистополя, на Каму (и далее, в случае удачи — на Пермь, в помощь Сибирской армии генерала Гайды Р.), а также на южном фланге на Стерлитамак и далее — на Уральск. Главную задачу должен был решать 2-й Уфимский корпус (генерал Войцеховский С.Н.), наступая на Бугульму. В центре начал наступление 3-й Уральский корпус (генерал князь Голицын) также в направлении Бугульма-Самара. На южном

фланге 6-й Уральский корпус (генерал Сукин) вел наступление в полосе Белебей-Стерлитамак.

Удар в центре по линии Уфа—Бугуруслан (2-й Уфимский и 3-й Уральский корпуса) оказался настолько жестким и сильным для войск 5-й Красной армии, что в течение месяца колчаковским войскам удалось уже 09.03.1919 захватить Уфу, а в течение 04.1919 — Белебей, Бугульму, Бугуруслан. Следует заметить, что этому успеху способствовали решительные и умелые действия 27-го Камышловско-Оровайского полка (подполковник Рожко П.К.), который 13.03.1919 захватил железнодорожный мост через реку Белая в районе Уфы. 14.03.1919 советские войска под ударами 6-го (и частично 3-го) Уральских корпусов (генералы Сукин и Голицын) вынуждены были на южном фланге отступить к Оренбургу, и далее — к Уральску, где они попадали под удары Южной группы (генерал Белов). На северном фланге войска Западной армии вошли в Чистополь. В центре Западная армия, отбросив 1-ю Красную армию к северу и тесня 5-ю Красную армию к Волге, устремилась в направлении Самары. Фронт между 1-й и 5-й Красными армиями был прорван, образовав 150-километровый разрыв между ними.

В это же время 05.1919 войска 2-го Уфимского корпуса (Войцеховский) подошли и оказались в 100 километрах от Симбирска, концентрируясь на левом берегу Волги, северовосточнее Самары.

Таким образом в течение полутора-двух месяцев Красные армии, отступая и ведя оборонительные бои, потерпели значительные неудачи и поражения, в результате которых их войска оказались прижатыми к Волге.

Естественно, что рамки настоящей книги не позволяют более подробно описать упомянутые боевые действия Западной армии 03—04.1919. Однако имеют место некоторые детали, которые объективно предопределили наступившие вскоре неудачи и поражения Западной армии, которые необходимо кратко обозначить. Их отчетливо и очень скоро понял и почувствовал командующий Западной армией генерал Ханжин М.В. Первые сигналы тревоги для него прозвучали буквально в следующие дни так успешно начавшегося наступления. Как уже сказано, через три дня после начала наступления

09.03.1919 войска Западной армии захватили Уфу. При этом первыми в городе оказались войска 6-го Уральского корпуса генерала Сукина, которые должны были выполнять свои задачи в общем наступлении в более южном направлении. Но, воспользовавшись откатом 5-й Красной армии под ударами 3-го Уральского корпуса генерала Голицына с северной стороны Уфы, генерал Сукин, нарушив установленную линию разграничения своих войск с войсками 3-го Уральского корпуса южнее города и использовав образовавшийся вакуум в сопротивлении на северном своем фланге вследствие отступивших войск противника — ворвался в Уфу. Тем самым генерал Сукин, приостановив наступление на Белебей, где 14.03.1919 в районе села Рапьева должна была произойти встреча его корпуса с войсками 3-го Уральского корпуса генерала Голицына и замкнуться кольцо окружения значительной части войск 5-й Красной армии — сорвал эту подготовленную к реализации решающую победу в зоне боевых действий Западной армии. Кроме того, эта «победа Сукина» вместо продолжения наступления обрекла на недельные топтания на месте войска 3-го и 6-го Уральских корпусов на подходах к Белебею. Но, провозглашая захват Уфы как якобы огромную победу, генерал Сукин хотел утвердить и приобрести славу «освободителя города» (Уфы). Молва об изгнании большевиков из Уфы покатила по Уралу и Сибири. В результате, оказавшись вне информации о деталях «захвата» Уфы, Ставка и сам Главковерх адмирал Колчак это событие оценили (как и глаголил генерал Сукин) огромной и решающей победой над совдепией. Адмирал Колчак (приуроченным к Пасхе 1919) своим приказом произвел командующего Западной армией генерал-лейтенанта Ханжина М.В. (единственного за всю Гражданскую войну) в «Генералы-от-Артиллерии». Скрывая гнев, генерал Ханжин вынужденно должен был принять почетное звание, хотя уже к этому времени он уже почувствовал негативный отзвук действий генерала Сукина и цену «освободителя Уфы». Войска Красной армии не были окружены и разбиты, отступая оказывали ожесточенное сопротивление, в результате чего войска Западной армии несли огромные потери. И даже последовавший успешный выход к реке Ик, предусмотренный первоначальным

планом не радовал командующего. За неделю боев только 7-я Уральская дивизия потеряла около 2000 (75 % состава), а весь 3-й Уральский корпус примерно 3500 (50% состава корпуса) за 20 дней боев! Такие потери не могли радовать генерала Ханжина. И несмотря на просьбы почти всех командиров (начиная со времени выхода войск на реку Ик) дать отдых войскам, восполнить потери, снизить темпы наступления, генерал Ханжин в ответ вынужденно пересылал приказ Ставки: «Вперед, на Самару и Волгу!». И «Бег к Волге» продолжался. Сам генерал Ханжин становился невольником исполнения приказа и начал было склоняться, что продолжение пока успешного все-таки приведет к конечному успеху форсирования Волги и захвату Самары. Он даже слал приказы по убыстрению темпов наступления, теряя здравомыслие и чувства при ежедневной оценке реально складывающейся ситуации, а также начал считать, что снижение темпов, а тем более какие-либо задержки, топтание на месте или другие негативные причины потери времени могут заставить Западную армию в период наступающей весенней распутицы. Тогда Западная армия может попасть в самые тяжелые и непредсказуемые негативные ситуации, неотвратимо ведущие к самым тяжелым поражениям, хотя потенциально он, что его пока еще успешное наступление начинает ослабевать, катастрофически приближаясь, образно говоря к балансированию на лезвии ножа. Однако пока ситуация еще позволяла льстить себя возможностью «на плечах» отступающего противника достичь берегов Волги.

Здесь следует вновь досказать несколько слов о генерале Сукине. Последний не поладил с атаманом Дутовым (за интриги и партизанщину в выполнении приказов), когда в Оренбурге Сукин еще начинал свою службу на командных постах в Белой армии. Атаман Дутов намеревался изгнать генерала Сукина из Оренбургской армии. Последний упросил генерала Ханжина, формировавшего в конце лета 1918 г. штаб 3-го Уральского корпуса в Челябинске и нуждавшегося в кадрах, принять его под свое покровительство. Генерал Ханжин поверил вранью «перебежчика» (так как и сам недолго любил «выскачку» атамана Дутова) и принял Сукина в свой корпус и (даже) назначил его начальником штаба 3-го Уральского

Корпуса! Однако неудачные планы, неправильные оценки ситуаций, неверные советы и предложения начальника штаба, проявившиеся в период проведения операции по разгрому партизан Каширина и Блюхера, провал и неудачи в боях с партизанской армией Блюхера показали всю некомпетентность и авантюризм работы генерала Сукина на посту начальника штаба 3-го Уральского корпуса (смотри — «Поволжский фронт»). Как порядочный человек, генерал Ханжин не нашел лучшего способа избавиться от генерала Сукина, как перевести его на должность командующего 6-м Уральским корпусом. К чему привела известная партизанщина Сукина на этом посту, как, например, «освобождение Уфы», уже достаточно известно. Окончательно генерал Ханжин избавился от генерала Сукина только 26.05.1919, расформировав 6-й Уральский корпус. Однако генерал Сукин написал Главковерху Колчаку донос, в котором все неудачи 6-го Уральского корпуса и последние поражения Западной армии приписал генералу Ханжину, обвинив его в неумелом руководстве боевыми операциями и неспособности командовать армией.

Все эти дополнения лишь подтверждают, что жестокая конкуренция среди некоторых командиров и командующих является обычным явлением для оправдания собственных, мягко говоря, негативных деяний в процессе ведения кровопролитных ожесточенных боев и сражений. Обычно для снижения ответственности за собственные субъективные ошибки, конкуренты прибегают к маскировке, доносам и другим известным приемам в подобных случаях.

В результате апрельское наступление 1919 г. Западной армией закончилось возросшим ожесточением сопротивления Красной армии и полной остановкой наступления. Войска генерала Ханжина не достигли выхода даже на восточные берега Волги ни в направлении Самары, ни в направлении Симбирска. Красные 1-я и 5-я армии остановили Западную армию всего лишь в 80 километрах до Волги. «Бег к Волге» закончился, не достигнув своих конечных целей.

Причин этой неудачи, точнее — поражения, достаточно много и о некоторых уже было сказано. Но имеет место еще одна, можно сказать, общая и не только для армий России. Не

уходя в глубины истории, обратимся хотя бы к предшествующим Гражданской войнам России с Японией и Германией в начале XX века. Хорошо известно, как безнаказанно соперничали между собой командующие армиями, корпусами, дивизиями и даже более мелкими частями. В русско-японской войне 1904–1905 годов имели место случаи, когда некоторые командующие маньчжурскими корпусами и армиями с безразличием (а возможно, даже с большим желанием) наблюдали, как соседний корпус или армия несет потери и вынужденно отступает под натиском японцев. При этом умышленно «удержали паузу» и не торопились своевременно прийти на помощь. А в 1914 г. попавшая в окружение в Восточной Пруссии и уничтожаемая немецкими войсками 2-я армия генерала Самсонова А.В. оставалась брошенной на произвол судьбы. Соседняя 1-я армия генерала Ренненкампа П.К. не только не поспешила с помощью, но и вообще не выполнила этот свой священный долг — не считаясь ни с чем, скорейшим образом оказать помощь попавшему в беду соседу. Подобных примеров достаточно много и, как уже сказано, повторяем, они происходили и в армиях других государств. Аналогичные ситуации случались многократно и в Русской армии, с ее отдельными сибирскими армиями и корпусами, не исключая и Западную армию генерала Ханжина. Так, командующий Сибирской армией генерал Гайда, длительно саботировал приказ адмирала Колчака о незамедлительной передаче в Западную армию 7-й Уральской дивизии. Генерал Гайда, умышленно затягивая передачу, использовал эту дивизию на самых кровопролитных участках своего фронта, в то время как командующие корпусами Западной армии слали генералу Ханжину потоки просьб и умоляли о присылке пополнений своим несшим огромные потери войскам.

То же самое происходило и во взаимоотношениях с атаманом Дутовым. Последний был недоволен прежде всего тем, что генерал Ханжин «приютил» генерала Сукина. Но главное заключалось в том, что оренбургский атаман, находясь вне состава Западной армии и подчинения генералу Ханжину, бесконечно заверял последнего и Ставку, что Оренбургская армия надежна и безусловно обеспечит безопасность левого

фланга Западной армии. Это же атаман Дутов даже подтверждал своей очередной реляцией перед самой сдачей Оренбурга. Однако буквально через день, 22.01.1919, Оренбург был сдан большевикам. Больше того, «Башкирский корпус» Оренбургской армии Дутова по приказу своего командира Валидова А. 18.02.1919 в полном составе перешел на сторону Советской власти! Ставка не хотела (или не могла) разбираться во всех тонкостях и деталях в динамике складывающихся ситуаций боевых действий каждым корпусом, каждой армией, командующими этих соединений, их взаимоотношениями между собой. Эта компонента, входящая в компетенцию деятельности штаба Ставки, мало значила для деятельности последней, что иногда приводило к резко негативным последствиям. Так, например, генерал Ханжин, участник русско-японской войны и прошедший всю Великую войну на высших командных должностях, мягко говоря, с сомнением и недоверием относился к способностям атамана Дутова для достаточно квалифицированного командования таким соединением, как Оренбургская армия. Именно генерал Ханжин, прогнозируя возможность такого развития ситуации, еще в январе 1919 г. при формировании своей Западной армии, предложил формировать Волжский корпус генерала Каппеля в районе Троицка, передав его в состав Оренбургской армии Дутова! Однако Ставка, вопреки предложению генерала Ханжина, включила формирующийся Волжский корпус в состав Западной армии. Но забота и тревога генерала Ханжина за левый фланг Западной армии, периодически доходили до Ставки, которая в конце концов, уловив общий вектор развития боевых действий в Поволжье, приняла и правильно оценила доводы командующего армией генерала, удовлетворив его доводы и предложения. 23.03.1919 в состав Западной армии была включена Южная (армейская) группа войск (генерала Белова). Однако это сопровождалось удлинением протяженности линии фронта более чем на 100 километров, что фактически (к апрелю 1919) вряд ли можно оценивать как весьма положительный фактор деятельности генерала Лебедева Д.А. в штабе Ставки. В этот период усложняющейся обстановки и ожидания контрнаступления

Красной армии генерал Ханжин, убедившись в недостаточности компетенции и квалификации атамана Дутова, предложил заменить его на посту командующего Оренбургской армии — генералом Беловым. Но и этот шаг генерал Ханжин сделал вынужденно, так как атаман Дутов саботировал и не выполнял приказ Ставки о передаче из Оренбургской армии казачьей дивизии (примерно 2000–300 сабель) в Западную армию.

В то же время, учитывая и оценивая успехи Западной армии, Советское командование быстро и оперативно исправляло критические положения, непрерывно восстанавливая и пополняя ряды Красных армий Восточного фронта. К 01.04.1919 на Поволжье прибыло 55 000 красноармейцев, а к 01.05.1919 число войск на Восточном фронте достигло 145 000 и в том числе в 5-й и 1-й Красных армиях — более 50 000.

Накопив значительно превосходящие силы (до 145 000), советские войска Восточного фронта 28.04.1919 перешли в контрнаступление. Главным был выбран удар в направлении Бугуруслан — Уфа. Советское командование выбрало направление первого удара в стык 3-го и 6-го Уральских корпусов, поручив его реализацию самым боеспособным 25-й и 26-й стрелковым дивизиям, которыми командовали тогда наиболее лучшие и уже известные красные начдивы — Чапаев В.И. и Эйхе Г.Х. Дополнительно 24-я стрелковая дивизия красных целенаправленно атаковала 12-ю Уральскую (генерал Бангерский). К 02.05.1919. эти планы и действия советского командования были выполнены. Упорно сопротивляющиеся войска 3-го и 6-го Уральских корпусов, а также 12-я Уральская дивизия в частности, понеся огромные потери и оказавшись на грани разгрома, вынуждены были начать спешное отступление. Этой неудаче 12-й Уральской дивизии способствовала и хорошо известная измена, когда 09.05.1919 часть 45-го Сибирского стрелкового полка — «Курень Шевченко» (несколько рот солдат-украинцев) в 70 километрах восточнее Бугуруслана, у деревни Кузьминовской и станции Сарай-Гир, в полном составе перешел на сторону красных.

Как уже было сказано, именно эти дни 29.04–03.05.1919 следует считать остановкой наступления Западной армии

(конец «Бега к Волге») и квалифицировать это событие как начало конца Белых армий на Урале и Сибири, хотя тогда никто не мог даже предполагать, что это наступление Красных армий и начавшееся отступление Белых армий вошло в твердое стратегическое русло всех последующих боевых действий в этом регионе. Советские войска повели наступление по всему 450-километровому фронту Западной армии. Уже 04.05.1919 красные части захватили Бугуруслан, 06.05.1919 — Бугульму, 17.05.1919 — Белебей. С 28.04. по 17.05.1919, разгромив 3-й и 6-й Уральские корпуса, красные части продвинулись на 120 километров на восток и подошли к Уфе. Северный фланг (2-й Уфимский корпус Войцеховского) из-за отступления 3-го и 6-го Уральских корпусов и оголения своего южного фланга также начал (поспешный) отход. Этому способствовал переход 15.05.1919 на сторону красных большей части 45-го стрелкового полка — «Курень Тараса Шевченко» (более 1000 украинских солдат и офицеров) у станции Сарай-Гир около деревни Кузьминовская на железной дороге Бугуруслан—Белебей—Уфа, в 70 верстах к востоку от Бугуруслана. Этот фактор не имел бы такого значительного негативного последствия при другой ситуации. Он произошел в момент, когда части 6-го Уральского корпуса генерала Сукина отступали, почти спасаясь бегством, и нарушили связь с соседним 3-м Уральским корпусом, образовав разрыв в десятки километров. Это частично послужило тому, что уже 17.05.1919 советские войска заняли Белебей и далее обеспечили выход к Челябинску, захватив 09.06.1919 Уфу, а 13.07.1919 — Златоустов.

Естественно, что Ставка и командование Западной армии лихорадочно намечали пути предотвращения полной катастрофы. Адмирал Колчак приказал немедленно, 02.05.1919, бросить (недоформированный) 1-й Волжский корпус (генерал Каппель) в район Уфы. Начав контр наступление от Белебея, войска генерала Каппеля сломали в конце концов сопротивление передовых частей 5-й Красной армии (26-я стрелковая дивизия) и 09.05.1919 подошли к Бугульме. 11.05.1919 Бугульма была взята Волжским корпусом и возвращена войскам Западной армии. Но силы были явно неравными. К тому же два полка (Бузулукский и Бугульмин-

ский) 3-й Симбирской стрелковой дивизии (генерал-майор Подрядчик К.Т.), набранных из пленных красноармейцев и частично из мобилизованных рабочих и крестьян, перешли на сторону Красной армии.

Советские войска продолжали наступление, тесня войска Западной армии и после ожесточенных боев на берегах реки Ик отбросили части корпуса Каппеля на восток, к Белебею, «попутно» возвратив 13.05.1919 Бугульму. Красная армия вновь продвинулась на 120–150 километров на восток, неоднократно ставя корпуса Западной армии под угрозу полного окружения. Белебей пал 17.05.1919. Советские войска, продвинувшись еще на 50–70 километров на восток, вышли на подступы Уфы. С целью окружения колчаковских частей (Уфимской и Волжской групп), 25.05.1919 войска Красной армии начали наступление тремя колоннами: северной, центральной и южной (20-я, 24-я, 25-я, 26-я и 2-я стрелковые дивизии). Южнее Уфы им удалось форсировать реку Белая. 20-я стрелковая дивизия 29.05.1919 захватила Стерлитамак. Но всей южной колонне советских войск форсировать Белую каппелевцы не позволили. Северной колонне сопутствовало более удачное продвижение — пока 26-я стрелковая дивизия «вгрызалась» между Уральской и Уфимской группами, 25-я стрелковая дивизия (Чапаев), разгромив 8-ю Камскую стрелковую дивизию 07.06.1919, форсировала Белую и вышла глубоко в тыл обороны Уфы.

10.06.1919, после достаточно ожесточенных и длительных боев, 20-й стрелковой дивизии на юге и ее соседу — 24-й стрелковой дивизии красных также удалось форсировать Белую. 25-я дивизия Чапаева 09.06.1919 вошла в Уфу. После захвата Уфы над Западной армией (к 15.06.1919) нависла угроза полного окружения — река Белая осталась позади; северная и южная колонны советских войск сжимали кольцо по всему фронту.

Разногласия с начальником штаба Ставки (генерал Лебедев), весенняя распутица, малочисленность Западной армии (по сравнению с противником) и ее потери, предательство и переход к большевикам нескольких полков, разгром 3-го и 6-го Уральских корпусов после более месяца боев за Уфу заставили генерала Ханжина («по собственной просьбе»)

покинуть Западную армию. Во временное командование Западной армией 20.06.1919 вступил начальник штаба генерал Сахаров.

При этом следует заметить, что «Весеннее наступление» Западной армии генерала Ханжина в 1919 году было наиболее высшим и значительным достижением сибирских армий Колчака. Тогда части Белой армии вновь подошли к Волге в районах Самары и Казани. (Возможно, при определенных условиях могли бы выйти и к Москве, опередив армии генерала Деникина на полгода. Но военное счастье оказалось на стороне большевиков.)

Нельзя сказать, что генерал Ханжин при начале советского контрнаступления растерялся, потерял управление войсками, впал в депрессию. Этого, конечно не было. И если более тщательно провести исследование, опираясь на весьма скудные и ограниченные известные автору источники рассматриваемого фрагмента Гражданской войны, то проводимые мероприятия и предложения генерала Ханжина, адресованные Ставке не позволяют обвинить командующего Западной армией в бездарном и неумелом руководстве боевыми действиями. Ранее уже упоминалось об определенных предложениях генерала Ханжина еще во время формирования армии, которые имели в виду возможность негативного развития событий на фронте после начала весеннего наступления. Теперь, в процессе наступившего именно такого негативного оборота боевых действий, генерал Ханжин после анализа результатов и первых оценок начавшегося советского контрнаступления уже 14.05.1919 предложил Ставке отвести войска своей армии к реке Белой и создать надежную оборону по ее восточному берегу. В ответ он получил «разъяснение» Ставки: «До реки Белой еще 200 километров. Войска корпусов достаточно боеспособны». Не по вине командующего армией не помогла и предпринятая им 25.05.1919 перегруппировка и переформирование своих войск на базе стремительно теряющих боеспособность Уфимского, Волжского и Уральских корпусов в Уфимскую, Волжскую и Уральскую корпусные группы, с расформированием 6-го Уральского корпуса. Вопреки возражению генерала Ханжина, Ставка 21.05.1919, в самые напряженные и тревожные дни прислала нового начальника

штаба Западной армии, генерала Сахарова К.В., без объяснений сняв с этого поста генерала Щепихина С.А. Генерал Сахаров так и не смог войти в детали и тонкости происходящих боевых действий, правильной оценки реальных сил и возможностей Западной армии и складывающейся ситуации в целом. (Недаром многие авторы по истории Гражданской войны среди главных виновников разгрома и трагедии сибирских Белых армий считают именно генерала Сахарова и его опекуна — генерала Лебедева, начальника штаба Ставки.)

Между тем советские войска, воспользовавшись своим успехом и завершив наступательную операцию по захвату Уфы (09.06.1919), продолжали теснить отступающие остатки Западной армии. Используя слабость разгромленных Уральских корпусов, 5-я Красная армия нацелилась на Златоустов. Советские войска, сконцентрировавшись восточнее Сарапуля, нанесли 24.06.1919 решительный удар по Западной армии — главным образом по Уральской группе генерал-лейтенанта Голицына В.В. (и его 11-й, 7-й, 6-й Уральским дивизиям, Уфимской кавалерийской бригаде) и Волжской группе генерала Каппеля (4-я Уфимская, 12-я Уральская, 13-я Казанская и 8-я Камская дивизии). Основной целью этих действий советских войск был полный захват Южного Урала и окончательный разгром Западной армии, которая теперь располагала только 25 000 штыками.

Как уже указывалось, 20.06.1919 генерал-от-артиллерии Ханжин М.В. по личной просьбе (и в связи с заболеванием) ушел с поста командующего Западной армией. По рекомендации генерала Лебедева начальника штаба Ставки, приказом Главковерха адмирала Колчака А.В. преемником генерала Ханжина стал генерал Сахаров К.В.

Генерал Войцеховский — командующий Уфимской группой, которого временно заменил генерал-майор Бангерский (так как Войцеховский не захотел служить под руководством Сахарова), вывел Уфимскую группу в район, непосредственно прилегающий к Златоусту. В то же время 26-я и 27-я стрелковые дивизии Красной армии 25.06.1919 форсировали реку Урал и вышли в тыл Волжскому корпусу. 04–09.06.1919 красные части захватили Белорецкий, Тирлянский, Юрюзанский заводы и форсировали реку Ай. 10–12.07.1919 с

помощью рабочих Саткинского и Кусинского заводов оборона в этом районе была прорвана. 26-я и 27-я стрелковые дивизии Красной армии 13.07.1919 вошли в Златоуст. В плену оказалось сотни и тысячи солдат, тысячи пали в описанных боях. Судьба Западной армии была окончательно решена.

Остатки Западной армии 22.07.1919 были переформированы в 3-ю армию вновь созданного Восточного фронта.

ОРЕНБУРГСКАЯ АРМИЯ (17.10.1918–21.10.1919)

Оренбургская армия образована 17.10.1918 как составная часть Российской армии Уфимской директории на базе отдельных отрядов оренбургского казачества, восставшего и вступившего в вооруженную борьбу с властью совдепии. Первоначально, 17.10–28.12.1919, именовалась как Юго-Западная армия; с 28.12.1918 — Отдельная Оренбургская армия.

Состав Оренбургской армии (первого формирования) на 01.01.1919

Командующий Оренбургской армией — генерал-майор Дутов А.И.

1-й Оренбургский казачий корпус, 08.10.1918– 09.1919, (генерал-майоры Жуков Г.П., 08.10.1918–17.07.1919; Акулинин И.Г., 17.07–09.1919), объединявший:

— 1-ю Оренбургскую казачью дивизию, 10.1918–09.1919; и ее 7-й, 8-й, 13-й и 14-й Оренбургские казачьи полки;

— 2-ю Оренбургскую казачью дивизию, 08.10.1919–09.1919; и ее 9-м, 10-м, 15-м и 16-м Оренбургскими казачьими полками;

— 4-ю Оренбургскую казачью дивизию; 08.10.1918–16.02.1919 и 24.05–09.1919; с ее 19-м, 20-м, 24-м и 25-м Оренбургскими казачьими полками; 24.05.1919 вместо 24-го и 25-го вошли заменившие их 26-й и 28-й Оренбургские казачьи полки.

Части 1-го Оренбургского корпуса 09.1919 перешли в состав Уральской армии.

2-й Оренбургский казачий корпус, 16.02–24.05.1919 (генерал-майоры Шишкин В.Н., 16.02–07.03.1919; Акулинин И.Г., 07.03–24.05.1919), объединявший:

– 4-ю Оренбургскую казачью дивизию, 16.02–24.05.1919; и ее 19-й, 20-й, 24-й и 25-й Оренбургские казачьи полки;

– 5-ю Оренбургскую казачью дивизию, 13.01–28.03.1919; и ее 21-й, 22-й, 26-й и 28-й Оренбургские полки.

2-й Оренбургский казачий корпус 24.05.1919 расформирован.

4-й Оренбургский армейский корпус, 05.12.1918–04.03.1919 и 18.09.1919–01.1920 (генерал-майоры Шишкин В.Н., 05.12.1918–19.02.1919; Бакич А.С., 19.02.1919–05.1920); объединявший:

– 2-ю Сызранскую стрелковую дивизию, 24.07.1918 (полковники Махин Ф.Е., в составе Народной армии КОМУЧа и Уфимской Директории 08–11.1918; генерал-майор Бакич А.С., 12.1918–02.1919) с ее 5-м (ранее 1-м Добровольческим) и 6-м (Регулярным) Сызранскими, 7-м Хвалынским, 8-м Вольским стрелковыми полками;

– 2-ю Оренбургскую казачью дивизию, 08.10.1919–09.1919; с ее 9-м, 10-м, 15-м и 16-м Оренбургскими казачьими полками;

– 5-ю Оренбургскую стрелковую дивизию, 16.02–28.03.1919 (полковники Крылов 13.01–05.03.1919; Смирнов, 06.03–03.04.1919) с ее: 21-м, 22-м, 26-м и 28-м Оренбургскими казачьими полками.

5-я Оренбургская казачья дивизия расформирована 28.03.1919.

4-й Оренбургский корпус 04.03–23.05.1919 находился в составе Южной группы Западной армии, а 23.05–18.09.1919 – в составе Южной армии. С 10.10.1919 – в составе Московской группы армий; с 06.01.1920 – в Семиреченской армии.

5-й (Сводный) Стерлитамакский армейский корпус, 03.02–04.03.1919 и 18.09–10.1919 (генерал-майоры Печенкин В.И., Бобрик, 02.04–10.05.1919; Церетели, 10.05–

23.07.1919; Эллерц-Усов А.В., с 23.07.1919); и его — 9-я Стерлитамакская (до 26.04.1919 — Сводная Оренбургская) стрелковая дивизия; с ее 33-м, 34-м (Ашкадарским), 35-м и 36-м горных стрелков полками; разгромлена и сдалась в плен Красной армии 09.1919 в районе Орск-Актюбинск; 34-й (Ашкадарский) полк, отступая, соединился с войсками Уральской армии.

— 10-я Верхнеуральская (Сводная Уральская до 25.05.1919) стрелковая дивизия (полковник Кононов, 03-09.1919); с ее 37-м (Миасским), 38-м, 39-м и 40-м горных стрелков полками. 09.1919 разгромлена и сдалась в плен Красной армии в районе Орск-Актюбинск; 37-й полк, отступая, соединился с войсками Уральской армии.

5-й Оренбургский корпус 04.03-23.05.1919 находился в составе Южной группы Западной армии, а 23.05-18.09.1919 — в составе Южной армии; затем — в Оренбургской армии. Разгромлен 09-10.1919 в районе Орск-Актюбинск.

Башкирский корпус, 01-03.1919 (командующий башкирскими войсками — Валидов), в составе 4-х пехотных полков 15.02.1919 во главе с Валидовым в полном составе перешел на сторону большевиков. Мизерная часть Башкирского корпуса, оставшаяся в Белой армии, и новые башкирские новобранцы 03.1919 переданы Южной группе Западной армии, где переформирована в 9-ю Башкирскую дивизию.

Кроме перечисленных частей в Оренбургскую армию входили:

— Отдельная 1-я Оренбургская казачья пластунская дивизия, 11.1918-12.1918, сформированная на базе оренбургских частей Поволжской Народной армии Уфимской дирекции; (полковник Махин Ф.Е.) и ее 1-й линейный, 1-й и 8-й конные, 1-й пластунский Оренбургские полки и отдельные отряды. 1-я Оренбургская казачья пластунская дивизия расформирована 08.09.1919.

В результате мятежа атамана Дутова 15(28).11.1918 власть в Оренбурге перешла к белоказакам. В ходе дальнейших активных действий Оренбургской армии удалось захватить и распространить свою власть от Оренбурга до Челябинска (последний был захвачен 2-й чешской дивизией Войцеховского и передан войскам Дутова А.И.). К 01.1919 оренбуржцы, захватив Верхнеуральск, дошли до Троицка.

Численность войск Оренбургской армии возросла до 7000 солдат. Зимой 1918/19 года армия атамана Дутова вела активные боевые действия против Южной группы Восточно-го фронта Красной армии, сопротивляясь на Бузу-лукско-Илецко-Орском участках фронта. В результате ударов советских войск Оренбургская армия потерпела ряд значительных поражений. Начав наступление, красные войска 16(29).01.1919 нанесли решительное поражение Оренбургской армии в боях под Каргалой. И с помощью восставших рабочих, под руководством большевиков, советские войска вошли 18(31).01.1919 в Оренбург. Орск пал 09(22).02.1919. Еще ранее, 06(19).12.1918, Красная армия захватила Стерлитамак.

Однако атаман Дутов сумел собрать достаточно большие пополнения и, перегруппировавшись, уже 02.03.1919 начал контрнаступление на советские войска (включившись в общее «Весеннее наступление» войск Русской армии). Но сколь-нибудь заметных успехов ни на одном из боевых участков фронта генерал Дутов не достиг.

23.05.1919 Оренбургская армия была переформирована и переименована в Южную армию под командованием генерала Белова Г.А. (смотри «Южная армия»).

ОРЕНБУРГСКАЯ АРМИЯ, второе формирование (18.09.1919–06.01.1920)

Образована 10.09.1919 на базе западной части Южной армии генерала Белова. Командование Оренбургской армией второго формирования вновь возглавил генерал-лейтенант атаман Дутов А.И.

Еще в составе Южной армии (генерал Белов) Оренбургские войска (генерал Дутов) были атакованы на 150-километровом фронте от Стерлитамака (захвачен большевиками 29.05.1919) до Актюбинска. С 14.08.1919 войска 1-й и 4-й Красных армий, наступая через Верхнеуральск — Оренбург — Лбищенск (и ранее захватив Верхнеуральск 21.06.1919), подошли к Орску. После двухнедельных боев Орск перешел в

руки большевиков 30.08.1919. Актюбинск войска генерала Дутова сдали 02.09.1919.

Прижимаемая к Аральскому морю, отрезанная от баз снабжения, стоящая перед необходимостью форсирования пустыни и ухода в Туркестан, Оренбургская армия (прежняя западная часть Южной армии) генерала Дутова в составе 1-го Оренбургского (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии) и Яицкого (21-я Яицкая стрелковая дивизия и 29-й Оренбургский казачий полк) казачьих корпусов, оказавшись на грани полного уничтожения, в своем большинстве предпочла сдачу в плен. Около 50 000 (1) оренбургских казаков попали в руки большевиков. Это произошло 11–13.09.1919 в районе Эмба — Мугоджарская — Иргиз — Челкар. Фактически это был конец прежней Южной и действующей теперь Оренбургской армий. При этом лишившись надежды на поддержку соседнего, вынужденного также отступать 5-го Восточно-Сибирского армейского корпуса (генерал Эллерц-Усов), небольшая часть 1-го Оренбургского корпуса во главе с генералом Акулининым И.Г. 09.09.1919, отступая, взяла направление отхода на город Уил, где могла рассчитывать на помощь Уральской армии. Около 2000 солдат генерала Акулинина 22.09.1919 достигли Уила и остались в рядах Уральской армии. Части корпуса генерала Акулинина обороняли Уилский участок фронта Уральской армии до 11.1919, когда корпус был расформирован и его войска раздельно направили на различные участки фронта Уральской армии и в район Лбищенска в частности. Оставшись не у дел, генерал Акулинин с небольшим отрядом вскоре на кораблях Каспийской флотилии ВСЮР из форта Александровска через Каспийское море были переброшены в Дагестан, в распоряжение командующего ВСЮР генерала Деникина А.И.

Тем временем генерал Дутов с остатками преданных ему оренбургских казаков, продолжая отступать, решил уйти через пустыню Туркестана в Семиречье, где надеялся объединиться с войсками Семиреченской армии атамана Анненкова. Этот поход остатков войск генерала Дутова в Семиречье повторяет и аналогичен многим известным «Ледяным», но его еще называют и «Голодным Ледяным» походом.

К своему удивлению, к первоначально небольшому отряду Дутова, по мере удаления от Актюбинска и приближения к Сергиаполю, присоединялись многие небольшие отряды, беженцы (не желавшие оставаться с приближающимися большевиками), а также часть войск Южной армии генерала Белова, которые, отступая от Омска, устремились в направлении Сергиаполя. При подходе к району Акмолинск — Сергиаполь эта группа достигла 120 000! В это время сюда подошел 4-й Оренбургский стрелковый корпус генерала Бакича А.С. — из отступающей Южной армии генерала Белова. Корпус Бакича влился в поход Оренбургской армии генерала Дутова.

Вследствие голода и холода эта масса людей в конце концов превратилась в голодную, озлобленную, озверевшую толпу. Командиры «куда-то» ушли («в сторону и вперед»). Когда эти толпы достигали Акмолинска, где уже «окопались» партизаны Анненкова (запасшиеся продовольствием путем грабежей соседних селений и аулов), последние, вместо того чтобы накормить голодных, указывали лишь направление на юг, означавшее «дальше», не упуская, впрочем, возможности пограбить или отнять попадавшие на глаза ценности, которые беженцам удавалось чудом унести с собой.

То же повторилось и в Сергиаполе. И когда атаман Анненков Б.В. договорился с атаманом Дутовым А.И. о «структуре» Семиреченской армии, генерал Дутов (которого генерал Анненков боялся как конкурента) вынужден был согласиться на должность (назначенную генералом Анненковым) «генерал-губернатора Семиреченской области» с пребыванием в Лепсинске (к востоку от Копала, на границе с Китаем). Остатки Оренбургской армии и 4-го Оренбургского корпуса генерала Бакича А.С. были сведены в «Отряд имени Атамана Дутова» под командованием генерала Бакича, которого вскоре генерал Анненков назначил (одновременно) и командующим Северным фронтом Семиреченской армии. Всего в отряде генерала Бакича оказалось около 20 000 солдат. При этом генерал Дутов был фактически не у дел и изолированно жил в Лепсинске.

Семиреченская армия Анненкова была разгромлена Красной (Туркестанской) армией. Таким же оказался конец

прежней Южной армии генерала Белова и Оренбургской армии генерала Дутова в целом. (Смотри также «Семиреченская армия».)

В заключение следует перечислить подчиненность **Оренбургской армии** за время ее существования в 1918–1920 годах:

17.10–28.12.1918 именовалась **Юго-Западной армией**;

01.01–23.05.1919 — **Оренбургская армия**;

23.05–18.09.1919 — переформирована в **Южную армию** (смотри «Южная армия»);

18.09.1919–06.01.1920 — вновь переименована в **Оренбургскую армию** и включена в состав **Московской группы армий**.

После разгрома под Верхнеуральском и в районе Орск–Актюбинск 10.1919, совершившие «**Голодный поход**» 11.1919–01.1920 через Голодную степь Туркестана и пришедшие 06.01.1920 в Семиречье остатки Оренбургской армии были переформированы в **Оренбургский отряд** (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии, Сызранская егерская бригада) и вошли в состав **Отдельной Семиреченской армии** генерал-майора Анненкова Б.В. как **Северная группа** (командующий — генерал Бакич А.С.; генерал Дутов А.И. при этом был назначен генерал-губернатором Семиреченской области).

СИБИРСКАЯ ОТДЕЛЬНАЯ АРМИЯ (01.01–07.07.1919)

С образованием **Русской армии**, приказом ее Главнокомандующего адмирала Колчака А.В. 24.12.1918, была создана **Сибирская отдельная армия**. Формирование осуществлялось на базе прежней Екатеринбургской группы войск (Камско-Перемского направления Сибирской армии первого формирования, входившей в упраздненный Западный фронт).

Командующие Сибирской армией нового, второго формирования:

генерал-майор Матковский А.Ф., 24 – 31.12.1918;
чешский генерал-лейтенант Гайда Р., 01.01–10.07.1919;
генерал-лейтенант Дитерихс М.К., 11–22.07.1919.

Состав Сибирской отдельной армии на 01.01.1919

1-й Средне-Сибирский армейский корпус, 12.06.1918–20.03.1920; (с 13.07.1918 полковник Пепеляев А.Н., с 12.05.1919 генерал-майор Зиневич Б.М.), и его:

– 1-й (2-й Сводной до 26.08.1918) Сибирской стрелковой дивизией, 20.07.1918–01.1919. Сформирована на базе 2-й Сводной Сибирской дивизии (полковник Зиневич, 07.1918–05.1919; генерал-майор Мальчевский, 05–12.1919; полковник Ивакин Аркадий В., 12.1912; убит при попытке поднять в

Новониколаевске антиколчаковский мятеж); с ее 1-м Новониколаевским (капитан Травин; полковник Перчук, 01-04.1919; полковник Ластовский, с 05.1919), 2-м Барабинским (подполковник, 13.08.1918 полковник Ивакин Аркадий В., 07.1918-11.1919), 3-м (ранее 2-м Новониколаевским) Барнаульским (подполковник Вольский, с 20.07.1918; полковник Камбалин, 07.1919-03.1920, привел полк в Читу), 4-м Енисейским (полковник Зиневич Б.М., 07.1918; полковник Мальчевский, 08.1918-05.1919; подполковники Игнатюк и Журавлев) Сибирскими полками.

1-я Сибирская дивизия 11.1919 выведена на пополнение в район Томска, разгромлена и пленена в районе Мариинска-Красноярска 01.1920, кроме 3-го Барнаульского полка, который из Барнаула с боями дошел до Читы.

-- 2-й (ранее 1-й Томской, Средне-Сибирской стрелковой дивизии, 07.1918-01.1920 (генерал-майор Укке-Уговец, 07.1918-01.1919; полковник Вишневецкий Е.К, с 01.1919); с ее 5-м (ранее 1-м) Томским (полковник Иванов Б., 20.07.1918-01.1919; подполковник Шуман, 01-03.1919; с 03.1919 генерал-майор Кузьминский); 6-м (ранее 2-м Томским) Мариинским (полковник Вишневецкий Е.К., 07.1918-01.1919; подполковники Пирожков С.В., 01-03.1919; Олифер, с 04.1919); 7-м (ранее 3-м Томским) Кузнецким (полковник, с 13.08.1918 генерал-майор Укке-Уговец, 07.1918-01.1919; полковник Щеткин, с 03.1919); 8-м (ранее 4-м Томским) Бийским (капитан Иованович; штабс-капитан Шнаперман, 08.1918-01.1919; подполковник Эпов, с 01.1919) Сибирскими стрелковыми полками.

2-я Сибирская стрелковая дивизия 11.1919 выведена на пополнение в район Томска, 01.1920 разгромлена и пленена в районе Мариинска-Красноярска 01.1920.

- 3-й (Иркутской) Сибирской стрелковой дивизии, 26.08.1918-03.1920 (полковник Гривин П.П., 26.08.1918-26.03.1919; полковник Осипов В.Г., 26.03- 10.09.1919; полковник Ракитин В.А., 10.09.1919-20.03.1920), с ее 9-м Иркутским (подполковник Осипов В.Г., 07.1918-03.1919; подполковник Каупин с 04.1919); 10-м Байкальским (капитан Рудаков, 10.1918-03.1919; подполковники Гогелашвили, с 03.1919; затем - Кухарев); 11-м Нижнеудинским (капитан

Боярсков В.Д., 07.1918–03.1919); 12-м Верхнеудинским (капитан Попов, 10.1918–06.1919) Сибирскими полками.

3-я Сибирская дивизия с 26.03.1919 вошла в 4-й Сибирский корпус (генерал-майор Гривин П.П.).

3-й Степной Сибирский армейский корпус, 03.01–12.10.1919, сформирован на базе Западно-Сибирского отряда полковника Вержицкого и частей 2-го Степного Сибирского армейского корпуса (генерал-майоры Вержбицкий Г.А., 03.01–25.04.1919; Смолин И.С., 05.1919–12.10.1919), объединявший:

– 4-ю Сибирскую стрелковую дивизию, 15.06.1918–20.03.1920, сформирована на базе прежней 1-й Средне-Степной стрелковой дивизии (генерал-майоры Вержбицкий Г.А., 06.1918–01.1919; Смолин И.С., 03.01.1919–20.03.1920), и ее 13-й Омский (штабс-капитан Будилкин); 14-й Иртышский (подполковник Домбровский); 15-й Курганский (подполковник Черкасов, 06–08.1918; полковник Смолин И.С., 08.1918–05.1918; подполковник Вержболович, 05.1919–03.1920); 16-й Ишимский (подполковник Казагранди Н.Н., 07.06.1918–04.1919; полковник Метелев, 05.1919–02.1920), Сибирские стрелковые полки.

– 7-ю Тобольскую Сибирскую стрелковую дивизию, 03.01.1919–20.03.1920, сформирована на базе 18-го и 20-го полков 5-й Сибирской стрелковой дивизии и 6-го и 7-го Сибирских кадровых полков; с 04.10.1919 – Тобольская (полковники Черкасов, 05.01–24.05.1919; Булатов, 25.05–03.06.1919; генерал-майор Бордзиловский А.В., 03.09–21.11.1919; полковник Франк, 21.11.1919–20.03.1920); и ее: 25-й Тобольский (полковник Бордзиловский А.В., 01.08.1919); 26-й Тюменский; 27-й Верхотурский (капитан Куренков); 28-й Ялуторовский (капитан Онушкевич) Сибирские стрелковые полки.

– 18-ю Сибирскую стрелковую дивизию, 19.04.1919–01.1920; первоначально сформирована как Сводная Сибирская стрелковая дивизия (19.04–27.06.1919) на базе 2-й Сибирской штурмовой бригады (полковник Казагранди Н.Н., 22.04–22.07.1919; полковник Осипов В.Г., 08.1919–01.1920), и ее 69-й, 70-й, 71-й и 72-й Сибирские стрелковые полки,

сформированные в основном на базе прежних штурмовых полков.

18-я Сибирская стрелковая дивизия 22.07. 1919 передана Южной группе 20-й Армии. (Дисциплина и боеспособность 18-й Сибирской стрелковой дивизии после необоснованного снятия с поста командира полковника Казагранди были значительно снижены и поколеблены, так что в конце концов в боях у Красноярска и почти полностью попала в плен.)

Сводный Ударный корпус, 26.04–30.07.1919; сформирован на базе 1-й и 2-й Ударных Сибирских стрелковых бригад (полковник Степанов П.), в составе:

– 1-й Ударной Сибирской стрелковой дивизии (полковник Лобунцов) и ее 1-й, 2-й и 3-й Сибирские Ударные полки.

1-я Ударная Сибирская дивизия расформирована 30.07.1919.

– 2-й Ударной Сибирской стрелковой дивизии (полковник Воронов) и ее 4-й, 5-й и 6-й Сибирские Ударные полки.

Сводный Ударный корпус расформирован 30.07.1919 и его части сведены в 25-ю Екатеринбургскую стрелковую дивизию.

Кроме перечисленных дивизий в Сибирскую отдельную армию входили «Отдельные»:

– Воткинская стрелковая дивизия, до 05.1919 (подполковник Альбокринов Н.П.) с ее 1-м, 2-м, 3-м и 4-м Сводными Воткинскими полками.

03.1919 Воткинская дивизия включена в 1-й Сводный Сибирский корпус.

– Красноуфимская партизанская бригада, 02.1919–01.1920 (генерал-майор Рычагов) с ее 1-м Красноуфимским (капитан Борчанинов) и 2-м Каштымским (штабс-капитан Жук) партизанскими полками.

Красноуфимская бригада находилась в составе Сибирской армии до 05.1919.

25.04.1919 в Сибирской Отдельной армии были произведены преобразования, и в частности «корпуса» были переформированы в «группы».

Состав на 01.05.1919

Группа генерала Пепеляева А.Н.:

1-й Средне-Сибирский корпус (генерал-майор Зиневич Б.К.), объединявший:

— 1-ю Сибирскую стрелковую дивизию (генерал-майор Молчевский) с ее:

— 1-м Новониколаевским, 2-м Барабинским, 3-м Барнаулским и

— 4-м Енисейским Сибирскими стрелковыми полками.

— 2-ю (Степную) Сибирскую стрелковую дивизию (генерал-майор Вишневецкий Е.К.) с ее 5-м Томским, 6-м Мариинским, 7-м Кузнецким и 8-м Бийским Сибирскими стрелковыми полками.

8-й Камский армейский корпус, 23.03–27.06.1919, формировался как 2-й Сводный (23.03–03.04.1919), 03–16.04.1919 именовался 5-м армейским корпусом (генерал-майор Панов), объединявший:

— 15-ю Воткинскую стрелковую дивизию (полковник Михайлов) с ее 57-м Воткинским заводским «17-го августа» (полковник Вольский); 58-м Сайгинским «Имени Чехословаков» (полковник Крейер); 59-м Осинским «Имени Минина и Пожарского» (капитан Жуланов); 60-м Воткинским «Имени Союзных держав» (полковник Отмарштейн) стрелковыми полками.

— 16-ю Казанскую (Сарапульскую) пехотную дивизию, 08.1918–27.06.1919 (генерал-майор Панов, с 25.04.1919 — полковник Головин), с ее 1-м Сарапульским; 2-м Казанским (подполковник Иванов); 3-м Лаишевским (подполковник Заалов) и 4-м Чистопольским (подполковник Радзевич) пехотными полками.

16-я Казанская дивизия 27.06.1919 вошла в состав 15-й Воткинской дивизии.

— Отдельную 1-ю кавалерийскую дивизию, 04.1919–03.1920 (генерал-майор Милович) с Томским гусарским, Казанским драгунским, Сибирским и Екатеринбургским уланскими полками.

1-я кавалерийская дивизия 07.1919 вошла в состав 2-й армии.

8-й Камский корпус расформирован 27.06.1919 и свернут в одну 15-ю Воткинскую дивизию.

Группа генерала Вержбицкого Г.А.:

3-й Степной Сибирский армейский корпус (генерал-майор Смолин И.С.), объединивший

— 4-ю Сибирскую стрелковую дивизию, 15.06.1918–20.03.1920 (генерал-майоры Вержбицкий Г.А., 06.1918–01.1919; Смолин И.С., 03.01.1919–20.03.1920) и ее 13-й Омский (штабс-капитан Будилкин); 14-й Иртышский (подполковник Домбровский), 15-й Курганский (подполковник Черкасов, 06–08.1918; полковник Смолин И.С., 08.1918–05.1918; подполковник Вержболович, 05.1919–03.1920); 16-й Ишимский (подполковник Казагранди Н.Н., 07.06.1918–04.1919; полковник Метелев, 05.1919–02.1920, Сибирские стрелковые полки).

— 7-ю Тобольскую Сибирскую стрелковую дивизию, 03.01.1919–20.03.1920 (полковники Черкасов, 05.01–24.05.1919; Булатов, 25.05–03.06.1919; генерал-майор Бордзиловский А.В., 03.09–21.11.1919; полковник Франк, 21.11.1919–20.03.1920); и ее 25-й Тобольский (полковник Бордзиловский А.В., 01.08.1919); 26-й Тюменский; 27-й Верхотурский (капитан Куренсков); 28-й Ялуторовский (капитан Онушкевич) Сибирские стрелковые полки.

— 3-ю Сибирскую штурмовую бригаду;

— Красноуфимскую прифронтовую бригаду, с 09.05.1919 (полковник Панков), с ее 1-м (полковник Галилеев) и 2-м (подполковник Парфенов) Кунгурскими прифронтовыми полками.

3-й Степной Сибирский корпус 12.10.1919 преобразован в Южную группу 2-й армии, которая 11.1919 вместе с Тобольской группой была объединена в одну общую «Колонну» под командованием генерала Вержбицкого. 4-й Сибирский армейский корпус, 03.04–14.07.1919, сформирован на базе 1-го Сводного Сибирского корпуса, созданного 28.03–20.07.1919 (генерал-майор Гривин П.П.), объединявший:

— 3-ю Иркутскую Сибирскую стрелковую дивизию, 26.03.1919–03.1920 (полковник Осипов В.Г., 26.03–10.09.1919; полковник Ракитин В.А., 10.09.1919–20.03.1920)

с ее 9-м Иркутским (подполковник Каупин); 10-м Байкальским (подполковник Кухарев); 11-м Нижнеудинским (капитан Боярсков), 12-м Верхнеудинским (капитан Попов) Сибирскими стрелковыми полками.

— 15-ю Омскую Сибирскую стрелковую дивизию (генерал-майор Вознесенский); с ее 57-м Павлодарским; 58-м Асмолинским (полковник Соловьев); 59-м Саянским (полковник Тонкошкур) и 60-м (подполковник Головоненко) Сибирскими стрелковыми полками.

— Отдельную Красноуфимскую партизанскую бригаду, 03.1919—01.1920 (генерал-майор Рычагов), с ее 1-м Красноуфимским (капитан Борчанинов) и 2-м Каштымским (капитан Жук) стрелковыми полками.

Красноуфимская бригада 01.1920 уничтожена в боях у Кемчуга.

Как было уже сказано, апогеем успехов прежней Сибирской армии (первого формирования, при генерал-майоре Иванове-Ринове П.П.) была победа ее Екатеринбургской группы (чешский генерал Гайда), когда войска 1-го Средне-Сибирского корпуса (генерал-майор Пепеляев А.Н.) 25.05.1918 вошли в Пермь, нанеся поражение 3-й и 2-й Красным армиям, и изгнали власть совдепии. Именно в этот знаменательный день уже был подписан приказ Главковерха адмирала Колчака А.В. Русской армии об упразднении прежней Сибирской армии и начале формирования новой (второго формирования) Сибирской армии (генерал-лейтенант Гайда Р.), которая в тот момент также могла претендовать на эту победу.

Начало 1919 г. не проявлялось какими-либо значимыми негативными потрясениями или препятствиями для формирования новой Сибирской армии. Генерал Гайда к 01.05.1919 довел численность своей армии до 130 000. (Забегая вперед, следует напомнить, что генералам Гайде и Пепеляеву удалось удерживать Пермь в своих руках до середины 1919 года!)

Попытки контрнаступления 3-й и 2-й Красных армий в феврале 1919 г. не принесли желаемых успехов, хотя и заставили войска Сибирской армии отступить на несколько километров в районе северо-западнее Перми. Но такое активное поведение Красной армии и на других участках фронта все же заставили командование Русской армии на Восточном

фронте отложить запланированное наступление Сибирских армий в начале 1919 года и, продолжая заканчивать формирование, перенести его сроки на весну 1919 г. При этом следует заметить, что один из наиболее авторитетных генералов — Дитерихс М.К. настаивал вообще исключить наступательные операции глобального масштаба и вести только оборонительные бои, изматывая и контратакуя противника, пока очевидный перевес Русской армии не станет свершившимся фактом.

Однако наиболее самоуверенные «ястребы» в Ставке и окружении адмирала Колчака А.В. — генералы Лебедев Д.А., Иванов-Ринов П.П., Сахаров К.В. и другие — наоборот, настаивали на немедленном и глобальном наступлении по всему Восточному фронту. Здравомыслящий Главковерх адмирал Колчак А.В. выбрал компромисное решение, перенеся начало наступления сибирских армий на весну 1919 г.

«Весеннее наступление» войск Западной и Сибирской армий началось 04.03.1919, когда Сибирская Отдельная армия генерала Гайды перешла в наступление против 2-й и 3-й Красных армий. И уже в первые же дни — 17.03.1919 были захвачены Оханск и Оса; 08.04.1919 пал Сарапуль; Ижевск и Воткинск также перешли вновь в руки Белой армии. При этом следует заметить, что в захвате Осы и Сарапуля особо положительную и решающую роль сыграли войска 3-го Степного корпуса генерала Вержбицкого Г.А., а также 4-го армейского корпуса генерала Гривина П.П. Однако вскоре, как и соседняя Западная армия, остановленная в 80 километрах от берегов Волги, Сибирская армия была остановлена ужесточением сопротивления Красных армий, а также такой преградой, как водные рубежи рек Вятки, Камы и Волги. Войска Сибирской армии остановились в 80 километрах от Казани. Топтание на месте Западной армии не гарантировали прочности левого фланга Сибирской армии, и генерал Гайда 24.04.1919 произвел перегруппировку и переформирование своей армии, одновременно объединив свои корпуса в группы (смотри «Состав на 01.05.1919»). Однако начавшееся 28.04.1919 решительное контрнаступление 5-й Красной армии на Западную армию не только заставило последнюю быстро откатываться на восток, но, оголяя левый фланг Сибирской

армии, грозило полным разгромом Белых армий на Восточном фронте. Но решительные обращения командующего Западной армией генерала Ханжина, который начиная с 14.05.1919 предлагал и просил Ставку отвести свои войска за реку Белую и организовать там надлежащую оборону, не имели успеха. Больше того, на надоевшие обращения Ставка грубо ответила, что до Белой еще 200 километров. Но проведенные генералом Гайдой переформирования Сибирской армии также уже не могли предотвратить начала полосы тяжелых поражений и конечного разгрома Белых армий Сибири. Об изменении тактики Русской армии путем перехода к обороне, о которой еще ранее настаивал и генерал Дитерихс (вместо «Весеннего наступления»), Ставка не желала и слышать. В будущем, как оправдание своих решений, в середине и осенью 1919 г., Ставка подчеркивала, что только «наступательные» планы Ставки, разрабатываемые генералом Лебедевым Д.А. и новым командующим Западной армией и позже — всем Восточным фронтом генералом Сахаровым К.В., только и могли (якобы) обеспечить Русской армии адмирала Колчака еще в течение более полугода достаточно приемлемо держаться «на плаву». Путем «глобальных» контрнаступлений (у Челябинска, на Тоболе, у Новониколаевска, Омска и других менее значимых) лидеры Ставки по-прежнему пытались остановить красный каток и изменить ситуацию, чтобы сохранить тающую Русскую армию и удержать хотя бы Урал, а позже — Западную Сибирь и Дальний Восток, исключая приход туда власти большевиков.

Однако Западная армия, несмотря на контрнаступление 05.05.1919 нового Волжского корпуса генерала Каппеля В.О., уже не могла остановить наступление 5-й Красной армии и ускоряющегося ее отката на восток. Войска 5-й Красной армии, предварительно форсировав реку Белая, 09.06.1919 захватили Уфу. Левый фланг Сибирской армии оказался открытым, создав угрозу для удара советских войск в тыл войск генерала Гайды. В этот день Ставка передала Западную армию в подчинение командованию Сибирской армии. Одновременно генерал Гайда вновь вынужден был провести перегруппировку Сибирской армии, разделив ее на Северную и Южную группы. 20.06.1919 генерала Ханжина

на посту командующего Западной армией (по его просьбе) Ставка заменила генералом Сахаровым К.В.

При этом (по имеющейся у автора информации) 01.06.1919 новую Южную группу (1/2) Сибирской армии возглавил генерал-лейтенант Лохвицкий Н.А., а новой Северной группой (1/2) Сибирской армии, по-прежнему продолжал командовать генерал-лейтенант Пепеляев А.Н. При этом в составе прежних групп генералов Пепеляева А.Н. и Вержбицкого Г.А., как и всей Сибирской армии, заметных изменений не произошло — номинальный состав Сибирской армии в целом не изменился и сохранился в прежнем виде.

Однако следует подчеркнуть, что назначение генерала Лохвицкого Н.А. командующим Южной группой войск Сибирской армии на главном направлении боевых действий, служило грозным предупреждением генералу Гайде, что его безответственные обвинения в адрес генерала Ханжина М.В. за отступление Западной армии под напором советских войск Восточного фронта и саботаж в оказании своевременной помощи Западной армии со стороны Сибирской армии, Ставка воспринимает весьма негативно. Ответное требование генерала Гайды устранить и генерала Лебедева Д.А. от руководства штабам Ставки и передать командование всем Восточным фронтом Русской армии непосредственно командованию Сибирской армии (то есть — генералу Гайде) привело Ставку и командование Русской армии к твердому решению о необходимости незамедлительного снятия генерала Гайды с поста командующего Сибирской армией.

Тем временем, пользуясь тем, что все силы Красных армий были брошены в наступление и разгром Западной армии в направлении Уфы, а северо-восточная часть советского Восточного фронта была несколько ослаблена, группа генерала Пепеляева А.Н. нанесла удар по 2-й и 3-й Красным армиям и добилась достаточно значимого успеха, захватив 02.06.1919 Глазов, севернее Перми. Это был успех, которым не преминул воспользоваться генерал Гайда для усиления критики Ставки и боевых неудач Западной армии.

Но факт нанесения удара и захват Глазова войсками Сибирской армии оказался весьма тревожным для высшего командования Красной армии (так как под прямой угрозой

оказывалась Вятка). Поэтому советские войска на этом участке Восточного фронта предприняли чрезвычайные и срочные реальные меры, чтобы разбить и отбросить войска Сибирской армии. Это удалось: 06.06.1919 Глазов был возвращен 3-й Красной армией, а сибирские белые войска вынуждены были отступить. Этому способствовали удачи и соседней, 2-й Красной армии. Перейдя 25.05.1919 в наступление, ее части заняли 26.05.1919 Елабугу и, прорвав фронт, к 01.06.1919 продвинулись на восток на 100 километров. 02.06.1919 войска 2-й Красной армии захватили Сарапул, 11.06.1919 вошли в Воткинск. Контратаки Сибирской армии не смогли помешать этим успехам большевиков. Форсировав Каму, 2-я Красная армия подошла к Кунгуру, захватив последний 30.06.1919. Войска Сибирской армии были окончательно отброшены за реку Кама. Теперь линия фронта прочерчивалась от Соликамска, западнее Перми, восточнее Оханска, по рекам Тью и Уфе, восточнее Уфы, через Оренбург и Уральск. К этому времени и 3-я Красная армия, сосредоточив свои силы в направлении Перми, также начала наступление, заставляя отступать сибирские части генерала Гайды. В результате 3-я Красная армия 01.07.1919 возвратилась наконец в Пермь.

Захват советскими войсками Кунгура и Перми открывал путь для завоевания большевиками всего Среднего и Южного Урала. Конец Сибирской армии неумолимо приближался.

После захвата Перми Красная армия нацелилась на Екатеринбург. Все возвращалось туда, откуда в конце 1918 г. и во время «Весеннего наступления» 1919 г. Сибирская армия на волне успехов, совершив «марш на Пермь», достигла подступов к Вятке.

Все это ускорило реализацию принятого Ставкой решения. 10.07.1919 приказом Главковерха адмирала Колчака А.В. генерал Гайда был снят с поста командующего Сибирской армией и вычеркнут из списочного состава Русской армии. Его временным преемником был назначен генерал Дитерихс М.К., одновременно командовавший новым Восточным фронтом.

Однако ситуация на фронте Сибирской армии развивалась, можно сказать, по инерции в резко негативном направ-

лении, которое обострялось с невероятной скоростью. Теперь удары советских войск сконцентрировались в направлении Нижнего Тагила и Верхотурья. 2-я Красная армия, начав наступление 05.07.1919, громила части 1-го Средне-Сибирского корпуса и других частей Сибирской армии. Захватив Красноуфимск, к 12.07.1919 ее части вышли на дальние подступы к Екатеринбургу. 15.07.1919 Екатеринбург пал. При этом в руки советских войск попало более 3000 пленных. Сибирская армия вынуждена была с убыстряющимися темпами отступить (бежать) в направлении Челябинска, а свой левый фланг уводить в направлении Златоуста. Часть Сибирской армии (под командованием генерала Пепеляева) была отброшена к этому времени (12.07.1919) за реку Чусовая, к Нижнему Тагилу.

Чтобы ускорить разгром этой части Сибирской армии, в 3-й Красной армии была сформирована Конная группа (под командой Томина), которая 14.07.1919, прорвав фронт (в 100 километрах восточнее Кунгура), устремилась к Невьянску (Невьянский завод, в 120 километрах севернее Екатеринбурга), еще более изолируя и отрезая северную часть Сибирской армии от южной. Войска генерала Пепеляева спешно отступали к Верхотурью. Удар группы Томина по тылам Сибирской армии содействовал успеху 3-й Красной армии. 19.07.1919 ее части вошли в Верхотурье. Северная группа Сибирской армии (генерал Пепеляев) покатались на восток. Значительная часть Урала и ее центр — Екатеринбург 15.07.1919 перешли в руки большевиков.

Разгром и бегство остатков Сибирской армии вызвали гнев адмирала Колчака — результатом чего явилось не только снятие 10.07.1919 генерала Гайды с поста командующего Сибирской армией и его отчисление из рядов Русской армии вообще, о чем уже упоминалось. Одновременно 10 (23). 07.1919 Сибирская армия была упразднена вообще и ее части разделены на 1-ю армию (генерал Пепеляев А.Н.) и 2-ю (генерал Лохвицкий Н.А., которого 01.10.1919 заменил генерал Войцеховский С.Н., а генерал Лохвицкий Н.А. тогда же принял командование группой (1-й и 2-й) Северных армий).

Позже, после сражений у Челябинска, на Тоболе и у Новониколаевска, основная масса бывшей Сибирской армии —

ее 1-я армия (прежняя Северная группа) генерала Пепеляева, была отведена в тыл на восток, в район Томска на отдых и пополнение, где вскоре, 12.1919, растворилась из-за дезертирства и разложения. Небольшая боевая часть этой армии, пытавшаяся прорваться на юго-восток и слиться с рядами отступавшей Московской группы армий (генерала Каппеля В.О.), потерпела неудачу. Остатки этих войск 1-й армии были уничтожены в боях или пленены партизанами в Щегловской тайге в течение 12.1919–01.1920. И только небольшая частица их остатков, объединившись в Тобольскую группу генерала Редько М.Е. (командовавшего Северной группой войск в 1-й армии, после перехода генерала Пепеляева на пост командующего 1-й армией) вместе с остатками Южной группы 2-й армии генерала Бордзиловского А.В., вышли в районе станции Тайга и влились в общую колонну генерала Вержбицкого, отступая и уходя в Забайкалье.

К этому необходимо добавить, что рамки настоящей книги не позволяют более подробно описать боевые операции Сибирской отдельной армии в период 01–07.1919 на Восточном фронте. Однако следует подчеркнуть, что, отступая под натиском советских войск от Перми до Екатеринбурга, большая часть войск Сибирской армии во многих случаях оказывала достаточно ожесточенное сопротивление наступающему противнику. Все дивизии 1-го Средне-Сибирского корпуса с честью несли свой крест, и как пример этому является гибель почти всей бригады при обороне Красноуфимска, носящей одно имя с этим городом; не говоря уже об огромных потерях и вынужденно оказавшихся в плену около 3000 солдат, оборонявших только небольшую часть фронта в направлении Пермь—Екатеринбург.

О боевых действиях 1-й и 2-й армий у Челябинска, на Тобеле и далее — смотри «Восточный фронт».

ТУРКЕСТАНСКАЯ АРМИЯ — ВОЙСКА ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ (22.01.1919–02.1920)

Туркестанская армия создана 09 (22).01.1919 приказом генерала Деникина как составная часть ВСЮР — Вооруженных сил на юге России в Закаспийской области Казахстана и Туркмении.

Командующие Туркестанской армией:

генерал-лейтенант Савицкий И.В., 10.04–22.07.1919;

генерал-лейтенант Боровский А.А., 22.07–08.10.1919;

генерал-лейтенант Казанович Б.И., 10.1919–02.1920.

Туркестанская армия сформирована на базе бывшего Текинского полка и при поддержке (финансами и снабжением) Британской военной миссии (генерал У.Маллесон) при контрреволюционном правительстве Закаспия в Ашхабаде.

Состав на 01.05.1919

— Закаспийская сводная пехотная дивизия (генерал-майор Лазарев);

— Туркестанская стрелковая дивизия (генерал-майор Литвинов);

— Кавалерийская дивизия (генерал-майор Ораз-Хан-Сердар).

Всего — около 9000 (7000 штыков и 2000 сабель).

Туркестанскую армию поддерживали наиболее сильнейшие антисоветские басмаческие войска группы Джунаид-Хана (около 12 000). По предложению штаба ВСЮР генерала Деникина, Туркестанская армия должна была наступать из района Красноводска на Ташкент и Верный (Алма-Ата). Однако в мае 1919 г. Красная армия опередила наступление и заняла Ашхабад, отбросив к Каспию части Туркестанской армии, которая 19.10.1919 потерпела очередное жесточайшее поражение у станции Айдын (1000 солдат сдались в плен) и окончательно была разгромлена в районе Казан-Джика 02–07.12.1919.

Смена командующих Туркестанской армии не могла принести желаемого успеха. Поражения следовали за поражением. В конце концов остатки армии к началу 1920 г. были сжаты в одну группу и окружены в районе Красноводска. 06.02.1920 остатки Туркестанской армии на кораблях Каспийской флотилии ВСЮР генерала Деникина были эвакуированы из Красноводска в Дагестан. Небольшая часть на английских кораблях эмигрировала в Персию (Иран). Война между Белой и Красной армиями в Западном Туркестане закончилась, так же как двумя месяцами позже закончилась в Семиречье, в Восточном Туркестане.

УРАЛЬСКАЯ АРМИЯ (04.1918–02.1920)

Съезд выбранных (делегатов) от Уральского казачьего войска в декабре 1917 г. не признал власти большевиков на территории Уральской области и правобережье реки Урал (Уральский, Лбищенский и Гурьевский районы). В начале 1918 г. группа контрреволюционно настроенных офицеров в Уральске, возглавляемая генералом Мартыновым М.Ф., арестовала (в Уральске) высшее большевистское руководство и распустила гарнизонные части, совдеп был разгромлен отрядом добровольцев. Антисоветские выступления возникали и продолжались по всей области. Власть совдепии к 01.04.1918 была изгнана во всей Уральской области. Было создано Войсковое правительство. Командующим войсками Уральского казачества был назначен генерал Акулинин И.Г. Начавшимися военными операциями 03.1918 было поручено руководить непосредственно генералу Мартынову М.Ф.

04.1918 создается **Уральская армия**, которой командовали:

генерал-майор Мартынов М.Ф., 04–09.1918;

генерал-майор Акутин В.И., 23.09–14.11.1918;

генерал-лейтенант Савельев Н.А., 15.11.1918–08.04.1919;

генерал-лейтенант Толстов В.С., 08.04.1919–05.01.1920.

Состав Уральской армии на 01.06.1918

1-й Уральский казачий корпус (генерал-лейтенант Савельев Н.А.; с 13.07.1919 — полковник Изергин М.И.), объединивший 1-ю и 2-ю Уральские казачьи дивизии.

2-й Илецкий казачий корпус (генерал-майор Акутин В.И.), объединявший 4-ю Илецкую и 3-ю Уральскую казачьи дивизии.

Всего на 01.06.1918– 15 000 (а на 01.11.1919 – 25 000) штыков и сабель.

Вскоре, после перехода Уральской армии в состав ВСЮР генерала Деникина, ее состав был разделен по 3-м направлениям:

Бузулукское, в составе **1-го Уральского казачьего корпуса**; с его 1-й, 2-й и 6-й казачьими и 3-й Илецкой, 1-й Уральской пехотной дивизиями и их 13-м Оренбургским, 13-м, 15-м и 18-м казачьими, 5-й Уральским пехотным, 12-м Сводным казачьим и несколькими другими отдельными полками;

Саратовское, в составе **2-го Илецкого казачьего корпуса**; и его 5-й казачьей дивизии с рядом отдельных полков (4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 10-й, 11-й, 16-й, 17-й Уральские казачьи, 33-й Николаевский стрелковый, Гурьевский пеший полки);

Астраханско-Гурьевское, в составе **Урало-Астраханского казачьего корпуса** и его (партизанскими) отрядами полковников Карташева и Чижинского и Отдельным 9-м Уральским казачьим полком.

Уральская армия оперативно подчинялась командованию:

Сибирской армии (генерала Гришина-Алмазова А.Н.), 06–08.1918;

Поволжского фронта (генерала Чечека С.), 08–09.1918;

Западного фронта (генерала Сыровы Я.), 09–11.1918;

Русской армии (адмирала Колчака), 12.1918–07.1919;

ВСЮР (генерала Деникина), 21.07.1919 – 03.1920.

В результате активных наступательных действий Уральская армия в 1918 г. изгнала большевиков со значительной территории юга Урала – от Каспийского моря (Гурьев) до Сызрани и Самары, на севере – от Оренбурга до западного берега реки Урал, включая Уральск. Советские войска в ноябре–декабре 1918 г. и в начале 1919 г. неоднократно пытались и (часто) добивались успеха, контратакуя и наступая на Сибирскую, Оренбургскую и Уральскую армии, входящие в

Русскую армию адмирала Колчака (смотри «Оренбургская армия» и «Сибирская армия»).

В феврале 1919 Красной армии удалось отбросить Уральскую армию от реки Урал, Сызрани и Самары и захватить Уральск. В период общего «Весеннего наступления» Русской армии Колчака Уральская армия также включилась в активные боевые действия в своем регионе. В результате войска уральских казаков уже в марте 1919 вышли на подступы к Уральску. С 25.04.1919 началась осада города. Четырежды (13.05, 17.05, 25.05 и 01.06.1919) войска Уральской армии пытались штурмом овладеть городом. Все усилия сломать сопротивление советских войск в Уральске не увенчались успехом. Больше того, 4-я Красная армия несколько раз сама пыталась деблокирующими ударами ликвидировать осаду белоказаками Уральска. Но также безуспешно.

После почти трехмесячной осады 25-й стрелковой дивизии (комдив Чапаев) 4-й Красной армии ударом с севера 11.07.1919 все же удалось прорваться в город, освободить Уральск от блокады и вновь установить и укрепить власть совдепа. Уральская армия должна была смириться с поражением и отступить. Однако в этот период небольшая удача сопутствовала удару войска левого фланга Уральской армии. Наступая из района Лбищенска, 30.06.1919 эти войска захватили город Пугачев и, отбросив красные войска далее к северу от Уральска, продвинулись к Сызрани и Самаре. Но вскоре уральские казачьи войска были остановлены в 100 километрах от Сызрани и 80 километрах от Самары более многочисленными красными войсками комфронта Фрунзе.

В июле 1919 советские войска (Фрунзе) перешли в контрнаступление и заставили Уральскую армию отступать. 05.07.1919 большевики вернули Пугачев, 11.07.1919 (как уже упоминалось) освободили от осады Уральск, 09.08.1919 вошли в город Лбищенск.

При этом следует заметить, что именно в этот период оперативное управление Уральской из Русской армии, адмирал Колчак 21.07.1919 передал ВСЮР под командование генерала Деникина.

05.09.1919 1-й Уральский казачий корпус (полковник Изергин) по приказу штаба ВСЮР контратаковал 25-ю

стрелковую дивизию Чапаева и возвратил Лбищенск Уральской армии (в этом бою Чапаев погиб).

Но, получив подкрепление, войска Красной армии перешли в контрнаступление. Однако вновь были остановлены, потерпев поражение. Этому способствовал тот факт, что 24.09.1919 Кавказская армия генерала Деникина захватила Царицын, и ее части (2-я Кубанская казачья дивизия генерала Мамонова П.П.), перейдя на левый берег Волги (отряды генерала Говорущенко и полковника Львова), установили связь с левым флангом Уральской армии. Воспользовавшись прочностью тыла и левого фланга, Уральская армия прорвала фронт 4-й Красной армии и устремилась в ее тылы, на восток. 6000 уральских казаков вышли в район Уральска, к северу от города.

Однако, подбросив резервы и перегруппировав 4-ю Красную армию, советские войска усилили сопротивление небольшому отряду казаков. Ожесточенные бои продолжались до 25.10.1919, и части Уральской армии в результате этих боев были отброшены, — прежняя линия фронта была полностью восстановлена войсками большевиков. Одновременно войска всего советского Туркестанского фронта подключились к разгрому Уральской и Оренбургской армий, перейдя в решительное наступление.

В результате Уральская армия вынуждена была отступать, неся огромные потери. Это привело к полному разгрому Уральской армии (генерал Толстов В.С.). 20.11.1919 красные войска вошли в Лбищенск. Хотя степной ландшафт позволял иногда переходить казачьей коннице в контратаки, спасти Уральскую армию от разгрома было уже невозможно. К западу и югу от озера Челкар был разбит Илецкий корпус генерала Акутина.

Наступление зимы и морозов замедлило темпы и снизило активность боевых действий противоборствующих сторон. Принимая во внимание разгром и отступление Сибирских армий адмирала Колчака на востоке и армий Деникина на западе, советское командование 09.12.1919 обратилось к солдатам (и офицерам) Уральской армии с предложением о капитуляции при условии амнистии при добровольной сдаче в плен. Не дожидаясь результатов этого обращения, войска

Туркестанского фронта (Фрунзе) возобновили наступление. 11.12.1919 советские войска захватили Сломхинскую, 18.12.1919 — Калмыков, отрезав пути отступления Илецкому корпусу. Началась массовая сдача в плен белоказаков.

Генерал Толстов и его штаб бежали в Гурьев. Остатки Илецкого корпуса, понеся большие потери в боях при отступлении и от косившего ряды солдат тифа, 04.01.1920 почти полностью был уничтожены и пленены красными войсками у города Малый Байбуз. При этом Киргизский полк этого корпуса полностью перешел на сторону большевиков, предварительно «вырезав» штабы Илецкого корпуса, 4-й и 5-й Илецких дивизий, и «сдал» в плен командира корпуса известного на Урале генерала Акутина, который был расстрелян войсками 25-й («Чапаевской») дивизии. (Гибель Чапаева была отомщена, хотя и за счет уничтожения и гибели полного корпуса Уральской армии.) 6-я Илецкая дивизия, отступая к Волге через степь Букеевской Орды, «растаяла» и полностью погибла от болезней, голода и, главным образом, от огня преследовавших ее красных частей.

05.01.1920 пал Гурьев. Небольшая часть остатков Уральской армии во главе с генералом Толстовым решила пробиться на юг, полагая соединиться с Туркестанской армией генерала Казакевича (войска ВСЮР генерала Деникина). Двигаясь на юг, вдоль восточного берега Каспийского моря, генерал Толстов решил дойти до Форта Александровский и далее — до Красноводска. К остаткам Уральской армии (около 9000) присоединились беженцы (до 6000) со своим скарбом и обозами. Эта общая масса перемешанных войск с гражданскими группами, не пожелавшими остаться у большевиков, отягощенная повозками, женщинами с детьми, престарелыми уральскими казаками, зимой, когда холода ночью достигали 20–25 градусов ниже нуля, под ледяными ветрами, дующими с киргизской пустыни и со стороны Каспия, терпя голод и жажду, упорно шла на юг. Однако этот очередной «Ледяной поход» частей Белых армий являлся одним из наиболее тяжелых и драматичных. Людские потери от голода и холода, болезней и упадка сил были колоссальны — 13 000! И это на пути в 600–700 километров, в течение двух недель! Когда в конце января 1920 эта группа уральских казаков во

главе со своим командующим, генералом Толстовым и присоединившиеся к ним беженцы достигли Форта Александровска (в 300 километрах к юго-западу от Гурьева, на восточном берегу Каспийского моря), оказалось, что дошло только около 2000 человек (из 15 000, которые начали этот «Ледяной поход»!).

Основная часть бывшей Уральской армии из Форта Александровский на кораблях и судах Каспийской флотилии ВСЮР генерала Деникина была эвакуирована в Дагестан. 162 уральских казака во главе с генералом Толстовым дошли до Красноводска и убыли (эмигрировали) 20.05.1920 в Персию. Из этой группы позже генерал Толстов и 62 преданных ему казака эмигрировали в Австралию.

ЮЖНАЯ АРМИЯ

(23.05–21.09. 1919)

23.05.1919 Оренбургская армия была переформирована и переименована в Южную армию под командованием генерал-майора Белова Г.А., которая с 09.1919 вошла в состав Восточного фронта (генерал Дитерихс М.К.), а с 10.10.1919 — в состав Московской группы (генерал Сахаров К.В.).

Состав Южной армии на 01.06.1919 (смотри также состав «Оренбургской армии»):

1-й Оренбургский казачий корпус, 08.10.1918–11.1919; 23.05–18.09.1919 — в составе Южной армии (генерал-майоры Жуков Г.П., 10.1918–06.1919; Акулинин И.Г.), объединявший:

- 1-ю Оренбургскую казачью дивизию в прежнем составе;
- 2-ю Оренбургскую казачью дивизию в прежнем составе;
- 3-ю Оренбургскую казачью дивизию в прежнем составе.

4-й Оренбургский стрелковый корпус, 05.2.1918–06.01.1920 (генерал-майор Бакич А.С.), объединявший:

— 2-ю Сызранскую стрелковую дивизию; 24.07.1918–06.01.1920 (генералы Махин Ф.Е., 08–12.1918; Бакич А.С., 01.12.1919) и ее 5-й и 6-й Сызранские, 7-й Хвалынский, 8-й Вольский стрелковые полки, 2-й Сызранский кавалерийский полк;

— 3-ю (Отдельную) Сводную Оренбургскую казачью бригаду, 20.07.1918–20.04.1919 (генералы Ончков Н.А.,

20.07.1918–02.01.1920; Печенкин В.И., 02–26.01.1919) и ее 11-й, 12-й, 17-й и 18-й Оренбургские казачьи полки;

– Отдельный казачий отряд.

5-й Стерлитамакский стрелковый корпус, 03.02–10.1919 (генерал-майоры Печенкин В.И.; Бобрик, 02.04–10.05; Церетели, 10.05–23.07.1919; Эллерц-Усов А.В., 23.07–10.1919); объединявший:

– 9-ю Стерлитамакскую стрелковую дивизию;

– 10-ю Верхнеуральскую стрелковую дивизию.

11-й Яицкий стрелковый корпус, объединявший:

– 21-ю Яицкую стрелковую дивизию;

– 29-й (Отдельный) Оренбургский казачий полк.

С мая 1919 Южная армия прикрывала Башкирию, удерживала Верхнеуральский район, участвовала в наступлении на Оренбург, поддерживала совместные боевые действия с Уральской армией.

Начавшиеся в апреле 1919 наступательные бои за захват Оренбурга Южной армией встретили ожесточенное сопротивление советских войск. Штурм Оренбурга продолжался два с половиной месяца. 10.05.1919 части Южной (прежней Оренбургской) армии с трех сторон подошли к пригородам Оренбурга; осада длилась до середины июня 1919 (Единственная удача лета 1919 для Южной армии — захват Орска 04.1919.)

Общее отступление Западной армии и наступление советских войск летом 1919 по всему фронту на Урале, усиление подошедшими резервами 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й Красных армий Восточного фронта и войск Туркестанского фронта, а также начавшееся общее отступление Западной армии (генерал Ханжин) — вынудили отступить и войска Южной армии генерала Белова Г.А. Оренбург оставался в руках большевиков.

Это было одним из самых тяжелых поражений Оренбургской и Южной армий, что косвенно способствовало полному разгрому Белой Западной армии. Отступив на восток, Южная армия отходила с боями в двух направлениях: на восток, к Омску (Северная группа — 4-й Оренбургский и 5-й Стерлитамакский корпуса) и юго-восток, к Орску и Актюбинску (Южная группа — 1-й Оренбургский и 11-й Яицкий корпуса).

В августе 1919 войска Южной армии генерала Белова включилась в начавшиеся бои на Тоболе в составе Русской армии Восточного фронта, а с октября 1919 — в составе Московской группы армий генерала Сахарова участвовала в сражении за Tobol и Петропавловск. Войска Южной армии генерала Белова в течение сорока дней сдерживали красные части на пути их продвижения к Петропавловску, на южном фланге «сражения на Тоболе».

В результате общего поражения войск Московской группы армий и падения Петропавловска, разрыв между 3-й (генерал Каппель) и Южной армий (генерал Белов) разделил эти войсковые группы, изолировав друг от друга. При этом Южная армия (генерал Белов) вынуждена была далее отступать не на восток в общем составе Московской группы армий, а самостоятельно на юго-восток, в направлении Семипалатинска.

18.09.1919 вся Южная группа и большая часть Северной группы Южной армии (кроме 4-го Оренбургского корпуса (генерал Бакич) вновь была переформирована и переименована в Оренбургскую армию под командованием генерал-лейтенанта, атамана Дутова А.И.

Тем временем 11.1919–01.1920, атакуемые с севера 5-й Красной армией и с запада Кокчетавской группой советских войск, а также терроризируемые с тыла партизанскими соединениями Кравченко и Щетинкина, остатки части Южной армии генерала Белова были разбиты и фактически рассеяны. Больше того, 45-й и 46-й (переименован в 42-й Троицкий) Сибирские стрелковые полки 12-й Сибирской дивизии, переданной 06.08.1919 временно в Южную армию генерала Белова в районе Барнаула, подняв мятеж, перешли на сторону Красной армии. Растерзав офицеров, мятежники открыли фронт и пути в глубокий тыл остатков Южной армии.

К новому, 1920 году Южная армия фактически перестала существовать как организованная воинская часть. (Основное поражение Южная армия испытала еще в сентябре—октябре 1919 под Петропавловском и Омском.)

Следует, однако, заметить, что эти прошедшие события, не помешали генералу Белову Г.А. позже, во время «Сибирского восстания» в марте 1921 возглавить восставших сибирс-

ких крестьян, повстанцев и солдат бывшей Южной армии и оказывать вновь упорное сопротивление превосходящим силам Красной армии. В частности, в течение стольких же сорока дней (как и в 1919) в районе Тобольск — Петропавловск слабо вооруженные повстанцы оказывали упорное сопротивление многочисленным советским войскам и смогли удерживать более четырех дней все тот же Петропавловск.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

Образована Верховным Правителем Государства Российского — адмиралом Колчаком А.В., под руководством которого координировала все боевые операции сибирских белых армий с 24.12.1918 по 04.01.1920. Посты Начальника штаба Ставки занимали генералы: Лебедев Д.А. (21.12.1918–09.08.1919), Дитерихс М.К. (09.08–17.11.1919), Занкевич М.И. (17.11.1918–04.01.1920). Военное министерство Колчака возглавляли генералы: Сурин В.И. (21.12.1918–01.01.1920), Степанов Н.А. (03.01–23.05.1919), Лебедев Д.А. (23.05–12.08.1919), Будберг А.П. (12–25.08.1919), Дитерихс М.К. (25.08–06.10.1919), Ханжин М.В. (06.10.1919–04.01.1920).

Ставка Верховного Главнокомандования расформирована 14.11.1919. Руководство военными операциями перешло к штабу при Верховном Главнокомандующем (адмирал Колчак), который возглавил генерал Занкевич М.И. (17.11.1919–04.01.1920). Штаб размещался в одном из вагонов специального поезда, в котором убыл из Омска адмирал Колчак. В это же время он приказал генералу Лохвицкому Н.А. подготовить и обеспечить прием и размещение в Иркутске правительства и своего штаба, включая и подбор помещений как для самого адмирала, так и для сопровождающих его членов правительства и штаба Главнокомандования. Одновременно генералу Лохвицкому было приказано предварительно подготовить переезд адмирала Колчака, его правительства и штаба в Читу, в Забайкалье, под защиту войск атамана Семёнова, в случае если войска Русской (Сибирской) армии не останутся катящийся вал наступления Красной армии и им (войскам) также придется искать убежища в Забайкалье.

Непосредственно в оперативном подчинении Ставки в течение 1919 г. находились:

Сибирская армия (генерал-лейтенант Гайда Р., 24.12.1918–10.07.1919; генерал-лейтенант Дитерихс М.К., 10–22.07.1919). 22.07.1919 преобразована в 1-ю и 2-ю армии Восточного фронта.

Западная армия (генерал-лейтенант Ханжин М.В., 01.01–20.06.1919; генерал-лейтенант Сахаров К.В., 21.06–22.07.1919). 22.07.1919 преобразована в 3-ю армию Восточного фронта.

Оренбургская армия (генерал-лейтенант Дутов А.И., 16.10.1918–03.05.1919). 23.05–18.09.1919 действовала как **Южная армия** (генерал-лейтенант Белов Г.А.); 18.09.1919–06.01.1920 (генерал-лейтенант Дутов А.И.). 06.01.1920 вошла в состав Семиреченской армии (генерал-майор Анненков Б.В.) как Оренбургский отряд, совершив «Голодный поход» через Туркестанские степи.

Семиреченская армия (генерал-майор Анненков Б.В., 25.08.1919–03.04.1920). Сформирована на базе Степной группы Восточного фронта и 2-го Степного Сибирского корпуса, интернирована в Китае после перехода 03.04.1920 туркестано-китайской границы.

Уральская армия (генерал-лейтенант Савельев Н.А., 15.11.1918–08.04.1919; генерал-лейтенант Толстов В.С., 08.04.1919–20.05.1920). 22.07.1919 передана в оперативное подчинение ВСЮР (генерал-лейтенант Деникин А.И.).

Южная армия (генерал-лейтенант Белов Г.А., 23.05.1919–01.12.1920). Переформирована 23.05.1919 из Южной группы Западной и Оренбургской армий. 22.07.1919 вошла в состав Восточного фронта, а с 10.10.1919 – в составе Московской группы Восточного фронта.

22.07.1919 Сибирская и Западная армии, переформированные в 1-ю, 2-ю и 3-ю армии, а также Южная армия и Степная группа генерала Анненкова Б.В. были переданы и объединены в составе вновь созданного Восточного фронта (генерал-лейтенант Дитерихс М.К.). После отвода 1-й армии в тыл, в район Томска (для пополнения, переформирования и охраны Сибирской магистрали), а также разгрома Южной армии (генерал Белов Г.А.), 10.10.1919 оставшаяся часть Восточного фронта была преобразована в **Московскую группу войск** (генерал-лейтенанты Каппель В.О., 10.10.1919–21.01.1920; Войцеховский С.Н., 21.01–27.04.1920) и продолжала оказывать сопротивление Красной армии, совершив «**Великий Сибирский Ледяной поход**» (14.10.1919–03.03.1920) при отступлении колчаковской армии из Сибири в Забайкалье.

Кроме того, свое подчинение Ставке Верховного Главнокомандования Верховного Правительства Государства Российского юридически признали и/или были включены в состав Русской армии:

Вооруженные Силы Юга России—ВСЮР, под командованием Главнокомандующего генерал-лейтенанта Деникина А.И. (о своем подчинении Верховному Правителю адмиралу Колчаку объявил 12.06.1919).

Войска Северо-Западной области (генерал от инфантерии Юденич Н.Н., 10.07.1919–22.01.1920). Указом Верховного Правительства адмирала Колчака 10.07.1919 генерал-от-инфантерии Юденич назначен командующим всеми войсками Северо-Запада, включая **Северо-Западную армию** (генерал-майор Родзянко А.П., 06.07–02.10.1919; генерал-от-инфантерии Юденич Н.Н., 02.10–28.11.1919) и **Западную Добровольческую армию** (генерал-майор Бермондт-Авалов П.Р., 09–11.1919).

Северная армия — Войска Северной области, Северный фронт (генерал-лейтенант Марушевский В.В., 19.11.1918–

13.01.1919; генерал-лейтенант Миллер Е.К., 13.01.1919–02.1920). Генерал-лейтенант Миллер Е.К. 10.06.1919 назначен адмиралом Колчаком командующим всеми войсками Северной области, включая Северную армию, которая одновременно находилась в оперативном подчинении у командования Северного фронта и Экспедиционного корпуса английских войск (генерал Айронсайд).

Мурманская Добровольческая армия — Войска Мурманского района (генерал-майор Звегинцев Н.И., 01.06–03.10.1918; полковник Костанди Л.В., 11.1918–06.1919); находилась в оперативном подчинении Северной армии, а также командующего английским Экспедиционным корпусом в Архангельске — генерал Айронсайд (и непосредственно в Мурманске — генерал Пуль). 06.1919 Мурманская Добровольческая армия была переименована в **Войска Мурманского района** и вскоре объединена с войсками **Олонецкой Добровольческой армии** под общим командованием генерал-лейтенанта Скобельцына В.С.

Олонецкая Добровольческая армия (генерал-лейтенант Скобельцын В.С., 02.1919–02.1920). После разгрома Красной армией в Карелии 07.1919 Олонецкая армия объединена с Мурманской Добровольческой армией.

Состав и боевые действия Сибирских армий адмирала Колчака приведены в главах «Восточный фронт», «Московская группа войск», а также в отдельных справках об этих армиях.

Приказом Главковерха адмирала Колчака 03.01.1919 новая Русская армия должна была иметь структуру и состав такой же, как и прежняя Русская армия при императоре Николае II. То есть структура Русской армии предусматривала создание **рот** (150 штыков в каждой), **батальонов** (по 4 роты), **полков** (4100 штыков, в 4-х батальонах или 16-и ротах), **дивизий** (16 500 штыков в 4-х полках), **корпусов** (37 000 в 2-х дивизиях в каждом). К 01.05.1919 численность Русской армии составляла 680 000 штыков и сабель, из которых в действующих армиях Сибири к этому времени было сформиро-

вано 8 корпусов. В течение 1919 года планировалось довести численность войск до 2 000 000 солдат и офицеров. Краткое описание боевых действий, фронтов и армий, входивших в состав Русской армии и в непосредственное подчинение Ставки Верховного Правительства адмирала Колчака, приведены в последующем изложении.

Представляется полезным остановиться, хотя бы и весьма кратко, на менее известных подробностях прекращения деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, связанных с концом жизни адмирала Колчака. Краткая (фрагментарная) история этого события может быть представлена следующим образом.

После фатальных поражений Сибирских армий Колчака под Челябинском (07–08.1919) и на Тоболе (08–09.1919) волна отступающих войск, группируясь в отдельные колонны, устремилась в направлении Сибирской магистрали на восток, с целью уйти в Забайкалье, под защиту войск атамана Семенова и оккупационных японских войск. Так начался известный Великий Ледяной Сибирский поход.

Правительство и Ставка Колчака вынуждены были покинуть Омск, который 14.11.1919 без боя был сдан Красной армии. Теперь Ставка вынуждена была «руководить» войсками, находясь в вагоне поезда, хотя и тешила себя еще надеждой, что вскоре восстановит свою «стационарную» деятельность, добравшись до Иркутска. Но это была лишь мечта. При таком массовом и быстром отступлении, в непрерывно меняющейся боевой ситуации, о реальном и квалифицированном руководстве государством и боевыми действиями из единого центра не могло быть и речи. При этом следует напомнить, что за поездом Колчака следовал эшелон с «Золотым запасом» России. Это придавало особую специфику и важность начавшемуся железнодорожному марафону.

Благодаря воле генерала Каппеля остатки Сибирских армий 10.10.1919 удалось объединить в Московскую группу войск, которая благополучно достигла Забайкалья в начале марта 1920 г., заплатив за это и жизнью самого генерала Каппеля и жизнью адмирала Колчака. (Существует версия реплики Каппеля, увидевшего в Омске эшелон «Золотого запаса» —

именно того, который он еще в конце 1918 приказал вывести из Казани перед ее сдачей большевикам: «Золото Рейна не принесло счастья нибелунгам и Германии. Не принесет золото счастья и русским богатырям».)

Поезд Колчака и «золотой» эшелон (как и в какой-то мере колчаковско-каппелевские войска) теперь находились в зависимости от пропускной способности и работы всей Сибирской магистрали. И так как все города и станции этого железнодорожного пути находились в руках войск Чехословацкого корпуса (который постепенно смещался на Дальний Восток, чтобы эвакуироваться из Владивостока в Чехословакию), судьба следования поездов всецело зависела от настроения командиров гарнизонов того или иного населенного пункта, находящегося на пути проезда: захотят — пропустят, не захотят — нет; отцепят вагон или не дадут паровоз, уголь, воду, возможности пополнить запасы продовольствия, или заставят стоять сколь угодно долго.

Начиная с Новониколаевска (сдан большевикам 14.12.1919), чехи стали подолгу задерживать «литерные» поезда Колчака и эшелон с золотом, ломая голову, как бы подороже продать этот столь желанный большевикам «товар». Колчак мог надеяться только на свой конвой, хотя и понимал, что этих «сил» весьма недостаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности. Адмирал стал фактически узником и одновременно заложником в заигрывании союзников с коммунистами. Колчаку на всех станциях даже младшие офицеры давали понять, кто здесь хозяин. «Выяснение отношений» достигло кульминации 12.12.1919, когда в Красноярске чехи задержали поезд Верховного и, применив силу, отцепили паровоз, мотивируя это необходимостью подсоединить его к эшелону с убежавшими во Владивосток солдатами Чехословацкого корпуса, а также ссылаясь на очередь отправки санитарных поездов с ранеными.

Не выдержав, генерал Каппель «взорвался», требуя от генерала Сыровы немедленно прицепить паровоз обратно, к поезду адмирала, наказания виновных и принесения соответствующих извинений. В противном случае генерал Каппель пригрозил применить силу против чешских войск. Сыровы

не соизволил выполнить требования Каппеля — последний вызвал чешского генерала на дуэлы Сыровы проигнорировал этот вызов. Так вело себя командование союзников в отношении представителей военных властей Сибири, подавая наглядные примеры своим подчиненным — офицерам и солдатам чешских и японских войск, располагавшихся вдоль Сибирской магистрали.

Тем временем поезд адмирала на пути к Нижнеудинску (Улан-Удэ) 21.12.1919 получил известие, что в Черемхове (станция в 130 километрах северо-западнее Иркутска) произошло восстание и власть перешла к коммунистам, а партизанские отряды большевиков подошли в Нижнеудинску, Зиме и Иркутску. Сообщение по железной дороге к Иркутску прервано и блокировано в Черемхове. Несмотря на это, Колчак решил продолжать следовать в Забайкалье. 27.12.1919 поезд Верховного прибыл в Нижнеудинск. Здесь адмиралу сообщили (майор Гассек из чешского гарнизона), что эшелоны задерживаются «до особого распоряжения» (дополнительно пояснив, что нет паровозов, угля, а дальнейшие пути блокированы партизанами). Через несколько часов майор Гассек передал указание, полученное от представителя всех военных миссий стран Антанты в Сибири и на Дальнем Востоке французского генерала Жанена — поезда адмирала и эшелон с «Золотым запасом» берутся под непосредственную охрану союзных держав, и когда «позволит» обстановка — проследуют дальше (под флагами союзных держав). Станция Нижнеудинск объявляется нейтральной, и союзным (чешским) войскам приказано охранять и не допускать к ним новые власти любого правительства (эсеры, коммунисты и прочие) Нижнеудинска. Конвой адмирала не разоружать и в случае нападения на поезда — разоружить обе стороны. По собственному желанию адмирала Колчака — предоставить ему личную свободу действий. Одновременно Верховный получил телеграмму из Иркутска от генерала Лохвицкого, который не рекомендовал адмиралу ехать далее, в Иркутск. Около двух недель поезд адмирала Колчака стоял в Нижнеудинске, будучи фактически под арестом союзников (чешских войск). Связь с Иркутском была прервана. (Генерал

Лохвицкий Н.А., пытаясь предотвратить восстание в городе и подавить восставших силами войск иркутского гарнизона и находящихся в Иркутске чехов, признал нереальность и невозможность дальнейшего удержания города этими силами и 05.01.1920 убыл в Читу, к атаману Семенову).

По прошествии двух недель майор Гассек сообщил новое решение штаба союзников: Колчаку предлагали безопасное передвижение только в его (одном) вагоне; остальные вагоны и эшелон с «Золотым запасом» должны оставаться в распоряжении союзных (чешских) войск. У Колчака оставались три возможности: попытаться с личным конвоем (60 офицеров и 500 солдат) пройти в Монголию (преодолев более 250 верст по малонаселенной, безлюдной местности, при весьма низких температурах, ограниченном запасе продовольствия и других непредвиденных смертельных ситуациях); либо уйти (переодевшись в простую одежду) только со своим адъютантом, бросив на произвол судьбы поезд со своим конвоем и «Золотым запасом»; либо договориться с чехами (майором Гассеком), чтобы, переодевшись, одному пересечь в первый же идущий на восток эшелон с отступающими солдатами Чехословацкого корпуса (как это делали многие «счастливики», убягая от большевиков и партизан). Или, наконец, смириться со своей участью: ехать под охраной союзников в своем одном вагоне. Все пути бегства (и особенно скрыться с помощью чехов) Колчак отверг. Собрвав свой конвой, он предложил всем уйти, а остаться только тем, кто категорически не желает его покинуть. К своему удивлению он обнаружил, что почти весь конвой покинул его и тут же перешел к «красным»; остались несколько офицеров. Этот факт окончательно подорвал веру Колчака в счастливое окончание своей карьеры и жизни в целом. (За последующую ночь, как утверждали очевидцы — например, последний начальник штаба Ставки, генерал Занкевич М.И. — голова адмирала стала абсолютно белой от поседевших за несколько часов волос).

Колчак известил штаб японского адмирала Като, что он согласен ехать в Иркутск (где тогда находился штаб союзных войск) в только одном предоставленном ему вагоне. К эшелю-

ну 1-го батальона 6-го чешского полка был прицеплен большой пультмановский вагон, где разместились 60 офицеров личного конвоя, оставшегося с адмиралом, и сам адмирал Колчак. К этому же поезду прицепили вагон Омского правительства (Пепеляев В.Н. и другие), который присоединился к эшелону на станции Тайга.

Тем временем Сибирские армии под командованием генерала Каппеля вынужденно продолжали отступать пешком по заснеженным таежным тропам Сибири, отражая периодические атаки преследующих их войск Красной армии и местных партизан. 04.01.1920 прежняя охрана адмирала Колчака была заменена исключительно чешскими солдатами. Выходить из вагона офицерам конвоя запрещалось (как и самому адмиралу). Поезд с «Золотым запасом» союзники тащили за собой. Над вагоном Колчака был поднят Андреевский флаг и флаги союзных государств. 04.01.1920 адмирал Колчак подписал свое «отречение», передав власть Верховного Правителя Государства Российского генералу Деникину, а управление в Забайкалье и на Дальнем Востоке (в Восточной Сибири) — атаману Семенову. Пройдя 120 километров от Нижнеудинска, эшелон с войсками чехословаков миновал Тулун, который фактически уже контролировали партизаны. 11.01.1920 добрались до станции Зима. В районе Зимы партизаны блокировали железную дорогу. Комендант эшелона чешский майор Кадница приказал установить на крышах поезда пулеметы и категорически запретил всем (русским) выход из вагонов. Партизаны отцепили паровоз, требуя передачи им адмирала Колчака и «Золотого запаса». Но в конце концов, после переговоров с чешскими командирами, добившись введения в охрану вагона Колчака своих бойцов (и усилив охрану эшелона с «Золотым запасом» партизанами), паровоз прицепили и разрешили продолжать следование на Черемхово и Иркутск.

Таким образом, если до станции Зима адмирал Колчак находился в качестве заложника (и символического арестанта) союзников, то теперь он и «Золотой запас» попали под реальный арест как чехословаков, так и партизан, подсевших в вагоны поезда на станции Зима. «Охрана» еще более усилилась,

когда за проходящими эшелонами вдогонку помчался маневренный паровоз с вагоном, набитым рабочими-дружинниками и партизанами станции Черемхово.

Но до Иркутска Верховного Правителя ждало еще одно испытание: станция Иннокентиевская была также блокирована, и «массы» дружинников и партизан, окружив поезд, были полны решимости завладеть и адмиралом, и плывущим в их руки золотом. После длительных переговоров с чешскими солдатами и их командиром о выдаче адмирала Колчака и «Золотого запаса», восставшие рабочие Иннокентиевской (и партизаны) согласились с компромиссным предложением: ввести еще новые отряды рабочих дружин и партизан в охрану эшелонов и нести эту службу совместно с чешскими солдатами.

После присоединения нового отряда «охранников» эшелоны двинулись к Иркутску, куда прибыли 15.01.1920. Через несколько часов на один из тупиков прибыл и поезд с «Золотым запасом» (1878 мешков и 5143 ящика с золотом в 29 вагонах, а также 7 вагонов с платиной и серебром). Выскочившая охрана (чешские солдаты вперемешку с рабочими-дружинниками) собралась у дверей вагона Колчака. На перроне стояла группа иркутских коммунистов, окруженных вооруженными рабочими. Вокруг вокзала собралось достаточно много чешских, японских и польских войск, присутствовали и рабочие вооруженные дружины. Ни дипломаты, сосредоточенные в Иркутске, ни генерал Жанен (из стоящего на соседних путях вагона), ни генерал Сыровы (из эшелона чешских войск), которому союзниками была поручена безопасность и охрана Верховного Правителя и продвижение его поезда — никто не встречал прибывшего адмирала. Не появлялись и представители Политцентра, в чьих руках с 12.11.1919 находилась власть в Иркутске. (Иркутск стал последней «столицей» Верховного Правителя, куда несколько раньше и перебрались из Омска все дипломатические представители, командование союзными войсками, а также специально посланный адмиралом Колчаком генерал Лохвицкий, который должен был не допустить сдачи города восставшим рабочим и партизанам до прихода основной массы отступающих колчаковских войск.)

Вечером, почти сразу же по приходу поезда, по приказу генерала Сыровы солдаты чешской инструкторской роты, сопровождаемые 20 дружинниками и 10 партизанами, отправили адмирала Колчака, кутавшегося в меховую шубу, через Ангару (покрытую льдом), на противоположный берег, где располагался основной город. Цепочка этой процессии по узкой ледяной тропинке проводила адмирала Колчака (и Пепеляева) в одиночные камеры губернской тюрьмы.

Таким образом, когда 04.01.1920 Колчак официально передал власть генералу Деникину (как Верховному Правителю Государства Российского) на западе и атаману Семенову (как Верховному Правителю Сибири) на востоке, Ставка Верховного Главнокомандования прекратила свое существование. Карьера адмирала закончилась арестом и тюремным заключением в Иркутске 15.01.1920.

21.01.1920 власть Политцентра под угрозой всеобщего восстания в Иркутске пала и перешла к коммунистам. Союзники (чехи, японцы и другие военные части) бежали на Восток, во главе со своими генералами: Жаненом, Сыровы, Като. Судьба адмирала Колчака была предрешена — 07.02.1920 А.В. Колчак и В.Н. Пепеляев по «приговору суда» были расстреляны на покрытой льдом Ангаре, а их тела были сброшены под лед.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ (21.07–10.10.1919)

Восточный фронт образован 21.07.1919 приказом Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака А.В.

Командующие Восточным фронтом:

генерал-лейтенант Дитерихс М.К., 21.07–04.11.1919;
генерал-лейтенант Сахаров К.В., 05.11–09.12.1919;
генерал-лейтенант Каппель В.О., 10.12.1919–25.01.1920;
генерал-лейтенант Войцеховский С.Н., 25.01–20.04.1920.

Начальники штаба — полковник Сальников Д.Н., 21.07–01.09.1919; генерал-майор Рябиков П.Ф., 02.09–08.11.1919; генерал-майор Оберюхтин В.И., 10.11.1919–20.04.1920.

После поражений Сибирской и Западной армий к лету 1919 г. было принято решение создать на их базе оперативное, более мобильное управление войсками, не умаляя при этом приоритета штаба Ставки Верховного Главнокомандования. Реализуя это решение, 21.07.1919 был создан **ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ**, который объединил, включив в свой состав к 01.08.1919:

- 1-ю армию** (генерал Пепеляев А.Н.);
- 2-ю армию** (генерал Лохвицкий Н.А.);
- 3-ю армию** (генерал Сахаров К.В.);

Отдельную Южную армию (генерал Белов Г.А.), 23.05–21.09.1919 (до 05.1919 и после 09.1919 именовалась Оренбургской армией);

Отдельную Степную группу (генерал Лебедев Д.А.);

Отдельный Сибирский казачий корпус (генерал Иванов-Ринов П.П.).

Состав Восточного фронта до 02.1920 претерпевал некоторые изменения в боевом составе и командовании соединениями (о чем будет сказано в дальнейшем).

После удачного «Весеннего наступления» Сибирской (генерал Гайда), Западной (генерал Ханжин), Оренбургской (генерал Дутов) и Уральской (генерал Савельев) армий — захвата Перми и Глазова, подхода менее чем на 100 километров к восточному, левому, берегу Волги и Самаре, к лету 1919 г. все эти армии адмирала Колчака потерпели ряд жестоких поражений и вынуждены были откатиться назад, на восток, за реки Белая, Уфа, Урал, к подножию Уральских гор. В результате контрнаступления Красной армии к лету 1919 в руках большевиков оказались Пермь, Уфа, Стерлитамак, Оренбург, Уральск и другие важные в стратегическом плане города и районы Урала. Особенно чувствительными для колчаковских армий были потеря Уфы и операция по окружению и разгрому группы белых войск в районе Златоуста. Потеря Златоуста открывала Красной армии прямой путь к полному завоеванию Урала.

Командование Русской армии адмирала Колчака, понимая нависшую угрозу полного разгрома своих вооруженных сил в случае продолжения успешных наступлений Красной армии, и главное — потерю Урала как (прежде всего) естественного рубежа, каким является Уральский горный хребет, его промышленность, железные дороги и другие подобные стратегические факторы; лихорадочно планировало решающий контрудар по большевистским войскам. Выбор пал на район Челябинска, куда был нацелен и последующий основной удар главных сил большевистских войск — 5-й Красной армии, которые так успешно наносили колчаковцам одно поражение за другим (Уфа, Златоуст и Екатеринбург).

Разрезанные на две части войска Отдельной Сибирской армии, потеряв у Екатеринбурга (захвачен 15.07.1919) только пленными около 3500 бойцов, поспешно отступали в направлении Тобольска (во главе со своим командующим, генералом Гайдой). Другая группа Сибирской армии (меньшей по численности) отступала на северо-восток, к Верхотурью, после захвата которого красными 19.07.1919 вынужденно изменила направление отступления, повернув на восток, в направлении Томска.

Таким образом, 22.07.1919 вновь образованный Восточный фронт (генерал Дитерихс) фактически имел в своем подчинении только часть Сибирской армии генерала Гайды — новую 2-ю армию (генерал-лейтенант Лохвицкий Н.А.), так как 1-я армия (генерал-лейтенант Пепеляев) — вторая часть прежней Сибирской армии, как уже сказано, — в это время отступала от Екатеринбурга на юго-восток, в направлении Тобольска и Кунгура-Томска и активно участвовать в контрнаступлении у Челябинска не имела возможности.

3-я армия (созданная на базе прежней Западной армии), которой с момента образования (22.07.1919) Восточного фронта командовал генерал-лейтенант Сахаров, фактически оказалась под командованием начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандования генерала Лебедева, так как последнему адмирал Колчак («Главковерх») приказал непосредственно возглавить Челябинское контрнаступление. Для усиления войск Восточного фронта в этой операции Верховное Главнокомандование пополнило их еще не окончившими формирование новыми 11-й, 12-й и 13-й Сибирскими дивизиями, которые, как это станет очевидным, сыграли скорее негативную, чем положительную роль. На 3-ю армию возлагались большие надежды в деле успешного проведения наступательной операции.

Таким образом, на Восточном фронте в июле 1919 г. была сосредоточена группа войск, которой предстояло реализовать разработанный штабом генерала Лебедева план наступления и разгрома советских войск в районе Челябинска. План этой операции горячо поддерживал генерал Сахаров, командующий 3-й армией.

Общее (стратегическое и оперативное) руководство контрнаступлением в районе Челябинска было возложено на генерал-майора Лебедева Д.А., — представителя Верховного Главнокомандования, начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандующего. Тактическое руководство планируемой операции оставалось за Командованием Восточным фронтом — генерал-лейтенантом Дитерихсом М.К.

Для проведения контрнаступательной операции на Челябинск Восточный фронт объединил следующие войска Русской армии:

2-я армия, 14.07.1918–20.03.1920. Создана на базе части бывшей Отдельной Сибирской армии (генерал Гайда Р.). Командующие — генерал-лейтенанты Лохвицкий Н.А., 14.07–01.09.1919; Войцеховский С.Н., 01.09–25.01.1920; Вержбицкий Г.А., 25.01–20.03.1920);

Северная группа, 22.07.1919–20.03.1920. Создана на базе 4-го Сибирского армейского корпуса (генерал-лейтенант Гривин П.П., 26.03–20.07.1919). Командующий Северной группой — генерал-лейтенант Гривин П.П., 22.07–20.11.1919; с 21.11.1919 — генерал-майор Бордзиловский А.В.; в составе

3-й Иркутской стрелковой дивизии, 28.07.1918–20.03.1920 (генерал-майор Гривин П.П., 28.07.1918–26.03.1919; генерал-майор Ракитин В.А., 04.1919–03.1920); с ее:

- 9-м Иркутским стрелковым полком,
- 10-м Байкальским стрелковым полком,
- 11-м Нижнеудинским стрелковым полком,
- 12-м Верхнеудинским стрелковым полком.

3-я Иркутская дивизия, находясь в Тобольской группе (генерал-майор Бордзиловский А.В.) под командованием генерал-майора Ракитина В.А., в «Великом Сибирском Ледяном походе» достигла Читы, как одна из самых многочисленных частей Белой армии (в колонне генерала Вержбицкого). Позже генерал Ракитин пытался покончить с собой (застрелиться) 05.06 и умер 07.06.1923 у Охотска, находясь в дружине генерала Пепеляева А.Н. Последняя убыла из Владивостока

08.1922 и 17.06.1923 сдалась в Аяне, окруженная красными войсками комдива Строда.

15-й Омской Сибирской стрелковой дивизии, 21.03.1919–01.1920 (полковник Шулькевич Б.А., генерал-майор Вознесенский, 06.10.1919–01.1920) с ее

– 57-м Павлоградским Сибирским стрелковым полком,

– 58-м Акмолинским Сибирским стрелковым полком (полковник Соловьев),

– 59-м Саянским Сибирским стрелковым полком (полковник Тонкошкур),

– 60-м Бугурусланским Сибирским стрелковым полком (подполковник Головоненко).

01.1920 дивизия попала в плен под Красноярском.

Красноуфимской партизанской бригады, 03.1919–01.1920 (полковник Рычагов); с ее

– 1-м Красноуфимским партизанским стрелковым полком (поручик Бочанинов),

– 2-м Каштымским партизанским стрелковым полком (штабс-капитан Жук).

Весь состав бригады 12.1919–01.1920 погиб или частично попал в плен в известном бою под Кемчугом при подходе 2-й армии к Краснодару.

Вскоре после смерти генерала Гривина Северная группа 20.12.1919 была передана в состав Тобольской группы.

Южная группа, 12.10.1919–20.03.1920. Создана на базе 3-го (Степного) Сибирского корпуса (генерал-майор Вержбицкий Г.А., 03.01–1.10.1919). Командующий Южной группой — генерал-лейтенант Вержбицкий Г.А., 03.01.1919–20.03.1920; в составе:

4-й Сибирской стрелковой дивизии, 15.06.1918 (в Омске)—20.03.1920 (полковник Фукин М.И.; генерал-майор Вержбицкий Г.А., 20.06.1918–03.01.1920; генерал-майор Смолин И.С. 01.01–20.03.1920) с ее

– 13-м Омским Сибирским стрелковым полком, 07.06.1918 (подполковник Вознесенский, подполковник Жи-

линский, капитан Покровский, штабс-капитан Будилкин, 05.1919),

— 14-м Иртышским Сибирским полком, 06.1918—20.03.1920 (подполковник Панков, полковник Домбровский),

— 15-м Курганским Сибирским стрелковым полком 06.1918—20.03.1920 (подполковник Черкасов, подполковник Смолин И.С., 07.1918—01.1910, подполковник Вержбович),

— 16-м Ишимским Сибирским стрелковым полком, 16.09.1918—20.03.1920. Создан на базе 1-го Партизанского офицерского отряда, 01.06—16.09.1918 (подполковник Казагранди Н.Н., 07.06—20.04.1919; полковник Метелев);

7-й Тобольской Сибирской стрелковой дивизии, 03.01.1919—20.03.1920 (полковник Черкасов, 03.01—24.05.1919; полковник Булатов, 25.05—03.06.1919; генерал-майор Бордзиловский А.В., 09—20.11.1919; полковник Франк, 20.10.1919—20.03.1920) с ее

— 25-м Тобольским Сибирским стрелковым полком, 01.1919—01.1920 (полковник Бордзиловский, 01—08.1919),

— 26-м Тюменским Сибирским (прежний 20-й) стрелковым полком,

— 27-м Верхотурским Сибирским стрелковым полком,

— 28-м Ялуторовском Сибирским полком.

06.10.1919 дивизия передана Тобольской группе (генерал-майор Редько М.Е.). 01.1920 часть дивизии попала в плен в районе Мариинска—Красноярска.

18-й Сибирской стрелковой дивизии, 19.04.1919—01.1920 (полковник Казагранди Н.Н., 22.04—22.07.1919; полковник Осипов, 12.1919—01.1920) с ее

— 69-м стрелковым полком,

— 70-м стрелковым полком,

— 71-м стрелковым полком, 17.08.1919 полк развернут в Сводную бригаду,

— 72-м стрелковым полком.

01.1920 дивизия попала в плен под Красноярском.

3-й Сибирской штурмовой бригады, 09.05–17.08.1919 (подполковник Троицкий); с ее:

— 5-м Сибирским штурмовым полком,

— 6-м Сибирским штурмовым полком.

17.08.1919 бригада вместе с 71-м полком сведены в Сводную дивизию.

Красноуфимской прифронтной (штурмовой) бригады, с 05.1919 (полковник Панков); с ее:

— 1-м Кунгурским прифронтным полком (полковник Галилеев),

— 2-м Кунгурским прифронтным полком (подполковник Парфенов).

Конная (Южная) группа (казачьих войск), 28.06–20.11.1919, создана на базе Сводного Сибирского корпуса, 18.03–28.06.1919 (генерал-майор Волков В.И., 18.03–28.06.1919, командующий Конной группой — генерал-майор Волков В.И., 18.03.1919–20.03.1920); в составе:

1-й Кавалерийской дивизии, 06 (в Омске)—09.1919 (генерал-лейтенант Милович) с ее

— Томским гусарским полком, с 07.1918 (полковники Клейн, с 05.1919, Зеленцов, Хрущев); 14.01.1920 у Канска попал в плен;

— Казанским драгунским полком, с 07.1918;

— Екатеринбургским уланским полком, с 07.1918 (ротмистр Молоствов);

— Симбирским уланским полком, 07.1918–03.1920.

2-й Уфимской кавалерийской дивизии, 02.11.1918–20.03.1920. Входила в состав Уральской группы, 05–07.1919; во 2-й армии с 22.07.1919. Командиры — полковник Павлов 22.11.—07.12.1918; генерал-майор Джунковский, 20.04–20.07.1919; генерал-майор, князь Кантакузен, 18.10.1919–03.1920; и ее:

- Драгунским Уфимским полком,
- Гусарским Уфимским полком,
- Уланским Уфимским полком,
- Казачьим Уфимским полком.

1-й Сибирской казачьей дивизии, во 2-й армии с 20.07.1919;

2-й Сибирской казачьей дивизии, во 2-й армии с 08.1919.
20.11.1919 Конная (Южная) группа передана в 3-ю армию.

3-я армия, 22.07.1919–20.03.1920. Создана на базе прежней Западной армии. Командующие — генерал-лейтенант Сахаров К.В., 22.07–10.10.1919; генерал-лейтенант Каппель В.О., 10.10–10.12.1919; генерал-майор Петров П.П. (ВРИД), 14.12.1919–23.01.1920; генерал-лейтенант Сахаров К.В., 23.01–20.03.1920.

Поволжская (Волжская) группа, 25.05.1919–20.03.1920. Создана на базе 1-го Волжского корпуса, 03.01–25.05.1919; (прежняя Самарская группа Поволжского фронта генерала Войцеховского С.Н., 12.10–25.12.1918). Командующий Поволжской группой — генерал-лейтенант Каппель В.О., 25.12.1918–10.10.1919; генерал-майор Имшенецкий А.С., 04.11.1919–05.01.1920) в составе

1-й Самарской стрелковой дивизии (генерал-майоры Имшенецкий (умер) и Сахаров Н.П., 04.11.1919–20.03.1920):

— 1-й Волжский стрелковый полк (полковник Миرون, в первом же бою 17.07.1919 отстранен Имшенецким; с 22.07.1919 — капитан Мечь, который вскоре также был снят);

— 2-й Самарский стрелковый полк (подполковник Пирфаров, снят 20.08.1919, полковник Калац);

— 3-й Ставропольский стрелковый полк (полковник Ромеров).

К 20.11.1918, в начале «(Великого) Сибирского Ледяного похода», вследствие больших потерь дивизия сведена в районе Новониколаевска в бригаду.

3-й Симбирской стрелковой дивизии, 20.08.1918–20.12.1919 (полковник Подрядчик К.Т.):

- 9-й (Симбирский) стрелковый полк,
- 10-й Бугульминский стрелковый полк,
- 11-й Сенгилевский стрелковый полк,
- 12-й Бузулукский стрелковый полк.

После сдачи Новониколаевска Красной армии, 19.11.1919 дивизия выведена в резерв и сведена в полк. Расформирована 20.12.1919.

13-й Казанской стрелковой дивизии, 11.1918–01.1920 (генерал-майор Перхуров А.П.):

- 49-й Казанский стрелковый полк,
- 50-й Арский стрелковый полк,
- 51-й Уржумским стрелковый полк,
- 52-й стрелковый полк.

Дивизия уже в начале «Великого Сибирского Ледяного похода» вследствие малочисленности была сведена в бригаду и почти полностью погибла у Красноярска 01.1920. Генерал-майор Перхуров А.П., заблудившись в Байкальской тайге 11.03.1920, попал в плен, сдавшись (окружившим его и нескольких его спутников, включая брата Бориса) красным партизанам.

Волжской кавалерийской бригады, 01.1919–20.03.1920 (генерал майор Нечаев К.П.), с ее:

- Самарским гусарским полком,
- Волжским драгунским полком.

Оренбургской казачьей бригады, 11.1919–03.1920.

Уфимская группа, 17.08–20.03.1920. Создана на базе 2-го Уфимского корпуса (генерал-лейтенант Люпов С.Н., 01.10.1918–13.01.1919; генерал-майор Джунковский (И.О. — замещал генерала Войцеховского), 13.01–22.03.1919; генерал-лейтенант Войцеховский С.Н., 01.01–18.08.1919; генерал-лейтенант Бангерский Р.К., 01.09.1919–25.01.1920). Командующие Уфимской группой — генерал-лейтенант Войцеховский С.Н., 22.07–01.09.1919, генерал-лейтенант Бангерский Р.К., 01.09.1919–25.01.1920; в составе:

4-й Уфимской генерала Корнилова стрелковой дивизии (генерал-лейтенант Люпов С.Н., 06.09–01.10.1918; генерал-майор Косьмин В.Д., 01.10.1918–26.05.1919; генерал-майор Токмачев В.И., 22.07.1919–01.1920; полковник Карпов (ВРИД), 12.1919–01.1920, генерал-майор Петров П.П.) с ее

– 13-м Уфимским стрелковым полком, 07.1918 (Уфа)–20.03.1920 (полковники Карпов и с 08.1919 Сидамонидзе);

– 14-м Уфимским стрелковым полком, 07.1918 (Уфа), (полковник Бырдин, подполковники Слотов и Модестов);

– 15-м Михайловским стрелковым полком (капитан Егоров);

– 16-м Уфимским (Татарским) стрелковым полком (полковник Павлович; полковник Недоспелов);

8-й Камской адмирала Колчака стрелковой дивизии, 30.09.1918–20.03.1920 (командиры – генерал-майоры Пронин и с 08.1919 Пучков Ф.А.) с ее

– 29-м Бирским стрелковым полком (в Бирске с 07.1918), (командиры – капитан Ларионов, с 06.1919 – штабс-капитан Рождественский, с 08.1919 полковник Сотников);

– 30-м Аскинским стрелковым полком (в Аскине с 09.1918, командир – полковник Старов М.И.);

– 31-м Стерлитамакским стрелковым полком (подполковник Воробьев);

– 32-м Прикамским стрелковым полком (в Мамадыше с 08.1918, подполковники Молчанов, Турнов и капитан Порошник, до 11.1919.);

12-й Уральской стрелковой дивизии, 04.10.1918 (в Екатеринбурге)–20.03.1920 (полковник Бангерский Р.К., 09.1918–03.1919; полковник Боржинский, 09–11.1919; полковник Бутенко, 12.1919–03.1920) с ее

– 45-м Сибирским стрелковым полком, 10.1919 (в Екатеринбурге)–01.1920 (капитан Обухов, 10.1918–01.1919; полковник Катитонов, 07–11.1919; полковник Веретенников, 11.1919–01.1920).

09.05.1919 восточнее Бугуруслана (станция Сарай-Гир), у деревни Кузьминовская полк перешел к красным партизанам Блюхера («Курень Тараса Шевченко»). После нового

формирования, в «Великом Сибирском Ледяном походе», в боях под Кемчугом (в районе Красноярска) полностью погиб, частично попал в плен.

— 46-м Исетским стрелковым полком, 10.1918–12.1919 (полковник Иванов, 09.12.1919, убит).

20.10.1919 пополнен 22-м Златоусским горных стрелков полком из 6-й Уральской горных стрелков стрелковой дивизии. 12.1919 Иссетский полк погиб в Щегловской тайге от голода, холода и атак красных партизан.

— 47-м Тагильским стрелковым полком, 10.1918–03.1920 (полковник Ванюков, поручик Высоцкий, капитан Хлусов, полковник Бондырев, капитан Самойлов, капитан Бурмистров С.К., 11.1919–03.1920).

Вновь восстановлен 20.10.1919 частями переданного 21-го Челябинского полка из 6-й Уральской горных стрелков дивизии.

— 48-м Туринским стрелковым полком, 10.1918–01.1920 (сформирован в Ирбите, полковник Украинцев, капитан Овчинников, 09.1919–01.1920).

Полк погиб от холода, голода и атак красных партизан в Щегловской тайге 01–02.1920.

12-й Уральской дивизии, с 10.1918 входила в состав 3-го Уральского корпуса, с 01.1919 — в составе 6-го Уральского корпуса, с 22.07.1919 — в Уфимской группе 3-й армии.

13-й Сибирской стрелковой дивизии, 30.07–01.1920 (командир — генерал-майор Зощенко А.П.); с ее:

— 49-м Сибирским кадровым стрелковым полком (полковник Моисеев, капитан Мейбом, с 28.07.1919).

Под Челябинском большая часть полка 20.07.1919 перешла на сторону большевиков.

— 50-м Сибирским кадровым стрелковым полком.

Под Челябинском 20.07.1919 полк перешел на сторону большевиков.

— 51-м Сибирским кадровым стрелковым полком.

Под Челябинском 20.07.1919 полк перешел на сторону большевиков.

— 52-м Сибирским кадровым стрелковым полком.

18-й Сибирской стрелковой дивизии (полковник Казагранди; с 01.12.1919 полковник Осипов); и ее:

- 69-й Сибирский стрелковый полк,
- 70-й Сибирский стрелковый полк,
- 71-й Сибирский стрелковый полк,
- 72-й Сибирский стрелковый полк.

В течение «Великого Сибирского Ледяного похода» 18-я Сибирская дивизия распалась и почти вся исчезла в Щегловской тайге, за исключением частей некоторых ее полков, которые дошли до Читы.

Сибирской казачьей бригады, 17.11.1919 (в Новониколаевске) — 20.03.1920. Командир — генерал-майор Глебов Ф.Л., 10.1919—05.1920 и ее

- 2-м Сводным казачьим полком,
- 10-м Казачьим полком.

Уральская группа, 11.06—10.12.1919. Создана на базе 3-го Уральского (горных стрелков) корпуса, который 02.1919 был переброшен под Кунгур, 04.07.1918—11.06.1919 (генерал-лейтенант Ханжин М.В., 08.07—24.12.1918; генерал-майор Голицын В.В., 10.01—11.06.1919; генерал-майор Волков В.И., 11—27.06.1919; генерал-майор Иванов-Мумжиев, 28.06—24.07.1919). Командующий — генерал-майор Косьмин В.Д., 03.08—15.11.1919; генерал-лейтенант Лебедев Д.А., 16.11.1919—20.03.1920; с ее:

6-й Уральской горных стрелков дивизией, 11.07.1918 (в Челябинске)—20.10.1919 (полковник Сорочинский; полковник Иванов, 07.1918; полковник Нейланд, 01.08.1918—30.06.1919; полковник Кузьмин, 01.07—20.10.1919) и ее

— 21-м Челябинским стрелковым полком (07.1919 два батальона 21-го полка перешли на сторону красных на реке Белой),

— 22-м Златоустовским стрелковым полком,

— 23-м Миасским стрелковым полком (01.02.1919 передан 10-й Верхнетурской стрелковой дивизии),

— 24-м стрелковым полком (01.02.1919 передан 1-й Верхнетурской стрелковой дивизии).

20.10.1919 6-я Уральская дивизия расформирована.

7-й Уральской горных стрелков дивизией, 06.08.1918 (в Екатеринбурге)—02.01.1920. Создана на базе 2-й Уральской стрелковой дивизии (полковник Голицын В.В., 06.08—27.12.1918; полковник Торейкин, 01—08.1919; полковник Пустовойтенко, 06.08—13.09.1919; полковник Вышрин 14.09—04.10.1919; генерал-майор Бондырев, 05.10—01.12.1919) и ее

— 25-м Екатеринбургским стрелковым полком, 08.1918 (в Екатеринбурге)—01.1920 (полковник Герасимов);

— 26-м Шадринским стрелковым полком, 08.1918 (в Екатеринбурге) —01.1920;

— 27-м Камышловским стрелковым полком, 08.1918 (в Екатеринбурге)—01.1920 (полковник Тарасевич М.С., 08.1918—01.1919; полковник Рожко П.К., 02—12.1919; штабс-капитан Недельский Г.В., 01.1920);

— 28-м Красноуфимским (ранее Ирбитско-Перновский) горных стрелков полком, 10.1918—01.1918 (полковник Некрасов).

7-я Уральская дивизия, прикрывая отход 3-й армии, погибла в боях с красными партизанами (в основном 25.12.1919 в бою у деревни Дмитриевской в Щегловской тайге. Командир полковник Бондырев сбежал, бросив дивизию на произвол судьбы. Оставшаяся небольшая часть рассеяна и пленена 01.1920 между Мариинском и Красноярском).

11-й Уральской стрелковой дивизией, 04.10.1918 (в Челябинске)—01.1920 (полковник Вельк, 10.10.1918—24.03.1919; генерал-майор Ванюков, 24.03.—04.06.1919; генерал-майор Круглевский, 04.06—04.09.1919; генерал-майор Беляев, 07.09.1919— 01.1920) и ее

— 41-м Уральским стрелковым полком,

— 42-м Троицким стрелковым полком, с 17.08.1919 (бывший 45-й Сибирский стрелковый полк из 12-й Сибирской стрелковой дивизии),

— 43-м Верхнеуральским стрелковым полком.

43-й полк перешел к красным партизанам 11.12.1919.

— 44-м Кустанайским стрелковым полком.

11-я Уральская дивизия 01.1920 погибла в боях под Красноярском.

12-й Сибирской стрелковой дивизией, 05.03—17.08.1919 (полковник Иванов, 03.1919; генерал-майор Сергеев, 31.03—17.08.1919) и ее

— 45-м Сибирским стрелковым полком.

45-й полк в полном составе сдался красным партизанам 20.07.1919.

— 46-м Сибирским стрелковым полком.

46-й полк в полном составе перешел к красным партизанам 11.12.1919.

— 47-м Сибирским стрелковым полком (полковник Моисеев, капитан Мейбом с 28.07.1919 вывел 900 солдат батальона из окружения).

Под Челябинском 20.07.1919 полк (50 офицеров и 1010 солдат) перешел на сторону большевиков.

— 48-м Сибирским стрелковым полком.

27.07.1919 12-я Сибирская дивизия расформирована и ее части переданы на пополнение 11-й Уральской стрелковой дивизии. При этом 45-й — переформирован в 42-й Троицкий стрелковый полк в 11-й Уральской стрелковой дивизии.

1-й Отдельной стрелковой бригады.

16.11.1919 в Уральскую группу вошли войска Степной группы.

10.12.1919 Уральская группа передана в состав Тобольской группы (генерал Редько). 20.12.1919 (уже в составе Тобольской группы) вошла в «Колонну генерала Вержбицкого».

1-я армия, 14.07.1919–12.1919. Создана на базе части бывшей Отдельной Сибирской армии (генерал Гайда Р.). Командующий — генерал-лейтенант Пепеляев А.Н.; и ее

Северная (Тобольская) группа, 22.07.1919–12.1919. Командующий — генерал-майор Редько М.Е., 06.08–12.1919; в составе

15-й Воткинской стрелковой дивизии, 03.01.1919–20.03.1920. Создана на базе переформирования Воткинской Народно-Революционной армии, 08.1918–01.1919. Командиры — полковники Юрьев Г.И., 08.1918–01.1919; Альбокринов Н.П., 01–07.1919; Михайлов, 08–12.1919; фон Вах, 12.1919–03.1920. С ее стрелковыми полками

— 57-м Воткинским заводским «17-го августа» (полковник Вольский),

— 58-м Сайгитским имени Чехословаков (полковник Крейер),

— 59-м Осинским имени Минина и Пожарского (поручик Жуланов),

— 60-м Воткинским имени Союзных держав (полковник Отмарштейн).

25-я Екатеринбургская Сибирская стрелковая дивизия, 30.07.1919—20.03.1920 (полковник Степанов); создана на базе 1-го Сводного Сибирского корпуса и его 1-го и 2-го Ударных полков.

Ударная Сибирская стрелковая дивизия, создана на базе 1-й и 2-й Ударных Сибирских дивизий; командир — полковник Воронов.

Генерал Пепеляев А.Н. одновременно оставался непосредственным командующим 1-м Средне-Сибирским стрелковым корпусом.

1-й Средне-Сибирский стрелковый корпус, 12.06.1918 (в Томске) — 27.12.1919. Командующие — подполковник Пепеляев А.Н., 13.06.1918—22.07.1919; генерал-майор Зиневич А.К., 05—12.1919; в составе

1-й Средне-Сибирской стрелковой дивизии, 26.07.1918—03.01.1920. Командиры — генерал-майор Зиневич А.К., 08.1918—05.1919; генерал-майор Мальчевский, 05—12.1919; с ее

— 1-м Новониколаевским Сибирским стрелковым полком;

— 2-м Барабинским Сибирским стрелковым полком, 06.1918 (в Барнауле)—20.03.1920 (подполковник Вольский, 06.1918—02.1919; капитан Богословский, 02—04.1919; полковник Юрманов, 05—07.1919; полковник Камбалин А.И., 07.1919—20.03.1920); единственный полк корпуса, пришедший в Читту, пройдя севером от озера Байкал по глухой тайге и заснеженным долинам Лены и Витима;

— 3-м Барнаульским Сибирским стрелковым полком (единственный из корпуса полк, пришедший в Читту 03.1920 в полном составе; командир — полковник Камбалин А.И.);

— 4-м Енисейским Сибирским стрелковым полком.

08.11.1919 выведена в тыл на пополнение и переформирование. 03.01.1920, отступая в Забайкалье, попала в плен красным партизанам и Красной армии в районе Мариинска—Красноярска.

2-й Средне-Сибирской стрелковой дивизии, 07.1918 (в Томске) — 03.01.1920; с ее

— 5-м Томским Сибирским стрелковым полком (майор Кузьминский),

— 6-м Мариинским Сибирским стрелковым полком (капитан Олифер),

— 7-м Кузнецким Сибирским стрелковым полком (полковник Щеткин),

— 8-м Бийским Сибирским стрелковым полком (капитан Иванович),

16-й (4-й) Пермской Сибирской стрелковой дивизией (генерал-майор Шаров); с ее

— Пермским пехотным полком,

— Оханским пехотным полком,

— Добрянским пехотным полком (30.06.1919 в боях за Пермь почти весь полк сдался Красной армии),

— Чердынским пехотным полком.

17-й Сибирской стрелковой бригады, с 03.1919 (полковник Перчук); с ее

— 65-м Обским Сибирским стрелковым полком (подполковник Серебрянников),

— 66-м Алтайским Сибирским стрелковым полком (подполковник Верстак).

20.12.1919 Тобольская группа вошла в состав Южной группы 2-й армии, образовав тем самым общую «Колонну генерала Вержбицкого».

В 1-ю армию также вошли многие отдельные полки, и том числе запасные (сведены в бригаду), 11-й Оренбургский казачий полк и другие части, а также 3-й Сибирский корпус генерала Вержбицкого, который еще 02.1919 был переброшен под Кунгур и вскоре вошел в состав 2-й армии.

16.11.1919, после поражения в боях на Тоболе и у Ново-николаевска (Новосибирска), остатки 1-й армии отведены на пополнение и переформирование в тыл в район Томска, где вскоре были распропагандированы большевистскими агентами, разложились, частично разбежались, а большая часть сдалась в плен красным партизанам. И только небольшая часть Тобольской группы (генерал-майор Редько М.Е.) к 12.1919 с боями и потерями смогла пройти Щегловскую тайгу и соединиться в районе станции Зима с Южной группой генерала Вержбицкого. Вошла в ее состав, была создана общая «Колонна генерала Вержбицкого», которая, продолжая сопротивляться наступающей Красной армии и неся потери, 11.03.1920 пришла в Читу, в Забайкалье.

В состав Восточного фронта также вошли:

Степная (Отдельная, Армейская) группа, 22.07–16.11.1919. До 09.08.1919 именовалась Южной группой. Командующий — генерал-майор Лебедев Д.А. Расформирована 16.11.1919, и ее части переданы в состав Уральской группы, которая в свою очередь в начале декабря 1919 г. вошла в состав Тобольской группы.

Сибирский (Отдельный) казачий корпус, 23.08–07.11.1919. Создан на базе войск Сибирского Казачьего корпуса («Казачья армия»), 07–08.1919 (генерал-лейтенант Иванов-Ринов П.П.). Командующий Отдельным Сибирским казачьим корпусом — генерал-лейтенант Иванов-Ринов П.П. С октября 1919 г. части Сибирского казачьего корпуса начали передаваться в другие соединения, так что генерал Иванов-Ринов фактически отрешался от командования корпусом и 07.11.1919 вынужденно ушел на пост помощника командующего Восточным фронтом (генерал Сахаров К.В.), формально оставаясь в этой должности до прибытия в Читу, в Забайкалье, 03.1920. (Смотри «Иванов-Ринов П.П.»).

Общая численность Восточного фронта в Челябинской операции составляла около 30 000 бойцов (группы генералов Войцеховского — 16 000; Каппеля — 10 000; Косьмина — 4000).

Восточному фронту у Челябинска противостояли советские войска: 5-я Красная армия (Тухачевский) общей численностью около 32 000 человек и влившиеся (частично мобили-

зованные) рабочие Челябинска — более 12 000 (10 000 — в состав 5-й армии и более 4000 — при отражении колчаковских частей в пригородах, непосредственно в боях за город, в составе рабочих дружин). В состав 5-й Красной армии входили: 26-я, 27-я и 35-я стрелковые дивизии, а также 5-я и 21-я стрелковые дивизии 3-й Красной армии (около 15 000).

После захвата большевиками Златоуста (13.07.1919) и быстрого продвижения к Челябинску 5-й Красной армии Ставка Колчака лихорадочно принимала меры с целью не только остановить «девятый красный вал», но и переломить ситуацию, нанеся серьезное поражение Красной армии. Успехи Деникина в походе на Москву тем более подталкивали Колчака и его штаб к такому ведению операции. Разгром Отдельной Сибирской армии (генерал Гайда) и захват большевиками Екатеринбургa, начавшееся 17.07.1919 наступление 5-й Красной армии в направлении Челябинска — подсказали Колчаку, где и как нанести столь желаемый удар. Севернее Челябинска перегруппировывалась Уфимская группа Войцеховского, южнее — Поволжская группа Каппеля. Этим группировкам предписывалось ударами во фланги 5-й Красной армии остановить и разгромить советские войска, в то время как Уральская группа Косьмина должна была сдерживать части 5-й Красной армии на встречающих боях непосредственно перед Челябинском. Но быстрое продвижение советских войск к Челябинску, несмотря на труднопроходимый ландшафт Уральских гор, в последний момент заставило колчаковцев внести некоторые изменения в проведение контрудара. Вместо фронтального сдерживания войск 5-й Красной армии — дать ей возможность самой «влезть в мешок» горных проходов далее на восток, даже отдав Челябинск противнику, и ударами с флангов (с севера и юга) захлопнуть красные войска в этом мешке.

Начав наступление 17.07.1919, войска 5-й Красной армии, встречая сравнительно небольшое сопротивление и преодолевая Уральские горы, через семь дней подошли к Челябинску и с ходу ворвались в город, захватив его 24.07.1919. Воодушевившись столь большим успехом, советские войска ринулись вперед, дальше на восток, как бы помогая колчаковцам в осуществлении их плана. И вскоре, 27.07.1919, они ощутили на себе лобовой удар Уральской группы генерала

Косьмина (6-я и 11-я Уральские дивизии). Красные части остановились, попытались организовать оборону, но удар был столь мощным, что вместо этого пришлось быстро отступить.

28.07.1919 части генерала Косьмина оказались в восточных предместьях Челябинска. Завязались бои внутри города. Коммунисты, напрягая все свое красноречие, уговаривали рабочих Челябинска встать на защиту Отечества. Военные комиссары вели «мобилизационную» кампанию. В результате войска 5-й Красной армии увеличились на 8000–10 000, а в рабочих «дружинах» прибавилось еще 4000 присоединившихся к обороне города.

Одновременно (27.07.1919) Поволжская группа генерала Каппеля начала свое наступление на северо-запад, в тыл правого фланга 5-й армии. Двумя днями ранее Уфимская группа генерала Войцеховского, наступая на юго-запад, угрожала не только левому флангу 5-й армии, но грозила и всему ее тылу (реализовав выполнение плана — «захлопнуть» войска большевиков, прорвавшихся в Челябинск). Казалось, что план колчаковцев действительно превращается в реальность. Но случилось непредвиденное: два полка (50-й и 51-й Сибирские полки) 13-й Сибирской стрелковой дивизии, прибывшей из Новониколаевска, на которые особенно надеялись как на ударную силу и помощь, перешли на сторону большевиков, оголив южный фланг Уфимской группы и позволив северо-западным частям Челябинской группировки советских войск ударить по южным тылам группы Войцеховского. К тому же, понимая всю трагичность положения в Челябинске, советское командование в спешном порядке перебросило 21-ю стрелковую дивизию 2-й Красной армии с севера, из района Верхотурья, поставив ее в направлении Тобольска с целью ворваться (с севера) в глубокий тыл Уфимской группы.

Теперь возникла угроза самой Уфимской группе оказаться «в мешке» и попасть в полное окружение. Выход оставался только один — отступить на восток (и как можно скорее), тем более что предательство двух полков 13-й Сибирской стрелковой дивизии подталкивало другие части войск Войцеховского к подобному поведению. (О роли разложения солдатских масс, особенно принудительно мобилизованных в про-

цессе войны, а также о действиях партизан еще не раз придется говорить, учитывая чрезвычайную важность этого вопроса.)

Аналогичная ситуация сложилась в Поволжской группе Каппеля: 47-й Сибирский стрелковый полк вновь прибывшей 12-й Сибирской стрелковой дивизии (генерал Сергеев) перешел на сторону большевиков в начале контрнаступления.

Одновременно, пополнив свои войска за счет примерно 12 000 рабочих Челябинска, 26-я стрелковая дивизия 5-й Красной армии (из Челябинска) начала контрнаступление на войска генерала Косьмина. Предательство и превосходство в численности позволили советским войскам сорвать планы колчаковцев, не говоря уже о допущенных тактических ошибках руководителей в этой одной из важнейших сибирских боевых операций (генералы Лебедев и Сахаров).

01.08.1919, перегруппировав свои ряды, 5-я Красная армия, при поддержке 3-й армии (с севера), начала новое наступление, заставив Сибирские армии Колчака отступить на юго-восток, неся тяжелые потери и потерпев поражение у Челябинска. Захват красноармейцами Троицка 04.08.1919 поставил точку в Челябинской операции на Урале. Весь Урал оказался в руках большевиков.

К сказанному необходимо добавить, что (в некоторых источниках) указанное число 15 000 пленных, взятых Красной армией под Челябинском, видимо, несколько преувеличено, так как общая численность колчаковских войск в этих боях не превышала 30 000. Учитывая ожесточенность боев, потери убитыми и ранеными составили несколько тысяч, и поэтому «пленение» еще 15 000 солдат вряд ли соответствовало действительности. Однако разгром не менее пяти полков — совершенно очевидный фактор, поскольку более трех полков просто перешли на сторону большевиков. Сомнительность такого числа пленных подтверждается и тем фактом, что, например, 2-й батальон 49-го Сибирского стрелкового полка под командованием капитана Мейбома в составе 900 солдат благополучно вышел из окружения (за что капитан Мейбом был назначен на пост командира этого полка, вместо полковника Моисеева).

В результате Челябинской катастрофы Сибирские армии Колчака (1-я, 2-я и 3-я армии) в начале августа 1919 безудержно покатались на восток, стекаясь в район Сибирской железнодорожной магистрали, преследуемые войсками 5-й Красной армии и подвергаясь атакам партизан, которые по своим последствиям иногда превосходили успех самых известных побед Красной армии. В итоге дивизии расплылись в полки, полки — в батальоны и т.д. В начавшемся Сибирском походе (отступление колчаковско-каппелевских войск) к концу 1919 г. и приходу остатков этих войск в Читу (с 03.03.1920) под защиту японских войск и войск атамана Семенова Уфимская, Поволжская, Северная, Южная и другие «группы» войск превратились в «дивизии», с численностью не более полка. А некоторые группы, например Тобольская, Уральская, вообще «растворились» в сибирской (Щегловской) тайге, либо стали призом большевиков — разгромлены, погибли, попали в плен под Кемчугом и в районе Мариинск—Красноярск.

Начавшийся исход из Сибири — «Великий Сибирский Ледяной поход» не только особенно усилился по темпу отступления (кое-где превращаясь в обыкновенное бегство), но и фактически подорвал привычную стойкость и боеспособность войск Белой Гвардии. (Прежней кучки офицеров-добровольцев, составлявших полки Белой армии почти уже не осталось, армию теперь составляли новобранцы, распространяемые агентами большевиков. Армия все более и более теряла боеспособность, и солдаты чаще и чаще переходили на сторону Красной армии и красных партизан). И только благодаря оставшимся в живых офицерам-добровольцам и преданным им солдатам, которые начинали свой боевой путь еще с весны и лета 1918, удавалось спасти часть остатков войск прежней Белой Гвардии. Это могло быть реализовано только благодаря усилиям, стойкости и военному таланту таких высших офицеров — боевых командиров, как Войцеховский, Каппель, Бангерский, Вержбицкий, Молчанов, Белов и других известных руководителей сибирских армий. Именно они пытались не только спасти и сохранить былую честь и славу солдат Белой Гвардии, но и, переходя в контратаки, часто могли малочисленными сила-

ми останавливать и отбрасывать накатывающийся каток советских войск.

Еще на тысячекилометровом пути отступления от Урала до Забайкалья нет-нет да и вспыхивали ожесточенные схватки: остатки колчаковских войск льстили себя надеждой, что, проявив еще и еще раз свой «офицерский» нрав и военную грамотность, они смогут хотя бы остановить этот катящийся на них «красный поток». Так получилось на Тоболе, у Омска, Новониколаевска, Красноярска. Не во всех этих ситуациях удавалось организовать сопротивление и провести удачное сражение или добиться успеха реализации масштабного контрнаступления.

И все же о некоторых из таких примеров и контрударов следует напомнить и кратко рассказать.

После Челябинской катастрофы первой серьезной задачей командования Восточного фронта было остановить наступление 5-й Красной армии и отступление своих войск, да им хотя бы «передышку».

С этой целью был разработан контрудар по советским войскам у водного рубежа на реке Тобол. Главная цель — не допустить красные войска к Петропавловску. (Следует заметить, что как при подготовке наступления у Челябинска, так и теперь, при планировании контрудара на Тоболе, командующий Восточным фронтом генерал Дитерихс говорил о более тщательной подготовке и накоплению сил, чтобы быть полностью уверенным в успехе. Для этого Дитерихс предлагал временное отступление, вплоть до ухода за водный рубеж рек Тобол и Иртыш, чтобы с помощью Антанты поднять боеготовность остатков Русской армии адмирала Колчака до приемлемого уровня и безусловного обеспечения успеха боевых операций.)

Как уже упоминалось, (Отдельная) Сибирская армия (генерал Гайда) к 20.07.1919 была разгромлена и расчленена надвое. Екатеринбург и Верхотурье оказались в руках большевиков (15.07 и 19.07.1919 соответственно). Сибирская армия была расформирована и переформирована в 1-ю Сибирскую (генерал-лейтенанта Пепеляева) и 2-ю Сибирскую (генерал-лейтенанта Лохвицкого) армии. Генерал Гайда был снят и уволен из рядов колчаковских войск. Все это

произошло до 22.07.1919. К этим негативным и печальным итогам к началу августа 1919 г. добавились результаты Челябинской катастрофы.

Однако у командования Восточного фронта не было достаточных резервов и средств для радикального увеличения численности офицерского корпуса и количества солдат, а также материального обеспечения, чтобы разгромить и отбросить войска большевиков. 2-я и 3-я армии и их Уральская, Уфимская, Поволжская (Волжская) и Южная группы войск фактически остались без изменений своих штатных боевых расписаний. Но к осени 1919 в составе сибирских армий появилась долгожданная новая мобильная и сравнительно сильная группа войск — Сибирский казачий корпус, на который были обращены все надежды как на спасение отступающих войск Русской армии, так и на возможность разгромить наконец наступавшие войска Красной армии.

Сибирским казачьим корпусом командовал бывший командующий Сибирской армией в конце 1918 генерал-лейтенант Иванов-Ринов П.П. Он всю первую половину 1919 формировал этот корпус, не упуская возможности (на фоне поражений колчаковских войск) рекламировать будущую мощь казачьего корпуса и вселял надежду, что с приходом сибирских казаков на фронт последуют столь желанные успехи и победы.

Оценив понесенные потери и не имея достаточных резервов, командование Восточного фронта (генерал Дитерихс) настаивало на своем первоначальном плане — отвести остатки войск за реку Иртыш и при поддержке союзников перевооружить, пополнить и переформировать Белую армию, с целью удержать оставшуюся территорию и укрепить власть на востоке Сибири, от Иртыша до Приморья, при более плотном объединении с войсками атамана Семенова. Этому, как и прежде, противоречил командующий 3-й (Сибирской) армией генерал Сахаров, отклонивший план Дитерихса и настоявший на проведение «решающего» сражения на водном рубеже Тобола.

Ставка полностью не могла понять, что даже успех — это лишь временное решение стоящей проблемы, чтобы избежать окончательной катастрофы и победы большевиков в

Гражданской войне в Сибири. Однако после некоторых колебаний Ставка адмирала Колчака приняла план генерала Сахарова-Лебедева проведения сражения на реке Тобол. Началась перегруппировка «по-Сахаровски». 10.10.1919 генерал Сахаров образовал так называемую **Московскую группу** войск в составе 3-й (генерал Каппель) и Южной (генерал Белов) армий, **Степной (Армейской) группы** (генерал Лебедев) **Сибирского казачего корпуса** (генерал Иванов-Ринов). Командование Московской группой генерал Сахаров оставил за собой. Сохраняя давнюю антипатию к генералу Сахарову, генерал Войцеховский не пожелал отдать свою 2-ю армию в непосредственное подчинение к упомянутому генералу, оставив ее в составе Восточного фронта под командованием генерала Дитерихса.

Таким образом, к 10.10.1919 **Восточный фронт** (генерал-лейтенант Дитерихс) имел в своем составе:

Московскую группу войск (генералы Сахаров, с 16.11.1919 — Каппель), объединявшую:

3-ю армию (генерал Каппель);

Южную армию (генерал Белов), которая 10.09.1919 была переформирована в **Оренбургскую армию** (атаман генерал Дутов);

1-ю армию (генерал Пепеляев);

2-ю армию (генерал Войцеховский).

Группы и корпуса:

Поволжская (генерал Каппель; генерал Имшенецкий, с 06.11.1919, умер 12.1919);

Северная (генералы Гривин, убит 20.11.1919; Бордзиловский с 23.11.1919);

Степная (генерал Лебедев);

Тобольская (генерал Редько);

Уральская (генерал Косьмин);

Уфимская (генерал Бангерский);

Южная (генерал Вержбицкий);

Отдельный Сибирский казачий корпус (генерал Иванов-Ринов);

1-й Средне-Сибирский корпус (генерал Зиневич);

4-й Сызранский корпус (генерал Бакич);

Отдельный Южный отряд (генерал Доможиров).**Дивизии:**

- 1-я (Средне-) Сибирская (генерал-майор Мальчевский);
- 2-я Сызранская (генерал-майор Бакич А.С.);
- 3-я Сибирская (полковник Подрядчиков);
- 3-я Иркутская (генерал-майор Ракитин, убит);
- 4-я Уфимская (генерал-майор Токмачев, генерал-майор Петров П.П. с 18.09.1919);
- 4-я Сибирская (генерал-майор Смолин И.С.);
- 5-я пехотная (генерал-майор Гулидов В.П.);
- 7-я Уральская (генерал-майор Бондырев);
- 8-я Камская (генерал-майор Пучков);
- 10-я Верхнеуральская (полковник Кононов К.Л.);
- 11-я Уральская (генерал-майор Круглевский);
- 12-я Уральская (полковник Боржинский, полковник Бутенко, с 12.1919);
- 12-я Сибирская (генерал-майор Сергеев);
- 13-я Сибирская (генерал-майор Зоценко, полковник Поляков с 15.08.1919);
- 13-я Казанская (генерал-майор Петухов);
- 14-я Сибирская (гарнизон города Иркутска);
- 15-я Воткинская (полковник Михайлов, полковник фон Вах с 12.1919);
- 18-я Сибирская (полковник Казагранди Н.Н., полковник Осипов с 01.09.1919);
- Ижевская стрелковая бригада (генерал Молчанов В.М.).

Тем временем в начале августа 1919 советские войска перешли от преследования к стратегическому наступлению, с целью разгромить наиболее компактную колчаковскую группировку войск, скопившихся в направлении общего отступления сибирских армий вдоль Сибирской железнодорожной магистрали. 5-я Красная армия 04.08.1919 начала свое очередное наступление в направлении Петропавловска. Имея в своем составе 5-ю, 26-ю, 27-ю и 35-ю стрелковые дивизии (всего около 35 000 штыков и 2500 сабель), 20.08.1919 красные форсировали реку Тобол и в течение последующих 10 дней продвинулись на восток на 130–

180 километров, подойдя к городу Петропавловску на 70 километров.

Этим войскам противостояла 3-я армия генерала Каппеля численностью до 24 000 солдат.

Одновременно 3-я Красная армия в составе 29-й, 30-й и 51-й стрелковых дивизий (около 26 500 штыков и 3500 сабель) начала наступление на войска 1-й (генерал Пепеляев) и 2-й (генерал Войцеховский) армий (около 34 000) в направлении Тобольск — Ишим.

Командование Восточного фронта было вынуждено принимать срочные меры и разработать план как не только остановить, но и попытаться, в свою очередь, разгромить советские войска. С этой целью 02.09.1919 был отдан приказ 3-й армии генералов Сахарова и Каппеля и Сибирскому казачьему корпусу генерала Иванова-Ринова ударами с юга, а 1-й и 2-й армиям (генералов Пепеляева и Войцеховского) — с севера, окружить и разгромить 5-ю Красную армию.

Для этого еще не полностью сформированный Сибирский казачий корпус спешно и по частям был переброшен из резерва на южный фланг Восточного фронта. Начав контрнаступление 02.09.1919, войска южного фланга 3-й армии и Сибирского казачьего корпуса довольно быстро добились успеха. Ударом на Маршихинское, на северо-запад, по войскам 26-й стрелковой дивизии (на стыке с 31-й стрелковой дивизией) 5-й Красной армии, казаки прорвали фронтов. При этом 27.08.1919 генерал Иванов-Ринов лично возглавив атаку своего корпуса, у поселка Островного (станции Пресновской) разгромил две красные бригады. Правый фланг 5-й армии дрогнул и попытался, перейдя к обороне, отразить контрудар Сибирского казачьего корпуса. Однако расклад сил были не в пользу наступающих. Кроме того, в какой-то момент генерал Иванов-Ринов упустил инициативу и не смог провести запланированный рейд по тылам советских войск, завершив его ударом на Курган. (Это послужило формальной причиной для генерала Дитерихса к замене его генералом Беловым на посту командующего корпусом, хотя вскоре, 24.09.1919, Колчак восстановил генерала Иванова-Ринова в прежней должности. Однако генерал Дитерихс приказал использовать отдельные части казачьего корпуса, переводя

их в другие дивизии, что, естественно, сказывалось на общей боеспособности корпуса. При этом генерал Иванов-Ринов оказывался как бы не у дел, что привело его к уходу с фронта, приняв должность помощника командующего Восточным фронтом у генерала Сахарова, который вскоре стал преемником генерала Дитерихса.)

Между тем войска Белой армии, поддержав удар казаков, бросили 7-ю и 11-ю Уральские дивизии в создавшийся прорыв фронта красных и контратакой заставили весь правый фланг 5-й Красной армии начать отступление. Одновременно части 2-й армии, усиленные Отдельной казачьей дивизией (генерал Мамаев), начали контрнаступление с северо-востока в направлении Маршихинского, обойдя озеро Черное (прикрывая им свой левый фланг) и ударив по 5-й стрелковой дивизии на ее стыке с 30-й стрелковой дивизией красных.

Усмотрев возможность окружения, 5-я Красная армия начала отступление по всему фронту, откатываясь назад, к Тоболу. Воспользовавшись отходом правого крыла 5-й армии красных, 1-я армия начала контрнаступление на Ялуторовск, одновременно усилив давление на левый фланг 3-й Красной армии (на стыке 29-й стрелковой дивизии 3-й Красной армии и 30-й стрелковой дивизии 5-й Красной армии). Оголенный отходом 5-й армии, левый фланг 3-й армии не позволил большевикам перейти к обороне, и 3-я Красная армия также начала отступать на исходные позиции (к реке Тобол).

Между тем общее состояние войск Белой армии становилось все более и более неустойчивым, падал моральный дух и воля к сопротивлению, и стремительно росло общее разложение и число случаев перехода на сторону большевиков и партизан. (А что могла пропаганда властей Колчака противопоставить простым и столь желаемым подавляющему большинству лозунгам большевиков: «Землю — крестьянам, заводы — рабочим!» Кто тогда из простых россиян мог предполагать, что эти лозунги большевиков — обман и, как квалифицировали бы знатоки шахматной игры, не являются ли они известной типичной для шахматистов «ловушкой Ласкера» для большинства малограмотного и неграмотного

населения России?) Поэтому все, вместе взятое, не позволяет рассматривать успех остатков Русской армии в боях на Тоболе как масштабную победу, а считать его всего лишь как выигранный бой местного значения. При других обстоятельствах это возможно был бы успех стратегического масштаба. Однако резервы были исчерпаны, потери значительны, боевой дух не превратился в порыв, который смог бы смести противостоящие войска Красной армии и взять инициативу ведения войны в свои руки. Большевики отступили на исходные рубежи и обосновались на западном, высоком берегу Тобола. Наступила небольшая пауза. Стороны приводили свои ряды в порядок, начав разработку новых операций.

Кажущаяся многочисленность указанных армий, групп войск, дивизий (и подразумеваемое количество полков при четырех полковом составе дивизий) могут создать впечатление, что один только Восточный фронт Русской армии обладал огромной массой войск, сравнимой чуть ли не с наполеоновским нашествием. В действительности, как это утверждает бывший военный министр генерал Будберг (и подтверждает известный советский военачальник Гражданской войны Какурин Н.Е.), все войска Русской армии едва насчитывали 50 000 офицеров и солдат «действующей» армии при сопутствующих им 300 000 «едоков» — числящихся по спискам в составе белых частей!!!

Достаточно добавить к сказанному, что численность армий на линии фронта не превышала 15 000 в целом! Большинство дивизий едва насчитывала 400–900, а полки — 100–200 штыков! В такой ситуации весь Восточный фронт едва мог противопоставить 30 000–40 000 штыков и сабель войскам большевиков. Мобилизация утратила возможность создавать резервы — они были полностью исчерпаны. Остатки способных нести оружие людей уходили в леса и тайгу к красным партизанам.

Сибирские казаки с большой неохотой шли в Сибирский казачий корпус, и к моменту сражения на Тоболе корпус все еще вступал в бой по частям, полностью не закончив формирование. Поэтому его удар во фланг 5-й Красной армии увенчался лишь частичным успехом. Корпус не смог глубоко ворваться в тылы и окружить 5-ю армию. Потери в боях (между

Тоболом и Петропавловском) с 20.08 по 02.10.1919 (и особенно 02.09–02.10.1919) составили почти 50% боевого состава войск, сосредоточенных на фронте непосредственно в районе Сибирской магистрали Челябинск—Курган—Петропавловск—Омск. Поэтому оптимистические заверения генерала Сахарова и его «показательная» Московская группа войск не изменили решения генерала Дитерихса отвести остатки войск за реку Енисей, а затем — даже за Обь (о чем уже неоднократно говорилось). Однако Ставка, по настоянию Сахарова, решила продолжить сражение между Тоболом и Петропавловском. В свою очередь, 5-я и 3-я Красные армии (за время «паузы» 02–03.10.1919) получили пополнение и произвели перегруппировку своих войск.

Дополнив свои ряды до 75 000 бойцов, 5-я Красная армия, начав 14.10.1919 форсировать Тобол, перешла в новое наступление. Наступая в направлении Петропавловска (через Лебедянь), советские войска встретили ожесточенное сопротивление новой Русской армии Восточного фронта. Сильное противодействие наступающим оказывала в том числе и Южная армия генерала Белова. К наступлению 5-й подключилась и 3-я Красная армия, нанося свой удар в направлении на Омутанское и далее — на Ишим. К 17.10.1919 5-й Красной армии удалось не только переправиться через Тобол, но и захватить плацдарм глубиной до 20 километров. Однако с этого момента советские войска начали испытывать ожесточенные контратаки войск Восточного фронта генерала Дитерихса. Но более слабая 1-я армия (генерал Пепеляев) не смогла остановить наступление 3-й Красной армии и начала отступать в надежде закрепиться за рекой Ишим. Но это привело к открытию фланга Московской группы (и захвату 04.11.1919 Ишима большевиками). Открытие правого фланга армий генерала Сахарова повлекло за собой необходимость отступления всего фронта, во избежание полного окружения. После трехдневных боев 31.10.1919 пал Петропавловск.

Несмотря на отдельные успехи и одержанные победы в Тобольском сражении, разбитые в ходе непрерывных боев превосходящими силами в течение трех месяцев (08–11.1919), сибирские армии адмирала Колчака в целом потер-

пели жестокое поражение. Организованное сопротивление таких масштабов в дальнейшем исключалось. Войска начали свой «Великий Сибирский Ледяной поход». Остатки армий двинулись на восток, вдоль Сибирской магистрали — в Забайкалье, под защиту японских оккупационных войск и армии атамана Семенова.

Теперь речь могла идти только о попытках замедлить темпы наступления Красной армии и борьбе за «пространство», то есть за удержание тех или иных районов, которые еще находились в руках колчаковских властей. При этом приходилось вступать в ожесточенные бои и с партизанами, которые блокировали пути отступления и фактически обладали властью во многих тыловых регионах.

Многие источники говорят о невосполнимых потерях войск Сибирских армий в сражении на Тоболе: более 50% своего состава (около 17 000 человек)! Резервов не было, и по мере отступления численность войск Белой армии буквально таяла, вследствие перехода к противнику, партизанам, дезертирства, болезней, нежелания покидать родные места, боязни наступления зимы, холодов и голода и многих других подобных факторов.

Теперь адмирал Колчак наконец принял предложение генерала Дитерихса отходить (скорее — бежать) за реку Енисей, а еще лучше — за Обь. Разбитые войска Восточного фронта отступали к Омску и за Ишим, преследуемые Красной армией.

Генерал Дитерихс, пользуясь достаточно жестким сопротивлением Московской группы (Сахаров), Южной (Белов) и 2-й (Войцеховский) армий, все еще оказываемым наступавшим советским войскам, начал спешно перебрасывать 1-ю армию (Пепеляев) через тылы своих войск — в Омск. Этим Дитерихс пытался решить две задачи: спасти остатки 1-й армии и создать достаточные силы для обороны Омска. Ведя арьергардные бои, сюда же (к Сибирской магистрали) отступали и главные силы Восточного фронта. Но советские войска, обладая достаточными резервами и имея численность более 100 000, увеличили темпы наступления частей, нацеленных непосредственно на Омск. В борьбе за «пространство» это было определяющим фактором окончания войны в Западной Сибири.

Так и случилось: остатки войск прежней Южной армии (генерал Белов), а также и более южная Оренбургская армия (генерал Дутов) отступали на юго-восток, отрываясь от основных сил Восточного фронта, в то время как основные силы (Московская группа), связанные арьергардными боями, медленно отходили к Омску. Одновременно, пользуясь уходом 1-й армии белых, 3-я Красная армия, форсировав Ишим восточнее озера Уватское, вдоль левого (западного) берега Иртыша ускоренным маршем устремилась в обход Московской группы, к Омску. Боясь попасть в полное окружение, Московская группа, к которой теперь фактически была «привязана» и 2-я армия генерала Войцеховского из-за своей малочисленности, вынуждена была ускорить свое отступление.

В такой ситуации с 04.11.1919 развивалась боевая обстановка на этом наиболее важном участке противоборствующих сторон. Красные части, посадив пехоту на подводы, ускорили темпы отбрасывания и преследования белых войск (до 30 километров в сутки). Этому способствовали и удары партизан по тылам Восточного фронта. 27-я стрелковая дивизия (Блажевич И.Ф.) красных 14.11.1919, совершив 100-километровый марш-бросок за сутки и форсировав Иртыш, ворвалась в Омск. Генерал-губернатор Томского (Средне-Сибирского) военного округа и командующий войсками гарнизона Омска генерал-лейтенант Матковский, принимая во внимание неготовность прибывающих войск 1-й армии, а также паническое настроение частей гарнизона и понимая бессмысленность разрушения города и возможных огромных человеческих потерь, решил сдать Омск большевикам без боя. 14.11.1919 Матковский сдался в плен, город оказался в руках Советов. В плен попало и около 30 000 (части гарнизона и 1-й армии). Большевики расстреляли генерал-лейтенанта Матковского, показав, что ожидает каждого командира Белой армии.

16.11.1919 войска Московской группы переправились (в спешном порядке) на правый, восточный берег Иртыша, отступая к Новониколаевску (Новосибирск). Остатки 1-й армии, потерявшей всякую боеспособность, Дитерихс приказал отвести в тыл, в Томск.

Тем временем 5-я и 3-я Красные армии, после небольшого отдыха и перегруппировки (16–20.11.1919), продолжали торопливо «отвоевывать» новые пространства Западной Сибири. Теперь целью операций стал Новониколаевск. 20.11.1919, наращая темпы наступления, 5-я и 3-я Красные армии двинулись вдоль Сибирской магистрали, на восток.

Генерал Дитерихс, получив очередной отказ на предложение отвести все остатки войск за Обь, критикуя оптимистические рапорты и планы генерала Сахарова К.В., подал в отставку с поста командующего Восточным фронтом. 16.11.1919 командующим Восточным фронтом стал генерал Сахаров. Командующим Московской группой и войсками 3-й армии был назначен генерал-лейтенант Каппель.

Следует напомнить, что Ставка и правительство Колчака еще 10.11.1919 покинули Омск. Адмирал Колчак с этого момента командовал (если это можно так квалифицировать) из своего вагона, в котором он все время находился до своего «приезда» в Иркутск. Штаб Ставки, как и сама Ставка, вынуждены были прекратить свое существование. Формально управление остатками войск Русской армии перешло к штабу Верховного Главнокомандования (генерал-лейтенант Занкевич М.И.). В действительности командование остатками Русской армии оставалось за командующим Восточным фронтом и его армиями. Но и генерал Сахаров недолго оставался командующим всеми этими войсками: 10.12.1919 на станции Тайга Сахаров К.В. был арестован братьями Пепеляевыми (Владимиром Николаевичем, председателем Омского правительства, и генерал-лейтенантом Анатолием Николаевичем, командующим 1-й армией) и обвинен в развале, поражениях и измене Белому движению в Сибири. Таким образом, единственным командующим остатками войск Русской армии стал генерал-лейтенант Каппель В.О. Теперь этим малочисленным войскам, возвращаясь мысленно к своим прежним успехам — когда небольшой отряд Каппеля занял в 1918 Казань, Симбирск и другие крупные города в Поволжье и на берегах Волги и когда в 1919 еще недавно его Волжский корпус и Поволжская группа войск приводили к победам под Уфой, Челябинском, на Тоболе, — оставалось с грустью и гордостью только и тешить себя запомнившимся в истории России именем — «каппелевцы».

Но в попытке отстоять Новониколаевск главную роль все еще пока играл генерал Сахаров. Теперь Московская группа войск состояла из частей 2-й и 3-й армий и фактически в таком составе представляла Восточный фронт (1-я армия находилась вне боев, на переформировании в Томске, где 20.12.1919 сдалась подошедшей стрелковой дивизии 5-й Красной армии).

Южная часть Московской группы войск после боев на Тоболе отступила на юго-восток, фактически утратив связь и оперативное управление из штаба Восточного фронта, и пыталась присоединиться к отступавшей в Туркестан Оренбургской армии генерала Дутова.

Таким образом, наступление на Новониколаевск прикрывали остатки 2-й и 3-й Армий генералов Войцеховского и Каппеля, численностью около 18 000 (12 000 штыков и 6000 сабель). В составе этих армий значились те же стрелковые дивизии, что и в прежнем представлении, только численность их не достигала теперь и полка (а порой — и батальона). Однако несколько позже главная роль по обороне Омска отводилась остаткам 1-й армии генерала Пепеляева, которому было приказано форсированным маршем спешно следовать к городу и организовать оборону Омска. В то же время 2-я и 3-я армии должны были противостоять катящемуся потоку наступающих войск Красной армии на главных направлениях.

Опережая даты хронологии событий, прежде чем продолжить краткое описание боевых действий в борьбе за «пространство» между Омском и Новониколаевском, следует сделать небольшое уточнение, касающееся дислокации 1-й армии генерала Пепеляева. После боев на Тоболе и под Омском штаб (генерал Пепеляев) был отправлен в Томск на пополнение, отдых и переформирование, о чем уже было упомянуто. Вместе со штабом 1-й армии в Томск прибыла 2-я Сибирская стрелковая дивизия с 5-м Тобольским, 6-м Мариинским, 7-м Кузнецким и 8-м Бийским стрелковыми полками. Всего 15 000–20 000 солдат, включая резервы и гарнизон Томска. Вся эта группа войск в Томске вскоре (20.12.1919) сдалась в плен 30-й стрелковой дивизии (комдив Лапин А.Я.) 5-й Красной армии, которая совершила почти 200-километ-

ровый марш-бросок из захваченной ею 14.12.1919 Колывани — пригорода Новониколаевска (в 50 километрах к северу).

Штаб 1-й (Средне-) Сибирской стрелковой дивизии (генерал-майор Мальчевский) и ее 2-й Барабинский Сибирский стрелковый полк (полковник Ивакин А.В., замещавший в начале декабря 1919 заболевшего генерала Мальчевского) были оставлены в Новониколаевске в помощь гарнизону. При подходе Красной армии к Оби и Новониколаевску разложившийся 2-й Барабинский полк во главе с полковником Ивакиным 09.12.1919 поднял мятеж с попыткой захватить город и сдать его красным. Мятеж был подавлен, Ивакин — убит (по одной из версий — покончил с собой, застрелился).

Штаб бывшего 1-го (Средне-) Сибирского корпуса (генерал-майор Зиневич) 1-й армии разместился в Красноярске. 3-й Барнаульский (Сибирский) стрелковый полк (полковник Камбалин А.И.) был переброшен в Барнаул, став частью гарнизона города.

Таким образом, 1-я армия (и генерал Пепеляев), не сумев своевременно подойти и обеспечить оборону Омска, с середины ноября 1919 г. фактически в боевых операциях не участвовала, и именно войска этой армии почти без боев исчезли в сибирских таежных просторах (в основном — в Щегловской тайге). Единственное исключение составляла небольшая Тобольская группа (генерал Редько, а 23.11.1919 — генерал Бордзиловский), ранее входившая в эту армию и которая, войдя составной частью в Северную группу генерала Вержбицкого (заменившего убитого генерала Гривина) и объединившись с Южной группой 2-й армии, подчиняясь воле и твердости генерала Вержбицкого, к концу 1919 г. смогла 25.12.1919 выйти на Сибирскую магистраль в районе станции Тайга (200 километров северо-восточнее Новониколаевска и около 70 километров к юго-востоку от Томска). Здесь основные силы войск 2-й армии, влившись в группу войск генерала Вержбицкого, присоединившись к основным силам Московской (каппелевской) группы войск, образовали известную «Колонну генерала Вержбицкого» — авангард 2-й армии генерала Войцеховского при продвижении в Забайкалье. Приведенные войска «колонны Вержбицкого» (части Северной, Степной, Уральской и Тобольской групп) представляли

большую часть войск прежнего Восточного фронта. (Следует заметить, что умирающий генерал Каппель 21.01.1919 назначил генерала Вержбицкого командующим 2-й армией, на место своего преемника — генерала Войцеховского).

Между тем начатое 16.11.1919 наступление Красной армии на Петропавловск встретило сопротивление оставшихся частей 2-й и 3-й армий и остатки Сибирского казачьего корпуса, которые были пополнены стрелковыми частями (и переименованы в Степную группу войск).

14.12.1919 для более оперативного управления 3-й армией Каппель приказал (вместо него) вступить в командование этой армией генерал-майору Петрову П.П., в то время командиру 4-й Уфимской генерала Корнилова пехотной дивизии. Но генерал Петров не смог отыскать штаб 3-й армии и оставался командиром этой дивизии до прихода ее 03.1920 в Читу.

Части Красной армии усиливали давление и успешно наращивали темпы наступления. За неделю они продвинулись на 120–160 километров вдоль Сибирской магистрали и параллельно ей. Еще 26.11.1919 каппелевцы оставили Татарскую. Тогда же 3-я Красная армия, передав свои 20-ю и 51-ю стрелковые дивизии 5-й армии, была выведена в резерв. Ослабляя сопротивление, войска 2-й и 3-й армий откатывались к Новониколаевску, спеша уйти за Обь ранее подхода Красной армии. Последняя наступала со средней скоростью 20–25 километров в сутки. Через 25 дней советское командование рассчитывало войти в Новониколаевск, преодолев около 600 километров.

Отступая, войска Белой армии не упускали возможности перейти в контратаку в попытке остановить накатывающийся вал противника. Иногда это удавалось. Так, например, пользуясь прохождением озера Чаны и прикрывая им левый фланг, 2-я армия сделала такую попытку. Но это лишь на время замедлило наступление Красной армии, и «кроваво-красный вал» продолжал катиться на восток.

27-я стрелковая дивизия 5-й Красной армии захватила Барабинск и Чалым и, после трехдневных боев, 14.12.1919 вошла в Новониколаевск. 30-я стрелковая дивизия захватила Колывань. 5-я Красная армия достигла Оби, «поглотив» еще 650 километров Западной Сибири.

Перейдя на восточный берег Оби, каппелевские войска не обрели покоя, который им недавно казался обеспеченным за столь могучей водной преградой. Слишком поздно удалось достичь этого рубежа: силы армий таяли, поражения «добивали» морально. О резервах, теплых (и сытых) казармах приходилось только мечтать. А ледяной покров Оби уже не представлял непреодолимой преграды для массы «красного катка».

В то же время поток красных войск продолжал быстро катиться вдоль Сибирской железнодорожной магистрали. Новониколаевск пал 14.12.1919, и 20.12.1919 в руках советских войск уже оказались станция Тайга и город Томск, в котором в плен были захвачены остатки (около 12 000) 1-й армии и 2-й Сибирской стрелковой дивизии с ее четырьмя полками (5-м Томским, 6-м Мариинским, 7-м Кузнецким и 8-м Бийским), дислоцировавшимися непосредственно в Томске. 02.01.1920 Красная армия вошла в город Ачинск. 10.12.1919 пал Барнаул, 13.12.1919 — Бийск, 26.12.1919 — Кузнецк. 28.12.1919 в руки советских войск перешел Мариинск. Наступление красных войск достигло Красноярска. Не имея возможности останавливаться на каждом из этих этапов, где наступали, отступали, контратаковали, вели обычные боевые действия противоборствующие стороны, рассмотрим подробнее одно из определяющих столкновений Гражданской войны в Западной Сибири.

Так получилось, что к этому моменту у Красноярска сосредоточились почти все основные силы (остатки) колчаковско-каппелевских войск Сибирских армий — остатки Русской армии. Ядром этих войск оставались 2-я, 3-я и частично 1-я армии и дислоцировавшиеся непосредственно в Красноярске штаб 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала Зиневича и 4-й Енисейский (Сибирский) стрелковый полк (генерал-майор Ястребов). Юг этого региона был в руках красных партизан и контролировался партизанскими армиями Кравченко и Щетинкина. Север, заросший Щегловской тайгой, контролировался частями северо-енисейских партизанских соединений. Общая численность партизанских войск в регионе Красноярска достигала более 70 000. Наступавшая с запада и северо-запада 5-я Красная армия (26-я, 27-я, 30-я, 35-я

и 51-я стрелковые дивизии) имела в своем распоряжении более 40 000 бойцов.

Колчаковско-каппелевские войска (включая всю номенклатуру разрозненных отдельных частей и соединений) составляли не более 70 000. Единое руководство всей этой отступающей разрозненной массой было весьма затруднено, что нередко вело к самым негативным и тяжелым последствиям. Это особенно жестко проявилось в боях в районе Красноярска, где колчаковско-каппелевские войска потеряли более половины своей численности.

Конкретно ситуация сложилась следующим образом — отступление остатков Русской армии в «Великом Сибирском Ледяном походе» в конце 1919 года, на восток, в Забайкалье, проходило по двум параллельным направлениям — по северной стороне Сибирской магистрали и по ее южной стороне. При этом по южной стороне Сибирской магистрали отступали части «Колонны генерала Сахарова» Московской группы армий, основой которой являлась 3-я армия и «Колонна генерала Бангерского». По северной стороне на восток шли части 2-й и остатки 1-й армий. При этом войска 1-й армии, уцелевшие после захвата Новониколаевска и Томска, пробиваясь на юго-восток через непроходимые чащи Щегловской тайги, почти полностью погибли от холода и голода, перешли на сторону партизан, или просто разбежались. Короче, как уже предварительно было отмечено, большая часть 1-й армии фактически «растаяла» в Щегловской тайге. Небольшая ее часть, сведенная в Тобольскую группу, влилась в Южную группу 2-й армии, образовав «Колонну генерала Вержбицкого». При этом в авангарде «Колонны генерала Вержбицкого» шли остатки Тобольской группы под командованием генерал-майора Бордзиловского А.В., возглавляемой остатками 3-й Иркутской дивизии генерал-майора Ракина В.А. Части 2-й армии генерала Войцеховского и ее колонна генерала Вержбицкого, периодически участвуя 12.1919–01.1920 в дальнейших боях с красными войсками и партизанами, упорно продвигались на восток. Приняв бой 03.01.1920 у Кемчуга (в 80 километрах западнее Красноярска) и у Большой Сержской (южнее Кемчуга), войска 3-й армии почти полностью потеряли 4-ю Уфимскую (полков-

ник Карпов) и 8-ю Камскую (генерал-майор Пучков) стрелковые дивизии. Будучи окруженными, 06.01.1920 большая их часть вынуждена была сдаться красным. Полки Красноуфимской бригады (генерал-майор Рычагов) также сдались в плен в бою у Кемчуга. Этому способствовало, что, пытаясь прорваться в Красноярск под защиту дислоцированного там 4-го Енисейского полка и войск гарнизона, солдаты вдруг узнали, что еще 04.01.1920 части этого полка подняли мятеж, который поддержали восставшие рабочие Красноярска. Больше того, мятежных солдат и восставших рабочих поддержал и генерал Зиневич (командир 1-го Сибирского корпуса) с частями своих войск. Надежда на помощь Красноярска рухнула. Для многих солдат — оставалось только сдаться в плен, не имея возможности противостоять хорошо вооруженному и организованному, превосходящему в силах противнику.

Эта же весть и окружение белых войск (с севера и запада — 5-я Красная армия, с юга — партизанские армии Кравченко и Щетинкина, в тылу — мятежники и измена в Красноярске) вынудили генерала Каппеля, командующего войсками Восточного фронта, обратиться к солдатам и офицерам с призывом, что принятие ими решения о сдаче в плен не будет рассматриваться командованием как измена и не подлежит осуждению. С этого времени в Белой армии должны остаться только добровольцы!

Более половины солдат воспользовались этим решением своего командующего. В это же время (04.01.1920) подошедшая к Красноярску 3-я армия во главе с генералом Каппелем также втянулась в тяжелые бои в образовавшемся «Красноярском котле». На долю именно этой армии достались наиболее ожесточенные бои, чтобы вырваться на восток. 12-я Уральская стрелковая дивизия (полковник Бутенко) 03.01.1919, окруженная у Балахтинской, в 120 километрах юго-западнее Красноярска, вынуждена была сдаться (ее 45-й Сибирский стрелковый полк полковника Веретенникова первым и в полном составе сдался противнику). Еще ранее, прикрывавшая выходявшие из Щегловской тайги основные части 3-й армии, 7-я Уральская горных стрелков дивизия (генерал-майор Бондырев) в бою у деревни Дмитриевской

25.12.1919 почти полностью погибла, а ее остатки 02.01.1920 у деревни Аптацкой вынуждены были сдаться в плен частям Красной армии. Такая же судьба постигла 11-ю Уральскую стрелковую дивизию (генерал-майор Беляев) и большую группу 1-й Сибирской стрелковой дивизии (полковник Ивакин, убит). 13-я Казанская стрелковая дивизия почти полностью погибла под Красноярском; из оставшихся 50 солдат, дошедших до Читы 03.1920, еще несколько человек этой группы, плутали, заблудившись в тайге, пока не наткнулись на отряд красных партизан, который 11.03.1920 взял их в плен, включая командира, — известного по организации мятежа в 1918, в Ярославле — полковника Перхурова А.П. Сдались в плен 58-й и 59-й полки 15-й Воткинской дивизии (полковник фон Вах).

В боях у Красноярска попали в плен или погибли еще несколько частей и полков войск Восточного фронта.

Ранее в Щегловской тайге погибли 46-й Исетский (полковник Иванов), 48-й Туринский (капитан Овчинников), Томский гусарский и еще несколько полков 1-й, 2-й и 3-й армий.

Но все же именно каппелевцы, пройдя 150 километров в окружении превосходящих сил врага, сумели 06.01.1920 прорвать фронт окружения в направлении на северо-восток и соединиться (северо-восточнее) со 2-й (Сибирской) армией генерала Войцеховского.

Сдача в плен нескольких дивизий и полков, включая гарнизон Красноярска, предательство генерала Зиневича, чрезвычайно высокая активность действий партизан, усталость Белой армии, активные действия большевистских агитаторов по разложению колчаковско-каппелевских войск, зима, недостаток питания, амуниции и боеприпасов — все это привело к красноярской трагедии и потере более 50 000 солдат и значительного числа офицеров.

После катастрофы в районе Красноярска продолжали отступать и вести боевые действия (в основном с партизанами) только оставшиеся у Каппеля добровольцы. Всем, кто этого хотел, генерал Каппель предоставил возможность перейти к противнику или вернуться в свои родные места. Оставшиеся добровольцы, отступая, часто вынуждены были вступать в

бои с партизанами, захватывать станции и города (для пополнения продовольствия и боеприпасов), силой оружия заставляли союзников (чешские войска) принимать раненых и направлять поезда в Забайкалье. Потери от болезней, переохлаждения, в боях и контратаках с противником (главным образом — с партизанами) значительно осложняли последние сотни километров к заветной цели.

Рамки книги не позволяют более полно остановиться на катастрофе Белой армии в районе Красноярска и подробнее рассказать об этой самой трагической странице Гражданской войны в Сибири.

Однако Красная армия, продолжая борьбу за «пространство», уверенно теснила каппелевцев и занимала города все далее и далее к востоку. 24.12.1919 Красная армия захватила станцию Тайга (27-я стрелковая дивизия, начдив Путна), 28.12.1919 — Мариинск (35-я, начдив Нейман), 04.01.1920 — Красноярск. Еще продолжалось окружение и сдача в плен около Красноярска, а 30-я стрелковая дивизия 15.01.1920 уже заняла Канск. Последовательно в руки большевиков перешли: Тайшет, Нижнеудинск, Тулун, Зима — все они еще до прихода Красной армии были захвачены партизанами, либо находились в руках восставших рабочих, либо были просто блокированы партизанами (включая блокаду железнодорожных путей).

Уже в Нижнеудинске чешские войска отобрали вагоны и локомотивы у Капеля и вынудили его войска передвигаться далее пешком; эшелоны же с ранеными просто оставались стоять на запасных путях. Поезд Колчака в Нижнеудинске был задержан на две недели; чешское командование отцепило паровоз, передав его эшелону с чешскими солдатами, направляющимися во Владивосток.

Как уже упоминалось, с этого момента подобная практика союзников вошла в норму, интервенты думали только о своих интересах. 27.12.1919 адмиралу Колчаку сообщили, что отныне он (и поезд с «Золотым запасом») передается под охрану войск союзников, то есть фактически адмирал уже в Нижнеудинске становится заложником чешских войск, которые дислоцировались вдоль всей Сибирской железнодорожной магистрали, от Красноярска до Владивостока.

Исключение составляло Забайкалье, где (помимо войск атамана Семенова) располагались японские оккупационные войска.

04.01.1919, оценив ситуацию после катастрофы у Красноярска, своим последним приказом на той же станции Нижнеудинск адмирал Колчак передал власть Верховного правителя генералу Деникину — на западе и атаману Семенову — на востоке.

Вскоре после прорыва из окружения в районе Красноярска генерал Каппель, переправляясь по льду реки Кан (приток Енисея), отморозил ноги и был спасен только благодаря их ампутации. Продолжая командование войсками верхом, сидя в седле, часто контратакуя партизан и части Красной армии, он все еще оставался грозной ударной силой. Так, 15–17.01.1919 каппелевцы ворвались в Нижнеудинск и, создав угрозу Иркутску, вызвали в этом городе буквально панику — появилась боязнь, что Каппель, ворвавшись в Иркутск, попытается освободить адмирала Колчака. Угроза реализации такого хода событий усиливалась, так как появились сообщения, что группа войск атамана Семенова под командованием генерала Скипетрова и белочешские гарнизоны в городах и на станциях между Нижнеудинском и Иркутском наносят удары по партизанам и подходящим войскам Красной армии. Войска генерала Войцеховского («Колонна генерала Вержбицкого») подходили к Иркутску. Но перевес сил большевиков был настолько велик, а наступательный, победный натиск их столь неотразим, что даже самые стратегически важные удачи каппелевцев оказывались всего лишь мелкими временными успехами местного значения. Красные войска и партизаны достаточно быстро ликвидировали последствия этих успехов, устанавливая свою власть и порядки.

В это время генерал Каппель заболел воспалением легких и (сдав 21.01.1920 командование генералу Войцеховскому) 25.01.1920 умер. После ультиматума — категорического требования союзников (то есть — чехов) не пытаться наступать и захватывать Иркутск, располагая минимальным количеством своих войска (не более 6000), понимая фактическую бессмысленность боев за Иркутск, новый командующий

(Войцеховский), не теряя времени (возмущаясь и ругая предательство чехов и избегая лишних потерь), приказал обойти город и, не огибая озеро Байкал, пройти по льду Байкала и следовать в Читту, в Забайкалье. Тем более что захват Иркутска не только требовал потерь измученных длительным отступлением солдат в боях с обороняющимися красными войсками и партизанами, но и не имел большого стратегического значения при незащищенном, открытом тыле с востока. А вопрос спасения адмирала Колчака из большевистского плена не мог иметь сколь-нибудь реального значения, так как даже при успехе войск Белой армии, большевики адмирала либо расстреляют, либо отправят в Москву партизанскими тропами; в любом случае спасти жизнь адмиралу Колчаку не представлялось возможным.

Это решение поддержали все высшие офицеры Московской группы войск на собранном генералом Войцеховским Военном Совете, исключая генерала Сахарова и больного атамана Енисейского казачества Феофилова. Первый всегда пытался представить себя в роле ортодоксального сторонника ведения «активных» боевых действий. (При этом следует также отметить, что значительная часть, точнее — большинство простых солдат также хотели атаковать большевиков и «отогреться» в Иркутске.)

Впереди, до Читы, войска каппелевцев ожидал еще переход в 800–1000 километров таежными тропами в безлюдной, с глубоким снежным покровом тайге в 30–40-градусные морозы; не говоря уже о предстоящем тяжелом и опасном форсировании переходе войск по льду озера Байкал (из-за трещин, промоин, разводий, торосов и прочих подобных факторов).

После того как части Красной армии вошли в Иркутск (30-я стрелковая дивизия), наступление и продвижение их далее на восток было приостановлено. Причиной прекращения преследования остатков каппелевцев за пределами Байкала послужили политические события. Необходимо было предотвратить столкновения с войсками японских интервентов, которые фактически оккупировали север и запад Забайкалья. Меньшевики и эсеры через свой «Политический центр» попытались перехватить власть и образовать «свою

республику», договорившись с союзниками, и японцами в частности. Но 22.01.1920 власть в Иркутске перешла в руки большевиков (Иркутского Ревкома), а 07.03.1920 в Иркутск вошли части 30-й стрелковой дивизии.

В марте 1920 было создано Дальбюро РКП(б), которому было поручено (теперь уже большевиками) подготовить и создать Дальневосточную Республику (ДВР). ДВР была провозглашена 06.04.1920 в Верхнеудинске (Улан-Удэ). В состав ДВР вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин. Временное Правительство ДВР составляли коммунисты.

В начале 1920 г. власть ДВР распространялась только на Прибайкалье, со столицей в Улан-Удэ. Остальные области ДВР в то время оставались под контролем белогвардейских властей и были оккупированы («союзными») интервентами (Чехословацким корпусом, располагавшимся вдоль Сибирской железнодорожной магистрали; японскими войсками — в Забайкалье и Приамурье; английскими и американскими частями — в Приамурье и Владивостоке).

Пользуясь и этим фактором в сложившейся ситуации, остатки каппелевских войск продолжали свой путь на восток, в Забайкалье. Пройдя от Байкала до Читы более 1000 километров по тропам безлюдной сибирской тайги, в жестокие морозы (до 30–40 градусов ниже нуля), в условиях голода и периодически вступая в бои с партизанами (из партизанских соединений Мамонтова), в начале марта 1920 г. они достигли цели. Первые отряды каппелевцев появились в Чите 03.02.1920.

Так, по некоторым источникам, до Читы удалось дойти, в частности:

- 1-й Самарской стрелковой дивизии (генерал-майор Сахаров Н.П., более 300 бойцов);
- 3-й Иркутской стрелковой дивизии (генерал-майор Ракитин) — около 300 солдат и офицеров (три четверти уничтожено в боях на Тоболе, у Новониколаевска и Красноярска);
- 3-й Симбирской стрелковой дивизии (полковник Подрядчиков) — не более 10 бойцов (полностью уничтожена);
- 4-й Уфимской генерала Корнилова стрелковой дивизии (полковник Сидамонидзе) — 1500 бойцов, менее полка (потерявшей более половины состава у Красноярска);

- 4-й Сибирской стрелковой дивизии (генерал-майор Смолин) — более 1800 бойцов;
- 8-й Камской адмирала Колчака стрелковой дивизии (генерал-майор Пучков) — 1500 бойцов, менее полка (потерявшей более половины состава у Красноярска);
- 11-й Уральской стрелковой дивизии (генерал-майор Круглевский) — более 3000 бойцов;
- 12-й Уральской стрелковой дивизии (полковник Бутенко) — около 2000 бойцов (Бутенко пришел в Читу во главе 47-го Тагильского стрелкового полка);
- 13-й Казанской стрелковой дивизии (генерал-майор Ястребов, заменивший генерала Перхурова, который, заблудившись в тайге, попал в плен к красным партизанам) — всего 50 солдат и офицеров;
- Воткинской дивизии (полковник фон Вах) — около 770 (из них — 100 офицеров), при этом дивизия сохранила всю артиллерию (12 орудий);
- Добровольческой дивизии (генерал-майор Краморенко) более 2000 бойцов (из добровольцев армии Деникина, прибывших с Юга на Урал и принимавших участие в боях от Челябинска до Красноярска, где дивизия потеряла более половины своего состава);
- 1-й кавалерийской дивизии (генерал-майор Милевич) — около 800 сабель;
- 2-й кавалерийской (Татарско-Вашкирской) дивизии (генерал-майор князь Кантакузен) — около 700 сабель;
- Ижевской бригаде (генерал Молчанов) — около 600 солдат и 50 офицеров;
- Красноуфимской бригаде — не более 20 бойцов (два полка полностью уничтожены под Кемчугом, полковник Рычагов убит);
- Сибирской казачьей (конной) бригаде (полковник Глебов), в составе трех конных полков — около 1200 сабель;
- 3-му Барнаульскому полку (полковник Камбалин) — более 2000 бойцов (почти в полном составе); единственный полк 1-й Средне-Сибирской стрелковой дивизии (до 01.1920 командование совмещал генерал Зиневич, 04.01.1920 в Красноярске перешел на сторону большевиков).

Всего в Читу дошло более 25 000 каппелевцев.

Указанное даже столь небольшое, неполное количество частей каппелевских войск, прибывших в Читу, и их численность наглядно показывает всю трагедию «Великого Сибирского Ледяного похода» и конец Русской армии адмирала Колчака.

Прибывшие в Читу каппелевские войска и имеющиеся в Забайкалье части позволили атаману Семенову сформировать **Дальневосточную (Белую) армию**, оставив командующим этими войсками генерал-лейтенанта Войцеховского. Из частей 2-й и 3-й (бывших Сибирских) Армий были сформированы:

2-й Сибирский стрелковый корпус (бывшая 2-я армия) под командой генерал-лейтенанта Вержицкого;

3-й Сибирский стрелковый корпус (бывшая 3-я армия) под командой генерал-лейтенанта Я. Молчанова.

В Дальневосточную армию вошел также **1-й Забайкальский корпус**, под командой генерал-лейтенанта Савельева; состоявшего в основном из «семеновцев» — частей атамана Семенова.

Одновременно в ДВР большевики формировали (с 11.03.1920) Народно-Революционную армию ДВР (командующий — командарм Эйхе).

Этим двум армиям вскоре предстояло еще раз встретиться на полях сражений — Народно-Революционной армии ДВР была поставлена задача «выбить Читинскую пробку», то есть уничтожить Дальневосточную армию атамана Семенова и, изгнав ее из Забайкалья, объединить Забайкалье и Приморье в рамках ДВР.

ПОВОЛЖСКИЙ И ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЫ НАРОДНАЯ, РОССИЙСКАЯ, СИБИРСКАЯ АРМИИ (06–12.1918)

Как уже говорилось ранее, в 1918 г., сразу же после революции и установления власти большевиков, в Поволжье, на Урале, в западной и восточной Сибири, в Забайкалье, на Дальнем Востоке, как и в западной части России, стали возникать и организовываться подпольные антисоветские общества, организации и вооруженные отряды, дружины, ячейки.

Это же достаточно интенсивно происходило в крупных городах Сибири, как, например, Омск, Красноярск, Томск, Новониколаевск (Новосибирск), Барнаул, Петропавловск, во Владивостоке, в Чите и многих, многих других городах и селениях. Все зависело от наличия людей, включая политиков и военных, которые после революции волею судеб оказались в Сибири, Забайкалье, на Дальнем Востоке, а также их воли, желания, и главное способности, найти кадры, организовать и уметь принимать необходимые решения, и руководить собранными людьми в условиях столь динамично меняющейся ситуации в начале 1918 г. Особенно это имело значение для организаций и отрядов, находящихся на нелегальном положении в условиях Советской власти с ее местными, районными и областными службами милиции и ВЧК.

В начале 1918 года антисоветские подпольные организации и отряды в Омске, Красноярске, Томске уже достигали численности 2000 и более своих членов. При этом открыто первым вступил в борьбу с Советской властью в Сибири

отряд войскового старшины Б. Анненкова. Его «Партизанский отряд Атамана Анненкова» состоял в основном из сибирских казаков и солдат 11-й Сибирской стрелковой дивизии бывшей Русской армии, которая дислоцировалась в западной Сибири с конца 1917 года. Его небольшие отряды уже в январе 1918 систематически делали налеты на станицы, располагавшиеся в радиусе до 200–300 километров от Омска. Еще в мае 1918 Б. Анненков установил связь с чешскими войсками и, прикрывая их фланги при наступлении на Омск, анненковцы первыми ворвались 01.06.1918 в Омск и присоединились к восставшим жителям, заставив совдеп бежать на пароходах по Иртышу, спасаясь от возмездия омичан.

Такая же ситуация имела место в Забайкалье, где атаман Г. Семенов также сумел создать достаточно мощную антисоветскую организацию и вооруженные отряды.

Бывшие офицеры Русской армии, оказавшиеся в Сибири в 1918 г., испытывая антибольшевистские настроения, в своем большинстве решительно вставали на путь реальной борьбы с совдепией, организуя и вступая в вооруженные отряды. Следует отметить и уже упоминавшиеся другие подпольные сравнительно большие (в несколько тысяч) отряды Белой Гвардии Сибири и Дальнего Востока и их организаторов-руководителей. Это были: в Томске и Иркутске — полковник А. Эллерц-Усов, подполковники А. Пепеляев и П. Гривин; Омске — генерал Иванов-Ринов, Павлодаре — войсковой старшина В.И. Волков, Красноярске — полковник В. Гулидов. Перечислить всех не представляется возможным — это тема отдельного большого исторического труда. Активизировались и подпольная «Туркестанская военная организация», антибольшевистские национальные организации Алтая и другие им подобные.

Мятеж Чехословацкого корпуса 25.05.1918 и присутствие военных частей этого корпуса в городах вдоль Сибирской железной дороги позволил поднять восстания во многих городах Сибири и изгнать власть большевиков. В этой связи можно отметить первый захват власти 26.05.1918 в Петропавловске (отряд В.И. Волкова), 01.06.1918 в Новониколаевске и Омске (генерал Иванов-Ринов), восстание 14.06.1918 в Иркутске (полковник Эллерц-Усов), а также в

Барнауле и других городах Сибири, на Алтае. 29.06.1918 белогвардейцы (подполковник А. Пепеляев) захватили Томск.

Однако это в свою очередь привело к возникновению и появлению множества различных местных «Временных правительств», о чем не раз уже говорилось ранее.

Этого не избежало и Поволжье, где КОМУЧ — Комитет членов Учредительного Собрания, воспользовавшись победой в Самаре мятежа офицеров бывшей Русской армии под руководством подполковника Каппеля В.О., 08.06.1918 образовал свое правительство и объявил о создании Народной армии. Эта армия, объединив все отдельные небольшие отряды Поволжья, позволила последовательно освобождать множество городов Поволжья и совместно с командованием Чехословацкого корпуса создать один из первых общих фронт антисоветских войск в Поволжье. Рассмотрим кратко военные действия Народной армии и образованного несколько позже Поволжского фронта.

ПОВОЛЖСКИЙ ФРОНТ (15.08–12.10.1918)

Командующий Поволжским фронтом — командир 1-го Чехословацкого корпуса, полковник чешской армии Чечек С., одновременно командующий Народной армией.

Состав Поволжского фронта на 15.08.1918 — смотри состав «Самарского фронта» на 10.08.1918.

Командующий Народной армией — полковник чешских войск Чечек С. Русские части Народной армии, оставаясь в составе прежних трех оперативных групп (смотри «Народная армия») в связи с созданием Поволжского фронта, были перегруппированы следующим образом:

1-я Стрелковая дивизия генерал-майора Потапова, объединявшая:

- Стрелковую бригаду (полковник Безбородов),
- 1-й Самарский стрелковый полк (полковник Шмидт),
- 2-й Самарский стрелковый полк (капитан Новиков),
- 3-й Самарский стрелковый полк (полковник Петров),
- 4-й Самарский стрелковый полк (полковник Фирфаров),
- 1-й Самарский кавалерийский полк (полковник Пузыревский), Георгиевский стрелковый батальон (подполковник Солодовников);

2-я Стрелковая дивизия (полковник Бакич А.С.), объединявшая:

- 5-й Сызранский стрелковый полк,

- 6-й Сызранский стрелковый полк (полковник Соловьев),
- 7-й Хвалынский стрелковый полк (полковник Розенбаум),
- 8-й Волгский стрелковый полк (капитан Суслов),
- 2-й Сызранский кавалерийский полк (подполковник Фатеев);

3-я (Симбирская) Стрелковая дивизия (полковник Подрядчик К.Т.), объединявшая:

- 9-й Ставропольский стрелковый полк (полковник Мельников),
- 10-й Бугурусланский стрелковый полк (полковник Кононов),
- 11-й Бузулукский стрелковый полк (полковник Евецкий),
- 12-й Бугульминский стрелковый полк (полковник Воскресенский);

4-я (Уфимская) Стрелковая дивизия, 06.09.1918–20.03.1920 (генерал-майор Тимонов М.И., 07.1918; генерал-лейтенант Люпов С.Н., 08–09.1918; генерал), объединявшая:

- Стрелковую бригаду (полковник Пронин);
- 13-й (полковник Сахаров Г.И., 07–09.1918, ранен; подполковник Карпов С., 10.1918–07.1919; Сидамонидзе Г.К., 07.1919–02.1920),
- 14-й Уфимский стрелковый полк (подполковник Словцов А.К., полковник Бырдин, подполковник Модестов),
- 15-й Михайловский стрелковый полк (полковник Трампедах, 07–10.1918; подполковник Егоров В.И., с 11.1918),
- 16-й Татарский (позже Бирский) стрелковый полк (прапорщик Еникеев, 06.1918; капитан Давлетов, 07.1918; капитан Курушкин, 08–09.1918, снят за прорыв партизанской армии Блюхера севернее Аскина 14.09.1918; полковник Биглов А.М., 09.1918–02.1919, умер; вновь подполковник Курушкин, 02–06.1919; полковники Павлович, 07–11.1918 и Недоспасов, 11.1918–02.1920),
- 4-й Уфимский кавалерийский полк,
- Отдельные Бирский и Стерлитамакский батальоны;

5-я Стрелковая дивизия Оренбургского ВО (полковник Нейзель), объединявшая:

- 1-ю бригаду (полковник Цюманенко),
- 18-й Оренбургский стрелковый полк (полковник Жадановский),
- 19-й Оренбургский стрелковый полк (полковник Желнин),
- 20-й Оренбургский стрелковый полк (полковник Троян),
- Оренбургский добровольческий (имени атамана Дутова) полк (полковник Томашевский), с 10.1918;

6-я Стрелковая дивизия (на формировании), объединявшая:

- 21-й Симбирский стрелковый полк (полковник Креер),
- 22-й Симбирский стрелковый полк (полковник Дунин-Марцинкевич),
- 23-й Сенгилевский стрелковый полк (полковник Гуляев),
- 24-й Буинский стрелковый полк;

Отдельная группа — отряд Оренбургского ВО полковника Махина, с 11.1918 объединяла 5-й и 6-й Сызранские, 7-й Хвалынский, 8-й Волгский, 11-й Бузулукский стрелковые полки и 2-й Сызранский кавалерийский полк.

Во все перечисленные дивизии входили еще артиллерийские, инженерные и другие части, включая, конечно, и их штабы.

23.09.1918 Поволжская Народная армия вошла в состав вновь созданной Российской армии (Главнокомандующий — генерал-лейтенант Болдырев В.Г.).

НАРОДНАЯ АРМИЯ КОМУЧа (08.06–30.09.1918)

Народная армия КОМУЧа (Комитета членов Учредительного Собрания) основана после подхода частей Чехословацкого корпуса к Самаре и создана 08.06.1918 на базе белоповстанческого отряда подполковника Каппеля В.О. и других антисоветских отрядов Поволжья.

Командующие Народной армией:

подполковник Галкин Н.А. (08.06–16.06.1918);

командир 1-й Чехословацкой дивизии, капитан (с 07.1918 — полковник) чешской армии Чечек С. (17.06 — 10.09.1918), полковник чешской армии Швец И. (10–23.09.1918).

Состав Народной армии на 10.06.1918:

Северная группа (полковник Степанов А.П.):

Группа войск полковника Каппеля В.О. (Казанская и Симбирская группы, которые до 10.08.1918 входили в Северную группу полковника Степанова А.П.),

Сызранская группа полковника Бакича А.С.,

Хвалынская группа полковника Махина Ф.Е.; а также части Чехословацкого корпуса (полковники Чечек С., Войцеховский С.Н., Швец И.),

Славянская бригада (из бывших военнопленных славянских народностей).

Состав Народной армии на 20.07.1918

Командующий Действующей группы войск — полковник Каппель В.О. (в оперативном подчинении штабу Волжского фронта).

Прикамская (Северная) группа (полковник Степанов А.П.), в регионе Камы;

Поволжская (Центральная) группа (полковник Каппель), в регионе Самара — Казань;

Хвалынская (Южная) группа (полковник Бакич А.С.), в регионе Сызрани.

Всего — около 15 000. (С 25.07.1918 в состав перечисленных групп вошли вновь сформированные дивизии: 1-я Самарская, 2-я Сызранская и 3-я Симбирская стрелковые дивизии).

Состав Народной армии на 01.08.1918,**«Самарский фронт»):**

Командующий (Поволжской) Народной армией полковник чешских войск Чечек С. Оставаясь в составе прежних трех оперативных групп, части армии перегруппированы следующим образом:

1-я Стрелковая дивизия генерал-майора Потапова, объединявшая:

- Стрелковую бригаду (полковник Безбородов),
- 1-й Самарский стрелковый полк (полковник Шмидт),
- 2-й Самарский стрелковый полк (капитан Новиков),
- 3-й Самарский стрелковый полк (полковник Петров),
- 4-й Самарский стрелковый полк (полковник Фирфаров),
- 1-й Самарский кавалерийский полк (полковник Пузыревский),
- Георгиевский стрелковый батальон (подполковник Солодовников);

2-я Стрелковая дивизия полковника Бакич А.С., объединявшая:

- 5-й Сызранский стрелковый полк,

- 6-й Сызранский стрелковый полк (полковник Соловьев),
- 7-й Хвалынский стрелковый полк (полковник Розенбаум),
- 8-й Волгский стрелковый полк (капитан Суслов),
- 2-й Сызранский кавалерийский полк (подполковник Фатеев);

3-я Стрелковая дивизия (полковник Подрядчик К.Т.), объединявшая:

- 9-й Сибирский стрелковый полк (полковник Мельников),
- 10-й Бугурусланский стрелковый полк (полковник Кононов),
- 11-й Бузулукский стрелковый полк (полковник Евецкий),
- 12-й Бугульминский стрелковый полк (полковник Воскресенский);

4-я (Уфимская) Стрелковая дивизия, 06.09.1918–20.03.1920; (генерал-майор Тимонов М.И., 07.1918; генерал-лейтенант Люпов С.Н., 08–09.1918; генерал), объединявшая:

- Стрелковую бригаду (полковник Пронин);
- 13-й (полковник Сахаров Г.И., 07–09.1918, ранен; подполковник Карпов С., 10.1918–07.1919; Сидамонидзе Г.К., 07.1919–02.1920);
- 14-й Уфимский стрелковый полк (подполковник Словцов А.К., полковник Бырдин, подполковник Модестов);
- 15-й Михайловский стрелковый полк (полковник Трампедах, 07–10.1918; подполковник Егоров В.И., с 11.1918);
- 16-й Татарский (позже Бирский) стрелковый полк (прапорщик Еникеев, 06.1918; капитан Давлетов, 07.1918; капитан Курушкин, 08–09.1918, снят за прорыв партизанской армии Блюхера севернее Аскина 14.09.1918; полковник Биглов А.М., 09.1918–02.1919, умер; вновь подполковник Курушкин, 02–06.1919; полковники Павлович, 07–11.1919 и Недоспасов, 11.1919–02.1920);
- 4-й Уфимский кавалерийский полк;
- Отдельные Бирский и Стерлитамакский батальоны;

5-я Стрелковая дивизия Оренбургского ВО (полковник Нейзель), объединявшая:

- 1-ю бригаду (полковник Цюманенко),
- 18-й Оренбургский стрелковый полк (полковник Жадановский),
- 19-й Оренбургский стрелковый полк (полковник Желнин),
- 20-й Оренбургский стрелковый полк (полковник Троян),
- Оренбургский добровольческий (имени Атамана Дутова) полк (полковник Томашевский), с 10.1918;

6-я Стрелковая дивизия (на формировании), объединявшая:

- 21-й Симбирский стрелковый полк (полковник Креер),
- 22-й Симбирский стрелковый полк (полковник Дунин-Марцинкевич),
- 23-й Сенгилевский стрелковый полк (полковник Гуляев),
- 24-й Буинский стрелковый полк;

Отдельная группа — отряд Оренбургского ВО полковника Махина Ф.Е., с 11.1918 объединяла 5-й и 6-й Сызранские, 7-й Хвалынский, 8-й Волгский, 11-й Бузулукский стрелковые полки и 2-й Сызранский кавалерийский полк.

Во все перечисленные дивизии входили еще артиллерийские, инженерные и другие части, включая, конечно, и их штабы.

23.09.1918 Поволжская Народная армия вошла в состав вновь созданной Российской армии (Главкомандующий — генерал-лейтенант Болдырев В.Г.).

Ранее в этом регионе Поволжья (Казань—Самара) уже существовали антибольшевистские подпольные вооруженные организации (как, например, организация подполковника Галкина Н.А. и группа антибольшевистски настроенных солдат и офицеров во главе с подполковником Каппелем В.О., служивших в штабе бывшей 1-й армии, преобразованном после революции в штаб Приволжского ВО Красной армии, а также и другие антисоветские подпольные организа-

ции и отряды). Мятеж Чехословацкого корпуса 26.05.1918 гальванизировал активность этих организаций и с подходом чехов в этот регион позволил силой оружия российских подпольных антибольшевистских военных частей и отрядов изгонять власть совдепов из городов Поволжья.

Как российские войска Народной армии (КОМУЧа), так и часть чешских войск Чехословацкого корпуса формально входили в состав Поволжского, а с 12.10.1918 — в состав Западного фронтов, возглавляемых чешскими военачальниками (Чечек, Сыровы), и находились в оперативном подчинении штабов и командования этими фронтами. Однако юридически они одновременно оставались в непосредственном подчинении военных министерств своих национальных правительств: Российского (КОМУЧ и с 12.09.1918 Уфимская директория) и Чехословакии. Поэтому на уровне национальных военных штабов своих правительств, разрабатывающих актуальные политическо-стратегические проблемы и планы, и российские и чешские войска одновременно оперативно подчинялись своим непосредственным командующим и их штабам, в составе и боевом расписании которых они непосредственно и в действительности числились.

Состав Народной армии на 20.07.1918

Командующий Действующей группы войск — полковник Каппель В.О. (в оперативном подчинении штабу Волжского фронта):

Прикамская (Северная) группа (полковник Степанов А.П.), в регионе Камы;

Поволжская (Центральная) группа (полковник Каппель), в регионе Самара — Казань;

Хвальнская (Южная) группа (полковник Бакич А.С.), в регионе Сызрани.

Всего — около 15 000. (С 25.07.1918 в состав перечисленных групп вошли вновь сформированные дивизии: 1-я Самарская, 2-я Сызранская и 3-я Симбирская стрелковые дивизии.)

Здесь, в Поволжье, как и во многих других районах России, уже в начале 1918 г. недовольство властью большевиков охватывало бывших солдат и офицеров бывшей Русской

армии, но и большие массы русского крестьянства готовы были выступить с оружием в руках против продотрядов и совдеповских порядков, устанавливаемых большевиками и их органами ВЧК. «Хлебная монополия» и продразверстка доводили крестьянство до мятежей. Таким образом, совдепии в ближайшее время грозили тяжелые испытания и противостояние почти всех слоев населения — военных, интеллигенции, крестьянства и наиболее квалифицированных рабочих.

Мятеж Чехословацкого корпуса поджег солому, и пожар борьбы с большевизмом покатила по Сибири, не говоря уже о ведущейся полгода войне Добровольческой армии на Дону и Кубани против большевиков и их Красной армии.

Спешно сформировав отряд из пехотного батальона, роты чешских войск, эскадрона кавалерии и артиллерийской батареи подполковник Каппель 08.06.1918 захватил власть в Самаре, изгнав власти совдепа. Попытки военных красных частей оказать сопротивление окончились крахом, и они бежали в соседнюю Сызрань.

Не успели участники мятежа и захвата Симбирска убедиться в полном успехе, как тут же (за счет павших, на крови участников в подобных исторических ситуациях появлялись, можно сказать, мародеры любой «масти»: будь то демократы, либералы, большевики, меньшевики, генералы или любые другие) политиканы КОМУЧа — Комитета членов Учредительного собрания (в основном — это члены бывшего Учредительного собрания, разогнанного в Петрограде большевиками) создали «свое» правительство и объявили о создании Народной армии. В действительности правительство КОМУЧа по сути дела совершенно не занималось этой армией и ее нуждами. Комучевцев устраивал доступ к «порогу» власти и их министерские кресла. Не было и попыток создать службы тыла для обеспечения войска боеприпасами, снаряжением, продовольствием. Не создавалось управление по набору и укомплектованию кадров Народной армии. Больше того, к героям, изгнавшим большевиков и совдеп из Самары, как, например, подполковник Каппель, комучевцы относились, мягко говоря, «с подозрением» (Каппель до этого служил в штабе Приволжского ВО, у большевиков). Поэтому всем рус-

ским командирам, особенно на высших командных постах, комучевцы предпочитали полковников и генералов Чехословацкого корпуса. Дав «покомандовать» Народной армией русскому полковнику Галкину всего первые несколько дней, они назначили командующим этой армией капитана (!) чешской армии Чечека С. К этому следует добавить, что чехи с удовольствием принимали командование русскими частями, так как не спешили рисковать и отдавать свои жизни для замены власти большевиков властью «демократов» типа комучевцев. К тому же вскоре военный министр правительства Чехословакии генерал Штефаник издал приказ, обязав чешское военное командование уйти с линии фронта и направить войска Чехословацкого корпуса по Сибирской магистрали во Владивосток для эвакуации в Чехословакию под предлогом помощи Франции в продолжение войны против Германии.

Принимая во внимание сказанное и забегая вперед, можно сказать: все последующие поражения Народной армии и Поволжского фронта лежат на совести политиков, которые, дорвавшись до власти (как это показывает и вся мировая история), обычно заняты удовлетворением своих амбиций, получением публичности, увеличением своих капиталов и других подобных интересов. Тем временем истинные патриоты своей Родины, не щадя жизни, вели труднейшие бои с превосходящими силами Красной армии. Их мало интересовала мышиная возня политиканов в борьбе за власть и собственное благополучие.

Отряд (вскоре переименованный в бригаду) подполковника Каппеля не только разгромил группировку красных в Самаре и на ее подступах, продолжал изгонять большевиков из городов Поволжья. 10.07.1918 его отряд разгромил группировку 1-й Красной армии (командармов Гая и Тухачевского) у Ставрополя-Волжского (ныне Тольятти), захватив этот город, и, преследуя отступавшие красные части, гнал их более 140 верст, вплоть до Симбирска. Симбирск оказался в руках каппелевцев 22.07.1918. К тому времени в помощь отряду Каппеля подходили отряды (вскоре также переименованные в «бригады» и «дивизии») полковников Бакича, Махина и других руководителей военными отрядами и дружинами. Здесь прежде всего необходимо отметить

«Северную группу» полковника Степанова А.П., в которую формально входил отряд Каппеля и находился под его командованием. Именно группа Степанова нанесла удары по войскам Красной армии по обоим берегам Волги и к 03.08.1918 вышла к устью Камы и на подступы к Казани. С помощью подошедшего отряда чешских войск полковника Швеца И. группа полковника Степанова (с участием входящего в эту группу отряда под командованием подполковника Каппеля) после ожесточенного сопротивления и боев с частями 1-й и 5-й Красных армий 07.08.1918 захватила Казань, один из основных и стратегически важных городов Поволжья.

Ранее захваченные чешскими войсками Сызрань и ряд других городов, которые оказались в руках отряда (переименованного в бригаду) Каппеля, позволили последнему принять активное участие в освобождении Казани от власти союда. Казань играла не менее важную роль в политическом и экономическом потенциале Поволжья, чем Самара и другие крупные города этого региона. Тем более что в то время в Казани оказался «Золотой запас» России, работала эвакуированная сюда Академия Генштаба и имелись другие стратегически значимые объекты и факторы (достаточно напомнить, что Казань — это один из больших речных портов на Волге): Борьба за Казань достойна более детального исследования, труда и публикаций, однако рамки настоящей книги заставляют ограничиться весьма кратким изложением этого момента в истории Поволжья. С помощью внутригородских антисоветских отрядов, отряда сербских солдат, охранявших Казанский кремль, подошедших кораблей Волжской флотилии белых и других отрядов, группе полковника Степанова и отряду Каппеля удалось сломить сопротивление красных частей и освободить город от большевиков. К тому же «Золотой запас» России теперь оказался в руках белых. Академия Генштаба в конце концов нашла длительное убежище в Омске: Это лишь часть того огромного успеха, который определялся захватом Казани.

Большую роль в срыве начавшегося 03.08.1918 наступления Восточного фронта (1-я, 4-я, 5-я, 2-я и 3-я Красные армии) и нанесенного большевикам серьезного поражения сыграли и другие группы, и отряды, входившие в состав На-

родной армии. И прежде всего необходимо указать на встречный контрудар 05.08.1918 Хвалынской группы полковника Махина Ф.Е., нанесенный по войскам 4-й и 1-й (Тухачевский) Красным армиям и который расстроил все грандиозные планы командования Восточного фронта — ударом с юга не дать группе полковника Степанова войти в Казань и наступлением на восток из района Вольск — Хвалыньск выйти к Уфе! Эти наполеоновские планы были разрушены слабыми небольшими силами отрядов малочисленной, недостаточно обеспеченной боеприпасами Народной армии.

Поражениям Восточного фронта большевиков к началу осени 1918 г. способствовало и Ижевско-Воткинское восстание рабочих известных в России Ижевского и Воткинского заводов. Поводом послужила попытка совдепа активизировать мобилизацию. Под руководством бывших фронтовиков 07.08.1918 восстали рабочие Ижевского завода. 17.08.1918 восстали воткинцы, за которыми последовала большая часть населения южной части Вятской губернии. Восставшие победили, власть совдеповцев была ликвидирована. Восставшим удалось создать «Ижевскую Народную армию» численностью до 20 000 бойцов, под командованием полковника Федичкина Д.И. (с 26.10.1918 — капитан Журавлев), а также «Воткинскую Народную армию» под командованием штабс-капитана Юрьева Г.Н.

Эта, мягко говоря, неожиданная неприятность окончательно спутала планы наступления на северном фланге (2-я и 3-я Красные армии) Восточного фронта. Красная армия ввязалась в очередные ожесточенные бои. К сожалению, КОМУЧ не воспользовался таким подарком ижевцев и воткинцев, командование (под давлением правительства КОМУЧа) не поспешило на помощь этой достаточно мощной антибольшевистской силе, чтобы одновременно использовать эту силу в своих боевых действиях. Для этого ничего не сделало и новое командование Российской армии Уфимской дирекции. После длительной осады и ожесточенного сопротивления ижевцев и воткинцев 16.11.1918 советским войскам удалось сломить сопротивление и захватить Ижевск и Воткинск. При этом часть офицеров перешла на службу к большевикам.

Основная же часть этих героических рабочих отрядов продолжала вступать в бои при встрече с советскими войсками, продвигаясь на соединение с частями Белой армии. И только 03.01.1919 ижевцы и воткинцы, прорвав кольцо окружения, соединились с частями Белой армии, но уже в ее преобразованном виде и руководимой адмиралом Колчаком.

Нельзя обойти вниманием и еще одного не менее важного военного противоборства между Белой и Красной армиями. Большевики тоже создавали свои подпольные организации из своих сторонников на освобожденных от их власти территориях. Так, братья Каширины в июле 1918 г. в Белорецке создали партизанский отряд уральских казаков численностью более 5000! Этот отряд планировал после захвата соседнего, расположенного восточнее города Верхнеуральска, пойти на запад, чтобы соединиться с «Уральской партизанской армией» под командованием будущего советского маршала Блюхера, которая уже начала свой известный поход из Оренбургской области на север по тылам Белых армий с конечной целью соединиться с частями Красной армии в районе Красноуфимска, на севере. Полученная информация (от бежавшего от красных 02.08.1918 командира Верхнеуральского отряда бывшего офицера Енборисова Н.), позволила узнать, что отряд Кашириных наметил начало выступления на 08.08.1918. Командование КОМУЧа в Самаре и правительство в Омске (командовавшее Сибирской армией) вынуждены были принять срочные контрмеры. В результате из Сибирской армии на разгром красных партизан был брошен находящийся в стадии формирования Уральский корпус под командованием генерал-лейтенанта Ханжина В.М., который формально перешел в непосредственное подчинение Поволжского фронта. Однако этот высококвалифицированный генерал, успешно воевавший и получивший известность в Великую войну, оказался бессилён справиться с поставленной задачей. И он сам (Ханжин), и его подчиненные, командиры 2-й (генерал-майор Шишкин) и 3-й (генерал-майор Ончков), а также отряды генерала Тимонова и полковников Пучкова, Енборисова и других оказались беспомощными против тактики партизан, при отсутствии «сплошной и определенной» линии фронта. За неимением места, не вдаваясь в под-

робности, отметим, что отряд братьев Кашириных, соединившись с основной массой Уральской партизанской армией Блюхера 08.08–12.09.1918, за 54 дня прошел по тылам Белых армий 1500 километров от Белорецка до района Аскина, где соединился с частями 3-й Красной армии и 15.09.1918 в Красноуфимске влился в ряды этой армии. Растерянность Омского правительства иллюстрирует следующий факт: находясь в полном неведении о последующих действиях отряда братьев Кашириных, оно было вынуждено фактически создать новый «внутренний» мини-фронт (группа войск генерала Тимонова — полковника Пучкова) вокруг Уфы, так как каширинцы, следуя на запад на соединение с партизанами Блюхера, явно направлялись к городу Уфа и реке того же названия, заняв на притоке реки Уфа железнодорожную станцию Иглино в 20 километрах восточнее Уфы. Тогда и было принято решение о необходимости сосредоточения войск для сражения за Уфу. Но Каширин и не думал ввязываться в бой, а просто повернул на север, следуя далее по берегам Уфы, которая служила и надежным водным рубежом. «Уфимский фронт» генерала Тимонова и его войска еще некоторое продолжали оставаться в «неведении и ожидании». Между тем 13-й и 14-й Уфимские, 15-й Михайловский и 16-й Татарский (капитан Курушкин) стрелковые полки, одни из первых сформированные по объявленной КОМУЧем мобилизации и вошедшие 09.1918 в формирующуюся 4-ю Уфимскую (позже — Сибирскую) стрелковую дивизию; мужественно пытались в боевых столкновениях с красными партизанами армии Блюхера в районе Уфы и далее к северу, вплоть до Аскина, где партизаны прорвали заслоны 16-го Татарского полка, добиться успеха и разгромить партизан. Увы, успехов почти не было, а неудачи и потери среди этих полков уже ощущались, хотя эти полки продолжали еще бороться и с войсками Красной армии, и с красными партизанами в течение полутора лет, вплоть до 01.1920. К этому следует добавить, что за прорыв партизан Блюхера в районе Аскина и понесенные большие потери в 16-м Татарском полку, его командир капитан Курушкин был отстранен от командования и отдан под суд. Однако судебное разбирательство затянулось и длилось весь

1918 год. А после смерти 02.1919 полковника Биглова А.М., сменившего Курушкина, последний вновь был назначен командиром того же 16-го Татарского полка и вскоре получил чин подполковника! Но сам полк еще очень долгое время оставаясь недоукомплектованным, фактически в боях не участвовал. И такие эпизоды в течение всей Гражданской войны имели место достаточно часто. Это объяснялось и тем, что в Белых армиях всегда имелся большой дефицит в кадрах младшего и среднего офицерского состава.

И все же благодаря общим усилиям и небольшим успехам войск Народной армии на некоторое время Восточный фронт большевиков вынужден был приводить свои расстроенные и потрепанные ряды в боеспособное состояние. Но на это Главкому Троцкому и командарму Тухачевскому (уже командовавшему 5-й Красной армией) потребовалось всего не более месяца.

Однако КОМУЧ, как уже говорилось, мало что делал для повышения боеспособности и развития успехов частей Народной армии, пассивно наблюдая за развитием дальнейших событий, благо и большевики не могли одержать решающих побед.

А тем временем в октябре 1918 г., согласно приказу генерала Штефника, чешские войска начали постепенно уходить с линии фронта. Надвигалась полная катастрофа. А в совдепии, наоборот, в результате грозных приказов Троцкого и с помощью прибытия значительного количества войск Красной армии, инициатива ведения боевых действий в Поволжье во второй половине августа 1918 г. перешла к Красной армии. Части Народной армии уже были не в состоянии оказывать необходимое сопротивление перешедшим в наступление советским войскам. Белые начали отступать, красные последовательно стали отвоевывать потерянные города и территории. 28.08.(10.09.).1918 г. большевики вернулись в Симбирск. А в октябре 1918 Красная армия отбросила остатки Народной армии далеко на восток, захватив Казань (10.09.1918), Сызрань (28.09.1918), Самару (17.10.1918), Симбирск (12.09.1918).

Войска Народной армии в начале октября 1918 были фактически полностью разгромлены и начали отход на Урал,

где были сведены в Самарскую и Камскую группы, войдя в состав вновь созданной 30.09.1918 новой Поволжской Народной армии, точнее, ее перечисленных выше отдельных армейских групп, как составные части новой Российской армии Уфимской директории, заменившей власть КОМУЧа. Вскоре эти войска были вновь переформированы в новую Западную армию, 12.1918 — 01.1919.

Чешским войскам (в том числе и Чечеку), прежде чем было приказано уйти с линии фронта и начать движение во Владивосток для последующей эвакуации в Европу (не вступая в бои с Красной армией), предоставлялась еще одна возможность временно покомандовать вновь создаваемым Западным фронтом под общим командованием генерала чешской армии Яна Сыровы. (Об одной из причин такого поведения командования Чехословацкого корпуса будет сказано ниже.) В оперативное подчинение нового Западного фронта перешла и новая Поволжская Народная армия Уфимской директории с ее переформированными из частей прежней Народной армии КОМУЧа Екатеринбургской, Камской (Прикамской) и Волжской (Поволжской) группами.

10.10.1918 КОМУЧ и его правительство «эвакуировались» в Уфу, как только войска Красной армии подошли к Самаре. В декабре 1918, с приходом к власти адмирала Колчака, КОМУЧ был окончательно распущен.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ (12.10–20.12.1918)

Командующий генерал-майор чешской армии Сыровы Я.

В оперативное подчинение и в состав Западного фронта вошли как часть чешских войск Чехословацкого корпуса, так и войска Поволжской Народной армии, как часть Российской армии с ее армиями, группами, дивизиями и военными округами под общим командованием генерала Болдырева В.Г.; и в том числе:

Тюменский военный округ, 16.10.1918–06.09.1919, в границах Пермской и Тобольской губерний. Командующий ВО — генерал-лейтенант Рычков В.В.

С 12.1918 ВО, после ликвидации Западного фронта, перешел в подчинение штаба Сибирской армии. Упразднен 06.09.1919.

Курганский военный округ, 16.11.1918–06.09.1919, в границах большинства уездов Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний. Командующий — генерал-майор Георгиевский. После ликвидации Западного фронта с конца декабря 1918 перешел в подчинение Западной армии и позже (с 07.1919) — штаба Восточного фронта. Упразднен 06.09.1919.

**ПОВОЛЖСКАЯ НАРОДНАЯ АРМИЯ —
РОССИЙСКАЯ АРМИЯ УФИМСКОЙ ДИРЕКТОРИИ
(23.09—24.12.1918)**

Состав на 30.09.1918 (новой) Поволжской Народной армии определялся ее основными (армейскими) группами:

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГРУППА, 12.10—24.12.1918 (генерал-майор Гайда Р.); в составе

1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, 12.06.1918—14.07.1919 (подполковник Пепеляев А.Н.);

— 2-й Отдельной чехословацкой дивизии (полковник Войцеховский С.Н.);

— Польской бригады (полковник Римша).

1-й Средне-Сибирский корпус реформирован и 01.01.1919 вошел в состав Сибирской Отдельной армии (второго формирования), где 25.04.1919 был вновь реформирован и вошел в Северную группу.

01.01.1919 на базе Екатеринбургской группы сформирована новая Отдельная Сибирская армия (второго формирования) (генерал-лейтенант Гайда Р.).

КАМСКАЯ ГРУППА (генерал-майор Люпов С.Н.), части 8-го Уфимского армейского корпуса, 12.10.1918—03.01.1919 (генерал-лейтенант Люпов С.Н.), в составе

— 15-й Воткинской дивизии, 03.01.1919—20.03.1920, (полковник Юрьев Г.Н.)

— 16-й Сводно-Уфимской дивизии.

01.02.1919 Камская группа упразднена.

ПОВОЛЖСКАЯ (САМАРСКАЯ) ГРУППА (части бывшего Поволжского фронта, генерал-майор Войцеховский С.Н.), в составе

— 4-й стрелковой дивизии, 16.07.1918—20.03.1920 (генерал-майор Вержбицкий Г.А., 07.1918—01.1919; генерал-майор Смолин И.С., 01.1919—03.1920);

— Волжской дивизии, 07—08.1918 (полковник Каппель В.О.).

Уральский корпус, 08.07–4.12.1918 (генерал-лейтенант Ханжин В.М.) с

– 1-й Сводно-Уральской дивизией (генерал-майор Шишкин В.Н., из Оренбургской армии);

– 2-й Сводно-Уральской дивизией (генерал-майор Ончиков Н.А., из Оренбургской армии);

– Отрядом генерал-майора Тимонова.

25.12.1918 Поволжская (Самарская) группа переформирована в 9-й (и позже — в 1-й) Волжский армейский корпус (генерал-майор Каппель В.О.), который был передан 01.01.1919 в состав новой Западной армии (генерал-лейтенант Ханжин М.В.).

Кроме того, в составе Российской армии по-прежнему оставались Иркутский (Восточно-Сибирский), Курганский, Омский (Западно-Сибирский) и Тюменский военные округа.

К началу сентября 1918 г. большинству здравомыслящих политиков и командующих отдельными группами войск Белых армий, стала совершенно очевидной необходимость объединения всех сил, вступивших в борьбу за свержение власти большевиков, под единое руководство и командование. Этого потребовал и Чехословацкий национальный совет. В конце августа 1918 г. большинство многочисленных «самостоятельных» правительственных и военных администраций договорились о скорейшем созыве в Уфе государственного совещания с целью разрешения этой проблемы. Собравшиеся в Уфе в сентябре 1918 все участники отдельных и самостоятельных правительств Сибири, включая Временное Сибирское правительство СОД в Томске, Уральское Временное правительство, правительства Оренбургской, Иркутской и других областей, национальные правительства в Туркестане, на Алтае и «казачьи» правительства Сибири, Енисея, Семиречья и другие местные и региональные Временные правительства пришли к соглашению о создании Уфимской директории. Почти сразу же Уфимская директория 28.09.1918 объявила о создании единого Временного Всероссийского правительства и роспуске всех перечисленных областных, национальных, казачьих и других «правительств». 03.11.1918 Временное Сибирское правительство

СОД в Томске официально передало свои полномочия и власть Временному Всероссийскому правительству Уфимской директории, переехавшему 09.10.1918 из Уфы в Омск. Одновременно 30.09.1918 было объявлено о назначении Верховным Главнокомандующим всех вооруженных сил в Сибири генерала Болдырева В.Г., которые теперь будут объединены в единую **РОССИЙСКУЮ** армию.

04.11.1918 военным министром был назначен адмирал Колчак, прибывший 14.10.1918 из Харбина в Омск вместе с представителем Антанты английским генералом Ноксом. (К этому следует добавить, что после создания Уфимской директории, КОМУЧ преобразовался в обычную политическую организацию «Съезд членов Учредительного собрания», которая была ликвидирована после прихода к власти адмирала Колчака.)

Желая укрепить дисциплину в армии и порядок в Сибири вообще, военный министр правительства Уфимской директории адмирал Колчак, прибыв 10.1918 в Омск из Харбина, при поддержке ранее пришедшего из Петропавловска в Омск отряда войскового старшины В.И. Волкова, отряда есаула И.Н. Красильникова, с помощью Антанты 18.11.1918 произвел государственный переворот, установив единоличную власть и диктатуру на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке, объявив себя Верховным правителем Российского государства и Верховным Главнокомандующим Русской армии, со всеми входящими в нее другими армиями, военными соединениями и частями по всей России.

(Повторно описываемые сложные и достаточно запутанные политические ситуации, многочисленные власти Временных правительств, дублирование руководства (мягко говоря) военными операциями российских войск отдельных групп Белых армий командованием Чехословацкого корпуса, стремление отдельных «атаманов» к самостоятельности и собственные амбиции некоторых появившихся новых «командиров» и «командующих», приводили к созданию (также, видимо, «временных») довольно больших военных объединений и соединений, которые, достигая на бумаге значения «фронтов, армий и армейских групп войск», к сожалению,

заставляют вновь и вновь обращаться к общему «политическому фону» и динамике его непрерывной трансформации).

Таким образом, командование всеми частями российских войск в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири, в Оренбургской области формально перешло под единое руководство Верховного Главнокомандующего Российской армии — генерала Болдырева. Однако в Поволжье и на Урале фактическое руководство войсками оставалось под командованием Западного фронта — генерала чешской армии Сыровы Я. При этом возникает вопрос: почему, уже решив уйти с линии фронта и упразднения Поволжского фронта и Народной армии КОМУЧа, командование Чехословацким корпусом решило вновь остаться и командовать отступающими российскими войсками, оставляли город за городом как Поволжья, так уже и Урала под начавшимся очередным наступлением красных армий Восточного фронта? Ответ искушенному читателю, интересующемуся историей своей Родины, может показаться весьма простым и банальным. Уж чего-чего в России не изобретали впереди всего мира: и массовый терроризм («народовольцы, Кропоткин, Савинков и масса их подручных и просто одураченных»), и высшей марки политиканство (простой обман народа), который теперь с умным видом называют «паблик релейшн» — сокращенно ПИАР, и многое-многое другое (смотри, например, Клавинг В.В. «Я сжег Григория Распутина», Санкт-Петербург, 2001), то, что западные умники еще только начинают «оценивать» и пускать в ход как хорошо проверенное лекарство. Так, в Омске новое правительство Уфимской директории, включая военного министра генерала Иванова-Ринова П.П. и Главкома новой Российской армией генерала Болдырева В.Г., упразднив в Омске предыдущее Временное Сибирское правительство СОД (Сибирской областной Думы), начали усиленно рекламировать свою новую военную доктрину, в основе которой предлагалось мало (или совсем) не обращать внимание на изменения линии фронта, очередные поражения и неудачи Белых армий Сибири, а сосредоточить все имеющиеся возможности и силы для удара на северо-запад и прорыва через Пермь—Вятку—Котлас на встречу северным войскам Мурманска и Архангельска, поддерживаемых высадившимися там войсками

Антанты (британские и французские войска под командованием английского генерала Айронсайда)! При этом приводили в подтверждение успеха предлагаемого плана убедительные объективные факторы, как, например, утверждения, что интервенты на Севере кровно заинтересованы в успехе, так как в этом случае немецкие войска, оккупирующие еще Украину и Крым, не смогут в этой ситуации покинуть эти регионы и быть использованы на фронтах Европы. Во вторых, Добровольческая армия добилась уже огромных успехов по освобождению Кубани и Кавказа от власти большевиков и может, опередив Сибирские армии, совершить победоносный поход на Москву. В то время как общими силами, располагающимися от Поволжья до Петрозаводска (в случае удачного завершения предлагаемой операции) Белые армии Сибири и Севера смогут успешно реализовать решение и такой, главной задачи. Наконец, эта ижевско-воткинская заноза в спине северного фланга Восточного фронта большевиков своим острием показывала желаемое стратегическое направление для продолжения успешной борьбы с совдепией — острее стрелы было направлено в сторону Перми.

Приводились и другие позитивные факторы. Но одним из первоочередных в этом ряду было (как приманка) предложено Чехословацкому корпусу не спешить во Владивосток, чтобы когда-то добраться в Европу, а, присоединившись к предлагаемому плану, при его завершении сесть на суда и корабли Антанты и из Архангельска и Мурманска без особых осложнений быстро оказаться в родной Чехословакии. После размышлений и анализа предложений Уфимской директории командование чешскими войсками решило на пару месяцев отсрочить уход с линии фронта и начать движение по Сибирской магистрали во Владивосток, которое потребует гораздо большего времени, чем предлагаемая попытка решить этот вопрос более радикально. (Вот классический пример, когда «сначала было Слово»).

Между тем замена КОМУЧа Уфимской директорией на фронтах Поволжья и Сибири осталась, можно сказать, совершенно незамеченной, и боевая обстановка катилась в прежнем русле. Хотя остатки Поволжской армии предпринимали даже попытки контратаковать противника. Например,

Добровольческая бригада полковника Каппеля 28.08.1918 неожиданным ударом попыталась захватить Свияжск, а Хвалынская группа после сдачи 06.09.1918 Вольска предприняла контрнаступление с целью вернуть этот город. Но все эти и такие же «местного значения» успехи не могли противостоять натиску Красных армий Восточного фронта. Новые командующие Сибирскими армиями получили в наследство непрерывную цепь потерь и захвата большевиками все новых и новых позиций и городов, располагающихся восточнее перемещающейся в этом направлении линии фронта.

Пока политиканы тешили себя несбыточными прожектами, катящийся вал наступления Красной армии в сентябре—октябре 1918 продолжал заливать все новые и новые города районы Поволжья и Урала.

10.09.1918 большевики вернулись в Казань, 12.09.1918 — захватили Симбирск, 12.09.1918 вошли в Вольск. 5-я Красная армия к 19.09.1918 заняла весь правый берег Волги от Буинска и устья Камы до Вольска. Последняя попытка бригады Каппеля 24.09.1918 контрударом вернуть Симбирск окончилась очередной неудачей. 26.09.1918 пал Хвалынок (ныне Балаково); форсировав Волгу, войска 5-й Красной армии взяли в кольцо бригаду Каппеля (в районе Чардаклы) и почти полностью уничтожили; 03.10.1918 войска 4-й и 1-й Красных армий захватили Сызрань, 07.10.1918 вошли в Самару. В результате советские войска прорвали фронт на протяжении 450 километров. Развивая успех, Красные армии начали наступление не на Уральск, а в направлении Уфы. Участь поражений на полях сражений преследовала прежние армейские группы войск новой армии и нового командования. К 15 ноября 1918 г. северному флангу Восточного фронта удалось наконец разгромить окруженную Ижевско-Воткинскую группу войск и лишь небольшой ее части удалось прорваться и с боями длительное время идти на соединение с войсками Сибирской армии, которое произошло уже в начале 1919 года. Красные войска вернулись в Поволжье и Прикамье.

В декабре советские войска начали наступать на Уральск, Оренбург и Уфу. Таков краткий итог военных операций, проведенных военным командованием Уфимской дирекции в

октябре—ноябре 1918 года. Естественно, что все это происходило главным образом под непосредственным руководством штаба Западного фронта, возглавляемого генералом чешской армии Яном Сыровы. Иллюзии чехов на прорыв из Поволжья в Архангельск, оставаясь в памяти, представлялись пока еще продолжающимся нескончаемым миражом.

К власти в Сибири между тем пришел новый волевой правитель — адмирал Колчак.

СИБИРСКАЯ АРМИЯ (Первое формирование) (26.06–31.12.1918)

Сибирская армия сформирована в Новониколаевске 26.05.1918 на базе Западно-Сибирского ВО со штабом в Новониколаевске (Новосибирск) и легализирована утверждением Временного Сибирского правительства СОД, подпольно созданного 27.01.1918 и пришедшего 23.06.1918 к власти после захвата чехами Томска и антисоветского переворота с захватом власти СОД («Сибирская Областная Дума»).

13–27.06.1918 Сибирская армия именовалась Западно-Сибирской армией. Штаб Сибирской армии осуществлял руководство всеми войсковыми частями и отрядами Белой Сибири, включая партизанские и добровольческие отряды, конные отряды, другие антисоветские части. По своему значению и распространению контроля и командования в Сибири и на Дальнем Востоке первая в этом огромном регионе Сибирская армия в середине 1918 г., безусловно, может быть приравнена к наименованию **фронт**, под которым понимаются подобные глобальные военные структуры. Об этом можно судить по приводимым ниже границам, структуре и составу Сибирской армии.

Состав Сибирской армии на 20.07.1918

Командующие Сибирской армией: генерал-майор Гришин-Алмазов А.Н., 13.06–13.09.1918;

генерал-майор Иванов-Ринов П.П., 13.09–24.12.1918;

генерал-майор Матковский А.Ф., 24–31.12.1918.

(1-й) Средне-Сибирский армейский корпус, 12.06.1918 (Новониколаевск) — 01.1920 (полковник Пепеляев А.Н., 12.06.1918—01.07.1919; генерал-майор Зиневич Б.М., 07.1919—01.1920, перешел на сторону большевиков 04.01.1919 в Красноярске); в составе:

— 1-й Томской (с 26.08.1918 — 2-й Сибирской) стрелковой дивизии (генерал-майор с 13.08.1918 Уго-Уговец А., 20.07.1918—26.03.1919; полковник Вишневский Е.К., 26.03—08.11.1919);

— 2-й Сводной (с 26.08.1918 — 1-й Сибирской) стрелковой дивизии (полковник Зиневич Б.К., 30.07.1918—03.01.1919; полковник (с 13.08.1918) Ивакин А.Н., 03—05.1919, полковник Мальчевский, 05—11.1919; полковник Ивакин А.Н., 11—12.1919, поднял мятеж в Новониколаевске, 09.12.1919 убит);

— 3-й Иркутской (с 26.08.1918 — 3-й Сибирской) стрелковой дивизии (полковник Гривин П.П.; полковник Осипов В.Г., 26.03—10.09.1919; полковник Ракитин В.А., 10.09.1919—20.03.1920). 26.03.1919 вошла в 4-й Сибирский корпус (генерал-майор Гривин П.П.).

Первые два месяца части будущего 1-го Средне-Сибирского корпуса, примкнув к чешским войскам капитана Гайды, вошли в их состав и, двигаясь на восток, участвовали в освобождении от большевиков городов Башкирии, Бурятии и Забайкалья.

(2-й) Степной Сибирский армейский корпус, 12.06.1918 (Омск)—12.1919 (полковник Иванов-Ринов П.П., 12.06—05.09.1918, генерал-майор Матковский А.Ф., 06.09—24.12.1918; генерал-майор Бржезовский В.В., 25.12.1918—12.09.1919, убит; генерал-майор Ефтин И.Н., 13.09—12.1919); в составе:

— Западно-Сибирского отряда (с 16.08.1918 — 1-я Степная Сибирская стрелковая дивизия; генерал-майор Вержбицкий, 12.06.1918—03.01.1919);

— 1-го партизанского офицерского отряда (с 16.09.1918—16-й Ишимский Сибирский полк; штабс-капитан Казагранди Н.Н., 07.06.1918—20.04.1919);

- Отряда полковника Смолина И.С., 07.06–21.08.1918;
- Отдельного партизанского отряда (с 08.1918 — Партизанская дивизия атамана Анненкова, 07–12.1918).

3-й Уральский горных стрелков корпус, 04.07 (Челябинск)—01.07.1919; генерал-лейтенант Ханжин М.В., 04.07–24.12.1918; генерал-майор Голицын В.В., 04.12.1918–11.06.1919); в составе:

- 1-й (будущей 6-й Уральской) стрелковой дивизии (генерал-майор Шишкин В.Н.),
- 2-й (будущей 7-й Уральской) стрелковой дивизии (генерал-майор Ончиков Н.А.),
- отряда генерал-майора Тимонова. (Здесь следует отметить, что дивизии генерал-майоров Шишкина В.Н. и Ончикова Н.А. были временно переданы в корпус генерала Ханжина М.В. из 4-го Оренбургского казачьего корпуса и 3-й Оренбургской казачьей дивизии, которыми они командовали; так как 6-я и 7-я Уральские дивизии в это время еще не закончили формирование и не были готовы к боевым операциям.)

07–09.1918 Уральский корпус генерала Ханжина М.В. был передан в оперативное подчинение Поволжскому фронту и вел борьбу с Уральской партизанской армией Блюхера и партизанским отрядом Каширина в районе Верхнеуральск—Уфа—Стерлитамак. С середины сентября — на переформировании, с включением в состав новых дивизий, и в том числе:

- 6-й Уральской (горно-) стрелковой дивизии (сформирована 06.07.1918 в Челябинске генерал-лейтенантом Ханжиным М.В., с 17.06.1918 полковник Сорочинский; полковник Иванов, генерал-майор Нейланд, 31.07.1918–30.06.1919; полковник Кузьмин, 01.07–20.10.1919); генерал-майор князь Голицын В.В.; с 08.1918 — генерал-майор Бондарев, сбежал в Щегловской тайге 12.1919 (перешел к партизанам), бросив дивизию на произвол судьбы).

Кроме перечисленных войск в составе армейских соединений, командование Сибирской армии распространялось на военные округа, и в том числе на:

Иркутский ВО, 27.12.1918–27.12.1919 (17.07.1919–16.01.1919 именовался как Восточно-Сибирский ВО), вос-

становлен в границах Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областей; командующий — полковник (генерал-майор) Эллерц-Усов А.В., 17.07–25.12.1919;

18.12.1918 переформирован в Средне-Сибирский ВО, командующий — генерал-майор Волков В.И., 02.12.1918–17.02.1919;

16.01.1919 переименован в Иркутский ВО; командующий — генерал-лейтенант Артемьев В.В., 16.02.—25.12.1919;

Иркутский ВО ликвидирован вследствие захвата власти в Иркутске «Политцентром» и большевистского мятежа;

Омский ВО, 27.05.1918 (Новониколаевск) — 15.11.1919 (27.05.1918–16.01.1919 именовался как Западно-Сибирский ВО), восстановлен в границах Тобольской, Томской, Алтайской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Командующие: полковник Гришин-Алмазов А.Н., 28.05–12.06.1918; генерал-майор Романов В.Р., 12–27.06.1918; генерал-майор Менде Г.К., 27.06–28.12.1919; военный комендант Омска, генерал-лейтенант Матковский А.Ф., 29.12.1918–16.11.1919, расстрелян при захвате Омска). ВО ликвидирован при захвате Омска 16.11.1919.

Состав Сибирской армии на 20.09.1918

Средне-Сибирский армейский корпус, дислоцировался в Томской и Алтайской губерниях, 12.06.1918–12.1919 (командующие — генерал Пепеляев А.Н., 20.07.1918–11.07.1919; генерал-майор Зинкевич Б.К., 07.1919–01.1920, перешел 04.01.1920 на сторону большевиков в Красноярске); в составе:

1-й (2-й Сводной до 26.08.1918) Сибирской стрелковой дивизии, 26.08.1918–08.11.1919 (полковник Зиневич Б.К., 30.07.1918–03.01.1919; полковник (с 13.08.1918) Ивакин А.Н., 03–05.1919; полковник Мальчевский, 05–11.1919; полковник с 13.08.1918; Ивакин А.Н., 11–12.1919, подняв мятеж в Новониколаевске 09.12.1919, убит); с ее

— Барнаульским Сибирским (подполковник Вольский) полком,

— 1-м Новониколаевским Сибирским полком (капитан Травин),

— 2-м Новониколаевским Сибирским полком (подполковник, с 13.08.1918 полковник Ивакин А.),

— 1-м Енисейским Сибирским полком (подполковник Мвальческий);

2-й Сибирской стрелковой дивизии, 26.08–08.11.1918 (полковники: (генерал-майор с 13.08.1918) Уго-Уговец А., 20.07.1918–26.03.1919; (генерал-майор с 13.08.1918) Вишневский Е.К., 26.03–08.11.1919); с ее:

— 1-м Сибирским полком (подполковник Иванов),

— 2-м Сибирским полком (полковник Вишневский Е.К.; подполковник с 13.08.1918 Пирожков С., 04.1918–12.1919),

— 3-м Сибирским полком (генерал-майор с 13.08.1918 Уго-Уговец А.),

— 4-м Сибирским полком (штабс-капитан Шнаперман);

3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизией, 14.07.1918–03.1920, сформирована на базе 1-й Иркутской Сибирской бригады (полковник Гривин П.П.; полковник Осипов В.Г., 26.03–10.09.1919; полковник Ракидин В.А., 10.09.1919–20.03.1920). 3-я Иркутская дивизия 26.03.1919 вошла в состав 4-го Сибирского корпуса (генерал-майор Гривин П.П.).

Первые 2 месяца, 06–07.1918, части будущего 1-го Средне-Сибирского корпуса, примкнув к чешским войскам капитана Гайды, вошли в их состав и, двигаясь на восток, участвовали в освобождении от большевиков городов Башкирии, Бурятии и Забайкалья.

1-й Средне-Сибирский стрелковый корпус (генерал Пепеляев А.Н., 12.10.1918) передан 10.1918 в Екатеринбургскую группу Западного фронта (генерал Сыровы Я.)

2-й Степной корпус, дислоцировался в Тобольской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областях, 12.06–05.09.1918; командующие — генерал-майор Иванов-Ринов П.П., 06–09.1918; генерал-лейтенант Матковский А.Ф., 06.09.1918–02.01.1919; генерал-майор Бржезовский В.В., 02.01–12.09.1919, убит; генерал-майор Ефтин И., 13.09–20.12.1919; в составе:

— 3-й (Иркутской) Сибирской стрелковой дивизии, 03.10.1918–26.03.1919 (полковник Гривин П.П.,

07.1918—03.1919; полковник Осипов В.Г., 04—07.1919; генерал-майор Ракитин); 26.03.1919 передана в 4-й Восточно-Сибирский корпус (генерал-майор Гривин П.П.);

— 4-й (Омская) Сибирской стрелковой дивизии, 15.06.1918 (Омск)—20.03.1920 (генерал-майор Вержбицкий Г.П., 20.06—21.12.1918; генерал-майор Смолин И.С., 21.12.1918—20.03.1920);

— 5-й (2-й Степной) Сибирской стрелковой дивизии, 28.07.1918—05.1919 (генерал-майор Гулидов В.П., 07.1918—05.1920); с 5-м (17-й Семипалатинский), 6-м (18-й Тобольский) 7-м («Шадринским отрядом» — 19-м Петропавловским), 8-м (20-м Тюменским) Степными полками;

— 6-й Сводной (18-й) Сибирской стрелковой дивизии, (полковник Казагранди Н.Н., полковник Осипов В.Г., 08.1919—03.1920);

— партизанского отряда атамана Анненкова Б.В. (с 23.10.1918 — «Партизанская дивизия атамана Анненкова»), 10.1918—12.1919;

— части Семиреченского казачества.

2-й Степной Сибирский корпус 12.1919 преобразован в Семиреченскую армию.

3-й Уральский корпус, дислоцировался в Пермской губернии, Златоустовском уезде Уфимской губернии; Челябинский, Троицкий и Верхне-Уральский уезды Оренбургской губернии, 04.07.1918—11.07.1919 (генерал-лейтенант Ханжин М.В., 04.07—24.12.1918, генерал-майор Голицын В.В., 03.01—11.07.1919); в составе 7-й стрелковой дивизии; 2-го полка чешской армии; трех Оренбургских казачьих полков. (С 01.01.1919 состав корпуса изменился, и в него вошли новые — 6-я Уральская горных стрелков дивизия; 7-я Уральская горных стрелков дивизия; Уральская кадровая бригада. — Смотри «Сибирская армия», второго формирования.)

4-й Восточно-Сибирский корпус, дислоцировался в Иркутской и Енисейской губерниях; в Забайкальской и Якутской областях, 10.09.1918 (Иркутск)—18.12.1918 (генерал-майор Эллерц-Усов А.В., 10.09—18.12.1918), в составе:

— 8-й Читинской Сибирской стрелковой дивизии, 10.09–30.10.1919. Переименована в 9-ю Читинскую Сибирскую стрелковую дивизию и передана в Приморский ВО;

— 8-й Сибирской стрелковой дивизии, 14–12.1918 (генерал-майор Подрядчик К.Т.);

— 3-й Сибирской кадровой (с 18.03.1919 — 14-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор Потапов).

Корпус расформирован 26.12.1918 в связи с образованием Иркутского (Средне-Сибирского) ВО, новый штаб которого создан на базе 4-го Восточно-Сибирского корпуса.

5-й Приамурский отдельный армейский корпус, дислоцировался в Амурской, Приморской областях и казачьих землях Забайкалья; 10.09–12.1918; командующий — атаман Семенов Г.М.; в составе:

— 8-й Читинской (Восточно-Сибирской) Сибирской стрелковой дивизии,

— Забайкальской казачьей дивизии,

— Сводной казачьей дивизии Амурских и Уссурийских казачьих войск.

С 12.1918 в состав корпуса вошли другие части, и в том числе:

— 9-я (8-я Читинская) стрелковая дивизия;

— Особый Маньчжурский отряд.

5-й Приамурский корпус (генерал-майоры Нацвалов Н.Г., с 25.05.1919 — Мисюра А.Г.) входил в состав Сибирской армии до 08.12.1918. (С 12.1918 — в составе Восточно-Сибирской армии, преобразованной 28.05.1919 в 6-й Восточно-Сибирский армейский корпус; командующий — атаман Семенов Г.М.).

Сибирская армия вела боевые действия в Сибири, Приамурье и Семиречье.

Упразднена 24.12.1919, и ее части переданы и переформированы в новую Отдельную Сибирскую армию второго формирования. (Смотри «Сибирская армия, второе формирование».)

С приходом войск Чехословацкого корпуса в Сибирь с помощью сибирской контрреволюции власть последней ус-

тановилась (к осени 1918) от Тобольска до Усть-Каменногорска (по течению Иртыша) и от Кургана до Барнаула и Бийска (вдоль Сибирской железнодорожной магистрали), охватив и северную часть Семиреченской области.

Чехословацкие части, продвигаясь на восток, встретились с японскими и (позже) американскими оккупационными войсками, двигавшимися навстречу из Владивостока. Это привело к изгнанию власти Советов из Приморья и Забайкалья. Атаман Семенов был назначен командиром (5-го) Приамурского корпуса в составе двух стрелковых дивизий.

При этом следует привести перечень городов Урала и Сибири, освобожденных чешскими войсками и перешедших под власть Белого движения с 01.07.1918, включая в частности Владивосток (12.06.1918), Екатеринбург (25.07.1918), Красноярск (12.06.1918), Мариинск (25.06.1918), Новониколаевск (27.05.1918), Омск (05.06.1918), Пенза (25.05.1918), Сызрань (30.05.1918), Уфа (05.07.1918), Челябинск (30.05.1918). Войска Чехословацкого корпуса при активной поддержке российских войск Белых армий изгнали большевиков в большом регионе Урала и Западной Сибири и освободили многие города, и в том числе: Актюбинск (11.04.1919), Белебей (07.04.1919), Бугульму (10.04.1919), Бугуруслан (15.04.1919), Верхнеудинск (20.08.1918), Глазов (02.06.1919), Ижевск (30.08.1918), Иркутск (11.07.1918), Златоуст (17.06.1919), Казань (30.05.1918), Кунгур (21.12.1918), Нижнеудинск (31.05.1918), Нижний Тагил (17.12.1918), Оханск (07.03.1919), Оренбург (14.11.1918), Орск (08.1918), Пермь (25.12.1918), Самара (08.06.1918), Сарapul (15.04.1919), Симбирск (22.07.1918), Стерлитамак (10.03.1919), Уральск (13.01.1919), Уфа (14.03.1919), Чистополь (17.04.1919).

До осени 1918 г. Сибирская армия вела боевые действия на востоке и юго-востоке Сибири. 1-й Средне-Сибирский корпус, и 3-я Иркутская дивизия в частности, добились в этом регионе значительных успехов.

Однако, как уже неоднократно упоминалось, еще до подхода чешских войск во многих городах Сибири то тут, то там вспыхивали антисоветские мятежи, возглавляемые подпольными и, как правило, офицерскими организациями и

вооруженными отрядами. Так, к примеру, и Иркутск не стал исключением в подобных акциях. 14.06.1918 в Иркутске вспыхнул мятеж, руководимый подпольной офицерской организацией. Мятеж был подавлен, и большевики в знак устрашения расстреляли нескольких руководителей из примерно 400 участников мятежа, большинство арестовали и репрессировали. После контрреволюционного мятежа Чехословацкого корпуса чешские войска подошли к Иркутску и совместно с уже сформированными к тому времени полками Западно-Сибирской армии, вскоре переименованной в Сибирскую армию (генерал Гришин-Алмазов), четырьмя колоннами, окружая Иркутск, 11.07.1918 ворвались в город. Колонны, возглавляемые капитаном Кадлецем (чешский ударный батальон и 1-й Томский Сибирский полк), подполковника Пепеляева А.Н. (3-й Томский и 3-й Барнаульский полки), полковника Вишневого Е.К. (сводный отряд) и полковника Перчука (2-й Ново-Николаевский полк и батальон чехов, атаковавших город вдоль железной дороги), всего 2500 штыков и сабель, войдя в город, быстро ликвидировали власть совдепа, и назначили полковника Эллерц-Усова А.В. военным комендантом Иркутска. Полковник Эллерц-Усов, один из случайно уцелевших руководителей антисоветского мятежа 14.06.1918, тогда же одновременно был назначен командующим нового Восточно-Сибирского военного округа. В Иркутске начала формироваться 3-я Иркутская стрелковая дивизия, одна из наиболее боеспособных дивизий Белых Сибирских армий.

До описанных событий части Чехословацкого корпуса под командованием капитана Гайды одним из первых захватили 25.05.1918 Мариинск и установили свои порядки, почувствовав прелести власти. С этого момента собственно началось освобождение от большевиков Урала и Сибири, тем более что к намерениям Гайды присоединились капитан Чечек и полковник Войцеховский, командовавшие не меньшими массами чешских войск. Одновременно командующий Западно-Сибирской армией генерал Гришин-Алмазов А.Н. отдал приказ Средне-Сибирскому корпусу в кратчайший срок очистить от большевистских войск всю Западную Сибирь: от Мариинска до Томска (вдоль железной дороги) и

совместно с чешскими восточными частями — от Новониколаевска до Читы. Тем временем отряд полковника Гулидова В.П. 19.06.1918 захватил Красноярск (большевики, погрузившись на пароходы, бежали, надеясь по Енисею добраться до безопасного Севера).

25.06.1918 части Средне-Сибирского корпуса начали атаку на Нижнеудинск (Улан-Удэ). После шестидневных ожесточенных боев, удар обходного маневра отряда подьесаула Красильникова И.Н. заставил советские войска начать отступление. 31.06.1918 Нижнеудинск перешел под контроль Белой армии. Продолжая преследование советских войск по Кругобайкальскому тракту от Иркутска на Култук, к 15–18.07.1918 части 2-го Новониколаевского полка захватили станцию Байкал, а чешские части, обходя горы, вошли в село Лиственичное, а также село Култук. 26.07.1918 войска генерала Пепеляева вышли к станции Мурино, преодолевая ожесточенное сопротивление противника. И только 07.08.1918 станция Мурино перешла в руки Белой армии. В этих боях окруженный красными частями небольшой отряд подполковника Ушакова (начальник штаба российских войск в составе Чехословацкого корпуса) был окружен, а Ушаков — зверски убит. Разгром красных войск в большом решающем сражении за Байкал 15–17.08.1918 у станции Посольская под руководством погибшего подполковника Ушакова, положил, можно сказать, окончание военных действий в битве за Байкал. Красная армия из 3000 человек, прорывавшихся на Верхнеудинск по Култукскому тракту (и далее — в Монголию), смогла сохранить и вывести не более четырехсот. Кроме того, в руках Гайды и Пепеляева оказались 59 поездов и эшелонов со штабами корпусов и дивизий, продовольствием, а также склады медицинского оборудования, санитарные поезда и другие виды снаряжения и снабжения.

По просьбе штаба Чехословацкого корпуса 28.08.1918 войска атамана Семенова начали встречное наступление на Читу из Маньчжурии, куда они ранее были выдавлены Красной армией. 26.08.1918 с помощью антисоветского выступления в Чите войска атамана Семенова 26.08.1918 возвратились в Читу. 30.08.1918 чешские части и войска полковника Пепеляева в районе станции Оловянная на реке Онон встретились

с войсками атамана Семенова. Временное Сибирское правительство произвело атамана Семенова в полковники и назначило командующим 5-м Приамурским ВО. Забайкалье также перешло под контроль Белой армии. Полковник Гайда 27.09.1918 убыл в Екатеринбург. «Восточный фронт» — часть Западно-Сибирской армии — прекратил свое существование.

В то же время в регионе, противоположном восточно-сибирскому, боевые действия развивались по своей тенденции и динамике. 1-я Степная (с 26.08.1918 — 4-я) Сибирская дивизия полковника Вержбицкого 01.07.1918 начала наступление в направлении на Ишим и сразу же включилась в ожесточенные бои с войсками Красной армии, продвигаясь на северо-запад вдоль Тюменской железной дороги и по направлению течения реки Ишим. Ломая сопротивление и громя войска большевиков, дивизия, не останавливаясь, прорывалась вперед. Успехи принесли свои плоды — 20.07.1918 Тюмень была взята, а полковник Вержбицкий в награду был произведен в генерал-майоры. Вскоре, к 31.07.1918, весь район был очищен от власти совдепии войсками генерала Вержбицкого.

Не имея возможности в рамках настоящей книги привести все боевые пути хотя бы наиболее известных полководцев Белой армии в 1918 г., вновь вернемся к боевым действиям 1-го Средне-Сибирского корпуса, который к осени уже оказался на фронте в северном Поволжье, покинув Забайкалье.

В середине октября 1918 г. 1-й Средне-Сибирский корпус генерала Пепеляева закончил очередное переформирование, а вместе с ним и 4-я Сибирская стрелковая дивизия генерала Вержбицкого с приданными ей частями, чаще известная как Западно-Сибирский отряд.

Однако изменение военной ситуации, переформирование и подобные сопутствующие этому события часто происходили в то время от перемены политического фона, то есть от смены, мягко говоря, властей. Все это отразилось и на Сибирской армии генерала Гришина-Алмазова. Пришедшее в сентябре 1918 г. к власти правительство Уфимской дирекции и ликвидация Поволжского фронта и Народной армии как продолжение этих изменений сменило командование Си-

бирской армии, заменив генерала Гришина-Алмазова генералом Ивановым-Риновым, создав одновременно еще некоторые «надстройки» в командной иерархии. Из части Сибирской армии была образована Екатеринбургская группа под командованием чешского генерала Гайды, в которую вошли 1-й Средне-Сибирский корпус генерала Пепеляева с его уже известным составом и 2-я дивизия чешской армии, которой одновременно командовал генерал Гайда. При этом Екатеринбургская группа генерала Гайды была подчинена новому Западному фронту, которым командовал чешский генерал Сыровы, одновременно оставаясь командующим Чехословацким корпусом. Сибирская армия, ранее подчинявшаяся военному министерству Временного Сибирского правительства, которое было заменено правительством Уфимской директории и образованием «единой» Российской армии под командованием «Главковерха» генерала Болдырева, попала теперь под командование последнего. При этом Главковерх генерал Болдырев оставался параллельно с командующими чешских войск генералами Сыровы, Гайдой и Войцеховским, одновременно командующим всеми российскими войсками, входящими в Западный фронт, о чем уже упоминалось. Таким образом, формально командовать войсками, например, 1-го Средне-Сибирского корпуса, могли генералы Гайда, Сыровы и Болдырев, не говоря уже о существовавшем в то время (специально назначенном высшим военным командованием чехословацких войск) «Командующем всеми русскими войсками» при Чехословацком корпусе генерале Шокорове В.Н., бывшем командующем (до генерала Сыровы) Чехословацким корпусом. Естественно, что боевые действия корпуса генерала Пепеляева координировались и командованием Сибирской армии. (Наверное, все сказанное должно служить некоторым предупреждением, что не так просто будет разобраться в такой, мягко говоря, иерархии командования, когда возникнет необходимость написать многотомную подробную и истинную историю Гражданской войны в России.)

Отбросив этот сложный лабиринт в командной иерархии, следует отметить, что командующие и Сибирской армии (генерал Иванов-Ринов) и Екатеринбургской группы (генерал Гайда) начали прилежно выполнять общую согласованную

доктрину генералов Болдырева и Сыровы — ударом на Пермь и Вятку выйти к Котласу на соединение с войсками Северной Армии под командованием английского генерала Айронсайда. Как уже говорилось, в случае успеха генерал Болдырев мог единым фронтом, опережая войска генерала Деникина, «первым» нанести удар на Москву и получить власть «над всей Россией». А чешские войска могли отправиться в Европу не через Владивосток, а через Архангельск.

И действительно, выполняя указанные планы, войска генералов Пепеляева и Вержбицкого приложили все свои способности, умение и волю. Вскоре Красная армия почувствовала квалификацию этих полководцев, когда ее войскам пришлось отступать и оставлять город за городом на северном фланге своего Восточного фронта.

К осени 1918 г. ситуация четко обозначила фронты и участки, на которых дислоцировались армии противоборствующих сторон, а именно: Сибирская армия (район Екатеринбург), Поволжская Народная армия (Поволжье), Оренбургская (район Оренбурга), Уральская (от Сызрани до Каспийского моря). Красная армия располагалась следующим образом: 3-я и 2-я противостояли Сибирской армии, 5-я — Поволжской, 1-я и 4-я — Оренбургской и Уральской армиям. К этому же времени обозначились результаты более жесткого оперативного управления боевыми действиями. Обе стороны уже предпринимали не только оборонительные мероприятия, но и осуществляли спланированные наступления.

После прихода частей Чехословацкого корпуса на помощь сибирской контрреволюции власть последней установилась (к осени 1918) от Тобольска до Усть-Каменогорска (по течению Иртыша) и от Кургана до Барнаула и Бийска (вдоль Сибирской железнодорожной магистрали), охватив и северную часть Семиреченской области.

Вскоре после захвата 2-й дивизией чешской армии совместно с Сибирской армией Екатеринбург (25.07.1918) советские войска, дошедшие до пригородов Екатеринбург, были вновь отброшены к Кунгуру. Захват Казани (07.08.1918) и Архангельска (02.08.1918) с помощью десантировавшихся английских войск Экспедиционного корпуса (генерал Айронсайд) и переход на сторону «Белого дела» начальника

гарнизона Архангельска (бывшего) полковника Потапова являлись той начальной базой, которая позволяла реализовать поставленные задачи Сибирской армии и ее соседям. Однако нерешительные действия английских оккупантов со своей стороны растворили во времени и пространстве идею соединения Северного и Восточного фронтов Белого движения.

Состав Сибирской армии на 01.11.1918:

1-й Средне-Сибирский армейский корпус (генерал Пепеляев А.Н.) и его 1-я (генерал Зиневич Б.М.) и 2-я (полковник Вишневский Е.К.) Сибирские стрелковые дивизии и другие части вне состава этих дивизий;

2-й Степной Сибирский армейский корпус (генерал Матковский А.Ф.) и его 4-я (генерал Вержбицкий Г.А.) и 5-я (генерал Гулидов В.П.) Сибирские стрелковые дивизии и другие части вне состава корпуса;

3-й Уральский армейский корпус (генерал Ханжин М.В.) и его войска 6-й (генерал Нейланд) и 7-й (генерал Голицын В.В.) дивизий горных стрелков, 2-й (генерал Шишкин В.Н.) и 3-й (генерал Ончиков Н.А.) Оренбургских казачьих дивизий, части 2-го и 3-го Оренбургских ВО;

4-й Восточно-Сибирский армейский корпус (генерал Эллерц-Усов А.В.) и его 3-я (генерал Гривин П.П.) и 8-я (генерал Барановский Гривин П.П.) Сибирские стрелковые дивизии, Иркутская конная бригада;

5-й Приамурский армейский корпус (генерал Семенов Г.М.) и его Особый Маньчжурский отряд—дивизия (генерал Семенов Г.М.) и 9-я Читинская стрелковая дивизия.

Всего в Сибирской армии около 36 300 штыков и сабель.

В то же время войска Красной армии достигли больших успехов (например, захватив 10.09.1918 Казань, а 29.09.1918 Симбирск) южнее региона предстоящего наступления Екатеринбургской группы и Сибирской армии. Падение Казани, можно сказать, явилось тогда переломным моментом для советских войск. В конце 1918 г. боевые действия стали носить переменный характер на отдельных участках Восточного фронта. Обе стороны в этот период как имели успехи, так и

терпели поражения, но инициатива перешла к Красной армии.

Однако на северном фланге успех сопутствовал Сибирской армии. Левый (южный) фланг Сибирской армии, поддерживаемый Ижевско-Воткинскими отрядами (после успешного контрреволюционного мятежа 07.08.1918 в Воткинске), способствовал успеху на среднем течении Камы. Так, 31.08.1918 части Сибирской армии захватили Сарапул, отбросив войска 2-й Красной армии на запад. «Ижевско-Воткинский клин» продолжал грозить и Казани, и Перми, врезаясь в стык между 2-й и 3-й Красными армиями. Поэтому советское командование вынуждено было, усилив эти армии, начать 15.10.1918 наступательную операцию (с помощью Волжской флотилии) для ликвидации создавшейся угрозы. Советским войскам удалось выбить белые части из Ижевска (05.11.1918) и Воткинска (13.11.1918) после почти месяца боев за эти города. (Ожесточенность сопротивления иллюстрируют атаки ижевцев и воткинцев, когда они сомкнутыми рядами, без оружия, опустив ремешки фуражек под подбородок, многие с папиросами в зубах, сомкнутыми рядами, без оружия — шли на наступающие цепи и пулеметы советских войск, заставляя последних, бросая оружие и окопы, отступать.)

Но разгром Ижевско-Воткинской группировки был лишь одним из успехов советских войск в этом регионе. Ударом на запад из района Екатеринбурга Средне-Сибирский корпус (генерал-майор Пепеляев) и его 1-я и 2-я (Средне-) Сибирские стрелковые дивизии (Зиневич и Уго-Уговец) совершили, можно сказать, «марш на Пермь». 21.12.1918 был захвачен Кунгур, а 24.12.1918 войска Белой армии вошли в Пермь. Больше того, этим войскам удалось форсировать Каму на правом ее берегу, создав угрозу уже непосредственно Вятке.

В то же время северный фланг наступающих войск под командованием генерала Вержбицкого последовательно гнал большевиков и освобождал города, и в том числе Алапаевск, Нижний Тагил (17.12.1918), Верхотурье, Горнозаводской район и бассейн реки Тавда. Успехи этих группировок генералов Пепеляева и Вержбицкого столь значительны и инте-

ресны для интересующихся военной историей, что заслуживают более тщательного исследования и детального описания. Естественно, что действия других дивизий и частей, участвовавших в освобождении указанных районов и городов также, безусловно, заслуживают весьма больших положительных оценок. В том числе и командиров дивизий корпуса генерала Пепеляева, включая генерала Зиневича и полковника Вишневого, а также и многих других подразделений и частей, участвовавших в боях на северо-западе Екатеринбурга и совершивших «марш на Пермь». Здесь вновь и вновь проявляются известные фамилии полководцев сибирских армий. Если войска 1-го Средне-Степного корпуса генерала Пепеляева рвались в направлении на Пермь, то параллельно им в направлении на Кунгур, в условиях сорокаградусного мороза, снежных заносов и прочих весьма негативных факторов, проявляя героизм, шли в наступление войска 2-го Средне-Степного корпуса генерала Матковского А.Ф. и уже знакомые читателю 3-я Иркутская Сибирская полковника Гривина П.П. и 7-я Уральская генерала Голицына В.В. (из 3-го Уральского стрелкового корпуса генерала Ханжина М.В.) стрелковые дивизии. Именно они обеспечили марш войск генерала Пепеляева, когда атаковали и решительным ударом выбили большевиков из Кунгура. При этом следует заметить, что после успешных боев севернее Екатеринбурга войска генерала Вержбицкого также были переброшены под Кунгур.

Советское командование со своей стороны приняло всевозможные меры по присылке пополнений и усилению 3-й Красной армии, а также соседней 2-й армии. Вскоре красным войскам удалось остановить дальнейшее продвижение Сибирской армии.

Так заканчивался 1918 год на северном фланге войск Белых сибирских армий.

Захват Перми для некоторых чешских военачальников оказался предлогом, чтобы вернуться к плану: сконцентрировать имеющиеся силы и прорываться к Архангельску, через Вятку и Котлас, для эвакуации в Европу.

Усиление отпора и остановка наступления сибирских войск в районе Перми заставили высших офицеров Чехословацкого

корпуса и их начальников в Праге более не поддаваться иллюзорным планам и реально оценивать ситуацию, силы и возможности. Для пресечения далее подобного авантюризма Военный министр Чехословацкой Республики (Штефанек) издал приказ, по которому всем частям Чехословацкого корпуса предписывалось покинуть фронт и передать позиции на линии фронта войскам очередной новой власти в Сибири — адмиралу Колчаку.

После прихода к власти Колчака (18.11.1918) сибирские армии подверглись очередной перегруппировке и переформированию. Это затронуло и Сибирскую армию. Екатеринбургская и Прикамская группы были ликвидированы 24.12.1918, командующий Сибирской армией генерал Иванов-Ринов снят. Началось второе формирование Сибирской армии (смотри «Сибирская армия, второе формирование»).

Содержание

<i>От издателя</i>	5
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ	7
<i>Иван Акулинин</i>	
ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ. 1917–1918 ГОДЫ	113
<i>Авенир Ефимов</i>	
ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ. БОРЬБА С БОЛЬШЕВИКАМИ В 1918 ГОДУ	159
<i>Дмитрий Федичкин</i>	
ИЖЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПЕРИОД С 8 АВГУСТА ПО 20 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА	193
<i>Викторин Молчанов</i>	
БОРЬБА НА ВОСТОКЕ РОССИИ И В СИБИРИ	216
<i>Николай Спакович</i>	
ВОЛЖСКАЯ РЕЧНАЯ ФЛОТИЛИЯ	237
<i>Николай Кадесников</i>	
КРАТКИЙ ОЧЕРК БЕЛОЙ БОРЬБЫ ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ НА СУШЕ, МОРЯХ, ОЗЕРАХ И РЕКАХ РОССИИ В 1917–1922 ГОДАХ	246
<i>Георгий Мейер</i>	
ВОЙНА НА ВОЛГЕ. 1918 ГОД	265
<i>Валерий Клавинг</i>	
БЕЛЫЕ АРМИИ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ	291

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru **http://**www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Крылатское», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

ISBN 5-17-024964-0

Научно-популярное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ Борьба за Поволжье

Ответственный редактор А. Поляхов
Выпускающий редактор С. Абовская
Редактор Б. Лозовский
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: Ю. Хаджи
Технический редактор М. Белякова
Корректоры В. Саранчева, А. Соколова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область, г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Издательство «Тетра Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1 «Б».

Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ БОРЬБА ЗА ПОВОЛЖЬЕ

Борьба за Поволжье в 1918 — 1919 гг. была одним из ключевых моментов Гражданской войны. Именно здесь Белое движение достигло максимальных успехов и было как никогда близко к победе. Но вместе с тем лето и осень 1918 г. стали для него временем упущенных возможностей, а совершенные ошибки во многом предопределили будущее поражение.

В предлагаемый сборник вошли ранее труднодоступные для читателя материалы, отражающие взгляды противоборствующих сторон на события в Поволжье, на Урале и на восстание в Ижевске.

Книга снабжена подробными приложениями и будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.